

The background of the entire page is a landscape photograph. It shows a wide, golden-yellow field, likely a wheat or grain field, under a bright blue sky with scattered white clouds. A dirt road or path curves through the field from the bottom right towards the center. In the distance, there are a few small trees on the horizon.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО В XIX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО
В XIX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ИРИ РАН
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН
по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
СЕКЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
И КРЕСТЬЯНСТВО
В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**МОСКВА
2020**

УДК 947.084 (063)

ББК 63.3 (2) 6

Г72

Рецензенты:

Чернобаев Анатолий Александрович — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Исторический архив»;

Бабашкин Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций РАНХиГС

Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века:

Г72 сборник статей /отв. ред. и сост. В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков. — Москва: Институт российской истории РАН, 2020. — 348 с.

ISBN 978-5-8055-0378-9

В сборник включены тексты докладов и сообщений, представленные на VII Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века», состоявшейся 25 октября 2019 г. в Институте российской истории РАН.

УДК 947.084 (063)

ББК 63.3 (2) 6

ISBN 978-5-8055-0378-9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XX в.²

Статья посвящена анализу актуальных проблем аграрной истории России XX в., их обсуждению российскими и зарубежными исследователями на всероссийских и международных конференциях последних десятилетий, а также реализованных в рамках крупных научных проектов.

Ключевые слова: Аграрная история, актуальные и дискуссионные проблемы, международные и всероссийские конференции, проекты, школы историков-аграрников.

История России XX в. не может быть понята без глубокого и всестороннего изучения аграрно-крестьянского вопроса, или, по крайней мере, проблем, неразрывно связанных с ним, порождённых им, решение которых определило не только развитие аграрной экономики и его социума в рассматриваемый период, но и судьбы всей страны, в том числе ее современный социально-экономический и политический облик. Обращаясь к аграрной истории России XX в., уместно вспомнить высказывание на эту тему выдающегося российского историка-аграрника В. П. Данилова: «Советское общество было создано великой социальной революцией в России начала XX в., в основе своей являющейся крестьянской революцией».

Обращение к аграрной истории России XX в. — это и продолжение многовековой академической традиции «служения историков народу» посредством изучения истории крестьянства и сельского хозяйства России. У её истоков стояли В. О. Ключевский, В. И. Семевский и другие выдающиеся дореволюционные историки. Она была поддержана в ее лучших традициях в трудах их последователей — Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко, А. М. Анфимова, Л. В. Милова, Ю. А. Полякова, В. В. Кабанова, И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого, В. П. Данилова и др. Аграрная история будоражит умы поколений российских исследователей в силу неисчерпаемости аспектов, сюжетов, связанных с жизнью народа, из-за ее кровной связи с живущими во всех уголках страны потомками бывших крестьян, к числу которых принадлежит и автор настоящего доклада.

Только один штрих на тему влияния крестьянского прошлого России на ее современную историю. По нашему глубокому убеждению,

¹ Кондрашин В.В., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, Москва, vikont37@yandex.ru.

² Доклад В.В. Кондрашина на VII Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.», состоявшейся 25 октября 2019 г. в Институте российской истории РАН.

политическую стабильность России в последние десятилетия обеспечили советские люди, вышедшие из деревни, ставшие горожанами в первом поколении, и их дети, не потерявшие связь с землёй. Отсюда всенародное дачное движение в период кульминации экономического кризиса вместо активных политических действий против власти. Да и сейчас среднестатистическая российская семья — это коллектив, где пока живо старшее поколение советских людей, сохраняются коллективистские, патриархальные устои, принципы «общинной коллективной безопасности». В данном контексте изучение аграрной истории — это обращение к глубинным истокам народа, его традициям, менталитету, до сих пор в немалой степени определяющих не только повседневную жизнь современных россиян, но и политический вектор развития российской государственности.

Таким образом, аграрная история России XX в. актуальна с точки зрения понимания сути ее исторического пути, а также важнейших проблем современности. Ее изучение — продолжение классической традиции отечественной историографии.

Проблематика аграрной истории России XX в. очень разнообразна. Но в этом разнообразии можно выделить ключевые аспекты, которые стали основным объектом изучения как российских, так и зарубежных исследователей в последние десятилетия. Они — итог их огромной аналитической работы, в том числе в рамках совместных научных проектов. Кроме того, они — закономерная реакция ученых на запросы времени, то есть их изучение имело и продолжает иметь не только чисто научную направленность, но большое общественное и даже политическое значение.

Кратко перечислим их.

1) Влияние аграрного вопроса и крестьянства на возникновение и результаты революционных потрясений России в первые десятилетия XX в.: большевистской революции 1917 г. и Гражданской войны.

2) История сталинской коллективизации как инструмента форсированной индустриализации СССР в годы первых пятилеток и её результаты (голод 1932–1933 гг. и др.).

3) История колхозно-совхозной системы в годы Великой Отечественной войны.

4) Эволюция аграрной политики в СССР в послесталинский период.

5) Современная аграрная политика в России.

Отдельно следует назвать изучение повседневной жизни советской деревни в рамках локальной истории, устной истории, истории села, семьи и т. д.

Все эти темы активно изучались и изучаются российскими и зарубежными исследователями. Но состояние современной историографии проблемы определяется не традиционным особым вниманием к ней, а

накопленными знаниями о наиболее важных ее аспектах и выше охарактеризованной актуальностью.

И здесь момент истины состоит в том, что в области изучения аграрной истории России XX в. в последние десятилетия, российскими учеными и их зарубежными коллегами достигнуты значительные результаты. Прежде всего, благодаря подвижнической работе коллектива историков и архивистов под руководством профессора Института российской истории РАН В. П. Данилова в рамках международных проектов РАН «Крестьянская революция в России», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», участником которых посчастливилось быть и автору данной статьи, введен в научный оборот огромный массив источников. Они позволили восстановить реальную картину важнейших аспектов истории крестьянства и сельского хозяйства страны в первой половине XX в.

Деятельность коллектива историков и архивистов под руководством В. П. Данилова дала импульс для активизации аграрных исследований в российских регионах, а также ряда крупных международных проектов.

Так, например, в начале 2000-х гг. осуществлен российско-японский проект по изучению истории советского крестьянства силами региональных историков-аграрников России и ученых из японских регионов, организатором которого стал профессор Токийского университета Хироси Окуда. В совместных публикациях участников проекта широко представлена позиция японских ученых по актуальным проблемам аграрной истории России. И это не случайно. В Японии давно сложилась собственная школа историков и экономистов, активно занимающихся историей российского крестьянства. Результаты ее научной деятельности весьма солидны и заслуживают внимания научной общественности прежде всего потому, что они свидетельствуют о важности международного сотрудничества исследователей с точки зрения выявления и уточнения действительно актуальных и недостаточно изученных проблем истории России, в том числе, рассматриваемого ее аспекта.

В частности, инициатор проекта — профессор Хироси Окуда издал фундаментальную монографию о коллективизации в Поволжье, в которой убедительно доказал ее насильственный характер, так же, как и его российские коллеги — специалисты по данной теме. В своих работах он поднял и актуализировал важнейшую проблему — проблему социальной базы сталинизма. По сути дела, он подвел исследователей к ответу на вопрос: «Почему в крестьянской стране победила антикрестьянская политика насильственной коллективизации на основе раскулачивания и организованного голода?». Она победила потому, что, наряду с другими факторами, опиралась в деревне на многочисленную бюрократию,

состоящую, прежде всего, из деревенской молодежи — коммунистов и комсомольцев, отказавшихся от «сохи ради портфеля», порвавших со своим крестьянским прошлым, как говорят историки-аграрники, «раскрестянившихся».

Другой японский исследователь Синъити Кадзикава уделил внимание проблеме «военного коммунизма» и доказал, что эта политика была закономерным явлением, реакцией большевиков на хозяйственную разруху в стране. Также он выдвинул интересный тезис о решающем значении при переходе большевиков к нэпу, прежде всего, критического положения в сельском хозяйстве страны, а не Кронштадтского мятежа и Антоновщины в Тамбовской губернии. В отличие от некоторых российских исследователей, Синъити Кадзикава не идеализировал и «ленинский НЭП», который якобы коренным образом улучшил положение крестьян. Изученные им факты показали обратное. Тем самым японский исследователь актуализировал дискуссию об аграрной политике Советской власти в годы Гражданской войны.

Участник проекта профессор Такэо Судзуки сосредоточил свое внимание на исследовании такой важнейшей проблемы, как модернизация России. Он пришел к аргументированному заключению, что все проекты модернизации страны наталкивались на прочность общинных порядков, преодоление которых оказалось не простым делом и в ходе Петровских реформ и в последующий период. В конечном итоге, самодержавной российской власти так и не удалось сломить крестьянскую общину. Учитывая уже сложившуюся в российской историографии традицию особого внимания к судьбам крестьянской общины, идеи профессора Такэо Судзуки актуальны, как и сама указанная тема.

Преподаватель Токийского университета Наоко Хироока обратилась к недостаточно изученной российскими исследователями проблеме сельского здравоохранения в дореволюционной и нэповской России. Эта тема и в настоящее время нуждается в дальнейшем изучении.

Свидетельством важности международного сотрудничества специалистов, являются публикации профессора Чой Джаедонга, в которых рассматривались не получившие должного внимания в российской историографии аспекты Столыпинской аграрной реформы (крестьянское завещание и наследование), а также деятельности земств (противопожарные мероприятия в сельской России в начале XX в.).

В данном контексте тема Столыпинской аграрной реформы сохраняет свою актуальность. В частности, по мнению Т.М. Китаниной, перспективным направлением является изучение альтернативного пути этой реформе, который вырисовывался в дальнейшем развитии и упрочении в российской деревне кооперации во всех ее формах и при всемерной поддержке государства.

То же самое можно сказать и об актуальности изучения истории деятельности земств в период модернизации российской деревни в начале XX в. Земская статистика и участие земств в повседневной жизни крестьян дореволюционной России, по-прежнему важные темы для российских исследователей.

Оригинальной темой в рамках указанного проекта занимался профессор Дзендзи Асаока. Он изучал крестьянскую печать в нэповской деревне и на достоверных источниках показал эволюцию крестьянской прессы от действительно отражавшей реальную жизнь села в 1920-е гг. — до пропагандистской в период коллективизации. Бюрократизация селькоровского движения, падение тиражей крестьянских изданий — все это подтверждало факт «размычки советской власти с крестьянством в целом». Подобный вывод, еще одна важная деталь, подтверждающая насильственный характер сталинской коллективизации и свидетельствующая о наличии множества еще не изученных сторон этого эпохального события в аграрной истории России XX в.

В ряду не получивших должного внимания российских исследователей тем — исследование профессора Нориаки Мацуи о колхозных уставах 1956 г., как об одном из знаковых элементов перемен в жизни советской послевоенной деревни. То же самое можно сказать и о работах профессора Юки Такэда, посвященным изучению материального положения сельского населения России в 1990-е гг.

Актуальные проблемы аграрной истории России XX века изучались и в рамках других международных проектов. Например, по инициативе профессора Мельбурнского университета Стивена Уиткрофта, был осуществлен проект «Мировой голод XX века», в котором участвовал и автор данной статьи. Целью проекта был анализ региональных особенностей продовольственных кризисов в различных странах мира в XX в., в том числе, трёх советских голодов (1921–22, 1932–33, 1946–47 гг.). В результате, в настоящее время стала очевидна актуальность изучения аграрных и продовольственных кризисов в России в XX в. в международном контексте и в исторической ретроспективе.

В данном направлении автором статьи были организованы российско-украинские проекты «Крестьянское повстанческое движение в России и Украине в годы гражданской войны: общее и особенное», «Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР» и др., выполненные силами исследователей из российских и украинских региональных и центральных научных центров. В них акцентировалось внимание на национально-региональных особенностях крестьянского движения в России и на Украине в годы Гражданской войны и во время голода 1932–1933 г. в УССР и РСФСР.

Уже приведенные примеры дают основания заключить, что изучение аграрной истории России XX в. в рамках международных проектов и обмена опытом между специалистами по конкретным ее аспектам — важное условие достижения прогресса в этом направлении, актуализации тематики, определения новых тем, источников, методики их изучения и т.д.

В связи с этим, в настоящее время назрела потребность в издании обобщающих трудов на указанные темы, где в центре внимания будут именно региональные и национальные особенности крестьянского движения России в период Гражданской войны и голода 1932–1933 гг. в СССР.

На пути к достижению данной цели, уже сделаны первые и важные шаги. Например, больших успехов достигли российские исследователи в изучении региональных особенностей участия крестьянства в Великой российской революции 1917 г. и в Гражданской войне. При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), изданы несколько коллективных монографий и сборников документов на указанную тему. На значительном архивном материале, впервые введённом в научный оборот, в них охарактеризованы основные этапы крестьянского повстанчества в Гражданской войне, его идеология, взаимодействие с белым движением и антибольшевистскими партиями, доказан его самостоятельный характер, опровергнут устоявшийся в историографии миф об эсерах и анархистах как руководителях крестьянских восстаний против политики большевиков. Основываясь на изученных источниках, сделан вывод, что победа большевиков над белыми режимами, стала возможной в результате кратковременной поддержки крестьянством Советской власти в кульминационные периоды вооружённой борьбы Красной и Белых армий.

Региональные и национальные особенности голода 1932–1933 гг. в СССР, нашли отражения в изданиях международного проекта Федерального архивного агентства России «Голод в СССР. 1929–1934 гг.». Документы и материалы четырех книг проекта свидетельствуют, что наступление голода в СССР в начале 1930-х гг. было обусловлено комплексом причин объективного и субъективного характера, главными из которых была аграрная политика сталинского руководства, связанная с задачами форсированной индустриализации страны. На наш взгляд, они убедительно опровергают теорию «геноцида голодомором» украинского народа и доказывают, что голод 1932–1933 гг. был общей трагедией народов СССР. Об этом же говорится в многочисленных публикациях на данную тему автора настоящего доклада. Материалы четырех книг проекта активно использовались органами государственной власти России для защиты её интересов в международных организациях по вопросу о так называемом «геноциде голодомором 1932–1933 гг.» Украины.

Заметным явлением в научной жизни и в плане изучения аграрной истории России XX в., стала серия международных и всероссийских научно-практических конференций на тему «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.», организованных на базе Коломенского государственного социально-гуманитарного университета, благодаря подвижнической деятельности А.И. Шевелькова. На состоявшихся в г. Коломне Московской области и в Институте российской истории РАН конференциях, известными российскими учеными-аграрниками и их зарубежными коллегами были затронуты наиболее важные проблемы истории крестьянства и аграрной политики российского (советского) государства в указанный период.

В связи с 75-летием Великой Победы заслуживает внимания тема особенностей функционирования механизма управления колхозно-совхозного строя в годы Великой Отечественной войны, особенно на региональном уровне, учитывая огромные размеры страны и специфику их исторического развития. В этом плане одной из попыток движения в указанном направлении является поддержанный РФФИ проект (№ 10-09-00300), посвященной особенностям функционирования колхозной экономики в военный период в Алтайском крае Сибири. Работа над ним предполагает изучение документов не только местных, но и центральных архивов, что позволит лучше понять специфику региона в плане снабжения армии и городов продовольствием и сырьем, а также увидеть сильные и слабые стороны сталинской административно-командной системы управления экономикой страны на региональном уровне, обеспечившей СССР победу в Великой Отечественной войне. В настоящее время следует активизировать исследования истории сельского хозяйства СССР и советской деревни в военное лихолетье.

Публикация источников по аграрной истории России XX в. — это важнейшее направление в современной российской историографии. Об этом свидетельствует тот факт, что в настоящее время введены и вводятся в широкий научный оборот ранее не доступные исследователям документы Архива Президента РФ и Центрального архива ФСБ России сталинского периода. На наш взгляд, эта практика должна быть продолжена, особенно при изучении послевоенной истории советской деревни и сельского хозяйства СССР.

Анализ современных публикаций российских исследователей, на наш взгляд, позволяет утверждать о доминирующем тренде в современной российской историографии на изучение региональных особенностей аграрной истории страны. В этом — своеобразие современной историографической ситуации в России. И это вполне закономерно. После ликвидации аграрного сектора в Институте российской истории РАН и

ухода из жизни выдающихся историков-аграрников «советской школы» Л.В. Милова, И.Д. Ковальченко, А.М. Анфимова, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина и других, основные и наиболее квалифицированные специалисты данной проблематики оказались сосредоточены в научных и образовательных учреждениях российских регионов.

В настоящее время сложились региональные школы историков-аграрников в Новосибирске, Екатеринбурге, Вологде, Тамбове, Самаре, Пензе, Саранске и в других городах. На их создание и деятельность несомненное влияние оказали В.П. Данилов и историки-аграрники его поколения, работавшие в академических институтах. Автор данного доклада также является учеником В.П. Данилова.

Среди региональных центров изучения аграрной истории России XX в. безусловным лидером является аграрный сектор Института истории СО РАН в Новосибирске (руководитель В.А. Ильиных). Его сотрудники под руководством заведующего сектором В.А. Ильиных, подготовили ряд серьезных исследований, в которых показана аграрная история Западной Сибири на протяжении всего XX в.

Другим ведущим центром аграрных исследований, является сектор экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, руководителем которого является Г.Е. Корнилов. Он и его коллеги по сектору и Институту, в центр своих исследований поставили проблемы продовольственной безопасности России и демографических процессов в российской деревне. На данный момент опубликованы труды, позволяющие увидеть решение продовольственной проблемы в России в XX в. в контексте аграрного развития уральского региона, а также влияние на демографию села процессов индустриализации и урбанизации.

Г.Е. Корнилов организовал в Оренбурге серию крупных всероссийских и международных конференций, посвященных различным аспектам вышеназванных проблем. Кроме того, он выступил одним из наиболее активных сторонников теоретического осмысления аграрной истории России XX в. в целом и в рамках концепции модернизации.

В этом же русле работают историки-аграрники Вологды — еще одного авторитетного центра аграрной истории России. Его ведущие ученые М.А. Безнин и Т.М. Димони, выдвинули концепцию капитализации советской деревни в 1930–1980-е гг., как основы будущей трансформации советской аграрной экономики в рыночную.

Вопросы теории и методологии изучения актуальных проблем аграрной истории России XX в. и новейшего времени, находятся в центре внимания сотрудников Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Они рассматриваются в рамках крестьяноведения как

самостоятельной дисциплины гуманитарных наук. Центр продолжает начатую В. П. Даниловым и Т. Шаниным традицию теоретического осмысления наиболее актуальных и дискуссионных проблем аграрной истории России и зарубежных стран, в том числе, относящихся к XX в. и современности.

Это направление поддерживается российскими исследователями и в рамках научных семинаров П.П. Марченя и С.Ю. Разина, на которых обсуждаются судьбоносные для российского крестьянства периоды истории XX в.: Первая мировая война, революция, коллективизация и т.д.

На наш взгляд, теоретическое осмысление наиболее важных проблем аграрной истории России XX в. в сравнении с аграрной историей зарубежных стран — одно из перспективных направлений для современных историков-аграрников России.

Наряду с ним, еще одним таким направлением является изучение социальных, социокультурных, гендерных проблем российского крестьянства в XX в., в том числе, крестьянского менталитета и крестьянской повседневности. В этом же ряду локальная, устная история, история селений. На наш взгляд, несомненным толчком в развитии данных исследований стала международная конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)», прошедшая в Москве по инициативе Отделения истории РАН в июне 1994 г.

В настоящее время опубликовано ряд интересных работ о крестьянской повседневности, сельской семье, взаимоотношениях женщин и мужчин в русской деревне, крестьянских промыслах, истории селений, крестьянской памяти о сталинской эпохе и т.д.

Анализ опубликованной литературы по аграрной истории России XX в., на наш взгляд, дает основание заключить, что хронологически и тематически в наибольшей степени исследователями изучена первая половина века. Вторая же половина XX столетия нуждается в особом внимании. Необходим глубокий и всесторонний анализ многочисленных важнейших аспектов эволюции аграрного строя России в послевоенный период, в годы «горбачевских реформ» и в период новой постсоветской России, основанный на привлечении новых и достоверных источников.

Особенно он актуален в регионально-национальном разрезе, учитывая федеративный характер Российского государства, сложность его современных проблем, в том числе имеющих в аграрной экономике и в сельской местности страны. Уже опубликован ряд серьезных, на наш взгляд, работ, характеризующих региональные особенности послевоенного развития советской деревни и сельского хозяйства страны. Данное направление, безусловно, одно из приоритетных для современных российских исследователей.

Исходя из накопленных знаний по аграрной истории XX в. российскими исследователями, в настоящее время есть все основания для создания обобщающих трудов по истории крестьянской революции в России и сталинской коллективизации с акцентом на их регионально-национальные особенности.

Также необходим обобщающий труд по российской аграрной историографии XX в., учитывая огромный опыт, накопленный поколениями российских историков-аграрников в изучении рассматриваемого периода. Определенные шаги в этом направлении уже делаются.

Как мы уже отметили, учитывая особую актуальность военной проблематики, необходимо активизировать изучение истории сельского хозяйства страны в годы Великой Отечественной войны, а также в другие периоды военных испытаний страны, особенно на региональном уровне.

Актуальным является и усиление междисциплинарных подходов в изучении различных аспектов аграрной истории России XX в. и новейшего времени. Например, при анализе и описании экономических и демографических процессов в российской деревне и сельской экономике в целом, различных альтернативных проектов реформирования села, целесообразно применение математических и компьютерных технологий. Возможно и взаимодействие историков-аграрников с этнографами, культурологами и филологами при изучении социокультурных и демографических аспектов истории крестьянства и сельского хозяйства России.

Необходимо сохранить и всячески развивать научные контакты между российскими и зарубежными исследователями в области изучения различных проблем аграрной истории России XX в., в том числе в историко-сравнительном контексте, особенно, если речь идет о бывших странах «социалистической системы», бывших республиках СССР и т.д.

ЗЕМЛЯ — ФУНДАМЕНТ ДЕРЖАВЫ РОССИЙСКОЙ²

В статье рассматриваются проблемы и последствия аграрной реформы 1990-х гг. Как экономические, так и социальные. Подробно анализируется отношение к земле, реформе не только известных русских экономистов-аграрников, политиков и реформаторов, но и классиков русской литературы, показан опыт других стран при проведении радикальных земельных преобразований. Делается одно из важных заключений – земельную реформу нельзя сводить только к смене форм собственности, к перераспределению земли, насильственному насаждению частной земельной собственности.

Ключевые слова: земля, земельная реформа, собственность на землю, землепользование, аренда.

Аграрный вопрос — это, по существу, вопрос о направлении развития аграрных отношений. Он в равной степени относится как к экономической теории, так и к экономической политике. Аграрные экономические отношения отличаются большим консерватизмом, нежелательностью быстрой смены одних форм собственности и хозяйствования другими.

П. Столыпин писал, что аграрные реформы представляют длительную черновую работу, но без нее невозможно создание истинно свободной России. Путь этот скромн, но хорош тем, что ведет не к «великим потрясениям», а к «великой России». История подтверждает справедливость этого правила: скоропалительные реформы добра ни сельскому хозяйству, ни стране не приносят. Торопливость и насилие при кооперировании крестьян, соревнование за быстрое завершение коллективизации, привели к значительному спаду сельскохозяйственного производства.

За 1928–1934 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось в 2 раза, в том числе коров — на 75%, свиней — в 2,5 раза, овец — в 3,2 раза и т.д. Резко уменьшилось производство сельскохозяйственной продукции, особенно животноводческой. Однако горький опыт быстрой смены аграрных отношений, не научил власть имущих. В 1990-е гг. руководство России с еще большей настойчивостью, чем в 1930-е гг., разрушало колхозы и совхозы, создавало фермерские хозяйства. К 1993 г. в стране было организовано около 180 тыс. таких хозяйств. Быстрый рост фермерских хозяйств «пьянил» его сторонников, они теряли чувство меры

¹ Владимир Васильевич Милосердов, доктор экономических наук, академик РАН, Россия, Москва, tilokv@mail.ru.

² Вестник РАСХН 1993, № 5.

и способность трезво оценивать реальность. Появились авантюристические идеи: с помощью новых сотен тысяч фермеров решить продовольственную проблему в России. Главный недостаток либеральных демократов — слепое следование теории и пренебрежение ко всему, что в их теорию не укладывается.

Ф. Достоевский писал: «И вот с тех пор русская личная поземельная собственность в полнейшем хаосе, продается и покупается, меняет своих владельцев полностью, меняет даже вид свой, обессиливается. Из кого составит окончательное обновленное русское земледельческое сословие, в какую форму преобразуется оно в конце концов — все это трудно предсказать, а между тем, если хотите, в этом главнейший вопрос русской будущности. Это уж какой-то закон природы, не только в России, но и во всем свете: кто в стране владеет землей, те и хозяева той страны, во всех отношениях», «...если в стране владение землей серьезное, то и все в этой стране будет серьезно, во всех то есть отношениях, и в самом общем и в частности... всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение. То же самое можно сказать и о характере землевладения: будь характер аристократический, будь демократический, но каков характер землевладения, таков и весь характер нации»³. Разрушительность аграрных преобразований так же очевидна, как и в период сплошной коллективизации. Причина аграрного кризиса — неумение эффективно организовать реформаторскую деятельность, неуважение различных точек зрения. А. Чаянов писал, что нет единой земельной программы с одной «самой правильной» формой собственности и организацией обработки земли, что наибольший хозяйственный эффект на селе достигается через социально-экономическое разнообразие. Он призывал к терпению и уважению различных аграрных начинаний по отношению друг к другу. Земельный вопрос, благодаря социальной остроте, может на долгое время вытеснить из общественного сознания все остальные вопросы, связанные с приложением труда к земле.

В начале XXI в. в России насчитывалось 12 млн собственников — бывших работников колхозов и совхозов (включая пенсионеров и работников социальной сферы). Гражданам России было выделено 10,2 млн га земли для индивидуального жилищного и дачного строительства, садоводства, огородничества, ведения личного подсобного хозяйства. Земельные участки получили 19,7 млн семей, из них более 16 млн — горожане. В 1990-е гг. на селе функционировало около 180 тыс. крестьянских хозяйств, 2,3 тыс. малых сельскохозяйственных кооперативов и 18,9 тыс. животноводческих комплексов. Им было передано 10,9 млн га земли.

³ Ф. Достоевский. — Т. 12. — Изд. б. — С. Петербург. — С. 158.

На 1 декабря 1992 г. 11184 хозяйства были преобразованы в 800 ассоциаций крестьянских (фермерских) хозяйств, 3,8 тыс. акционерных обществ, 1,1 тыс. сельхозкооперативов, 6,3 тыс. других форм. Земельный передел — лишь первый шаг на пути длительных аграрных преобразований. Аграрный вопрос шире и включает в себя формы землевладения, куплю-продажу земли, ее аренду, государственное регулирование земельных отношений, кооперацию, управление земельной реформой и т.д.

За несколько лет в России произошли значительные структурные изменения в формах земельной собственности, землевладения и землепользования. В собственность сельских товаропроизводителей передано бесплатно около 200 млн га угодий. Миллионы граждан получили земельные участки под сады, огороды, жилищное строительство. Возросла самостоятельность товаропроизводителей. Но эти скромные результаты казались нашим реформаторам чем-то недостижимым по смелости и широте размаха. Оно и понятно: «Чем ночь темней, тем звезды ярче». Поскольку объективный анализ результатов реформы отсутствовал, реформой завладел политический идеализм, который мешает установлению правильного взгляда на это событие. А положение в сельском хозяйстве, действительно стало катастрофическим. Причем, самые острые, самые трудные и противоречивые проблемы сфокусированы на земельной политике, в первую очередь, собственности на землю.

С ростом числа собственников (их сегодня более 40 млн), увеличилось количество участников земельных отношений. Расширились правовые действия, совершаемые в отношении земельных участков. Появилась настоятельная необходимость решения таких вопросов, как формы собственности и хозяйствования, рынок земли, цены на землю, аренда земли, платы за землю, залог земли, налог на землю. Возникли новые проблемы в системе управления земельными ресурсами: разграничение федеральной и муниципальной собственности, аккумулярование средств, поступающих от продажи земли и ее аренды по субъектам Федерации, охрана земель, восстановление их плодородия и рациональное использование. В результате существенно возросло значение земельных отношений, законодательной и нормативной базы, правового экономического и организационного механизма их регулирования, научного обеспечения.

Центральный вопрос земельной политики — вопрос о правах собственности на землю. Земельная собственность — это монополия отдельных лиц в распоряжении своими земельными участками как исключительными сферами их личной жизни. Эта проблема была и остается основным фактором политического и социально-экономического развития. Причина тому — чрезвычайная ее актуальность. Не одно столетие она волнует умы россиян. В дискуссию вовлекались представители разных слоев

общества: Чернышевский и Вернадский, Герцен и Энгельгардт, Толстой и Столыпин, Плеханов и многие другие. Противоборство по поводу земельных отношений не получило характера упорядоченности, взаимного согласия. И сегодня спор продолжает носить скорее политический, чем социально-экономический характер, ибо стороны зачастую исходят не из того, чтобы обеспечить рациональное использование земли, повышение эффективности производства, а из того, до какой степени следует доводить право на собственность.

Сторонники общинной формы владения землей утверждали, что на ней покоится быт народный, что русская община не договорная, а бытовая, не контракт, не сделка, а проявление народной мысли, народного духа. Вот некоторые мысли Энгельгардта, высказанные им в «Письмах из деревни»: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует хотя какой-нибудь союз семейный, пока земля не разделена и работа производится сообща», «...артель — не кабинетная выдумка, а творение народное. Народ путем длительного отбора создал эффективную форму соединения личных способностей и общего дела». «Разделение земель на небольшие участки для частного пользования, размещение на этих участках отдельных землевладельцев, живущих своими домками и обрабатывающих, каждый отдельно свой участок, — есть бессмыслица в хозяйственном отношении... Хозяйство может истинно прогрессировать только тогда, когда земля находится в общем пользовании и обрабатывается сообща». «Я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее»⁴. Противники общины говорили, что она — устройство правительственное, что общинная земельная собственность или общинное землепользование — только остатки кочевого состояния племен, когда нет побуждений для личной заинтересованности. Вернадский верил в творческую силу личной самостоятельности и видел в общине величайшую помеху для ее проявления. Он писал, что только то владение дает полезное направление труда, где человек пользуется оным отдельно и работает на себя, общинное же владение порождает тунеядцев и мироедов. «Наши и заграничные экономисты устаревшей школы, — писал Н. Чернышевский, — выдумали вывести следующее заключение: «Частная поземельная собственность есть позднейшая форма, вытеснившая собой общественное владение, оказавшееся несостоятельным перед нею при историческом развитии общественных отношений; и так мы, подобно другим народам, должны покинуть его,

⁴ А.Н. Энгельгардт, «Письма из деревни». – М.: Мысль, 1987. – С. 354, 309, 381.

если хотим идти вперед по пути развития». Это умозаключение служит одним из самых коренных и общих оснований при опровержении общинного владения. Едва ли найдется хотя один противник общинного владения, который не повторял бы вместе со всеми другими: «Общинное владение есть первобытная форма поземельных отношений, а частная поземельная собственность — вторичная форма: как же можно не предпочитать высшую форму низшей». Нам тут странно только одно: из противников общинного владения многие принадлежат к последователям новой немецкой философии; одни хвалятся тем, что они шелленгисты, другие твердо держатся гегелевской школы. Мы не можем не признать, что обе эти системы оказали большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития. Основной результат этих открытий выражается следующей аксиомой. «По форме, высшая степень развития сходна с началом, от которого оно отправляется». Это мы видим во всех сферах жизни... «Неужели в самом деле правдоподобно, чтобы один только факт поземельных отношений был противоречием общему закону, которому подчинено развитие всего материального и нравственного мира? Само собой разумеется, что при сходстве формы содержание в конце безмерно богаче и выше, нежели в начале»⁵.

Что можно сказать сегодня, спустя полтора столетия после высказывания классика? Да, частная собственность на землю в большинстве стран мира сохраняется. Но в полном смысле слова она была присуща лишь феодализму и начальной стадии капитализма, когда землевладельцы были наделены полнотой прав всех трех функций собственности — владения, пользования, распоряжения. Сегодня земельные отношения на Западе жестко регулируются. Во многих странах права собственника на землю ограничиваются обязательствами использования собственности в общественных интересах. Такие обязательства проявляются в совокупности правовых норм, регулирующих сделки, связанные с земельными участками, порядок их заселения, требования и запреты в области агротехники, меры по содержанию и уходу за земельными участками. Аграрное право ФРГ, например, не позволяет дробить крестьянские хозяйства и земельные участки при наследовании и других сменах владельца. Пресекается использование сельхозугодий не по назначению или их непродуктивное использование. Осуществляется государственный контроль за сделками, связанными с отчуждением, куплей и продажей земельных участков. Преимущественное право покупки предоставлено тем, кто живет и работает на земле. Такое право ставит заслон так называемому нездоровому перераспределению земли, т.е. продаже ее лицам, не занимающимся фермерским трудом. Законом ФРГ четко разграничиваются

⁵ Н.Г. Чернышевский. – Петербург, 1918. Т. 4. – С. 313.

понятие «землевладение» и «собственность на землю». Под владением понимается «практическая власть» лица над земельным участком. Различают «непосредственных» или «фактических» владельцев земли, т.е. арендаторов, залогодержателей и «косвенных», т.е. арендодателей. Собственник земли может сам осуществлять фактическое владение, и в этом случае он определяется как «владелец на правах собственника», в отличие от «фактического владельца» чужого имущества. Согласно ст. 540 Гражданского кодекса Франции права арендатора в сфере земельных отношений так широки, а права собственника так ограничены, что от абсолютного права ничего не остается.

К сожалению, модель российской земельной реформы в вопросах собственности ориентируется на устаревшие конструкции. Создается впечатление, что наши либералы изучали рыночные отношения по литературе начала прошлого века. Но от того рынка на Западе уже ничего не осталось. Он коренным образом изменится. В зарубежном законодательстве произошел пересмотр концепции земельного собственника. Пределы его юридической власти резко сократились. Земельные отношения все теснее связываются с задачей служения общественным интересам. Абсолютным остается право собственности на продукты труда, но ни одна западная рыночная экономика не признает сегодня такого же права в отношении земли.

В начале 1990-х жаркие дискуссии о формах собственности вспыхнули с новой силой. Одни утверждали, что идея артельного интереса, коллективной ответственности противоречит свободе и правам личности, ибо демократично, мол, только то, что зиждется на частной собственности. Другие высказывали мысль, что право на землю может приобретаться не через акт купли-продажи как формы отчуждения земельной собственности, а в форме получения права на землю как на объект хозяйствования (аренда). Причем, такой акцент не исключает возможности земельного рынка, но не собственности, а хозяйствования. Либеральные демократы доказывали необходимость перехода к частной собственности на землю эффективностью фермерского хозяйствования на Западе по сравнению с нашими колхозами и совхозами. Мы не будем уподобляться таким ученым и доказывать нынешний развал российского сельского хозяйства переходом на частную форму собственности на землю, а согласимся с Н. Чернышевским, который писал: «Каково бы ни было полезное или вредное влияние известной системы землевладения на успехи сельского хозяйства, все-таки это влияние совершенно ничтожно по сравнению с неизменным существом тех условий нашей общественной жизни, в которых нашли мы истинные причины жалкого положения нашего земледелия. В расчет не принимается целый ряд моментов: отсутствие высокооргани-

зованной системы производственного обслуживания, ориентированной на потребности сельских товаропроизводителей, возможность приобрести любое необходимое для производства и нужного качества имущество и ресурсы, минимальный уровень потерь продукции при ее хранении и переработке и, конечно же, огромная государственная поддержка.

Российские реформаторы неукоснительно следовали западным сценариям и совершенно пренебрегали опытом Китая, который для нас имеет куда большее значение. Особенностью китайской реформы является то, что она не предусматривает изменений общественной системы, а направлена на ее совершенствование путем устранения недостатков, негативных явлений. Главная цель реформы — способствовать экономическому развитию страны, в первую очередь сельского хозяйства, повышать жизненный уровень трудящихся, раскрепощать их творческий потенциал.

В Китае понятие «собственность земли» отделено от понятия «землепользование». Там продается право пользования землей, то есть аренда. Через возмездную аренду земля включена в рыночный механизм. Платное землепользование на основе аренды обеспечивает полную свободу и самостоятельность хозяйствования на земле. Соединяя в арендаторе функции владельца и собственника результатов производства, аренда выступает тонким инструментом преобразования отношений присвоения. Не взрывая глубинных основ экономического строя, аренда по мере развития реформы гибко меняет соотношение функций арендатора как владельца и собственника. Благодаря аренде осуществляется эволюционное преобразование экономических отношений. Аренда формирует самостоятельных хозяев — партнеров по рынку и создает конкуренцию, условия экономического равенства для многообразных форм хозяйствования, активизирует предпринимательскую деятельность. Надо быть реалистами. За счет смены формы собственности и хозяйствования, невозможно стабилизировать производство и повысить эффективность аграрной сферы экономики. Та или иная система землевладения и землепользования не может сама по себе определить весь хозяйственный облик страны. Ее влияние на успехи сельского хозяйства ничтожно по сравнению с влиянием множества условий нашей общественной жизни. Ход экономического развития — очень сложный процесс, находящийся в зависимости от комплекса факторов. Поэтому проводимая сегодня земельная политика должна быть направлена на формирование комплекса факторов, обеспечивающих реет производства и повышение его эффективности. Н. Кондратьев писал, что вся земля государственная, частновладельческая и прочая должна быть признана общенародным достоянием и должна поступать в трудовое пользование народа, что собственность на землю

должна быть уничтожена... для трудового народа сохранение собственности на землю означает новое ярмо новых помещиков.

В мировой практике земельные участки как объект хозяйствования сегодня привлекают крестьян больше, чем как объект собственности. Принцип ограничения государством прав частного собственника земли в пользу общества, арендатора, любого того, кто ее обрабатывает, разумен и снимает социальное напряжение в обществе. Не взрывая глубинных основ экономического строя, аренда постепенно формирует искомого «хозяина», т.е. эффективно хозяйствующего субъекта и собственника созданного продукта. Подтверждением этого служит высокая доля именно арендованной земли. Например, в США она занимает около 50%, в старых землях ФРГ — 48%, в новых — 80%. В последнее время земельные отношения на Западе все больше ориентируются на стимулирование и поддержку арендаторов. Им предоставляется ряд явных преимуществ как хозяйствующим субъектам перед собственниками земли, увеличивается срок аренды, что позволяет возместить произведенные в землю затраты. Полученные в собственность или аренду земли одинаково оговариваются целым рядом условий. В ФРГ, например, для приобретения и продажи сельскохозяйственных угодий требуется разрешение уполномоченных законодательных органов. А сам факт купли-продажи рассматривается как «нездоровое перераспределение земли». Во многих странах законы предусматривают использование сельскохозяйственных земель строго по целевому назначению, наличие у претендента на аренду хорошего здоровья, необходимой квалификации, работоспособного возраста, капитала для ведения хозяйства. Оговариваются природоохранные условия.

В Китае понимают, что аграрные и земельные отношения отличаются большим консерватизмом. Поэтому скоропалительные преобразования этих отношений, замена форм собственности и хозяйствования, изменение мировоззрения на вопросы землепользования могут привести к негативным последствиям, кризисам в аграрной сфере экономики. От начала экспериментальной проверки тех или иных элементов реформы на местах до принятия указов, законодательных актов по ним проходит достаточно большой срок — от 4 до 7 лет. Земельные участки в Китае предоставляются в аренду на конкурсной основе. Средства, получаемые от крестьян за возмездную аренду, поступают для социального обустройства проживающих в деревне, а также для содержания аппарата управления по земельным ресурсам. В Австралии земельная аренда предоставляется только фермерам. В отношении сделок с куплей земли требования еще жестче. Западные государства, не отменяя частную собственность на землю, берут на себя все больше контрольных функций за ее использованием и распоряжением, постоянно разрабатывают разного рода про-

граммы, оказывают финансовую, организационную и политическую поддержку своим крестьянам. К сожалению, наши реформаторы в вопросе о правах собственности на землю занимают позицию, противоречащую интересам крестьян. Возникает вопрос: для кого осуществляются такие реформы? Непостоянство в подходах к решению этого архиважного вопроса усугубляет и без того тяжелое положение в аграрном секторе экономики. Так, Ельцин после избрания его президентом России сказал, что «мать не продают», выразив тем самым первозданный инстинкт, близкий сердцам русских крестьян. Однако спустя некоторое время под влиянием новых обстоятельств, переключился на концепцию «приватизации земли». В условиях, когда страна находится на перепутье, а, следовательно, в брожении, нельзя допускать таких шахаханий, принимать скоропалительные решения по центральному вопросу земельной политики. Сегодня каждый законопроект, каждая отдельная его черта, каждая особенность, может чувствительно отозваться на характере будущего законодательства, на благе России.

Можно смело сказать, что от решения вопроса о земле зависит судьба нации. У России появился исторический шанс. Либо она повторит прошлые ошибки (и не только собственные), либо выберет такую модель, с помощью которой двинется по пути прогресса. Результат зависит от того, как она сумеет решить сегодняшние проблемы. Земля — ресурс особого рода. Контроль над ней является важнейшим шагом к власти. Именно в земельной политике Россия может выбрать свой путь, который сыграет прогрессивную роль в развитии общества. Главное здесь — собственность на землю, формирование структуры налогообложения, управление землей. Для этого необходимо, чтобы проводимая земельная политика была подчинена решению задачи не столько смены форм земельной собственности, сколько формированию комплекса факторов, обеспечивающих рост сельскохозяйственного производства и повышению его эффективности.

И еще один важный вопрос — как совместить возможно мирное сосуществование обоих способов владения, как при наличии частной собственности обеспечить эффективное общественное производство. Переход к смешанной экономике, к новым формам собственности — лишь одно из условий, причем не всюду и не всегда обязательное. Поэтому правильнее говорить о формировании «хозяев» земли. Понимая их как эффективно действующих субъектов, но не как субъектов института частной собственности. С тем, что земля должна иметь хозяина, согласны все: и те, кто голосует, а частное землевладение, и те, кто против него. Мнения расходятся лишь в отношении способа и путей формирования таких «хозяев», т.е. эффективно хозяйствующих субъектов аграрного

рынка. Логику тех, кто, защищая частную собственность на землю, опирается на успехи фермерской аграрной экономики США и Западной Европы, можно оценить высказыванием Г.В. Плеханова, который предостерегал от алогизмов, ибо если люди разворачивают зонтики, когда идет дождь, то из этого еще не следует, что дождь может быть вызван разворачиванием зонтиков. И если фермерские хозяйства Запада в целом работали эффективнее колхозов и совхозов, то это отнюдь не значит, что этот успех был вызван частной формой собственности.

Этот вывод подтверждается и тем, что буйная деколлективизация после распада СЭВ в ряде восточноевропейских стран, сменилась более осторожным подходом к трансформации форм земельной собственности. Даже в бывшей ГДР, где частные хозяйства получают солидную государственную поддержку, их земли занимают только 15%, а в производстве продукции ведущее место по-прежнему принадлежит коллективным формам хозяйствования, которые основываются на новых коллективных отношениях. В отличие от России, целью аграрной политики правительства ФРГ в пяти восточных землях являлась не зашоренность частнособственнической идеологией, а «формирование высокопроизводительного сельскохозяйственного производства, характеризующегося разносторонней структурой и соответствующего требованиям охраны окружающей среды, конкурентоспособного на западноевропейском рынке».

При этом учитывались исторические реалии и волеизъявление крестьян новых федеральных земель. Утверждение, что частная земельная собственность — единственное исходное условие аграрного прогресса, оказывается ложным.

Прав А.Я. Чаянов, который писал, что нет единой земельной программы с одной самой правильной формой собственности и организацией обработки земли. Наибольший хозяйственный эффект на селе достигается через социально-экономическое разнообразие. Поэтому нам сегодня необходимо искать пути качественной эволюции коллективных сельскохозяйственных предприятий, колхозов и совхозов, совершенствуя внутрихозяйственные отношения, трезво учитывая, как отечественную историческую практику, так и зарубежный опыт. Однако вместо этого, наших крестьян ориентируют только на смену формы собственности, как главную цель аграрных экономических преобразований. Между тем, условием российской модели земельной реформы должна быть связь аграрных преобразований не столько с физическим перераспределением земли, сколько с перераспределением ее рентной стоимости. Именно обобществление земельной ренты ведет к качественно новому виду общества. Земельная рента, земельный налог могут стать надежным и справедливым источником государственного финансирования.

В ряде западных стран в структуре налогообложения существенно повышается доля налога на землю. В Австралии, например, его доля в доходах местных советов занимает 45%. В России доля средств, поступающих от налога на землю, составляет менее 1%. Преимущественная часть — это налоги на трудовые доходы, имущество, прибыль, продукцию, которые не стимулируют производственную и коммерческую инициативу. Некоторые западные ученые, выражая концепцию стимулирующего налога, опираются на положение, согласно которому «никакие налоги не должны взиматься с того, что люди производят: ни прямо — через труд, ни косвенно — через капитал, который они получают за счет сбережения своих доходов». Наиболее простая и понятная система, не требующая большого фискального аппарата, основана на налоге на землю как объекте недвижимом и поэтому более рациональном и устойчивом источнике государственных доходов. Отсюда целесообразно тяжесть налогового пресса постепенно переносить на обложение налогом земельной ренты, имея в виду последовательно перейти затем на единый земельный налог. Налог на землю, ко всему прочему, активно стимулирует рациональное использование земельных ресурсов, если посилен для основной массы землепользователей и обеспечивает возможность расширенного воспроизводства.

Использование земельной ренты в качестве источника государственного дохода — справедливо и естественно, так как в данном случае поощряется личная инициатива; предупреждаются: спекуляция землей, изъятие ее из продуктивного использования, рост социального неравенства, деформация экономики, возникают препятствия к изъятию из продуктивного использования за счет «расползания» городов. Однако, несмотря на явные преимущества, земельная рента в большинстве стран, тем не менее, не используется в качестве основного источника государственных доходов. Общества, достигнув высокой степени благосостояния, не склонны к радикальным переменам, предпочитая совершенствовать уже существующую модель. Тем более, что в демократической среде, согласия населения на изменения формируются медленно, в ходе понимания необходимости и поддержки перемен. Но главное препятствие — политическое влияние землевладельцев, желающих сохранить существующее положение. Россия, осуществляющая аграрные реформы, может извлечь урок из практики зарубежных стран. У нас есть пока возможность дать гражданам и их коллективам право получить землю в свое исключительное пользование при условии выплаты ежегодной ренты за это право. Такое направление земельной реформы может рассматриваться как прогрессивное расширение гражданских прав и как средство получения государственных доходов.

Значительное место в проблеме земельных отношений занимают вопросы управления земельными ресурсами. В Китае большое внимание при проведении земельной реформы уделялось созданию общественных структур в деревне с тем, чтобы сделать общественными обработку земли, ее мелиорацию, социальное развитие села, материально-техническое обеспечение, сферу обслуживания. Для этой цели создана система общественных предприятий, обслуживающих сельских товаропроизводителей. Она включает в себя: 1) специализированные государственные службы: система машинно-технических станций по обработке земли (прокатные пункты); 2) коллективные хозяйственные организации: снабженческо-сбытовые крестьянские кооперативы, специализированные ассоциации по садоводству, цветоводству, рыбному хозяйству и др.; 3) сфера комплексного обслуживания крестьян: обработка земли, уборка урожая и реализация продукции. С принятием закона об управлении землей предусматривались усиление управления земельными ресурсами, защита социалистической собственности на землю, охрана и освоение ресурсов земли, рациональное ее использование. В 1986 г. было создано Государственное управление по земельным ресурсам. Местные власти, в том числе в городах и районах, были обязаны создать органы по управлению земельными ресурсами. На уровне уездов и волостей вводились инспекторы по управлению землей. Местные земельные службы вошли в состав поселкового правительства, которые призваны выдавать акты, осуществлять отвод земель арендаторам, проводить изыскания, земельный учет. 60–70% доходов от земли поступает в местный бюджет.

России предстоит выработать критерии отнесения земель к статусу федеральных; определить порядок передачи земель субъектам Федерации, муниципальным органам, предприятиям и гражданам; разработать механизм регулирования арендных отношений, платности землепользования, регистрации прав на землю организации и ведения земельного учета, контроля за использованием и охраной земель, стимулирования владельцев, улучшающих плодородие земель.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Зарубежное законодательство меняется в сторону ограничения прав собственника земли и расширения прав земельных пользователей. Земля включается в рыночный механизм через аренду.

2. Земля все больше начинает рассматриваться как объект хозяйствования. А потому проблему землевладения нужно решать, преимущественно, не в сфере земельной собственности, а в сфере прав на способы и результаты ее использования. Рассмотрение двойственности земли (объектов собственности и хозяйствования), может значительно осла-

бить напряжение, существующее между сторонниками и противниками приоритетов разных форм землепользования.

3. Земельную реформу нельзя сводить только к смене форм собственности, к перераспределению земли, насильственному насаждению частной земельной собственности. Скоропалительные изменения земельных отношений вредны. Нужно учитывать, что крестьянин консервативен вообще, а в своих отношениях к земле — в особенности. Недопустимы какие-либо принуждения, насилие над свободной волей крестьянина в деле устройства его судьбы.

4. Решение земельного вопроса должно идти от крестьянина. Какие бы постановления на правительственном уровне не принимались, он воспримет только те формы реорганизации, которые отвечают его внутренним устремлениям. Следовательно, реформа должна проводиться снизу, а не внедряться насильственно сверху. Пробуксовка наших реформ в значительной степени объясняется тем, что ее архитекторы исходят из своих сугубо ошибочных стародавних представлений о нынешнем крестьянстве, как массе темной, пользы своей не разумеющей, а потому способной быть только слепо ведомой, но не сознательно ведущей.

5. Во многих странах мира цель реформ — способствовать экономическому развитию страны, аграрной сферы, повышать жизненный уровень трудящихся, раскрепощать их творческий потенциал. У нас, к сожалению, ею стал быстрее переход к капиталистической системе хозяйствования.

6. История сняла вопрос об исключительности какой-либо одной формы собственности. Реальностям жизни отвечает «теория ниш», в соответствии с которой, каждая из них в ходе исторического развития находит то место, где она оказывается более эффективной. И раз уж в России законодательно признана смешанная экономика, то нет надобности делить крестьян на красных и белых, радикалов и консерваторов.

7. Земельная рента, должна принадлежать обществу и стать основным источником его дохода. Это обеспечит каждому гражданину равную долю преимуществ, получаемых от земли.

ГРАФ В.Н. ПАНИН В РЕДАКЦИОННЫХ КОМИССИЯХ

Показано участие графа Панина в качестве главы Редакционных комиссий в подготовке «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». Основное внимание уделено его действиям при поддержке реакционно настроенных членов Редакционных комиссий, осуществить ревизию либерального проекта, разработанного под руководством Я.И. Ростовцева.

Ключевые слова: *граф В.Н. Панин, Я.И. Ростовцев, крестьянство, отмена крепостного права, Положение 19 февраля 1861 г., Главный Комитет по крестьянскому делу, губернские комитеты по улучшению быта крестьян, Редакционные комиссии.*

До назначения председателем Редакционных комиссий граф В.Н. Панин прошел долгий карьерный путь — от секретаря русского посольства в Мадриде до министра юстиции. Общественно-политические взгляды Панина снискали ему у современников славу яркого реакционера и живого воплощения николаевской эпохи. На протяжении всей своей жизни он был решительным сторонником сохранения крепостнических порядков, упорно противился всем изменениям, могущим в какой-то степени улучшить социальное и материальное положение крепостных крестьян.

Тем не менее, именно этот человек был назначен императором Александром II председателем Редакционных комиссий после кончины 6 февраля 1860 г. Я.И. Ростовцева, потратившего немало сил на организацию Комиссий, возглавлявшего либеральную часть ее членов в противостоянии с противниками освобождения крестьян. Недаром один из инициаторов крестьянской реформы, лидер либеральной бюрократии великий князь Константин Николаевич в своем дневнике выразил сомнение в правильности решения императора, записав: «Дай Бог, чтобы он в этом не ошибся»². А главный помощник Ростовцева в Редакционных комиссиях Н.А. Милютин был настроен подать в отставку, и только вмешательство великой княгини Елены Павловны остановило его от этого шага. Как отметил Г.А. Джаншиев, сама Елена Павловна «горячо сочувствовавшая освобождению крестьян и пораженная выбором гр. Панина, крепостника, выразила свое удивление государю. На это он отвечал: «да вы не знаете

¹ Никулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград, nikuliny@mail.ru.

² Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича: 1857–1861. М., 1994. – С. 231.

гр. Панина; его убеждение — это точное исполнение моих приказаний»³. Сам Панин не скрывал, что его взгляды и убеждения всецело зависят от позиции императора. Как-то раз в разговоре с великим князем Константином Николаевичем он откровенно и с доброй долей цинизма сказал: «По делу верноподданнической присяги я считаю себя обязанным, прежде всего, узнавать взгляд государя. Если... государь смотрит на дело иначе, чем я, я долгом считаю тотчас отступить от своих убеждений и действовать даже совершенно наперекор им, с тою или даже большей энергией, как если бы руководствовался моими собственными убеждениями»⁴.

В обществе назначение В.Н. Панина председателем Редакционных комиссий расценивалось как несомненная победа партии крепостников и поражение либералов. В 1911 г. в юбилейном издании «Великая реформа...» А.К. Дживелегов напишет, что шел граф Панин в Редакционные комиссии «... с плотоядной радостью, что ему в руки попадает вековая тяжба между помещиками и крестьянами и что у него будет возможность нажать всей своей увесистой пятерней на колеблющиеся весы крестьянско-помещичьих отношений. Он думал, что если уже суждено мужику сбросить крепостную петлю, душившую его три века, то нужно сделать так, чтобы он долго еще не мог дышать совсем свободно»⁵.

В связи с назначением Панина, известный общественный деятель А.В. Никитенко сделал 15 февраля 1860 г. в своем дневнике запись, ярко характеризующую настроение, охватившее ряды либералов. «На место Ростовцева, — зафиксировал Никитенко, — по крестьянскому делу назначен граф Панин. Это назначение поразило как громом всех друзей свободы и улучшений. Образ мыслей графа Панина известен. Он постоянно противодействовал всякому успеху умственному, вещественному, юридическому и вообще всякому»⁶.

В лагере консерваторов, наоборот, назначение Панина вызвало восторг и породило надежду на реванш в противостоянии со сторонниками отмены крепостного права. Консерваторы полагали, что новый глава Редакционных комиссий будет иметь возможность парализовать деятельность Н.А. Милютина и его сторонников, сумеет настоять на освобождении крестьян без земли и сохранении в деревне не только патриархальных отношений, но и вотчинной власти помещиков. Однако серьезным препятствием на этом пути стала «принципиальность» графа...

³ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Изд. 9. СПб., 1905. – С. 39.

⁴ Дживелегов А.К. Граф В.Н. Панин // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем»: в 6 т. М., 1911. – Т. 5. – С. 148.

⁵ Дживелегов А.К. Граф В.Н. Панин // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем»: в 6 т. М., 1911. – Т. 5. – С. 149.

⁶ Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Л., 1955. – Т. 2. – С. 174–175.

Похоже, что Александр II хорошо знал, чему привержен граф Панин и на что он способен. Поэтому перед его официальным назначением председателем Редакционных комиссий император встретился с графом и взял с него ряд обещаний: во-первых, не вносить изменений в уже разработанные проекты; во-вторых, сохранить полностью весь состав членов Комиссий; в-третьих, все решения принимать только по большинству голосов. Ставя такие условия, Александр II не сомневался, что граф Панин будет неукоснительно следовать им.

Еще в начале заседаний Редакционных комиссий Я.И. Ростовцев, бывший в то время председателем, разделил ее работу на 3 периода. Первый период предусматривал изучение членами Комиссий проектов, уже подготовленных и присланных губернскими комитетами по улучшению быта крестьян и на их основе разработку предварительного проекта реформы. Затем следовало пригласить представителей (депутатов) от губернских комитетов для ознакомления с подготовленными документами. Во второй период предполагалось внесение изменений в проекты с учетом замечаний и дополнений, высказанных депутатами. В это же время предстояло изучение всех остальных проектов, поступивших от губернских комитетов. Здесь также предусматривалась процедура приглашения депутатов для учета их замечаний и предложений. В третий период намечалась выработка окончательного варианта проекта по освобождению крепостных крестьян.

По времени назначение графа Панина председателем Редакционных комиссий совпало с приездом дворянских депутатов второго призыва в столицу империи. 22 февраля 1860 г. состоялась встреча дворянских депутатов с В.Н. Паниным, который выступил перед ними с программной речью. Основные положения ее сводились к следующему. Панин подчеркнул необходимость совместной работы в столь важном деле, предполагающем, как выразился император, «благо России». Он заметил, что успешному решению сложной задачи «...вредили с одной стороны неосновательные опасения дворянства, с другой ожидания несбыточные крестьян». Граф полагал, что следует избегать того и другого для успешного завершения порученного Александром II дела и подготовки необходимых документов для проведения реформы. «Я надеюсь, — сказал Панин, — что вы воздержитесь от всего, что может возбудить большие надежды или опасения дворянства»⁷. Панин подчеркнул, что он как председатель Редакционных комиссий уделяет особое внимание изучению подготовленных в Комиссии материалов⁸.

⁷ Колмаков Н.М. Граф Виктор Никитич Панин министр юстиции // Русская старина. 1887. Т. 56. Вып. XI–XII. – С. 306.

⁸ Зверев С. Граф Виктор Никитич Панин. Его первое знакомство с депутатами второго призыва Редакционной комиссии по крестьянскому делу // Русская старина. 1904. Т. 70. Вып. 12. – С. 712.

Завершил свое выступление Панин двумя положениями, имевшими основополагающее значение для его последующей деятельности в качестве председателя Редакционных комиссий. Во-первых, несмотря на различия в «убеждениях», сказал Панин, «...всем нам следует стремиться к главному: озаботиться обеспечением быта крестьян наших, не упуская из виду, что за них между нами представителей нет, и потому нам самим предлежит отстаивать их». Во-вторых, считал граф, «...наша обязанность озаботиться положением неимущих дворян и оградить их интересы»⁹. Следует признать, что вплоть до подписания Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. Александром II граф неукоснительно придерживался выработанной позиции.

24 февраля 1860 г. состоялось общее собрание членов Редакционных комиссий, на котором Панин впервые присутствовал в качестве председателя. Члены Комиссий быстро почувствовали разницу между Я.И. Ростовцевым и новым начальником. Общая атмосфера заседаний резко изменилась. Один из членов хозяйственного отделения Н.Н. Павлов, вспоминая свою работу по подготовке документов для предстоящей реформы, позднее писал, что «... для комиссий настала другая эпоха. Председатель встал к ним во враждебные отношения; не сочувствуя самому делу, он по аристократической гордости презирал всех входивших в состав их. Панин не только не поддерживал комиссии, но старался всячески вредить им, представлять нас людьми вредными и сплетничать»¹⁰.

Впрочем, положение самого В.Н. Панина было достаточно сложным, поскольку, будучи председателем Комиссий, он вынужден был нередко лавировать между консерваторами и либералами. Являясь убежденным сторонником консервативных взглядов, он не мог не благоволить реакционно настроенной части членов Комиссий. В то же время он не забывал о том, какую позицию в подготовке крестьянской реформы занимали император Александр II и великий князь Константин Николаевич. Граф Панин, легко менявший свои убеждения в угоду начальству, мнение которого для него было священным, был немало удивлен тем, что в руководимом им учреждении находятся люди с маленькими чинами, а то вовсе без чинов, которые могли вступить с ним в спор, говорить «да» там, где он произносит «нет», и наоборот¹¹.

⁹ Зверев С. Граф Виктор Никитич Панин. Его первое знакомство с депутатами второго призыва Редакционной комиссии по крестьянскому делу // Русская старина. 1904. Т. 12. – С. 712; Колмаков Н.М. Граф Виктор Никитич Панин министр юстиции // Русская старина. 1887. Т. 56. Вып. XI–XII. – С. 306.

¹⁰ Павлов Н.Н. Редакционные комиссии 1859–1860 годов. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1901. Т. 86. № 11. – С. 522.

¹¹ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Изд. 9. СПб., 1905. – С. 55.

В первом же докладе, представленном императору 26 февраля 1860 г., председатель Редакционных комиссий подверг серьезной ревизии содержание документов, ранее подготовленных под руководством Я.И. Ростовцева. Целиком обойдя вниманием проблему бессрочного пользования крестьянами пахотной землей, граф сосредоточил внимание на обосновании права крестьян только на усадьбу. Он фактически отверг неизменность крестьянских повинностей и обязательность выкупа крестьянами наделенной земли. По мнению Л.Г. Захаровой в докладе Панина «... основные положения программы Комиссий оказались смещенными. И это не было недоумением, но осознанной позицией нового председателя»¹².

В дальнейшем Панин делал все возможное для того, чтобы изменить содержание решений, уже принятых Комиссиями, либо оттянуть принятие пунктов, которые обсуждались на заседаниях. Как правило, граф не часто выступал открыто против проектов, подготовленных либерально настроенными членами Комиссий, но переводил их обсуждение по отдельным пунктам, стремясь внести в них изменения в интересах помещиков. Главным оппонентом Панина был Н.А. Милютин, выступавший с аргументированной критикой позиции председателя. Особенно резко он возражал председателю в его попытках уменьшить размеры земельной площади, которая должна была войти в состав крестьянского надела. В пылу полемики с графом Милютин однажды заявил ему: «ваши действия неблагоприятны; я знаю, что вы хотите только подслужиться известному лицу вашим мнением и сделать вред комиссиям»¹³. В словесной дуэли поле боя нередко оставалось за Милютиным, поскольку Панин вынужден был соглашаться с его аргументами¹⁴.

В конце деятельности Редакционных комиссий граф Панин стал все чаще использовать тактический прием, охарактеризованный известным исследователем крестьянской реформы 1861 г. Г.А. Джаншиевым. По его мнению, Панин «стал, в качестве тонкого казуиста, прибегать к всевозможным кляузам для оттяжки дела... Прения затягивались, протоколы задерживались неделями, заседания назначались в дни, неудобные для членов, и даже протоколы «исправлялись» в духе помещичьих вождений председателя»¹⁵. Однако от этой тактики Панину пришлось отказаться из-за явного недовольства затягиванием дела императором, потребовавшим завершить все работы к октябрю 1860 г.

¹² Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. – С. 205.

¹³ Кизеветтер А.А. Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. – С. 263.

¹⁴ Кизеветтер А.А. Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. – С. 264.

¹⁵ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. М., 1896. – С. 58.

Особенно упорно боролся Панин против предоставления крестьянам наделов в «бессрочное» пользование. В этом его поддерживали те члены губернских комитетов по крестьянскому делу, которые предлагали предоставить крестьянам наделы только на время срочнообязанного периода. «Угрюмый формалист, — писал Б.Г. Литвак, — бесстрастно-спокойно выступал против понятия «бессрочное пользование» землей крестьянами в срочнообязанный период и против неизменности повинностей. Это в корне меняло значение срочнообязанного периода как подготовки к выкупу и превращало его в простую модификацию крепостного права»¹⁶. В противоборстве с Н.А. Милютиным и прочими «вольнодумцами» из членов Редакционных комиссий по вопросу о предоставлении надела в бессрочное пользование, единственное, чего добился Панин, — замену термина «бессрочное пользование» на термин «постоянное пользование».

По отдельным вопросам Н.А. Милютину и его сторонникам пришлось пойти на некоторые уступки Панину и его «партии»: были уменьшены в большей или меньшей степени размеры крестьянских наделов во многих уездах, в черноземных губерниях повышены нормы оброка, было заявлено, что через 20 лет будет проведена переоброчка повинностей¹⁷.

10 октября 1860 г. Редакционные комиссии, завершив свою работу, были упразднены. На церемонию закрытия возглавляемого им учреждения Панин не явился. По образному выражению Б.Г. Литвака, «устояв в борьбе с помещичьей «Вандеей», программа Редакционных комиссий... должна была пройти сквозь «чистилище» Главного комитета и Государственного совета, чтобы, наконец, обрести форму законодательного акта, скрепленного подписью самодержца»¹⁸.

В целом, несмотря на все усилия графа В.Н. Панина и стоявших за ним противников реформы, программные положения системы, созданной трудами Редакционных комиссий, остались неизменными, они легли в основу документов, определивших содержание и ход крестьянской реформы.

¹⁶ Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. — С. 120.

¹⁷ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. — С. 221.

¹⁸ Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. — С. 122.

О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ В КРЕПОСТНИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Проблема правового положения дворовых людей в крепостной России практически не изучена. Используя ряд новых источников, автор ставит несколько проблем в этой сфере, отмечая разное отношение к дворовым и собственно крестьянам в законодательстве и общественном мнении дореформенной России.

Ключевые слова: крепостное право, владельческие крестьяне, дворовые люди, дворянские проекты, освобождение крестьян, продажа людей без земли, контроль за жестокими помещиками.

Данная тема, несмотря на всю ее важность, отнюдь не избита. Вообще говоря, серьезные исследования на сей счет до сих пор практически отсутствуют, что весьма странно. Очевидно, что дворовые — люди, служившие при помещиках, не «сидевшие на земле» и фактически никак не защищенные общиной, подвергались особой и часто изощренной эксплуатации своих хозяев, тем более что, согласно ст. 591 «Свода законов» издания 1832 г., «от усмотрения владельца» зависела возможность перевода крестьян в дворовые или «дворовых на пашню, показывая их при ревизии в том или другом разряде»².

В силу ряда причин существование дворовых людей в разных помещичьих имениях и усадьбах, в городских их домах было весьма разным; также разным было состояние и привилегированных слоев дворовых, например, управителей, нужных помещику специалистов разного рода, и наиболее угнетаемых из них (по принципу «подай, принеси»). Однако все они находились в достаточно одинаковом правовом положении, абсолютно бесправно с точки зрения государственных законов. Как отмечал один из мемуаристов XIX в., дворовые находились «в личной кабале» у помещиков, а право распоряжаться их трудом «и налагать на них дисциплинарные взыскания ничем не ограничивалось»³.

Очевидно, что именно дворовые, жившие рядом с помещиками, чаще и подвергались притеснениям своих хозяев и домогательствам разного

¹ Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, Липецк, adonli@mail.ru.

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1832. Ст. 591.

³ Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 1. Детство и юность (1827–1855). Пг., 1917. – С. 30.

рода, известным нам и по другим источникам — материалам следственных дел, мемуаристике. Но в большой России слишком разными были те реальные условия, в которых существовали дворовые люди, а авторов мемуаров (как правило, представителей дворянства же) вполне можно заподозрить в приукрашивании своих близких и произвольной характеристике других хозяев.

В силу этого стоит обратиться к такому довольно своеобразному историческому источнику как художественные произведения той эпохи (в особенности второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Как ни странно, изображение подобных взаимоотношений хозяев и слуг в этих произведениях выглядит более типично для той эпохи, нежели в тогдашней мемуаристике, более отвечает требованиям соответствия их реальности, тем более что многие примеры здесь были прямо списаны с оригиналов.

Так, например, комедия «Недоросль» Д.И. Фонвизина, созданная в 1781 г., впервые поставленная на сцене в 1782 г. и опубликованная в 1783 г., рисует нам в частности картину взаимоотношений помещиков и дворовых людей середины екатерининской эпохи. По отзывам современников и ближайших по времени потомков, эти отношения представлены в данной комедии вполне достоверно (А.А. Бестужев, 1822 г.: «съемок нравов того времени»; В.Г. Белинский, 1841 г.: «верные им ловкие списки с карикатур тогдашней действительности»; Н.В. Гоголь, 1846 г.: «все взято живьем с природы и проверено знаньем души»; П.А. Вяземский, 1848 г.: «мастерское изображение портретов с натуры» и др.).

Приведем типичные эпизоды и высказывания в данной пьесе на эту тему. Так, г-жа Простакова именует дворового портного Тришку «вором», «мошенником», «скотом», «воровской харей», «болваном», старуху Еремеевну — «бестией» «старой ведьмой», «собачьей дочерью». Бедная женщина отвечает хозяйке: «Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалеешь... а все не угодно»; «Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же...»: «по пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день». Учитель Кутейкин говорит ей: «Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная». О дворовой «девке» Палашке, захворавшей (по словам Еремеевны, она «без умолку бредит», «такой жар рознял», Простакова заявляет: «Как будто благородная!». Сама о себе помещица заявляет: «С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится...», мотивируя это тем, что ей дана «вольность». Тот же Кутейкин говорит другому учителю Митрофана Цыфиркину: «Слышал ли ты, братец, каково житье-то здешним челядинцам, даром что ты служивый, бывал на баталиях, страх и трепет придет на тя», а тот ему в ответ:

«Я сам видал здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. Ох-ти мне! Грусть берет»⁴.

На этом фоне неверной представляется нам мысль П. Вайля и А. Гениса о том, что «Простаковы — не злодеи, для этого они слишком стихийные анархисты, беспардонные охламоны, шуты гороховые», при этом «в их крепостническую жестокость не верится: сюжетный ход представляется надуманным для вящей убедительности финала (взятия их имения в опеку — А.Д.), и кажется даже, что Фонвизин убеждает, в первую очередь, себя»⁵. По версии известного филолога А.В. Западова, в пьесе представитель власти Правдин берет имение Простаковых в опеку от имени правительства. «На самом деле, — отмечал этот исследователь, — такого закона не существовало. Помещики были властны в жизни и смерти своих крепостных», просто Фонвизин «подсказывал зрителям и правительству один из возможных путей пресечения помещичьего произвола»⁶.

Все это сплошная неправда. Помещик, конечно же, не мог по закону убивать своих крестьян. Дворянская опека была учреждена императрицей Екатериной II в связи с губернской реформой 1775 г. (глава XVI) при верхнем земском суде в уезде для попечительства над сиротами, вдовами, стариками, недееспособными лицами, наконец, в том числе и «расточителями имущества» всякого рода (о чем сказано в самом документе, правда, косвенно и достаточно аккуратно), а также для управления выморочными имениями. Она состояла из местного предводителя дворянства как ее председателя, судьи и двух заседателей уездного суда, избравшихся тамошним дворянским собранием⁷. Но тот же Д.И. Фонвизин мог своими средствами активизировать общественное мнение в направлении более энергичного исполнения этих постановлений, которые реализовывались лишь иногда, при определенных условиях, как это часто бывало в большой России. Вместе с тем сам автор комедии отнюдь не выступал против крепостного права вообще, являясь к концу жизни довольно богатым помещиком; тем более он не стремился изменить сам характер отношений с дворовыми людьми, обращаясь с ними лишь как со слугами и именуя их Ваньками и Петрушками (в этом отношении поступая ничем не лучше

⁴ См.: Фонвизин Д.И. Комедии. Бригадир. Недоросль. Всеобщая придворная грамматика / подг. текста, послесловие и примеч. А. Западова. М.-Л., 1950. С. 63–65, 77, 79, 84–85, 93, 98, 126; Д.И. Фонвизин. Недоросль. А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. И.А. Крылов. Поддипа. М., 1987. – С. 63–83.

⁵ Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности / Предисл. А. Синявского. М., 2011. – С. 31.

⁶ Фонвизин Д.И. Комедии... – С. 144–145.

⁷ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. – С. 207–216 (особенно ст. 216 на С. 210).

господ Простаковых), обходясь с ними, судя по всему, лишь без крайностей Салтычихи, и только⁸.

В качестве дополнения приведем и рассуждения А.А. Чацкого из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», созданной уже в конце правления Александра I (1824 г.) и отражавшей подобные же общественные отношения сорок лет спустя после картин «Недоросля». Говоря о «Несторе негодяев знатных», выменявшем своих верных слуг на борзых собак, а также о другом вельможе, «согнавшем на крепостной балет» отторгнутых от матерей и отцов детей и продавшем их за долги «поодиночке», обратим внимание на то, что эти люди — конечно же, дворовые, взятые из крестьянства и ставшие игрушкой помещика. Грибоедова, как и Фонвизина, в отечественной историографии пытались в свое время «притянуть» к революционному движению. Так, исследователь О.И. Попова отмечала, что декабрист А.П. Беляев указывал на то, что слова Чацкого о продаже крепостных «поодиночке» приводили читателей «в ярость». Можно подумать, что многие из них, будучи сами помещиками, не знали о существовании подобного явления и сами этого не делали в случае нужды. Однако тот же Чацкий (несмотря на «выпады против крепостничества», по словам исследователя А.А. Гришунина), в принципе, не высказывается вообще против крепостного права и является таким же помещиком, как и критикуемые им, хотя и небогатым. А Хлестова, родственница Фамусова по комедии, также недалеко ушла: держит при себе «арапку-девку», купленную, судя по всему, на рынке: «их как зверей выводят напоказ»⁹.

Сходной позиции придерживался уже в николаевскую эпоху и консервативный по своим воззрениям Д.В. Давыдов, критиковавший в стихотворении «Современная песня» 1836 г. некоего «деспотизма супостата» (в том числе и в этом образе, например, опального П.Я. Чаадаева) и отмечавший, что одновременно с этим «наш Мирабо старого Гаврило за измятое жабо хлещет в ус да в рыло». Очевидно, что Гаврило являлся дворовым человеком этого «карбонария» (по взглядам), а подобное обращение с людьми низшего сорта было типичным явлением тогдашней эпохи даже для просвещенных людей из дворянства, так сказать, общим местом¹⁰. В 1852 г. Н.И. Тургенев написал известный рассказ «Муму»

⁸ Фонвизин Д.И. Избранное: Стихотворения. Комедии. Сатирическая проза и публицистика. Автобиографическая проза. Письма /Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Стенника. М., 1983. – С. 25–28. См. об этом также: Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки. Т. 1. Липецк, 2018. – С. 241–249.

⁹ Грибоедов А.С. Сочинения. Воспоминания современников /Сост., вступ. ст. и коммент. А.Л. Гришунина. М., 1989. – С. 12, 58, 92, 96; Краткая Литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стб. 368–369.

¹⁰ Давыдов Д.В. Стихотворения /Подг. текста, вступ. ст., сост. и примеч. В. Афанасьева. М., 1979. – С. 140.

(опубликован в 1854 г.), рисовавший произвол барыни и в отношении насильственного брака дворовых (что было вполне типично и в ходу в помещичьей среде), и в истории с собачкой, который до сих пор оставляет колоссальное впечатление, вызывая ненависть к дворянству и крепостной эпохе, прекрасно объясняя причины позднейших погромов помещичьих усадеб и русских революций¹¹.

Одним из важных источников разного отношения дворянства (и в определенной степени властей) к дворовым и собственно крестьянам являются дворянские проекты решения аграрного вопроса, проанализированные нами примерно за 60 лет, начиная с Павла I и заканчивая началом эпохи Александра II (общее их число на сегодняшний день — 1471: 26 при Павле I, 707 при Александре I, 738 при Николае I). При этом количество проектов, имевших целью смягчение крепостного права, соотносится здесь в сравнении дворовых и крестьян примерно как 1 к 2: применительно к продаже людей без земли: 243 к 288 проектам (при Павле и Александре — 76 к 102, при Николае — 167 к 186), в отношении ограничения помещичьих наказаний: 85 к 242 (при Павле и Александре — 15 к 67, при Николае — 70 к 175), контроля властей за помещиками — 168 к 356 (при Павле и Александре — 22 к 108, при Николае — 146 к 248), освобождения крепостных — 49 к 501 (при Павле и Александре — 20 к 274, при Николае — 29 к 227). Очевидно, что при условности и несовершенстве этих данных налицо значительный перевес в пользу собственно крестьян и некоторое изменение этого соотношения в пользу дворовых в николаевское царствование, когда вообще уделялось властями больше внимания коррекции правовых отношений в сфере крепостного права; наконец, стремление определенной части дворянства (не обязательно передовой!) к крестьянской эмансипации при сохранении в прежнем виде «радостей» помещичьего быта и всей своей obsługi.

¹¹ См.: Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 т. Т. 5. М., 1954. – С. 263–291, 451–452.

**РЕФОРМА 1861 г.
И СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ**

Статья посвящена вопросу о влиянии реформы 1861 г. на развитие гражданского общества в России. Отмечаются противоречия реформы и государственной политики в крестьянском вопросе. Исследование показывает, что при сохранении структур традиционного общества, прежде всего общины, развитие гражданского общества не могло быть успешным.

Ключевые слова: реформа 1861 г., крестьянская община, гражданское общество, Россия.

Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы — поворотный пункт в истории России, одно из центральных событий отечественной истории XIX в., во многом определившее вектор развития страны. Не случайно столь обширна российская историография реформы 1861 г.² Вместе с тем, в исторической науке остаются дискуссионными многие вопросы, в числе которых — условия, возможности, факторы становления и развития институтов гражданского общества.

В советской литературе подчеркивалось, что реформа открыла простор капиталистическому развитию в городе и деревне, что экономика страны вступила в период промышленного капитализма, ознаменовавшийся ростом крупной машинной индустрии, её концентрацией, формированием пролетариата и промышленной буржуазии. В стране возник устойчивый рынок рабочей силы, были созданы условия для накопления капитала и развития технического прогресса в промышленности и на транспорте, расширился внутренний рынок. В модернизированном виде такая позиция широко представлена в литературе и в настоящее время.

В советской литературе утвердился тезис о том, что характер и противоречия прогрессивной по сути реформы, а также практики ее проведения самодержавно-помещичьим государством закономерно вели к обострению противоречий в обществе. В литературе подчеркивались противоречивость замысла и реализации реформы, нерешенность аграрного вопроса, сохранение пережитков крепостничества, ограниченность

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия, Ростов-на-Дону, naukhatskiy@rambler.ru.

² Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3. М., 1968; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 гг. М., 1972; Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России в 60–70-х годах. Л., 1971; и др.

реформаторского потенциала бюрократии, косность самодержавия и дворянства, пауперизация крестьянства и деградация деревни. Суть неудач виделась в том, что крестьянские хозяйства не получили достаточно земли, чтобы развиваться адекватно, а помещики не могли организовать эффективное рыночное производство. Лишь незначительный процент помещиков преуспел в этом. Поэтому пореформенная эпоха — это история разорения миллионов крестьянских хозяйств и продажи тысяч помещичьих имений.

В историографии современной России получила распространение либеральная парадигма в исследовании реформ 1860–1870-х гг., которая рассматривает их сквозь призму тезиса о движении России от крепостной несвободы к свободе через отмену крепостного рабства, утверждение институтов гражданского общества, прав и свобод граждан.

Как отмечала Л.Г. Захарова, наиболее последовательно в «Положениях» 19 февраля 1861 г. решался вопрос о правовом положении крестьян. Уничтожение личной зависимости и утрата помещиками вотчинной власти над бывшими крепостными приобщали многомиллионное крестьянство к гражданской жизни, хотя оно и оставалось податным сословием. Великие реформы открывали путь к созданию гражданского общества (хотя такой терминологией реформаторы не пользовались), были нацелены на развитие национального самосознания народа, воспитание в нем чувства достоинства, преодоление рабства, укоренившегося в поколениях русского крестьянства³.

По мнению А.Н. Медушевского, в ходе преобразований радикальная реформа отношений собственности была осуществлена без разрыва правовой преемственности, а принятая формула достижения социального компромисса включала правовое согласование противоречивых интересов основных социальных слоев. Крепостные крестьяне получали личную свободу без выкупа. Это была настоящая «революция сверху», т.е. радикальное изменение государством освященного традицией системообразующего принципа, каким являлось крепостное право. Последующими реформами закладывались основы гражданского общества и правового государства, причем общий вектор состоял в унификации гражданских прав и расширении общественного представительства в институтах самоуправления⁴.

Постановка вопроса о том, что после 1861 г. пространство свободы расширилось, не вызывает сомнений. Но так ли уж успешна была

³ Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: Поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. – С. 156.

⁴ Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. – С. 4–5, 8.

модернизация традиционного общества в России в десятилетия после отмены крепостного права? Начнем с вопроса о результатах реформирования аграрного сектора, а затем попытаемся дать ответ на вопрос, насколько благоприятными были условия для формирования гражданского общества в стране.

Позитивные результаты отмены крепостного права заключались в создании ряда базовых предпосылок для формирования рыночного механизма в агросфере страны. Реформа привела к росту сельхозпроизводства. Однако, как справедливо отмечает А.П. Корелин, в условиях индустриального общества сельское хозяйство всегда и практически везде отстает от развития торговли и промышленности. В России эта закономерность усугублялась сохранением в стране традиционалистских черт, средоточием которых была пореформенная деревня. Общепризнано, что это в значительной мере обуславливалось компромиссным характером, половинчатостью и незавершенностью реформы 1861 г., в результате которой сформировались две основные формы организации и ведения хозяйства — частновладельческая, в основном помещичья, и крестьянская. Оба типа хозяйств с большим трудом адаптировались к рыночным отношениям.

За 1861–1905 гг. площадь помещичьих земель сократилась с 86,4 млн до 58,3 млн га, или на 28 млн, а примерно половина сохранившихся у помещиков земель сдавалась крестьянам в аренду. Крестьяне увеличили обрабатываемые ими площади примерно на 50–54 млн га, из которых половина перешла в собственность, а остальная земля арендовалась. Поэтому к началу XX в. по сравнению с 1877 г. удельный вес крестьянского землевладения (не считая аренды) в общей площади частных земель возрос с 21 до 57%, а помещичьего сократился с 77 до 25%. К 1917 г. при общей площади сельскохозяйственных земель в 367 млн га примерно 20 млн крестьянских хозяйств владели 215 млн га, или почти 60%.

Экономический рост в аграрном секторе имел место, хотя и не носил масштабного характера. С другой стороны, в России росла численность крестьянского населения, и страна стала испытывать обостряющиеся проблемы сельского перенаселения. В начале 1900-х гг. было установлено, что в деревнях центральных губерний Европейской России существует скрытое аграрное перенаселение: численность «лишних» рабочих рук власти определили в 23 млн душ. Резервная армия труда превышала численность всех рабочих, занятых в неземледельческих сферах⁵. Такая динамика развития социальной структуры противоречила сути и логике модернизации.

⁵ Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) // Российская история. 2011. № 1. – С. 52.

Принципиально значима для понимания проблемы политика государства по отношению к крестьянской общине. Весьма распространена точка зрения о том, что курс на сохранение общины был продиктован опасениями пролетаризации деревни, чреватой революционными потрясениями — как это было на Западе⁶.

Однако, на наш взгляд, страх правительства перед «язвой пролетариата» не был главной причиной сохранения общины. Значительно важнее было понимание разработчиками реформы сущности общины как социального института.

В 1848–1849 гг. Министерство государственных имуществ организовало исследование жизни государственных крестьян. В материалах обследования отмечалось: «нельзя не заметить резкой разницы между порядком наследования по своду законов и по обычаям крестьян», которые «почти совсем не имеют имущества в том смысле, как мы привыкли его понимать». Недвижимость и постройки, возведённые из казённого леса, не признаются частной собственностью; движимое имущество (орудия, скот, утварь) имеется лишь в нужном для хозяйства количестве: всё имущество используется исключительно для удовлетворения насущных нужд. К тому же семья по крестьянским понятиям являлась не только личным союзом родства, но и рабочим союзом, связанным общими потребностями и обязательствами. Это, если можно так выразиться, кровная артель, чьё добро не подлежит разделу и остаётся в общем владении; даже по смерти отдельного крестьянина его «наследство не открывается». Главный вывод обследований заключался в признании того, что ключевым фактором крестьянского хозяйства выступал не капитал, а личный труд⁷. Полученные материалы проясняли суть такого социального института, как община, давали представление об особенностях крестьянского менталитета.

Редакционные комиссии, готовившие реформу 1861 г, имели общее представление о существовании обычаев, регулирующих крестьянское бытие, о преобладании семейно-трудовой, а не частной собственности, о так называемых расправах (разбирательствах по совести), заменявших суд. Члены комиссий желали бы создать полную поземельную собственность для крестьян, тем не менее признали невозможным быстрое решение данного вопроса. Председатель «редакционных комиссий» А.Я. Ростовцев говорил: «Нет, господа... я не профессор и не буду вам объяснять, как образовалась у нас община... много об этом рассуждений споров; но у нас община есть. Ломать мы ничего не должны. Когда вы говорите о свободе, я вам уступаю: отворите, как хотите широко ворота

⁶ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. – С. 287–288.

⁷ См. Пыжиков А.В. Взлет над пропастью. 1890–1917 годы. М., 2018. – С. 239–240.

для выхода всякого крестьянина из общины, но не ломайте общины, — пусть она останется»⁸.

По замыслу реформы, земля и налоги из помещичьего ведения поступали в непосредственное распоряжение сельских обществ; это означало, что роль общины возрастала. В новых условиях именно она занималась наделением крестьян землёй, отвечала за сбор текущих податей и за выкупные платежи помещикам. Таким образом, с 1861 г. община оказалась полновластным хозяином деревни. Кроме того, были образованы волостные суды, в компетенцию которых входило разрешение мелких хозяйственных и бытовых конфликтов. Таким образом, реформа, устранив помещичью опеку над деревенской жизнью, практически сохранила тот уклад, который существовал на селе. Такой подход позволил оптимально сочетать интересы казны, помещиков и народных обычаев. Законодательство 1861 г. устанавливало, что повседневная жизнь общины может регулироваться обычным правом и лишь после завершения выкупных платежей должны вступить в силу нормы гражданского законодательства.

Далее. Литература отмечает ограниченность административных ресурсов правительства при решении аграрного вопроса. Особое внимание «инфраструктурному фактору» крестьянской реформы, т.е. вопросам землеустройства, налогообложения, статистики, оформления прав собственности и правовой системе в целом, которые имели решающее значение для успеха аграрных преобразований, поскольку инфраструктурная отсталость деревни сдерживала куплю-продажу земли, выход из общины, уделяется в монографии И.А. Христофорова.

Чтобы превратить крестьян в полноправных земельных собственников и тем самым их действительно освободить, реформа 1861 г. должна была бы сопровождаться масштабными землеустроительными мероприятиями. Однако, вплоть до реформ П.А. Столыпина в ходе аграрных преобразований недостаточное внимание уделялось землеустройству и агрикультуре. И.А. Христофоров объясняет это, прежде всего, отсутствием или слабостью инфраструктуры: примитивность налогообложения, неспособность властей осуществить полномасштабные и тщательные межевание и кадастр угодий, бедность технических ресурсов и управленческих кадров, необходимых для регулирования хозяйственных отношений между помещиком и бывшими крепостными, нехватка статистической информации, хронический дефицит квалифицированных чиновников на низовом уровне.

В стране отсутствовали системы земельного кадастра и достаточное количество профессиональных землемеров, рациональная система зем-

⁸ Цит. по: Пыжиков А.В. Взлет над пропастью. 1890–1917 годы. М., 2018. – С. 242.

леустройства и оформления земельной собственности. Для землеустройства требовалась сеть арбитражных институтов, которые невозможно было создать за короткий срок. Сохранялась архаичная фискальная система, для замены которой требовались масштабные налоговые и социальные реформы. Кроме того, до отмены крепостного права традиционная, в значительной степени натуральная экономика помещичьих и крестьянских хозяйств не позволяла монетизировать повинности крепостных и оценить землю по рыночным критериям.

Руководители Редакционных комиссий не только сохранили передельную общину, но и ввели круговую поруку даже там, где преобладало подворное хозяйство. Фактически это означало отказ от передачи крестьянских наделов в их собственность. Учитывая ограниченность административных ресурсов, находившихся в распоряжении правительства, оно вынуждено было отказаться от проведения налоговой реформы, сохранив принцип круговой поруки при сборе подушной подати и выполнении повинностей (подушная подать сохранялась до середины 1880-х гг., а круговая порука — до 1903 г.). Именно это помешало превращению бывших крепостных в самостоятельных хозяев-собственников.

Наличие волостного, сословно-крестьянского суда создавало дуализм судебной системы, сохраняло изолированность крестьянства. Сельское и волостное крестьянское самоуправление было изолировано от остального общества и предоставлено самому себе. Опираясь на совокупность фактов, И.А. Христофоров пишет о слабой унификации административно-правового пространства на местах, изолированности крестьянства от других сословий, традиционной автономии общины, значительно осложнявшей какие-либо преобразования; об отсутствии в столице адекватной, полной, идеологически нейтральной информации о состоянии дел на селе и т.д.⁹

Итоговый вывод автора формулируется следующим образом: «административно-правовой дуализм, изолированность крестьянства от прочих сословий не просто препятствовали унификации, но и делали реформы в деревне трудноосуществимыми технически. Любые преобразования предполагали унификацию, регламентацию и рационализацию той сферы, которой они касались... Но в деревне с ее обычным правом и традиционной автономией общин все это было невозможно... Эта инфраструктура абсолютно не соответствовала масштабности и сложности задач, вставших перед государством после отмены крепостного права»¹⁰.

⁹ Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. – С. 216 и др.

¹⁰ Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. – С. 352–353.

Община, наряду с малоземельем, обременительными повинностями и выкупными платежами, сдерживала развитие инициативы, самостоятельности, применение новой агротехники в крестьянском хозяйстве. По мнению Л.Г. Захаровой, сохраняя общину, Положения 19 февраля в определенной степени расшатывали понятия крестьян о собственности. Кроме того, сохранение переделов земли, круговой поруки, специфических форм землепользования означало закрепление преобладания коллективизма над индивидуализмом, «мы» над «я». Это было более чем существенное отличие от западных моделей аграрных преобразований. Слабость понятий о собственности в сознании нации, слабость позиций собственников открывали путь к усилению бюрократии независимо от либеральных целей реформаторов¹¹.

Таким образом, попытка укрепления гражданского общества при сохранении основных структур традиционного общества и при росте числа их носителей обрекала реформаторов на неудачу. Укрепление институтов гражданского общества не может происходить без разрушения структур традиционного общества, без создания институтов частной земельной собственности и укрепления прав крестьянского сословия на самостоятельное хозяйство, без сокращения числа носителей традиционной аграрной культуры при одновременном росте урбанизированных слоев населения. Те ростки гражданского общества, которые были вызваны к жизни реформами, находились в крайне неблагоприятной почве.

¹¹ Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: Поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. – 2005. – № 4. – С. 160.

МЕЖЕВАНИЕ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО ВОЙСКОВЫХ ЗЕМЕЛЬ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

В статье рассматриваются вопросы межевания, землевладения и землепользования войсковых земель черноморских казаков в ходе освоения территории Кубани в конце XVIII – начале XIX в. Анализируются проблемы землеустройства поселенческими структурами, которые оказывали существенное влияние на аграрное устройство региона.

Ключевые слова: *межевание, землеустройство, черноморское казачество, станицы, хутора.*

Начало землеустройства и межевания в Черномории складывалось постепенно, на протяжении ста с лишним лет, и соответствовало основным этапам заселения края. С 1792–1794 гг., российское правительство в целях укрепления южного пограничья переселило сюда черноморских и донских казаков. Черноморское казачье войско, сформированное в 1787 г. из бывших запорожцев и названное Черноморским за успехи в русско-турецкой войне, согласно «жалованной грамоте» российской императрицы Екатерины II. С заселением черноморцами Кубани начался новый этап в её истории. Освоение новых земель и защита южных рубежей России стала основной целью переселения на Кубань запорожских казаков.

В Жалованной грамоте войску «верных казаков», от 30 июня 1792 г. отмечалось: «Усердная и ревностная войска Черноморского нам служба, доказанная в течение благополучно оконченной с Портой Оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на суше и водах подвигами, нерушимая верность, строгое повиновение начальству и похвальное поведение от самого того времени, как сие войско желая воздать заслугам войска Черноморского утверждением всегдашнего его благосостояние и доставлением способных к благополучному пребыванию, Всемилостивейше пожаловали оному в вечное владение, состоящий в области Таврической остров Фанагорию со всею землею, лежащую на правой стороне реки Кубани от устья её к Усть-Лабинскому реду, так чтобы, с одной стороны, река Кубань, с другой же — Азовское море до Ейского городка служили границу войсковой земли»². Черноморское казачье войско хотя и имело Жалованную грамоту Императрицы Екатерины II, но без точного указания границ.

¹ Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, Краснодар, ir_Lap@mail.ru.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) ФР-13 Оп. 1. Д. 138. Л. 47.

Проведение межевания войсковых земель долгое время в Черноморском казачьем войске не воспринималось как актуальная управленческая задача, как потребность для каждого казака определить чёткие условия землевладения. Казаки в начале освоения края занимались больше скотоводством чем хлебопашеством, а оно не требовало особенно точного разграничения земли.

Поэтому населенные пункты формировались в приблизительных границах, не стесняя друг друга, т.к. земельных угодий было достаточно. Форму землепользования «с нравом вольной заимки» запорожские казаки перенесли на Кубань со своего прежнего места проживания. Её суть сводится к принадлежности всех занятых казаками земель, прежде всего, всему казачьему войску, а уж затем определению казачьих наделов. Таково изначальное правило в казачьем порядке землепользования.

Наиболее распространённым способом распределения земли был «захватный порядок», когда каждому члену юрта предоставлялось право в любой год занимать земли «сколько хочет», как под пашню, так и под сенокос. Такой порядок предполагал низкую плотность населения и большой земельный простор³.

Каждый член войсковой семьи, как чиновный, так и простой, мог пользоваться землёй по мере надобности, и экономическая состоятельность казака не влияла кардинальным образом на возможности его землепользования. Это патриархальное правило черноморцы принесли с собой из Запорожской Сечи, где сохранялось относительное казачье равенство, где военные чины имели значение выборных должностей. После сложения должностных полномочий запорожский казак, образно говоря, становился в общий строй. Только достойнейшие казаки в выборном порядке могли занять подобающую должность, если будут поддержаны свободными голосами куреней, но исключительно на установленное время.

При таких подходах детализация условий землевладения, чёткое фиксирование размеров земельных участков, определение порядка пользования войсковой землёй, установление межевых правил не ставились в разряд первоочередных задач войсковой администрации, не сразу пришло осознание потребности осуществления повсеместного межевания войсковых земель.

В первые десять–двадцать лет новой жизни Черноморского войска на Кубани, пока ещё свободной земли оставалось слишком много, а оседлого и зажиточного населения насчитывалось слишком мало, неуместность прежнего поземельного правила практически не замечалась

³ Ревин А. И. Хуторская ментальность коренного крестьянства Дона в XIX веке: основания и характерные черты // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Дикаревские чтения. Краснодар: Мир Кубани, 2006. – С. 138.

ни войсковым правительством, ни самими казаками. Когда же оседлая жизнь в Черноморском казачьем войске более или менее сложилась, население войска увеличилось и обжилось, тогда и стало очевидно, какой бесконечный простор земельному производству и неограниченному насилию открывал пробел в позитивном праве, что таило в себе отсутствие должного правового регулирования поземельных отношений и упование на соблюдение старинного казачьего правила в землепользовании.

Первые попытки межевания земель фиксируются в 1794 г., когда «Высочайшим о войске Положением, преподано, и чего до настоящего времени нет и быть не может без размежевания земли»⁴.

Архивные материалы сохранили массу документальных свидетельств о межевании в 1794 г. войсковых земель: кошевому атаману З.А. Чепеге — «на речке Кирпилях при устье Кочатев по обоим сторонам Кирпилей[,] щитая от хутора вверх и вниз по двенадцати пятисотных [квадратных сажений. — *авт.*] вёрст, а в степь[,] сколько потребно[,] земли отведено»; войсковому судье А.А. Головатому — «на речке Кирпилях пониже устья малого Кирпиля по обоим сторонам речки[,] начиная от того урочища вверх и вниз по двенадцати пятисотных [квадратных сажений. — *авт.*] верх земли отведено»⁵.

В первое десятилетие XIX в. пребывания запорожских казаков в Черномории складывавшиеся поземельные отношения между станицами и хуторскими поселениями настолько глубоко обострились, что невольно привлекли внимание центральных властей. Одним из первых вопросов о состоянии землевладения у черноморских казаков и необходимости размежевания войсковых земель поднял министр внутренних дел Российской империи, князь А.Б. Куракин. Однако размежевание земель в Черноморском казачьем войске всё же отложили, отчасти потому, что А.Б. Куракин пробыл в должности всего три года (1807–1810).

Однако не прекратились откровенные земельные захваты и бесконтрольные завладения земельными участками, которые, вопреки жалованной грамоте императрицы Екатерины II, начались при заселении Черномории и сопровождались выделением лучших земель и угодий в исключительное пользование немногих лиц. И здесь преуспевали те, у кого наличествовала возможность частного отчуждения властных функций. Не случайно именно войсковые старшины оказывались первыми и наиболее крупными владельцами земель.

Население, экономически относительно окрепшее, активно взялось за ведение своего хозяйства, а ведение хозяйства, в свою очередь,

⁴ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооружённой силы и службы. – С. 180.

⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 74.

потребовало внесения изменений в поземельные отношения. Проведение повсеместного размежевания войсковых земель становилось неизбежным, и к этой черте в Черноморском казачьем войске подошли к началу 1840-х гг. Расширение общинных запашек, возросшая потребность в дополнительных сенокосных участках, усиление интереса к иным угодьям вступали в противоречие с интересами владельцев хуторов и станиц. При этом в неравном положении оказывались казаки, «лично служившие» в Черноморском войске во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., и представители казачьей бедноты, после перехода на Кубань выполнявшие обязанности пограничной службы на кордонах, или же работавшие на кабальных условиях в хозяйствах богатых казаков-переселенцев и казачьих старшин. Такие казаки в силу своей экономической несостоятельности по определению не могли воспользоваться формально предоставленным им правом заводить свои хутора, заимки и строить мельницы.

В итоге нарастала конфликтогенность в поземельных отношениях, а рост заселённости территории Черноморского казачьего войска неизменно втягивал их в аграрные конфликты.

Лишь с утверждением 1 июля 1842 г. «Положения о Черноморском казачьем войске», вводились строго определённые нормы землепользования для различных казачьих чинов, начиная от рядового и заканчивая генералом. В Положении земля по-прежнему объявлялась общеказачьей коллективной собственностью. Но реальное землепользование уже не отвечало фиксируемому равноправию казаков на землю. Положение фактически закрепило сложившееся землевладение казачьей верхушки. Оно ознаменовало собой переломный момент в утверждении частного землевладения, в укреплении индивидуализированного права на земельные участки в Черноморском казачьем войске при наличии войсковой собственности на землю.

Теперь для Черноморского казачьего войска устанавливались нормы землепользования, в зависимости от чина (должности). Земельный участок полагался в виде жалованья за службу, хотя земля и без того уже принадлежала казакам на основании ранее присланных жалованных грамот.

В составе войскового правления организовывалась Поземельная экспедиция. К сфере её компетенции относились: 1) охрана неприкосновенности станичных юртов или границ; 2) наблюдение за правильным распределением станичных земельных дольствий; 3) удовлетворение чиновников пожизненными земельными участками; 4) раздача войсковых степей под частные табуны или зимовники, и прочих войсковых запасных земель в оброчное содержание на правилах, ранее установленных для Войска Донского.

Большое внимание поземельным отношениям уделял генерал-майор Г.А. Рашпиль (1801–1871). После прибытия в Черноморию весной 1841 г. в качестве начальника штаба Черноморского казачьего войска и до утверждения его в этой должности 3 ноября 1842 г., он назначается председателем временного комитета по составлению проекта Положения о межевой комиссии⁶. Это обстоятельство заставило его сосредоточить своё внимание на сложившемся положении дел в казачьем землепользовании. Детально вникнув в ситуацию, Г.А. Рашпиль отметил, что от «неопределённости прав землевладения и по милости широкого самоуправления произошло крайнее нарушение равновесия в пользовании войсковою (общинною) землёю между хуторами и станицами»⁷.

В январе 1843 г. комитет по составлению проекта Положения о межевой комиссии представил проект об учреждении в войске Черноморском межевой комиссии. О готовности проекта было доложено рапортом наказному войсковому атаману, генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому. Составители проекта взяли за основу Положение о размежевании земель Войска Донского. Межевая комиссия Черноморская казачьего войска предложила разграничить не только земли станичных юртов, но и определить земельные участки для войсковых надобностей.

В Положении о межевой комиссии Черноморского казачьего войска закреплялось землеотведение станицам по числу всего наличествующего народонаселения, то есть чиновников, священно-церковнослужителей, казаков, детей, вдов и сирот. Размеры земельных участков определялись, в зависимости от занимаемой должности: генералу полагалось 1500 дес., штаб-офицеру причиталось 400 дес., обер-офицеру выделялось 200 дес., казаку отводилось 30 дес. В параграфе 67 Положения о межевой комиссии Черноморского казачьего войска в качестве главных задач межевания земель обозначалось уравнивание поземельных дольств в угодьях между всеми станицами и проведение обмежевания всей войсковой земли. Однако последствия проведения повсеместного межевания в Черноморском казачьем войске оценивались неоднозначно. Как замечал Е.Д. Фелицын, со временем «межевание разрушит крупное скотоводство и коневодство... и это отзовётся весьма невыгодно в глубокой России, что межевание даст возможность распространиться по степи земледельству, тогда как назначение степи совсем не земледельческое, а пастушеское, потеснив конские табуны, оставит казаков без лошадей»⁸.

⁶ ГАКК. Ф. 254, Оп. 1. Д. 1177. Л. 5.

⁷ Фелицын Е. Д. Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьего войск. 1788–1888 // Кубанское казачье войско. 1696–1888 г. Воронеж, 1888. – С. 316–317.

⁸ Там же.

12 (25) апреля 1847 г. утверждается «Положение о размежевании земель Черноморского казачьего войска». В приказах по Черноморскому казачьему войску за 1847–1848 гг. об этом событии сохранилась запись под № 23. Но только 1 января 1848 г. приступила к работе в г. Екатеринодаре Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Председателем Межевой комиссии назначили подполковника Генерального штаба по корпусу топографов П.В. Немирович-Данченко⁹.

Важность произошедшего события объясняется тем, что земля являлась главным источником средств и материального благополучия казака. Теперь требовалось увязать изначальные права черноморцев на землю с новым порядком: «Вся земля считалась собственностью войска, а потому каждый казак имел право не только на пользование землёй, но и на владение ею. На этой почве возникало много неурядиц, а потому для устранения их положением от 1842 года было установлено определить казаку 30 дес. на душу, обер-офицеру [-] 200 десятин, штаб-офицеру [-] 400 и генералу [-] 1500»¹⁰. Первоначально офицерские участки давались лишь в пожизненное пользование, а с 1870 г. пожизненное пользование заменяется потомственным, но со временем земельные участки стали постепенно переходить, в том числе путём их продажи, в руки представителей не казачьих сословий.

В Черноморском казачьем войске долгое время все поселения, расположенные ближе к реке Кубани, располагали достаточным пахотным клином, и на каждого казака приходилось до 30 дес. Однако с ростом народонаселения в войске казачьи наделы неизбежно стали уменьшаться.

Для решения проблемы малоземельным станицам в малозаселённой части войска начали выделять дополнительные наделы, но приписывали такие наделы к юртам ближайших станиц. Иное дело, когда вопрос касался казачьей старшины. В этом случае рассмотрение прошения о межевании проходило более оперативно, да и старшины могли своевременно позаботиться об удовлетворении своих экономических интересов.

В дальнейшем, создание Кубанского казачьего войска и образование Кубанской области, повлияло на развитие поземельных отношений, и концу 1860-х гг. появляется ряд нормативных актов, регулирующих землепользование уже не в интересах владельцев, а в целях удобства проведения размежевания, причём исключительно бюрократическим способом.

⁹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 176. Л. 9–10.

¹⁰ Памятная книжка кубанского казака / сост. П. Орлов. Екатеринодар, 1914. – С. 39.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ О МЕРАХ ПО РЕШЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В статье рассматриваются взгляды известных либеральных экономистов — А.И. Чупрова и А.С. Посникова, которые в своей научной публицистике подчеркивали несовершенство крестьянской реформы 1861 г. Главную проблему русского крестьянства, они связывали с малоземельем и отсталой агрикультурой. В своих работах А.И. Чупров и А.С. Посников разработали комплекс мер по преодолению кризисных процессов в аграрной сфере, которые включали развитие мелкого кредита, создание коллективных товариществ. Будучи либералами по убеждению, ученые отрицательно относились к частной собственности и выступали против насильственных действий в отношении общины.

Ключевые слова: крестьянство, пореформенная Россия, народный кредит, община, левый-либерализм, аренда.

Острота крестьянского вопроса в России после освобождения крестьян от крепостного права вызывалась незавершенностью реформы, требовавшей дальнейшей коррекции. Крестьянские наделы были столь мизерны, что без улучшения системы землепользования невозможно было обеспечить развитие крестьянского хозяйства. Комплексную программу преобразования деревни и смягчения аграрных проблем предложили экономисты — либералы А.С. Посников, А.И. Чупров.

Восприняв опыт Германии, либеральные ученые предложили ряд мер, которые могли в существенной мере улучшить жизнь крестьян. Эти меры должны были дать ответ на важнейшие проблемы крестьянской жизни. Ключевой проблемой крестьянства в это время, очевидно, было малоземелье, которое обострялось приростом народонаселения. Это с неизбежностью приводило к сокращению и ухудшению наделов².

«Положение усугубляла «чересполосица» — расположение земельных участков, при котором земли одного владельца не представляют хозяйственного целого и разбросаны по разным местам среди других владений, и «длинноземелье» — растянутость на многие километры на-

¹ Блохин Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов (RUDN-University), Россия, Москва, istory1@rambler.ru.

² Костылева Е.Н. Аграрная политика российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (По материалам Рязанской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 1. – С. 28.

дельных крестьянских земель. Около 1/3 крестьянских общин в Рязанской губернии получили чересполосные с помещиком земли»³.

Негативным результатом малоземелья стало распространение земельной аренды. Поскольку крестьяне массово нуждались в земле, то растущий спрос стимулировал цены на аренду. Помещик, мало заинтересованный в развитии земледелия, жил на предоставлении в аренду земли по спекулятивным ценам. Кроме того, процветала субаренда, предполагавшая множество промежуточных арендодателей.

«Показательно, что основную массу арендаторов в Рязанской губернии составляли бедняки и середняки, бравшие небольшие участки на основе системы отработок и издольщины. В Российской империи отработки являлись пережитками барщинного хозяйства и представляли собой систему обработки крестьянами помещичьей земли собственным инвентарем за арендованную землю, а также ссуды хлебом или деньгами. Издольщина предполагала взимание собственником арендной платы с земли долей полученного с нее урожая. В 1881 г. в Рязанской губернии крестьяне арендовали 201,9 тыс. десятин, 71,2% из которых — под пашню, а 28,8% — под луга и выгоны»⁴.

Множество крестьян пыталось найти выход в отходничестве и сторонних промыслах. Согласно подсчетам А.Н. Костылевой, основывающейся на статистике Рязанской губернии, «далеко не все крестьяне могли получить работу». Сокращение земельных наделов и рост налогообложения в пореформенный период привели к обеднению крестьянских хозяйств в Российской империи. Бедность крестьянства негативно сказывалась на общем развитии страны, влияла на доходную часть бюджета и уменьшало емкость внутреннего рынка⁵.

Для преодоления системной отсталости аграрной сферы общества, либеральные экономисты предлагали набор важных мер, среди которых значились и сохранение общины, и меры по кредитованию сельского хозяйства, и развитие форм коллективного хозяйства.

В этой связи, обратим внимание на программу А.И. Чупрова, известного экономиста, члена-корреспондента АН России, который предлагал ряд важных мер поддержки крестьянства. Сравнивая положение русского земледельца с положением фермера на Западе, Чупров заявлял, что «В силу нашего континентального и засушливого климата и крайней экстенсивности хозяйства колебание урожаев у нас без всякого сравнения больше, нежели в Западной Европе. Самарский мужик получит

³ Костылева Е.Н. Аграрная политика российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (По материалам Рязанской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 1. – С. 28.

⁴ Там же. – С. 28.

⁵ Там же. – С. 29.

на своих степях в иной год чуть не 100 пудов пшеницы на десятину, а в другой год — 4–5 пудов. Ничего подобного в соседних нам странах не бывает с давних пор, даже в самые нечастные годы»⁶.

Автор отмечал, что даже в неурожайный год при высокой культуре земледелия, в Саксонии урожаи выше, чем в России. «Нельзя без ужаса подумать о том, что вот уже третий год целая четверть Европейской России испытывает страшный недород»⁷.

Ключевая проблема, которую видел Чупров, состояла в нехватке капиталов для развития крестьянского хозяйства. Чтобы ее решить, он предлагал использовать мелкий кредит, создавать ссудосберегательные товарищества по опыту Германии. В статье «Об отношении русского общества и правительства к мелкому кредиту» (1901 г.), Чупров отмечал, что главная беда крестьянского населения в том, что оно «опутано ростовщическими сетями», а разговоры о народном кредите остаются только разговорами. По мнению экономиста, в отсутствии народного кредита виноваты, прежде всего, земства. Все предпринимаемые земствами меры либо непоследовательны, либо ничтожны по сравнению с масштабом потребностей русского общества в кредите. Будущее народного кредита в России экономист видел в создании разветвленной сети сберегательных касс на местах. «Каждое ссудо-сберегательное или кредитное товарищество, каждый сельский или волостной банк, устроенные и взлелеянные заботами местных людей, представляют не только благодеяние для своего района в настоящем, но и лучшее подспорье для всяких более грандиозных сооружений в будущем»⁸.

Чупров был убежденным противником разрушения общины. Сторонники экономического либерализма видели панацею от бедности в развитии института частной собственности. По мнению экономиста, такой подход несостоятелен. В этой связи, он решительно выступал против столыпинской аграрной реформы, которая, по его мнению, лишь усугубит ситуацию.

«Характерной чертой новейших мероприятий является облегчение свободной мобилизации крестьянской земли. Указом от 9 ноября усадебная оседлость, — это самая ценная часть крестьянского надела, — предоставлена в полное распоряжение домохозяина, как его личная собственность, может быть отчуждена даже без всяких обрядностей выдела»⁹. Первыми, по мнению Чупрова, выделяются многосемейные.

«Многодушники имеют особый интерес хлопотать о выходе из мирского союза. Закон поддерживает эту тенденцию льготными условиями

⁶ Чупров А.И. Крестьянский вопрос. Статьи 1900–1908 годов. М., Издание М. и С. Сабашниковых. 1909. – С. 321.

⁷ Чупров А.И. Указ. Соч. – С. 322.

⁸ Чупров А.И. Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания. М., Русский мир, 2009. – С. 109.

⁹ Там же. – С. 318.

приобретения общинной земли. В общинах, не проводивших передел более 24 лет, — таких общин, по правительственным сведениям, считается около половины, — за выделяющимися укрепляются в личную собственность, без всякого вознаграждения мира, участки общинной земли, находившиеся дотоле в их пользовании...»¹⁰.

«По выделе многодушных в общине остается лишь мелкота, однодушники, дворы без рабочей силы, малоземельные и бессильные элементы современной деревни. Окруженные могучими соседями, обрезанные в пользовании своими общинными угодьями, они будут влачить еще более жалкое существование, чем было до сих пор»¹¹.

Схожим образом рассуждал и Александр Сергеевич Посников, известный ученый-экономист. Он негативно относился к разрушению общины и перспективы российского крестьянства связывал с комплексными преобразованиями, улучшением всех сторон сельского быта. «Для прогресса сельского хозяйства необходимы, согласно Посникову, не принудительные реформы, не насильственное разрушение существующего крестьянского уклада, не громогласные заявления о «Великой России», а создание, говоря современным экономическим языком, институтов, способствующих прогрессу сельскохозяйственного производства. Ещё в ранней своей работе, посвященной началам ипотечного кредита, Посников выступал за необходимость создания в России «ипотечных банков», то есть института, содействующего развитию сельскохозяйственного производства. Важнейшим же из таких экономических институтов являются кооперативы. Становление потребительских обществ, ссудо-сберегательных товариществ, мелких сельскохозяйственных обществ, кредитных товариществ и иных видов кооперативов оказало большое влияние на развитие аграрной экономики России»¹².

Средством преодоления отсталости леволиберальные экономисты считали развитие кооперации. В этом вопросе, по мнению А.И. Чупрова, Россия должна опираться на богатый опыт Германии и других европейских стран. «Кто не знает, что в последние десятилетия во всех западно-европейских государствах среди мелких землевладельцев возникло и распространяется с каждым годом все больше и больше движение, направленное к тому, чтобы путем ассоциации многих единичных хозяйств достигать выгод, свойственных крупному производству... Известно также, что в Германии, Франции и Италии возникли сотни товариществ для переработки овощей, плодов и ягод и для совместного сбыта полученных таким путем изделий (сушильные, консервные и т.д.) Многим из этих

¹⁰ Там же. – С. 318.

¹¹ Там же. – С. 319.

¹² Лукичев П.М. Посников А.С. Об аграрных реформах в Российской империи // Экономические науки. 2017. Вып. № 5. – С. 28.

ассоциаций пришлось обзавестись сложными и дорогими аппаратами, пригласить лучших специалистов, завести агентства в разных странах, и все это выполняется группой мелких владельцев вполне удачно, ничем не хуже, чем в капиталистических заведениях»¹³.

Чупров подчеркивает безусловную сложность создания таких хозяйств, однако опыт Европы показывает реалистичность этой идеи. По его мнению, зачастую сами крупные предприниматели берутся за обработку поставленного земледельцами сельского материала. «Капиталисту, который желает построить сахарный завод, вполне безразлично, откуда поступает сахарная свекла; и, если он может без собственных плантаций с достаточной прочностью обеспечить себе получение доброкачественного материала в должном количестве, для него бывает даже приятнее и выгоднее не возлагать на себя сопряженного со сложным земледельческим хозяйством лишнего труда и риска»¹⁴.

Формой эффективного ведения хозяйства А.И. Чупров считал «коллективную аренду» крестьянами крупных имений. Такой опыт получил распространение в Италии, где из работников создаются сельские общества. Опыт Италии показывает, «что обработка земель сообща, частным трудом, не составляет более «чистой утопии». Жизнь гораздо сложнее, нежели нам часто кажется»¹⁵.

В отличие от расхожих негативных либеральных воззрений на общину, А.И. Чупров и А.С. Посников доказывали необходимость использования крестьянами преимуществ коллективного труда. А.С. Посников, проанализировав опыт Англии и пришел к обоснованному выводу, что эффективность ее сельского хозяйства была связана не с собственниками земли, а арендаторами-фермерами. Размышляя о роли общины в русской пореформенной действительности, он констатировал: «Если затраты на землю возможны для фермера, лица, пользующегося временно чужой землей, отчего же они не доступны члену общины, пользующемуся мирской землей в течение известного времени?»¹⁶

Предложенная экономистами модель реконструкции аграрной сферы и улучшения жизни крестьян, очевидно, имела эволюционный характер и была рассчитана на системные и всесторонние преобразования деревни. Они негативно относились к рыночной утопии частного хозяйства, для развития которого в России имелись существенные трудности.

¹³ Чупров А.И. Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания. М., Русский мир, 2009. – С. 259.

¹⁴ Там же. – С. 260.

¹⁵ Там же. – С. 262.

¹⁶ Посников А.С. Общинное землевладение. Ярославль, Тип. Г.В. Фальк. 1875. Вып. 1. – С. 74.

ПРОБУЖДЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ ВЕЛИКОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX в.

Анализируются причины, побудившие великорусское крестьянство в начале XX в. к пробуждению самосознания и возрастанию роли крестьянства в социально-культурном контексте Российской империи. Под воздействием этих обстоятельств в великорусской деревне в начале XX в. появился новый тип мирского человека, который сделался творцом и пестуном общественных начинаний.

Ключевые слова: отхожие промыслы, новый тип мирского человека, поиск правды-справедливости, русско-японская война, пропаганда эсеров.

К началу XX в. духовное состояние крестьянства сильно изменяется. Основной причиной этого явления следует назвать возвращение из городов крестьян-отходников, несших совершенно иное мировоззрение в великорусскую деревню — мировоззрение крестьянина-промышленника. Отмечая влияние отхожих промыслов на деревенскую жизнь в начале века, крестьянин-самоучка С.Т. Семенов заметил: «Стремление пощеголять у деревенской молодежи сильно развито у обоюго пола. Чтобы справиться какой-нибудь пиджак, продавали теленка, овец, девке на платье — корову. Все гнались друг за другом, и никому не хотелось отстать. В появлении рядов была повинна Москва. Чай уже в то время входил в большое употребление, самовары заводили почти во всяком дворе»². Московская губерния притягивала крестьян из других губерний и как сельскохозяйственный регион, хозяйства в котором, благодаря огромному рынку сбыта, могли приносить более высокие доходы, чем в других губерниях³.

О влиянии отхожих промыслов упоминал и один из современников тех событий, описывая Воронежскую губернию: «Курение табаку и табачный дым портит воздух во многих избах. В с. Животинном курят табак в 59 избах, в с. Моховатке — в 46, всего в 105 избах, т.е. в 64,3% всех обитаемых строений. Ничтожное потребление населением чая, сахара — факт, давно известный относительно русской деревни. Эти продукты ей не по плечу»⁴.

¹ Свиридов Илья Сергеевич, методист, Выставочный зал «Страницы истории», Россия, Чаплыгин, iyu.sviridov.1992@mail.ru.

² Семенов С.Т. В родной деревне. М., 1904. – С. 23.

³ Кубрик А.Д. Жилище в жизни крестьян Нечерноземья второй половины XIX века: дис... канд. ист. наук. – М., 2012. – С. 109.

⁴ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Изд. 2-е. – СПб., 1907. – С. 52, 105.

Действительно, городская культура была чужда сельскому населению не только по мысли, но и по духу, «в городе крестьянин чувствовал себя всегда окруженным обидчиками. Поэтому-то, по крайней мере, у наших односельчан, создавалось впечатление, что город враждебен к ним, и отсюда боязнь и неприязнь крестьян»⁵, — отмечал выходец из крестьянства Ив. Столяров.

Под воздействием этих обстоятельств в великорусской деревне в начале XX в. появился «новый тип мирского человека, который сделался творцом и пестуном общественных начинаний»⁶. Этот «новый тип» и был, по нашему мнению, представителем «новой культуры», усвоенный дворянством XVIII в. Характерными чертами «новой культуры» великорусского крестьянства являлись светский характер, открытость (готовность, стремление к общению с другими культурами), изменение отношения к человеческой личности, ускорение темпов развития, жажда знаний, имеющих практическое значение.

«В деревенской жизни многое отжило свое время, и, если деревня хочет и должна жить, она должна переоценить свои вековые ценности»⁷, — считал один из представителей Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Однако правительство не спешило прислушиваться к мнениям современников, призывающих обратить внимание на возрастающую переоценку ценностей сельским населением, а, между тем, «лучшие силы деревни уходили в города. Народ не хочет оставаться в прежней нищете, в прежнем бесправии. Он страстно ищет и требует новых порядков жизни, при которых было бы больше правды и справедливости...»⁸.

Так, по мнению современного исследователя Л.И. Земцова, с которым можно согласиться, «верховная власть потому поддерживает просьбы крестьян о помощи, что понимает их правоту — ведь все то, что хранится в помещичьих амбарах, произведено крестьянским трудом, на все это они действительно "имеют право", а вот все остальное брать не "по закону"»⁹.

Поиск правды и справедливости, эта самая яркая черта духовности великорусского крестьянства и стала главной причиной крестьянских

⁵ Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. — М.: Современник, 1989. — С. 356.

⁶ Маслов С. Восходящая сила // Крестьянская Россия. Сб. статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. — Прага, 1922. — С. 27, 29.

⁷ Записка Ф.Н. Плевако об имущественных и правовых воззрениях крестьян // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — Т. XXI. Тамбовская губерния. — СПб., 1903. — С. 268.

⁸ Николаев А.А. Оскудение деревни // Крестьянская библиотечка. — 1904. — С. 31-32.

⁹ Земцов Л.И. Обычное право российского крестьянства и социальный протест в начале XX века // Сборник научных трудов VI Международной научной конференции «Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. — Белгород, 2011. — С. 56.

волнений, разразившихся в 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях. Именно с этого момента, согласно мнению историка В.П. Данилова, и началась в России революция. «В 1902 году на историческую сцену, — писал он, — открыто выступил новый крестьянин — крестьянин эпохи революции»¹⁰. Точка зрения В.П. Данилова частично была поддержана британским историком Т. Шаниным. Однако начавшееся движение было подавлено. Суду было предано 1092 крестьянина, 836 понесли наказание. На заседании суда защитники крестьян подали коллективное заявление, в котором отмечали, что крестьяне уже наказаны по деревням, «подверглись карам, которые несравненно превышают кары, налагаемые за те же деяния по уголовным законам», и поэтому не могут вторично нести наказание за одно и то же преступление¹¹.

9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге произошел расстрел мирных демонстрантов, возглавляемых священником Гапоном — событие, получившее наименование «кровавое воскресенье». Однако серьезных последствий, повлиявших на великорусское крестьянство, данное событие не произвело. Свидетель тех происшествий, один из видных деятелей партии кадетов В.П. Обнинский отмечал, что «в деревне больше, чем где-либо, отрицательно относились к забастовочному принципу; не видя реальных последствий, крестьяне-землепашцы склонны были приписывать выступления рабочих той «блажи», в которой всегда подозревает лапотник земляка в пиджаке и городских сапогах «бутылками»»¹².

«Руководящим духовным двигателем ее, — писал известный философ С.Н. Булгаков о революции, — была наша интеллигенция, со своим мировоззрением, навыками, вкусами, даже социальными замашками. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции»¹³.

Однако, «несмотря на все усилия войти народ и повести его за собой, интеллигенция все-таки чужда ему. Рознь между ними не житейская, а бытовая и духовная. Интеллигенция до тех пор не найдет доступа к сердцу народа, пока не уверует в его Христа и не приобщится к жизни церкви. <...> Интеллигенция и Церковь остаются двумя параллельными, которые никогда не сойдутся»¹⁴.

¹⁰ Данилов В.П. Насилие против насилия (Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. – М., 2011. – С. 216.

¹¹ Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. – С. 66.

¹² Обнинский В.П. Новый строй. Ч. I. – М., 1911. – С. 104–105.

¹³ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910. – М., 1991. – С. 44–45.

¹⁴ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 75. ЛЛ. 12, 17.

Совершенно иное значение придавали крестьяне русско-японской войне, начавшейся за год до революционных действий. «Зимой (в декабре 1904 г. — *И.С.*) на нашу страну напала какая-то страна Япония. Где она и большая ли, сначала мы не знали. Ну, говорили все у нас, Японию русские шапками закидают. У меня отец выписывал сей год журнал «Дружеские речи», в котором описано про Японию и начинающиеся бои в Маньчжурии. Также я увидел карту и самой Японии, и Маньчжурии. Но нашим войскам приходилось все время отступать от японской армии, что старики и мы были очень удивлены, почему так: Россия, наша страна, ранее всех врагов били, а тут какая-то Япония и колотит русских» [курсив Н.И. Заборского]¹⁵, — сообщалось в летописи с. Зачатье Архангельской губернии за 1904 г. Но в то же время этот военно-политический конфликт способствовал увеличению интереса крестьян к политике. Появление интереса к публицистике и государственным делам у крестьян берет начало именно с этого события. «Прежде все интересовались войной, благодаря этому и стали выписывать газеты, теперь, когда война кончилась, интерес перешел на внутренние дела»¹⁶, — констатировал современник Н.М. Сурин.

Повышение интереса к внутренним делам государства зависело и от пропагандистско-агитационной работы оппозиционеров радикального толка. Активнее всего действовали в великорусской деревне представители партии социалистов-революционеров (эсеры). Миссия по «революционному просвещению» крестьян была возложена на Е.К. Брешко-Брешковскую, которая развивала методы эсеровской пропаганды в крестьянстве, выразившиеся в массовой организации кружков в деревне, постановке издательского дела и распространении литературы. Привлекала крестьян и идея аграрной реформы эсеров, сводившаяся к тому, что «землей должен пользоваться тот, кто желает ее обрабатывать». В результате этого в 1905 г. появился Всероссийский крестьянский союз — «организация чисто крестьянская, в которой нет ни господ, ни богачей». «Он добивается получения одинаковых прав для всех на землю и на участие в государственных делах, — сообщал один из его организаторов. — Землею должны пользоваться все те, кто желает обрабатывать ее своими собственными руками»¹⁷. Всероссийский крестьянский союз к октябрю-декабрю 1905 г. объединил до 200 тыс. человек. Согласимся с мнением современного исследователя Ю.В. Кудиновой в том, что «деятельность Всероссийского крестьянского союза и крестьянских братств внесла определенный вклад в формирование профсоюзного движения, а также способствовала

¹⁵ Заборский Н.И. Летопись села Зачатье // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. – С. 698.

¹⁶ Сурин Н.М. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. – М., 1907. – С. 31.

¹⁷ Столяров И.В. Указ. соч. – С. 462.

становлению революционного мировоззрения крестьянства и частично-удовлетворению предъявляемых требований»¹⁸.

Кроме эсеров, широкую агитационную работу в сельской местности проводили представители партии социал-демократов (а именно — большевики). Как в устной пропаганде, так и в листовках внимание обращалось, прежде всего, на разъяснение программы и тактики партии большевиков, доказывалось, что крестьяне могут получить помещичью землю и политические права только при условии победы революции, а победа революции возможна только при условии борьбы крестьянства в союзе с рабочим классом во главе с партией большевиков¹⁹. Но воззрения большевиков в годы Первой русской революции были малопонятны крестьянам. «Народ боится их. Не понимает их. Дело в том, что компартия против Бога»²⁰, — писал англичан Ч.Р. Бекстон уже о Советской России 1920-х гг. Однако, на наш взгляд, его мнение можно распространить и на более ранний период.

Но, несмотря на это, революционные идеи будоражили умы сельского населения. Основной причиной увлечения крестьян революционными идеями и разгрома помещичьих усадеб следует считать стремление крестьян к справедливости. Так, по мнению современного исследователя Л.И. Земцова, крестьянская справедливость выражалась в «Божией правде — правде во всем», в «справедливом распределении земли»²¹. По словам одного из участников тогдашних революционных событий, «Евангелие, Молитвенник и Псалтирь являлись постоянными настольными книгами у нас в каждом доме. Книги же с научными знаниями попадали в очень редкие дома»²².

Согласимся с мнением американского исследователя Х. Роджерса в том, что «этот океан бушевал не первый и раз, и агрессия крестьянства была одинаково направлена и против друзей, и против врагов, против той небольшой части населения, которая не трудилась в их полях и на их заводах, платила несоразмерно малые налоги, наслаждалась образованием, повышениями в военной и штатской службе и поддержкой государства в сельском хозяйстве и промышленности»²³. В подтверждение этому можно

¹⁸ Кудинова Ю.В. Особенности, формы и методы участия крестьян Воронежской губернии в общественном движении в 1900–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2013. – С. 77.

¹⁹ Там же. – С. 52.

²⁰ Бекстон Ч.Р. В русской деревне. Пер. с англ. С.В. Антропова. М.–Пг., 1923. – С. 41, 36.

²¹ Земцов Л.И. Самосознание русского крестьянства в начале XX века (по материалам думских прений) // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв. Материалы IV Международной научной конференции. – Липецк, 2015. – С. 226.

²² Муракин П. Тишина близ шума // Деревня в 1905 году по воспоминаниям крестьян. Сост. Рыклин. М., 1930. – С. 11.

²³ Rogger H. Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881–1917. – New York, 1983. – С. 16.

привести и мнение Л.Н. Толстого по данному вопросу из его запрещенной к публикации статьи «Не могу молчать»: «Причина совершающегося никак не в материальных событиях, а все дело — в духовном настроении народа, которое изменилось и которое никакими насилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию»²⁴.

По отзыву современника, «в жизни нашей деревни наблюдается не одно только понижение материального достатка крестьянского населения, замечается явление, более глубокое, а именно начавшийся упадок и разложение всего сельского быта: потрясены старинные устои, вековой уклад крестьянской жизни, заметны признаки разложения общины, разрушается патриархальный строй семьи, наблюдается упадок нравственной дисциплины и чувства законности — словом, потрясен весь хозяйственный и общественный быт деревни»²⁵. Несомненно, что стремления «пробудившихся» крестьян находили выражение в их требованиях: народной власти и народного управления, отмены земских начальников, станowych, исправников и прочей полиции, устройства земской волости, равные права с остальными сословиями, выборную власть и т.д. Было и такое предложение — выборных депутатов в Думу (с возрастным цензом не менее 20 лет) выбирать по совести [курсив автора], от каждого уезда по 1 депутату²⁶. Не согласимся здесь с мнением М. Горького, утверждавшего, что, «беседуя с различными крестьянами, я видел, прежде всего, органическое, слепое недоверие к поискам мысли, наблюдал умонастроения, которое следует назвать скептицизмом невежества»²⁷.

Таким образом, в начале XX в. существенную роль в пробуждении самосознания великорусского крестьянства сыграли отхожие промыслы, произошедшая русско-японская война, агитация эсеров, способствовавшая организации и деятельности Всероссийского крестьянского союза, а также пропаганда социал-демократов.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 58/III. Карт. 4. Ед. хр. 4. Лл. 10–10 об.

²⁶ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

²⁷ Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. – С. 28.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧИНОВНИКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена деятельности чиновников Переселенческого управления в Туркестанском крае в начале XX в. Раскрывается деятельность Переселенческой организации в Семиречье, а также особой временной партии для образования переселенческих участков.

Ключевые слова: переселенческое управление, чиновничество, окраины, этнография, история, землепользование, Туркестанский край, Семиречье.

Изучение многих аспектов переселенческой политики России в конце XIX — начале XX в. особенно актуально для Казахстана и России, вынужденных ускоренными темпами формировать законодательную базу, способную регулировать миграционные потоки рубежа веков. Тема данной статьи — особенности деятельности чиновников Переселенческого управления в Туркестанском крае в начале XX в., период, когда огромное количество переселенцев ринулись на окраины российской империи.

Формирование полиэтнического и поликонфессионального населения Средней Азии и Казахстана своими корнями уходит во вторую половину XIX в., когда первые семьи переселенцев начинают заселять только что присоединенные к России территории. Переселение крестьян в Семиречье из Европейской России началось в конце 60-х годов XIX в., когда царское правительство укрепляло свое военно-политическое господство в пограничных районах Туркестана, побуждало крестьян к переселению и формировало семиреченское казачество. По мнению А.А. Кауфмана: «До начала XIX столетия заселение окраин определялось почти всецело политической потребностью, как способ упрочения в них русского господства»².

Корни формирования связей России и Казахстана уходят далеко в прошлое. Учитывая, какую огромную роль в утверждении схематичных представлений об историческом процессе сыграли официальная идеология и периодическая печать, освещавшая историю, этапы и процесс вынужденного присоединения Казахстана к северному соседу, возникает необходимость комплексного осмысления прошлого. Освоение и развитие в русской дореволюционной науке казахстанской тематики, ее

¹ Мийманбаева Фиалка Нуруевна, кандидат исторических наук, доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, Алматы, mfialka58@mail.ru;

Нода Лариса Павловна, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, Алматы, anod.64@mail.ru.

² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. – С. 197.

обогащение новыми знаниями, изучение проблем, пополнение новыми авторами, было обусловлено внешней и внутренней политикой государства — массовым процессом переселения, как добровольного, так и насильственного. Особый интерес представляют изыскания чиновников и военных. Прекрасно образованные, они не только служили, составляли отчеты по военному ведомству, но и публиковали в современных им журналах обширные этнографические, исторические материалы.

Военно-стратегическими мотивами руководствовалась Россия в своей завоевательной политике на юге и востоке в XVIII–XIX вв. В планах российской внешней политики Казахская степь занимала особое место в силу своего выгодного геополитического положения. Деятельность и произведения И. Алекторова, П. Рычкова, П. Палласа, И. Лепехина, И. Андреева, Т. Седельникова, Г. Колпаковского, С. Велецкого, П. Румянцева, М. Терентьева положили начало всесторонним исследованиям истории и быта народов, населявших Казахстан.

До сих пор не утратила значения деятельность Михаила Африкановича Терентьева (1837–1909). Генерал-лейтенант, интересы которого были обширны, остался в памяти как военный историк, лингвист, юрист. С 1866 г. Терентьев служил в Туркестане, в 1867 г. в Санкт-Петербурге издан составленный им «Толмач — спутник русских воинов (русско-турецко-сербско-греческий языки)». Во время службы в Средней Азии Туркестанский генерал-губернатор П. фон Кауфман поручил Терентьеву составить очерк истории завоевания края. Его произведение «Туркестан и туркестанцы», опубликованное в журнале «Вестник Европы», вызвало споры. Будучи в отставке Терентьев напечатал свой главный труд — трехтомную «Историю завоевания Средней Азии».

Одним из неординарных политиков начала XX в. был депутат I Государственной Думы, казак Верхнеуральского уезда Тимофей Иванович Седельников, который впервые в Госдуме поднял вопрос о положении казахов. Семь лет Т. Седельников прожил в Казахстане, два года — 1904 и 1905 — работал статистиком в Уральской области, где провел опрос представителей более 30 кочующих волостей. Зная изнутри нужды народа, исследователь писал: «Киргиз — кочевник, киргиз — скотовод, киргиз — «вольный сын степи», — только такого киргиза знает русская читающая публика, но это как раз и служит лучшим доказательством ее слишком недостаточного знакомства с киргизской жизнью»³. Однако этот взгляд укоренился в литературе не случайно, подчеркивает Т. Седельников, не в силу недостатка сведений о народе. Наоборот, «определенного сорта литераторами и определенными слоями самого кир-

³ Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колониальная политика правительства). — СПб, 1907, — С. 5.

гизского народа этот предрассудок распространяется и поддерживается вполне сознательно, из вполне конкретного, недвусмысленного расчета». Поверхностность сведений о проблемах окраин, их фрагментарный характер, которыми располагала власть, нежелание как отдельных представителей администрации, так и правительства вникать в нужды коренных жителей, нечестность отдельных российских чиновников и исследователей, прибывавших на границы России с определенной миссией, рождали подложные отчеты, которые зачатую не только не давали верных сведений, но и искажали проблемы. Так, по мнению Т. Седельникова, Ф.А. Щербина и А.А. Кауфман работали «по организации совершенно незаконного отобрания киргизских земель под переселенческие участки»⁴.

Федор Андреевич Щербина, земский статистик, член-корреспондент Петербургской АН (1904). В 1884–1903 гг. заведовал Воронежским земским статистическим бюро, землевладелец. С 1896 по 1903 гг. Ф. Щербина по указанию императора Николая II командирован в Казахстан для руководства экспедицией, снаряженной Министерством земледелия и государственных имуществ, по обследованию хозяйств степных областей и выявлению земельного колонизационного фонда. Бюджетные обследования экспедиции охватили 281 казахское хозяйство двенадцати уездов. Полученные экспедицией данные о бюджетах сведены в бюджетные таблицы, приведенные в 13 томе «Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей». Бюджетная таблица включает 282 бюджета.

Александр Аркадьевич Кауфман — экономист, статистик. В 1887–1894 гг. по поручению министерства государственных имуществ занимался исследованиями землепользования и хозяйства крестьян-старожилов и переселенцев в Сибири. С 1894 г. работал по поземельному устройству крестьян в Сибири, также по отводу земель переселенцам. Весной 1905 г. принял участие в аграрном совещании земцев и в выработке проекта аграрной программы конституционно-демократической партии, в которой до 1907 г. работал по земельному вопросу. В 1906 г. за представленную на степень магистра политической экономики диссертацию «Переселение и колонизация» получил степень доктора. Кауфман классифицировал и описал существующие формы хозяйствования, а также поднял вопросы организации переселенческих участков в Степных областях⁵.

⁴ Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). – СПб, 1907, – С. 6–7.

⁵ Кауфман А.А. Материалы по вопросам об организации работ по образованию переселенческих участков в Степных областях. (М.З. и Г.И. Департамент государственных земельных имуществ.) – СПб., Типография В. Безобразова и Комп., 1897. – 108 с.; «Переселенцы-арендаторы Тургайской области». – СПб., 1897; «Очерк работ по образованию переселенческих участков». – СПб., 1900; «Переселение и колонизация». – СПб., 1905.

В начале XX века аграрные волнения в России усилились. Правительство, стремясь снять накал классовой борьбы в центре, видело выход в расширении переселения крестьян на окраины страны. Переселенческая политика царизма обусловила необходимость открытия землеотводных работ в Туркестанском крае. В январе 1904 г. при министерстве земледелия и государственных имуществ Государственным Советом России была сформирована Особая временная партия для образования переселенческих участков в Семиреченской области, на нужды которой было выделено 109 090 руб. Заведующим партией для образования переселенческих участков в Семиреченской области был назначен титулярный советник Орест Шкапский, работавший в Сыр-Дарьинском областном правлении чиновником по сельскохозяйственной и оброчной частям [17]. Решение правительства об образовании переселенческой партии было обусловлено необходимостью скорейшего обустройства переселенцев-самовольцев из Европейской России, а также страхом перед возможными неурожаем в Сибири, что сулило огромный наплыв крестьян в Семиречье, и, пожалуй, главное — политическими соображениями — для упрочения русской власти в крае. Переселенческий закон 6 июня 1904 г. был попыткой выхода из создавшегося земельного кризиса. Вопреки тяжелому положению в Семиречье, правительство, в связи с идеей специального переселения, рассчитывало значительную часть крестьян разместить в Туркестане⁶.

В 1906 г. в Семиречье был открыт Переселенческий район. В январе 1906 г. Главным управлением землеустройства и земледелия в область для «заведывания на местах переселенческим делом, объединения деятельности землеотводных и гидротехнических партий и местных переселенческих организаций»⁷ был командирован чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Сергей Николаевич Велецкий, работавший ранее в Полтавской, Уфимской губерниях, Акмолинской области заведующим хозяйственно-статистическим исследованием губернии, производителем работ, заведующим временной партией по заготовке переселенческих и запасных участков⁸. С.Н. Велецкий, в целях ускорения водворения переселенцев в Семиречье разделил область — для ускорения переселенческого дела — на три подрайона и назначил в них производителей работ — Архангельского, Андерсона и Тарвида. В 1906 г. было исследовано 6 волостей в Пишпекском уезде, в Верненском — 3, в 1907 г. было исследовано уже 8 волостей Лепсинского уезда⁹.

В докладной записке начальнику Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия в апреле 1909 г. П.П. Ру-

⁶ 19. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. – С.3.

⁷ ЦГА РК. Ф. 44. Оп.1. Д. 2529. Л.1.

⁸ ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 270. Лл. 5 об., 6 об., 7 об., 8 об.

⁹ ЦГИА РФ. Ф. 391. Оп.3. Д. 1354, Лл.1 и об., 43, 50.

мянцев изложил план реорганизации статистических работ в Семиречье: «В центре программ статистического исследования должны быть наряду с вопросами относительно границ и условий киргизского землепользования вопросы о системе арыков и об условиях пользования ими. Статистик должен выяснить состав каждой киргизской общины, определить по живым урочищам границы ее землепользования, нанеся их на составляющуюся им схематическую карту, внутри границ общины должны быть определены отдельные угодья и нанесена сеть арыков. Вышеуказанные вопросы наряду с вопросами об условиях пастбищного и стойлового содержания скота и кочеваний киргиз, о сенокосении, земледелии, составят содержание так называемых общинных и аульных бланков. Я находил бы полезным работы статистиков по этому вопросу возможно тесно согласовать с работами специалистов-почвоведов и ботаников. Учет киргизских хозяйств будет производиться путем сплошной подворной переписи»¹⁰. В целях ускорения исследования уездов и повышения производительности труда он организовал 6 статистических партий и пригласил для работы опытных, грамотных статистиков. В качестве помощника П.П. Румянцев пригласил П.И. Попова, занимавшего должность заведующего оценочно-статистическими работами Харьковского губернского земства, проработавшего в области статистики десять лет. На должность заведующих партиями были приглашены Д.И. Дзюба, А.Л. Бурьгин, В.Ф. Измайлов, работавшие статистиками при обследовании киргизских хозяйств в Акмолинской области. В качестве регистраторов были приглашены люди, участвовавшие в статистических работах в Акмолинской области. В г. Верном П.П. Румянцев организовал бюро, в задачу которого входило продолжать разработку собранных экспедицией материалов. К концу исследования значительная часть собранного материала была подвергнута первичной цифровой обработке¹¹.

Значительный труд, к которому обращаются исследующие историю Казахстана, издан в 1900 г. в Казани — «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» (казахах — *Ф.М., Л.Н.*). Его автор — Александр Ефимович Алекторов (1861–1918), библиограф, этнограф и просветитель, действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Занимался сбором и публикацией материалов по скотоводству, земледелию, обрядам, обычаям, народной медицине, играм, фольклорному песенному и поэтическому творчеству казахов.

Итак, в данной статье отражены особенности деятельности чиновников Переселенческого управления в Туркестанском крае в начале XX века. Проанализированы лишь выдающиеся чиновники, оставившие неизгладимый след в истории России и Казахстана.

¹⁰ Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1354. Лл. 17 и об., 18.

¹¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1354. Лл. 21, 22 и об.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО СТАТУСА УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена характеристике процесса трансформации общественно-политического и правового статуса украинского крестьянства в Российской империи начала XX в.

Ключевые слова: правовой статус, модернизация, крестьянство, менталитет, политизация, крестьянин-идеоман, политические партии.

Социально-экономическое развитие Украины конца XIX в. характеризовалось тесным переплетением элементов прогрессивной эволюции и элементов отжившего себя феодально-крепостнического способа производства. На такой почве вызревали те объективные причины, которые обусловили в начале XX в. общественно-политическую активность крестьянства и изменение его правового статуса.

Предметом нашего научного исследования является трансформация социально-экономического, общественно-политического, правового статуса крестьянства, его субъективизация, как части российского имперского социокультурного организма.

Вопросам политизации крестьянства, его политическому и правовому статусу, было посвящено много трудов и публикаций. Однако эта проблема требует дальнейшего исследования и изучения.

Мы согласны с мнением Ю. Присяжнюка и В. Бондаря, что во второй половине XIX – начале XX в., в украинском обществе происходит модернизация, которая означает причастность к социально-политической жизни различных групп населения через движения, партии, разделение властей, политические выборы, местное самоуправление и др.² Под влиянием модернизации в начале XX в., происходит трансформация массового сознания и наблюдаются тенденции ментальных сдвигов, которые были проявлением кризиса традиционной системы ценностей крестьянства. Глубокие противоречия пронизывают всю структуру и содержание культурных ценностей, а именно — понимание условий, средств и ценностей человеческой жизни. Представляется, что эти сдвиги в значительной степени вытекали из самого уклада крестьянской жизни и особенностей крестьянской ментальности. Элементы нового в сознании сочетались как

¹ Бундак Елена Анатolieвна, кандидат исторических наук, доцент, Луцкий институт развития человека Университета «Украина», Украина, Луцк, olenabundak@gmail.com.

² Бондар В. В., Присяжнюк Ю.П. Сучасна історіографія пореформеного селянства. Український історичний журнал. 2011. № 2. – С. 181.

с видоизмененными, так и с изоморфными социальной архаике формами традиционного менталитета. При этом сохраняется устойчивость архетипов крестьянской ментальности. Поэтому новые тенденции были не способны разрушить традиционалистские парадигмы сознания, существовали параллельно и во взаимодействии с ними. При модернизации, кардинальные изменения претерпевает социальная структура, происходит «социальная мобилизация»³.

Соответственно законодательству Российской империи, крестьянство, несмотря на многомиллионную численность, было отделенное от остального общества и самостоятельно не могло решить насущные вопросы бытия. Административная и юридическая сегрегация крестьянства приводила к сохранению значительных рудиментов патриархальных социально-экономических отношений.

По заключению А. Голубева, культурная модернизация крестьянства происходила неравномерно, была незначительной и в основном оставалась традиционной⁴. А любая традиция, независимо от ее содержания, может сдерживать творчество или новации, предлагая готовые рецепты для решения современных проблем. Ю. Присяжнюк, исследуя процесс модернизации и изменений в повседневной жизни крестьян, утверждает, что она изменила аграрные отношения, но существенно не повлияла на традиционализм и мировосприятие крестьян. Глубинные основы крестьянской культуры, сознания, психологии, остались такими же⁵. Судовые тяжбы в селе происходили преимущественно по обычному праву «по правде и справедливости». Это право было достаточно эластичным и в каждом конкретном случае получало различную трактовку. Поэтому у крестьян не выработалось понимание постоянства и «твердости права»⁶. Поскольку официальное право охраняло частную собственность помещиков, которые не прилагали физических усилий к ее приобретению, оно в глазах крестьян было несправедливым. Они считали, что земля и инвентарь господ, нажитые «несправедливо», следует поровну разделить между теми, кто на ней работает.

Жесткая опека и репрессии государственных органов, значительные налоги, безземелье и бедность, создали в сознании крестьян стереотип

³ Турченко Ф. Г., Турченко Г.Ф. Південна Україна: модернізація, світова війна, революція (кінець XIX в. – 1921 рр.): Історичні нариси. М., 2003. – С. 40.

⁴ Голубев А. Архаичное сознание в контексте новейшей российской истории // Реформы и реформаторы в России. М., 1996. – С. 183.

⁵ Присяжнюк Ю. Українське селянство Наддніпрянської України: соціоментальна історія другої половини XIX-початку XX ст. Монографія. Черкаси: Вертикаль, 2007. 640 с. : іл.

⁶ Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. Выпуск 2. М. 1998. С. 239; Рыльский Ф. К изучению украинского народного мировоззрения. Экономические отношения / Ф. Рыльский. К, 1903. – С. 26.

враждебности к ним государственной власти и высших слоев общества. Крестьяне мечтали о счастливой жизни на справедливо разделенной господской земле, с сельским самоуправлением и судом, без влияния государственных структур и «городского» большого общества. Поэтому, вводимые правительством изменения, которые в основном негативно отражались на крестьянстве, выработали в них инстинкт самосохранения, который проявлялся, по мнению Г. Зеленько, в закрытости и неприятии каких-либо модернизационных импульсов от власти⁷.

Однако дальнейшие политические события, показали постепенные изменения в политическом мировоззрении крестьянства. Детальное рассмотрение процесса политизации украинского крестьянства в начале XX в., осуществлено О. Бундак⁸. Первый этап соотносится с отменой крепостного права и изменением психологии крестьянина. Получив личную свободу, не будучи ни от кого зависимым, крестьянин хотел реализовать себя только в трудовой деятельности. Но, не имея собственного надела, или имея мизерную долю, согласно собственной психологии, претендует на нечто большее, а именно: на большую часть земли.

По отношению к власти крестьянин занимал двойственную позицию: в силу привычки не мог отказаться от существующего положения вещей (существование царской власти, государственных и административных институтов), не представляя себя без защиты государства, с другой, — часть более дальновидных крестьян претендуют и хотят определенных изменений — смены сельского старосты, перераспределения земли и др. По заключению некоторых современных исследователей, в украинском крестьянстве наблюдалось «принципиальное неприятие... идеи модернизации», которое проявлялось в миграционных процессах: украинские крестьяне обходили города и двигались в поисках свободной земли, в города шла лишь небольшая часть (из тех районов, где уровень грамотности был выше)⁹.

Индустриализация, происходившая в определенных хронологических рамках, не привела к формированию в Украине структуры индустриального общества и не охватила села: оно оставалось аграрным. Как следствие, с 1860 до 1905 г. в украинских губерниях малоземельного население стало вдвое больше, а в некоторых — в три раза¹⁰. На первом этапе

⁷ Зеленько Г. «Навздогінна модернізація»: досвід Польщі та України. К., 2003. – С. 36.

⁸ Бундак О. А. Вплив загальнодержавних процесів у Російській імперії на політизацію українського селянства наприкінці XIX – початку XX ст. Науковий вісник. СхУ імені Л. Українки: Історичні науки. Луцьк: ВНУ імені Лесі Українки, 2013. № 12 (261). – С. 15–20.

⁹ Історія України / Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Вид. 2-е, зі змінами. Львів: Світ, 1998. – С. 194.

¹⁰ Мірза-Авакянц Н. Селянські розрухи на Україні 1905–1907 року. Харків: Державне видавництво України, 1925. – С. 143.

политизации, крестьянство приобретает элементы национального самосознания: видит свое место, роль и назначение в этнонациональной структуре общества, осознает свою причастность к событиям, начинает частично понимать этнополитические процессы, которые их окружают, а также формируют способность принимать и искать многомерные, компромиссные пути их реализации.

Второй этап, хронологически соотносится с началом XX в., а именно – экономическим кризисом 1900–1903 гг., который охватил не только Российскую империю, но и большинство стран мира; предреволюционными и революционными событиями 1902–1904, 1905–1907 гг.; Столыпинской аграрной реформой 1906 г.; Манифестом 17 октября 1905 г.; созданием и деятельностью разноплановых организаций, в том числе, Всероссийского Крестьянского Союза (далее – ВКС).

Среди факторов, побудивших общественно-политическую активность крестьянских масс, следует выделить: 1) земельная проблема. Главной причиной этого стало не массовое обезземеливание крестьянства в результате реформы 1861 г., а объективное утверждение рыночных отношений в сельском хозяйстве; 2) сохранение остатков крепостничества и на их основе — помещичьего гнета (отработки за аренду земли, пользование лугами и т.п.); 3) выполнение крестьянами в пользу помещиков и государства многочисленных натуральных и денежных повинностей (выкупные платежи, многочисленные натуральные повинности: дорожная, гужевая и другие); 4) поиск дополнительных заработков; 5) создание органов крестьянского самоуправления с определенными правами, полномочиями и компетенциями.

В. Бондарь и Ю. Присяжнюк говорят о крестьянском самоуправлении как о попытке российских властей законодательно урегулировать, унифицировать сложившуюся в веках общественную традицию, одновременно поставив ее под контроль государственного аппарата¹¹. Ю. Присяжнюк¹² утверждает, что сельские сходы представлялись земледельцам не как способ политической самореализации, а как возможность культурного общения, своеобразный культурный отдых. И объясняет это формальным участием крестьян в представительных структурах, а реализация политических амбиций этой категорией населения — была присуща незначительной части.

Мы не согласны с этим тезисом, поскольку крестьянство, при участии других социальных слоев, в начале XX в. активно участвует в создании собственных организаций и объединений и становится весомым сословием, привлекаемым к деятельности различных политических

¹¹ Бондар В.В., Присяжнюк Ю.П. Там же. – С. 181.

¹² Присяжнюк Ю. Там же. – С. 56.

партий¹³. Однако, мы солидарны с другими выводами Ю. Присяжнюка, что «часто в отношениях с сельской и волостной администрацией, особенно волостным судом, крестьянин чувствовал себя бесправным и беззащитным. Не структурированность, несовершенство сельской демократии, политическая инертность и социально-правовая ограниченность самого земледельца служили причиной бюрократизации местного самоуправления¹⁴; 6) многочисленные злоупотребления со стороны местного начальства, которое имело практически неограниченную власть на местах; 7) появление нового типа крестьянина, который, по выводам С. Корновенко, «сформировался за сорок пореформенных лет под влиянием модернизационных процессов, имевших место в Российской империи... на авансцену истории вышел новый крестьянин — крестьянин периода революции с революционными лозунгами»¹⁵. Появляется новый тип крестьянина-идеомана. «Произошла политизация не только индивидуального, а и коллективного крестьянского сознания. Это стало возможным прежде всего потому, что произошло внедрение на селе органов крестьянского самоуправления, наделение их правами, полномочиями, компетенциями. Крестьянские сходы получили статус мощных самоуправляющихся институтов крестьянства. Государство покровительствовало им. Они были выборные. Это была своеобразная «политическая школа» крестьянства, формирование его политического сознания и культуры, «обкатка» крестьянской выборности»¹⁶.

Первым масштабным проявлением политической активности крестьян была революция 1902–1904 гг. В отличие от предыдущих крестьянских выступлений, крестьянами-мятежниками использовалась новая тактика борьбы: не допускалось кровопролитие применительно к помещикам, зажиточным крестьянам и т.п., зато уничтожалась экономическая основа дворянско-помещичьего доминирования на селе. Это дает возможность нам согласиться с выводами В. Данилова о том, что выступление крестьян одного села по обычной причине становилось детонатором для выступления крестьян соседних деревень, образуя цепную реакцию, результатом которой стала масштабность крестьянских выступле-

¹³ Бундак Е.А. Политизация сознания украинского крестьянства в годы революций // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей / отв. ред. А.И. Шевелькова. Коломна: Московский госуд. обл.соц.-гум ин-т, 2013. – С. 229–236; Куреньшев А. А. Всероссийский Крестьянский Союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М.: АИРО–XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 336 с.; Федьков О. М., Магась В.О. Селянству – влада і земля! Всеросійський селянський союз в Україні у 1905–1907 гг. Кам'янець-Подільський : Кам'янець-Поділ. нац. ун-т ім. І. Огієнка, 2011. 320 с.

¹⁴ Присяжнюк Ю. Там же. – С. 196.

¹⁵ Корновенко С.В., Герасименко О.В. Селянин-бунтар. Селянська революція в Україні 1902–1917 гг. [монографія]. Черкаси, Чабаненко Ю.А., 2017. – С. 36–37.

¹⁶ Корновенко С. В., Герасименко О.В. Там же. – С. 37.

ний, территориальная распространенность, солидарность участников¹⁷. Территориально эти революционные события охватили ряд губерний Российской империи и Грузию¹⁸.

Эти бунты носили новый характер и свидетельствовали о произошедших на селе глубинных социокультурных трансформациях. Крестьяне осознали себя как отдельное социокультурное сообщество общеимперского организма, идентифицировав себя активным субъектом тогдашней истории, что было абсолютно новым явлением для Российской империи.

Происходит постепенная политизация как индивидуального, так и коллективного сознания крестьянства. Этот революционный всплеск был неожиданным для царизма, и характеризовался не только внезапностью, массовостью, но и радикальными настроениями и требованиями крестьянства. Крестьяне теряли нерешительность в своих действиях и упорно отстаивали свои интересы. Причем цепная реакция крестьянской неповиновения показывает силу крестьянской общины и говорит о «кризисе власти и различных политических сил в их понимании крестьянства»¹⁹. Это собственно и стало катализатором в борьбе различных политических сил за то, чтобы их союзником стало именно крестьянство, ведь этот общественный слой был количественно самым многочисленным, и от того, какую политическую силу поддержит, зависело дальнейшее политическое будущее империи. На втором этапе наблюдается процесс возникновения первых крестьянских организаций, который хронологически связан с началом деятельности так называемых «организаций уполномоченных» осенью 1905 г. Хронологически этот процесс совпадает с революционными событиями 1905–1907 гг. В Российской империи.

По заключению В. Сарбея — революционная активность крестьян в 1905–1907 гг. была волнообразной²⁰. Кроме того, идет русско-японская война (1904–1905 гг.), что существенно влияло на настроения крестьянства, ведь они составляли основную массу регулярной русской армии. Происходит активизация пропагандистской деятельности политических партий и разноплановых организаций, которые активно влияют на крестьянское мировоззрение.

Крестьяне принимают все более активное участие в общественно-политической жизни, начиная с низших звеньев. Местные крестьяне, избранные на крестьянском сходе, становятся членами «организаций уполномоченных». В Волынской губернии их действовало 4, в Подольской —

¹⁷ Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. – Электронный ресурс: <http://gorod.tomsk.ru>).

¹⁸ Корновенко С.В., Герасименко О.В. Там же. – С. 46.

¹⁹ Корновенко С.В., Герасименко О.В. Там же. – С. 53.

²⁰ Литвин В. Історія України (в 3-х томах) / В. Литвин. Том II. Кінець XVIII – початок XX ст. К., Видавничий дім «Альтернативи», 2005. – С. 610.

20, Киевской — 3²¹. Среди форм протеста, наиболее часто применялась стачечная борьба, которая проходила по более или менее похожей схеме. «Во всех селах беспорядки проявились в одинаковой форме, по предварительно составленной программе»²². Аналогичные организации образовывались повсеместно, переплетаясь с организованным движением сельских рабочих. Например, в Киевском уезде «...крестьяне-батраки во многих селах уже додумались до совместного обсуждения и урегулирования условий работы у помещика и тем самым, несомненно, организовали рабочие союзы, действующие вполне аналогично с рабочими союзами в городе. Везде, где появляются такие союзы, они обязательно требуют увеличения заработной платы и недопущения к работам сторонних крестьян»²³.

Кроме того, важнейшей характеристикой предложенного нами второго этапа политизации сознания крестьянства, является образование и деятельность ВКС — массовой крестьянской организации, созданной в 1905 г. Причем, особенностью ее развития и функционирования, была география этой организации²⁴. Ее представители требовали не только земли, но и свободы. Буквальное ее понимание определялось как требование народоправства, хотя конкретные формы его не определялись. В наиболее принятом варианте, это было участие всех слоев в выборах в местные органы власти, выборы в Учредительное собрание, а в большинстве случаев — сохранение института царя, который должен был стать главным администратором.

Деятельность ВКС была наполнена реальным содержанием, непосредственно влияла на политическое сознание, культуру и активность крестьянства. В частности, в работе II Всероссийского съезда ВКС 6–10 ноября 1905 г. приняло участие 187 крестьян-делегатов 27 губерний Европейской части империи. Кроме экономических вопросов, в повестке дня работы съезда стояли и вопросы введения всеоб-

²¹ Федьков О. М. Політичні партії і селянство в 1905–1907 роки (діяльність партійних та непартійних організацій в селах Правобережної України). Каменець-Подільський: Азбука-НОВА, 2007. – С. 187.

²² ЦДІА в м. Києві. Ф. 442. Оп. 704. Спр. 285.

²³ ЦДІА в м. Києві. Ф. 442. Оп. 704. Спр. 285.

²⁴ Сахаров С. Рабочее и социал-демократическое движение в г. Полтаве // 1905 год на Полтавщине (Сборник). Полтава, 1925. – С. 9-24; Дроздов И. Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции в Черниговской губернии в годы Первой Революции 1905–1906 гг. М.: Гос. изд-во, 1925. 192 с.; Когон Э. Крестьянское движение в Екатеринославский уезде в 1905 г. Летопись революции. 1928. № 6. – С. 169–229; Его же. Крестьянское движение в 1905 году // 1905 год на Николаевщине. Хроника, статьи и материалы по истории революции 1905 года на Николаевщине. Николаев, 1925. – С. 305–333; Опаловый В. 1905 год в Крыму. Симферополь: Крымгосиздат, 1931. 40 с.; Яременко А. Обзор крестьянского движения 1905–1906 гг. на Киевщине // 1905 год в Киеве и Киевской области. Сборник статей и воспоминаний. К., 1926. – С. 169–227.

щего избирательного права, демократизации крестьянского местного управления.

Крестьянское самоуправление стало катализатором общественно-политической активности крестьянства в период революции 1905–1907 гг. Осенью 1905, когда революция достигла своего пика, образовались крестьянские республики — неформальные административные объединения, которые брали на себя часть властных полномочий в местностях до пределов волостей или уездов²⁵. Фактически, украинские крестьянские республики в селе Большие Сорочинцы на Полтавщине и в селе Люботин Сумского уезда на Харьковщине — результат естественной политизации крестьянства, развития крестьянского самоуправления. Их организаторами и руководителями были официальные лица крестьянского самоуправления²⁶.

С. Корновенко подчеркивает феноменальность революционного образования крестьянских республик в их составляющих. «Во-первых, они показали, что произошла «революция в уме» земледельцев. Крестьянская революция носила, помимо прочего, и политический характер. Она не ограничилась социально-экономическим содержанием, как об этом говорилось в историографической традиции. Во-вторых, переход власти к крестьянам происходил бескровно. В-третьих, крестьянские республики стали первым опытом реальной политической борьбы крестьян. Таким образом, крестьянство заявило о себе как о полноправном активном субъекте тогдашнего российского имперского социокультурного организма. В-четвертых, крестьянство продемонстрировало способность быстро учиться политическому опыту, эффективно управлять, что было неожиданным как для революционного»²⁷.

Как справедливо отмечает С. Священко, радикализация общественно-политической активности крестьянства активизировала работу провластными институтами аграрных инициатив. Фактически в 1902–1906 гг. работа различных комиссий, совещаний проходила под влиянием революционных событий, динамики их развития²⁸. В указе Николаем II от 12 декабря 1904 г., были изложены основные положения относительно усовершенствования государственного

²⁵ Кудинов Д. Сумская крестьянская республика в отечественной и зарубежной историографии [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://issuu.com/history.sumy/docs/82_90/7?E=3773362/6155836.

²⁶ Верховцева И. Сословное самоуправление и протестный движение крестьян в Российской империи в начале XX в.: «крестьянские республики» / И. Верховцева // Современные вызовы для гуманитарных наук в условиях глобализации. Материалы международной научно-практической конференции. Львов, 2015. – С. 76–78.

²⁷ Корновенко С.В., Герасименко О.В. Там же. – С. 62.

²⁸ Священко З.В. Проправительственные аграрные инициативы в Российской империи в начале XX в. Умань, 2013. 440 с.

порядка²⁹. Император, под влиянием крестьянской революции, показал готовность к изменениям, даже если они обуславливают изменения в законодательстве. Приоритетной задачей определялось улучшение благосостояния крестьянства. Речь шла о правовой интеграции крестьян в общеимперское правовое поле. Прежде всего, законодательство о крестьянах становилось частью общегосударственного, согласовывалось с ним. Власть должна всячески способствовать тому, чтобы крестьяне беспрепятственно и без осложнений пользовались всеми правами, предоставленными им государством, своим правовым статусом «полноправных свободных сельских жителей».

Манифестом от 17 октября 1905 г., крестьяне получили избирательные права³⁰. Положение крестьянства в годы реализации аграрной реформы П. Столыпина характеризовалось несколькими основными факторами. Во-первых, крестьянин получил статус «полноправного свободного сельского жителя»; во-вторых, имея опыт создания и объединения в разноплановые организации, активно отстаивает гражданские права; в-третьих, с ним считается царская власть, идет на определенные уступки, стремится сохранить институт самодержавия и «показать крестьянскую равноправное участие в политической жизни — выборы в ДУМУ»; в-пятых, активизация политических партий и их агитация показали, что крестьянство при умелой организации, способно уничтожить любой институт власти и правительство; в-шестых, существовали элементы отвлечения внимания крестьян от решения назревших вопросов — война, уступки правительства в виде различных указов, положений и комиссий, реальные предложения по урегулированию важного — земельного вопроса; в-седьмых, борьба внутри самого крестьянства в ходе реализации Столыпинской аграрной реформы.

Если анализировать период Первой мировой войны, то можно констатировать факт повсеместного ухудшения положения крестьянства, на плечи которого легли все ее тяготы. Но здесь следует отметить, что борьба фактически не прекращалась, активность крестьянства была постоянной. К борьбе привлекаются сельские женщины, заменившие мужчин, которые были на фронте.

²⁹ Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 г. К предначертанию к усовершенствованию государственного порядка // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов правительственному Сенату, рескриптов и положений Комитета Министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитно- предметного указателя. Изд. 3-е, пересмотренное и дополненное по 1 сентября 1908 года / Под ред. пр-доц. Н.И. Лазаревского. СПб.: Юридический книжный состав Право, 1909. – С. 3–6.

³⁰ Манифест о усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., Юридическая литература, 1994. – С. 41.

Все это стимулировало новый виток революционной активности, проявившийся в событиях 1917–1922 гг. За годы войны и гражданского противостояния, накопилась большая усталость от беспорядка и анархии. Деструкция административных структур, нарастание анархии, вал насилия, привели к психологическому слому широких слоев общества. Между «свободой» и «порядком» в понимании крестьян, население начинает отдавать предпочтение последнему. На ситуацию безвластия и беззакония, крестьянство реагировало так: «милиция направляет к мировому (судьи) — тот не разбирает. Это свобода! Пусть пропадет и воля! Нужно сейчас одно: «земля и власть». Власти твердой, хоть самодержавной власти, хоть царя, чтобы спокойствие и порядок»³¹.

Таким образом, общественно-политические события начала XX в., существенным образом повлияли на изменение правового статуса крестьянства, что, в свою очередь, стимулировало активность и постепенную политизацию его сознания.

Мы не претендуем на исключительность положений, изложенных в данной статье, но считаем, что процесс трансформации правового статуса крестьянства происходил по восходящей линии, вместе с политизацией сознания крестьянской массы.

³¹ ЦДАВО України. Ф. 538. Оп. 1. Спр. 116.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕЛЕЦКОМ УЕЗДЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.²

Статья посвящена изучению причин протестного движения на селе в начале XX в. В рамках проблематики рассматривается распространение аграрного движения в Орловской губернии, в частности в Елецком уезде, взаимодействие местных органов власти с крестьянским сообществом в рамках аграрной политики царского правительства.

Ключевые слова: крестьянство, аграрная политика, погромное движение, обычное право, Елецкий уезд.

В отечественной исторической науке исследование такого явления как массовый народный протест в советский период являлось одной из важных тем для изучения. В первую очередь рассматривались социально-экономические предпосылки аграрных беспорядков в сочетании с классовым подходом и ростом революционных настроений. В тоже время во многих работах ощущается недооценка правового содержания землепользования в русской деревне и ее связь с аграрным движением начала XX в. В настоящее время имеется много работ, рассматривающих как воздействие законодательства Российской империи на аграрные отношения, так и особенности обычно-правового мировоззрения русского крестьянства, игравшие определенную роль при защите своих интересов, касавшихся земельного вопроса³.

Нормы обычного (традиционного) права — неписьменного закона, в котором были сосредоточены морально-этические нормы традиционного патриархального общества, должны были защищать интересы

¹ Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Россия, Елец, zhirov-nikolai@mail.ru.

² «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 19-49-480002».

³ Безгин В.Б., Мужичкая правда. Обычное право и суд русских крестьян. М: Common place, 2017. 334 с; Земцов, Л.И. Крестьянский миръ и война (1914–1916 гг.) // История: факты и символы. 2017. №2. С. 110–119. DOI: 10.24888/2410-4205-2017-11-2-110-119; Земцов Л.И. Крестьянские представления начала XX века о праве собственности на землю.// Русь, Россия, Средневековье и Новое время. 2009. №1. – С.116–117; 2003; Михайлюк А.В. Правосознание крестьян Российской империи в конце XIX–начале XX в. // Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XXI века: сборник статей/ отв. ред. А.И. Шевельков. Колонна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. – С.170–175; Шатковская Т.В. Обычно-правовые основы земельно-распорядительной деятельности российских крестьян второй половины XIX–начала XX вв. // Философия права. 2008. № 4. – С. 18–22.

членов этого общества, отражая некую проекцию справедливости. Развитие гражданского законодательства постепенно вытесняло обычное право из жизни населения, особенно этот процесс усилился в пореформенную эпоху. Но, гражданский кодекс порой не совпадал с крестьянским пониманием справедливого закона, и это побуждало жителей села обращаться к обычному праву в тех случаях, когда законодательство не защищало их интересов.

Земля в понимании русского крестьянина всегда принадлежала тому, кто на ней работает. Работая на помещичьих землях, сельские труженики считали их исконно своими, что соответствовало понятиям обычно-правовых норм. Но, изменения в системе землепользования, развитие капиталистических форм землевладения не совпадали с этими представлениями крестьянина о земле. Земельный вопрос к началу XX в. начал приобретать форму остро нерешенной проблемы. В это время уровень запашки в Орловской губернии стремился к 85% и среди губерний аграрного пояса Центральной России этот показатель был превышен только в Курской губернии — 88%. В крестьянском земледелии почти повсеместно царило трехполье. Вследствие примитивного земледелия, почти лишенного элементарной агротехники, на большей территории Орловской губернии началось сокращение фонда плодородных пахотных земель.

Демографический бум начала XX в., осложнял и так непростое социально-экономическое положение сельского населения. Например, в Орловской губернии естественный прирост населения ежегодно составлял от 35 до 45 тыс. чел.⁴ Численность жителей стала постепенно превышать необходимое количество земли для ведения продуктивного хозяйства. С 1877 по 1905 гг. у бывших владельческих крестьян Орловщины земельный надел уменьшился в среднем с 8,3 до 5,9 дес., у государственных — с 11,6 до 8,3 дес.⁵

Сокращавшееся количество и качество крестьянской надельной пашни все меньше обеспечивало благосостояние жителей села, а порой элементарно не могло его прокормить. На этот счет есть разные точки зрения, например, Б.Н. Миронов придерживается позиции постепенного роста благосостояния жителей империи на рубеже XIX–XX вв.⁶ Другая часть исследователей говорит об ухудшении социально-экономического

⁴ Обзор Орловской губернии за 1900 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1901. 199 с; Обзор Орловской губернии за 1914 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1915. 212 с.

⁵ Статистика землевладения 1905 года: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб, 1907. – С. 39.

⁶ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века /Б.Н. Миронов. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.

положения большей части жителей российского села указывая, что истоки революционных событий 1905–1907 гг. стоит искать именно в этой плоскости⁷.

Аграрное движение на территории Орловской губернии вплоть до революционных событий 1905–1907 гг. не имело широко размаха. Социальный протест в среде местного крестьянства был достаточно умеренным, а единичные выступления (с 1901–1904 гг. было зафиксировано только по одному бунту в год) были локальными, без актов реального насилия и существенного материального урона⁸.

В соседних губерниях ситуация была значительно хуже, особенно в Курской и Черниговской. Дальнейший рост недовольства крестьян уровнем своей жизни в итоге вылился в аграрные беспорядки⁹. Термин «погромное движение», часто употреблявшийся в советской историографии, в настоящее время упоминается реже, так как по мнению современных исследователей в области права протестное (аграрное) движение в деревне начала XX в. было основано на крестьянском понимании справедливости и находилось в рамках норм обычного права¹⁰.

В начале февраля 1905 г. волна аграрных беспорядков захлестнула губернии аграрного центра (Курскую, Орловскую, Черниговскую, Тамбовскую). Крестьяне разоряли помещичьи экономии, забирая продовольственные запасы барских усадеб. Крестьянство требовало земли, снижения арендной платы за помещичьи угодья и т.д. Особенно острая ситуация складывалась в Елецком, Ливенском, Севском и Трубчевском уездах Орловской губернии.

Весною 1905 г. только в западных уездах Орловской губернии было зафиксировано более 50 массовых выступлений крестьян. На период летних полевых работ аграрные беспорядки потеряли свою массовость и масштаб, но сразу после сева озимых хлебов во всех земледельческих губерниях Центральной России возобновились погромы владельческих экономий. Согласно отчетам полиции ситуация стала стремительно ухудшаться после возвращения крестьянской молодежи с сезонных сельскохозяйственных работ из южных регионов¹¹.

⁷ Карпачев М.Д. О социальных истоках русских революций начала XX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, Политология. Социология. 2015. №3. С. 21–28; Нефедов С.А. Об экономических предпосылках русской революции /С.А. Нефедов // Общественные науки и современность. 2005. №3. – С. 83–96.

⁸ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. Сборник документов. М.: Наука, 1998. С. 312.

⁹ Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. /В.П. Данилов // Крестьяне и власть: Материалы конференции. М., Тамбов. 1996. – С. 4–23.

¹⁰ Земцов Л.И. Крестьянские представления начала XX века о праве собственности на землю. // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. 2009. №1. – С.116–117.

¹¹ Жирова М.С. Отражение крестьянских волнений 1905 г. в документах политической полиции (Елецкий уезд Орловской губернии) // Filo Ariadne. 2016. № 4.

Как правило, на заработки уходили малоземельные крестьяне, но урожаем 1905 г., охвативший большую часть Европейской России, не позволил пополнить семейные бюджеты трудовых мигрантов. Не имея должного количества денежных и продовольственных запасов, бедняки начали громить помещичьи усадьбы и предприятия. Местные власти были вынуждены обратиться за помощью в штаб Московского военного округа с просьбой прислать войска для подавления аграрных беспорядков. После декабрьского вооруженного восстания 1905 г. революционная волна в аграрном центре стала снижаться. За революционный период в Орловской губернии состоялось более 330 крестьянских выступлений. Большая часть из них была ликвидирована при помощи полицейских команд и военных подразделений.

В целом, крестьянские выступления носили локальный характер и в основном были вызваны накопившимися проблемами в области землевладения. 28 октября крестьяне с. Свишни Стегаловской волости в количестве 60 человек пришли в имение купца Ростовцева при д. Пальцевой и требовали возврата денег, взятых у них управляющим за потраву гречихи. Другая часть крестьян самовольно рубила лес землевладельца В.А. Варгунина у с. Долгого Казацкой волости. Пристав 3-го стана Елецкого уезда просил крестьян этого не делать. Они приносили свои извинения и заявляли, что их безвыходное положение заставляет так поступать, ибо им нечего есть и нет топлива. Крестьяне просили помощи правительства и предупреждали, что если их просьба не будет уважена через 2 недели, они будут вынуждены добывать необходимое нелегальным путем¹².

Крестьяне с. Долгого, д. Волчей и Слободки Казацкой волости Елецкого уезда в ночь с 7 на 8 ноября разграбили и сожгли хутора находящиеся в 2-х верстах от с. Долгого. Ими же было разорено имение В.А. Варгунина, при чем зерновые хлеба увезли на подводах, забрали земледельческие орудия, скот порезали. 9 ноября теми же крестьянами разгромлено имение И.С. Турбина, который во время грабежа ушел в соседнюю д. Ильинку Стегаловской волости. В доме Турбина были выбиты стекла, вся мебель обращена в щепки, имущество растащено, порезано 60 овец и 5 коров, были зафиксированы значительные убытки¹³.

Подобные случаи были не редки. Крестьяне забирали то, что считали своим по праву. В полицейских отчетах подчеркивалось, что крестьяне прекрасно понимали, что преступают закон, но тут же указывали на его несправедливость. Например, временно и.д. помощника начальника ОГЖУ в Елецком уезде Корнет Шостаковский в своем рапорте от 14 июля 1905 г. отмечал: «В Елецком уезде повсеместно плохой урожай хлебов,

¹² ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 291. Л. 131.

¹³ Там же. Л. 137.

недостаток подножного корма. Крестьяне ждут и надеются получить помощь от правительственных учреждений. Благодаря этому настроение среди них спокойное. Если помощи не будет, то им придется идти на помещичьи гумна за кормом и всем необходимым для своего существования, т.к. заработков нет, и другого выхода из своего плачевного положения они не находят, тем более, что они обращаются к земским начальникам с просьбой походатайствовать за них, но последние отказывают, чем вооружают население против себя»¹⁴. По мнению крестьян, земля не может быть объектом собственности, она должна принадлежать и кормить тех, кто на ней работает.

Летом 1906 г. губернатор в своем отчете указывал, что главной причиной крестьянских выступлений в Елецком и прочих уездах был неурожай 1905 г. Что касается голода, то его удалось избежать благодаря мерам, принятым руководством губернии: в уездах, пораженных неурожаем, была проведена продажа хлеба нуждающемуся населению по приемлемой цене. Столыпинские преобразования, в первую очередь активизация переселения крестьянства сначала снизили, а потом полностью ликвидировали революционную активность сельского населения¹⁵.

Аграрное движение в годы Первой русской революции обнажило кризис существующей в стране системы землевладения и землепользования. Крестьянство, желая справедливого распределения земельных ресурсов, не всегда могло этого добиться законодательным путем. В экстремальных условиях (например неурожай 1905 г.), не найдя поддержки и понимания сложности ситуации от государства, жители села в отчаянии сознательно пресекали закон, ссылаясь на обычно-правовые нормы, отвечавшие их представлениям о справедливости.

¹⁴ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 291. Л. 76–76об.

¹⁵ Шагин Э.М. Переселение крестьян и его правовое регулирование в годы столыпинской реформы // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга, 2003. – С. 162.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Рассматривается влияние процессов демографической модернизации на различные стороны жизни крестьян. Показано, что демографические изменения стали важным фактором кризисных явлений и нарастания революционной ситуации.

Ключевые слова: крестьянство, демографическая модернизация, аграрное перенаселение, возрастной баланс населения

Изучение и осмысление изменений в жизни крестьянства эпохи модернизации второй половины XIX – начала XX в., требует учета всего комплекса социокультурных условий, среди которых особую роль играет демографический фактор.

Традиционные формы демографического и семейного поведения, семейных отношений, обеспечивали устойчивое воспроизведение населения, позволяли возобновлять его потери в годы исторических испытаний, потому как хорошо согласовывались с формами тогдашней социальной, экономической, политической жизни, были неотъемлемой частью ее системной организации. Но во второй половине XIX в. эти условия стали уходить в прошлое, а вместе с тем лишались опоры и приспособленные к таким условиям семейные структуры, формы и нормы семейных отношений².

В конце XVIII в. в Европе начался «демографический переход» — переход от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. В XIX в. отмечается значительный рост населения в странах Европы (что, возможно, стало одним из важных факторов, приведших к Первой мировой войне и революционным потрясениям начала XX в.).

Общей причиной коллапса раннемодерных аграрно-бюрократических государств в Евразии был демографический рост, одновременно ударивший по основным структурным компонентам социума: государству, элитам и массам. Демографический рост вызывает не недостаток ресурсов вообще, а кризис перераспределения ресурсов, вызванный социально-экономическими и политическими факторами. Кризисы повторялись

¹ Михайлюк Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Национальная металлургическая академия Украины, Украина, Днепр, mich_al@ukr.net.

² Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. – С.44.

до тех пор, пока «равновесие между людьми и ресурсами» каким-то образом не возобновлялось³.

С конца XIX – начала XX вв. демографическая модернизация становится неотъемлемой частью истории российского общества, отражает его своеобразие. Испытывая влияние конкретных исторических событий, политической обстановки, культурной ситуации, демографическая модернизация сама влияет на них. Как отмечают авторы книги «Демографическая модернизация России, 1900–2000», демографические изменения задевали самые глубокие пласты человеческого бытия, они охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь⁴.

Особенно быстрыми темпами, начиная со второй половины XIX в., росла численность населения Российской империи, собственно, ее европейской части. Темпы роста населения Европейской России, несмотря на то, что она отдавала определенную его часть в ходе колонизации окраин империи и сельскохозяйственных переселений, по сравнению с первой половиной XIX в. (6% в год в 1811–1851 гг.), выросли сначала вдвое (11–13% в 1851–1897 гг.), а к концу века — начала следующего — втрое⁵. На рубеже веков в Российской империи был с один из самых высоких в мировой истории уровень рождаемости. Общий коэффициент рождаемости по 50 губерниям европейской части империи был близок к 50 на тысячу человек населения⁶, тогда как в западноевропейских странах он колебался около 30 на тысячу⁷.

Демографический взрыв коснулся, прежде всего, низших слоев населения, главным образом, крестьянства. Процессы демографической модернизации в значительной степени изменяли важные стороны частной и публичной жизни крестьян.

Согласно дореволюционной статистики, в конце XIX в. основное отличие России от других стран заключалось в чрезвычайно высокой детской смертности, особенно на первом году жизни. Этому причиной были, прежде всего, бедность, невежество, вредные обычаи, недостаток врачей, отсутствие элементарных медицинских услуг,

³ Goldstone J. A. Theories of Revolution: The Third Generation // World Politics. 1980. Vol. 32. No 3. P. 425–453.

⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000. – С. 9.

⁵ Вишневский А. «Серп и рубль». Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. – С. 19.

⁶ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : Стат. очерки. М. : Госстатиздат, 1956. – С. 168.

⁷ Демографическая модернизация России, 1900–2000. – С. 29.

низкий уровень общей санитарной культуры крестьянского большинства населения⁸.

По словам А.Г. Вишневого, крестьянин в России жил как будто в самой глубине социальной матрешки: семья, община, все другие этажи⁹. «Личность прикручена к семье, семья к обществу, а общество зажато в кулак земского начальника», — писал К. Качоровский¹⁰. Семья в течение веков была наиболее крепкой и консервативной ячейкой общества. Именно в семейном быту, в порядке повседневной жизни, консервируемом и закрепляемом обычаем, хранилась и передавалась из поколения в поколение и социальная наследственность, которая в жизни любой социальной группы играет не меньшую роль, чем биологическая — то есть культура. Семейно-брачные отношения находились в поле зрения всего сельского общества и зависели от общественного мнения. В большей или меньшей степени все собственно семейные стороны жизни крестьян контролировались общиной¹¹. Крестьянское общество — общество патриархальное, в котором отношения основаны на господстве и подчинении. Сущность внутрисемейной иерархии определялась безропотным подчинением младших членов семьи старшим, жен — мужьям, детей родителям.

В крестьянских семьях детей рано приучали к ответственности и систематическому труду — это было одновременно и главным вопросом воспитания, и залогом выживания. Дети воспитывались в духе «страха божьего», подчинения взрослым и покорности родителям. К обычному воспитанию добавлялось еще и религиозное. Детям в крестьянской семье прививались определенные религиозно-моральные понятия. Прививались уважение к родителям, старшим и всякого рода начальству. Дети воспитывались «в строгости». Телесные наказания служили главным воспитательным средством.

В крестьянской семье существовало половозрастное разделение труда, мужчины, женщины, старики и подростки имели свои обязанности. Возрасту отвечало определенное занятие, занятие и определяло возраст. Подавляющее большинство крестьянских детей привлекались к работе с малых лет, а с 10 лет они уже считались самодеятельными. Жесткие условия производства в индивидуальном хозяйстве вынуждали крестьян работать до глубокой старости, до самой смерти. У хозяйственного крестьянина, — писал современник, — почти не существует другого взгляда на себя и на своих близких, как на рабочую силу, хозяйственную ценность, а не как

⁸ Там же. — С. 20.

⁹ Вишневский А. «Серп и рубль». Консервативная модернизация в СССР — С. 19

¹⁰ Качоровский К. Народное право. М.: Молодая Россия, 1906. — С. 53.

¹¹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX вв.). М.: Наука, 1976. — С. 204.

на личность. Основная мерка для человека — это успех или неуспех в работе. На этом культе труда основывается крестьянская этика¹².

Развитие промышленности и торговли, рост городов, увеличение подвижности населения способствовали постепенному отходу от патриархального жизненного уклада деревни, создавали определенные предпосылки для ограничения действия экзогенных факторов смертности. Росла грамотность населения, происходили некоторые улучшения в медицинском обслуживании. С конца XIX в. смертность стала постепенно снижаться, а рождаемость все еще оставалась относительно высокой.

Патриархальная семья как явление традиционного общества в условиях модернизации испытала значительные изменения. В результате развития товарно-денежных отношений, ослабления патриархальных принципов сельского быта, роста крестьянского индивидуализма происходил процесс дробления крестьянских дворов, численного роста малых семей, которые и стали к началу XX в. главной формой семейной организации. Этот процесс продолжался с начала 1880-х до конца 1920-х гг. и привел к тому, что патриархальная семья уступила место семье нуклеарной.

Причинами распада крестьянского двора становились семейные неурядицы, часто сопровождаемые ссорами, драками, судебными исками. Многочисленные источники свидетельствуют о росте конфликтов и ссор в семьях, неуважения к родителям и т.п. «В последние времена среди наших крестьян и в их семействах все больше и больше развивается ссор, беспорядка. Они уничтожают наше хозяйство. Доходит дело до драк, а порою и до убийства», — отмечал корреспондент журнала «Хлебороб»¹³. В этом проявился кризис традиционных общественных отношений и, в частности, семейных отношений как их основы. Многочисленные авторы отмечают, что дробление наделов вело к обеднению крестьян.

Для жизнедеятельности мелкого единоличного хозяйства нужно было привлечь максимум рабочих рук. Требования ведения хозяйства диктовали крестьянской молодежи необходимость рано вступать в брак. Высокая рождаемость в деревне удерживалась не только консервативными обычаями, но и причинами сугубо экономического характера. Трудовое крестьянское хозяйство без детей в рабочем возрасте никогда не достигало зажиточности, нехватка рабочих рук ограничивала возможности его роста. Более высокий коэффициент рождаемости был в бедных семьях. Здесь выходит своего рода замкнутый круг: для того, чтобы лучше жить

¹² Хохановский И. Народное миросозерцание в религиозно-моральном и социальном отношениях //Руководство для сельских пастырей. Журнал, издаваемый при Киевской Духовной Семинарии. 1912. Т. 3. № 41 (7 окт.). – С. 140.

¹³ Бутенко. Селянське життя //Хлебороб. Сельсько-хозяйственный двухнедельный журнал. Харьков., 1908. № 20. – С. 34–35.

нужно больше земли, а для того, чтобы ее обрабатывать, — больше рабочих рук. Но увеличение количества рабочих рук уменьшало площадь земли на человека, снижая тем самым уровень жизни. Следствием малоземелья и позитивной демографической динамики становился излишек значительной массы рабочих рук, аграрное перенаселение.

Рабочих рук для мелких наделов было более чем достаточно, но взрослые крестьяне-мужчины вынуждены были прибегать к заработкам на стороне, поэтому домашнее хозяйство и обработка земли ложились на плечи женщин, стариков, подростков. Низкая рентабельность крестьянских хозяйств вместе с необходимостью уплаты налогов делала заработки на стороне практически неизбежными. Почти 60 % крестьян с целью содержания хозяйства искало дополнительных заработков. Работники, возвращавшиеся в деревню, становились силой, подтачивающей патриархальность крестьянской жизни и подрывающей традиционные хозяйственные устои.

Согласно переписи 1897 г. люди до 30 лет составляли до 65% населения Российской империи¹⁴. В последующие годы доля молодежи росла, происходило омолаживание населения. Для патриархальных социумов и патерналистской государственной системы в целом любое нарушение демографического баланса и, особенно, резкий рост части молодежи в населении страны может иметь дестабилизирующие последствия. Для страны с подавляющим крестьянским населением, страдающего от малоземелья (вернее, от убежденности в недостатке земли), оно становилось взрывоопасным. Элементы т.н. юношеской деструктивности стали глобальным фактором. Важнейшее значение имело то, что юношеская деструктивность соединялась с аграрным перенаселением. Аграрное перенаселение стало следствием демографического взрыва, секторного разрыва между укладами в экономике, представляло сложно решаемую проблему для правительства, стало одной из главных причин кризисных явлений в сельском хозяйстве и роста социальной напряженности.

Молодежь первой ощутила на себе влияние социальных изменений. Она имела ряд «преимуществ» сравнительно со старшим поколением — больше шансов получить какое-то образование, больше миграционных возможностей. С появлением школ, развитием железнодорожного сообщения жизнь крестьян становится менее замкнутой. Сельская молодежь, попав в другую культурную среду, в город, на фабрики и заводы, постепенно теряла и морально-религиозные устои, вынесенные из деревни. Современники сетовали, что сельская молодежь, выросшая «в эпоху поли-

¹⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. I. СПб. Б.и., 1905.

тической разрухи», побывавшая на отхожих промыслах и «вкусившая изнанку городской культуры», не имела устойчивого мировоззрения¹⁵. Расширению контактов с внешней средой способствовало также то, что все молодое мужское население (за исключением старших сыновей в семье) отбывало воинскую повинность, отрывавшую на 6 лет от родной среды. Все это способствовало возникновению нового поколения крестьян, не знавшего крепостничества, более образованного, более открытого, более независимого и «фрондирующего»¹⁶.

Факторы патерналистского сдерживания перестали действовать. Старые семейные порядки в отношениях родителей и детей разрушались, ослабевало уважение к родителям. В той мере, в какой власть родителей еще сохранялась, она все больше держалась на одной лишь прямой экономической зависимости. Демографическая ситуация, аграрное перенаселение, объективно приводили к конфликту между детьми и родителями на почве распределения земельных наделов.

Была подорванна культура поведения, нарушен этический образ человека, процесс десоциализации нарастал, что способствовало созданию новых условий для развития преступности в низших слоях российского общества¹⁷. Уровень преступности растет, в первую очередь, среди молодежи. В начале XX в. значительную остроту и широкий общественный резонанс приобрела проблема хулиганства среди сельской молодежи¹⁸.

С конца XIX в. взгляды на воспитание детей и молодежи стали существенно меняться. Государство стало вкладывать значительные средства в развитие народного образования. Вырос уровень грамотности среди молодежи низших слоев населения. Однако рост образованности стал дополнительным дестабилизирующим фактором для существующей социально-культурной системы.

Представляется обоснованным мнение Р. Пайпса: растущая образованность населения, не сопровождаемая соответствующим расширением поля применения приобретенных знаний, только усиливала обеспокоенность низших классов¹⁹.

Из губернаторских отчетов начала XX в. можно видеть, что поколение людей, которым за 60 лет, вело себя по старинке спокойно, те, которым

¹⁵ Павловский Ф., священник. По вопросу о народных нравах в современной деревне // Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 44. Часть неоф. – С. 129–130.

¹⁶ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991: пер. с фр. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 1998. – С. 31.

¹⁷ Смирнов М. А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века : 1861–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кострома, 2006. – С. 61–64.

¹⁸ См. Михайлюк А. В. Хулиганство в селах Украины начала XX в. как проявление смеховой народной культуры // Докла. Одесса, 2011. Вып. 16. – С.132–143.

¹⁹ Пайпс Р. Русская революция: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 1. – С. 135.

за 40 оставались трудолюбивым слоем, а молодежь оказалась лишенной всяких авторитетов в своей среде. Не находя себе соответствующего ее запросам места в социальных структурах, молодежь проявляла деструктивную активность. Молодежь восставала против власти семьи и добропорядочного общества, всячески выражала свое недовольство традиционным укладом жизни — в нарушениях общественного порядка, глумлении над властью, богохульстве и т. п.²⁰

За четыре десятилетия, последовавшие за отменой крепостного права, все прежние равновесия были нарушены, а новые — еще не созданы. Российское общество вступило в полосу тяжелого, затяжного кризиса, не могла избежать этого кризиса и вся система семейных и демографических отношений²¹. В свою очередь, демографические изменения требовали социально-экономических и политических преобразований.

Раскрытие роли демографического фактора существенно обогащает и корректирует объяснения социальных процессов, происходивших в крестьянской среде во второй половине XIX — в начале XX в. Демографические процессы, протекавшие в пореформенной деревне, задевали в той или другой степени все стороны жизни крестьянства и в значительной степени определяли его развитие. Демографический фактор, изменения в возрастном балансе населения стали важным фактором нарастания революционной ситуации в начале XX в.

²⁰ Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: ТЭРРА, 1996. – С. 69.

²¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. – С. 62.

**ПРАЗДНИКИ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ 1911–1930-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕСТЬЯНСКИХ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ)²**

На основе дневниковых записей и воспоминаний крестьян Европейского Севера России прослежены изменения праздничной культуры сельских жителей, происходящие после установления советской власти.

Ключевые слова: *крестьянство, дневник, воспоминания, календарь, Декрет, традиции, религиозные и советские праздники.*

Праздничная культура имеет многовековые традиции. Она была связана с религиозным сознанием. Крестьянской праздничной обрядовости характерен синкретизм древних языческих традиций и православия³. После Великой Российской революции изменения коснулись всех сфер жизни общества, в том числе праздничной культуры. Интересно проследить каким образом сельское население реагировало на столь значительные трансформационные сдвиги, произошедшие в праздничной культуре⁴. Проследим некоторые тенденции сельской праздничной культуры по материалам следующих дневников: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, Памятная книжка пежемского крестьянина И.Г. Глотова, дневник заонежского крестьянина П.Т. Ананьина⁵.

¹ Жукова Вероника Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Россия, Вологда, zhukova_veronika@list.ru.

² Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а).

³ Жукова В.С. Религия и суеверия в повседневной жизни крестьян Европейского Севера России в первой трети XX в. (по материалам дневников и воспоминаний) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XV Международной научной конференции. – Иваново, 2016. – С. 357–363.

⁴ Жукова В.С. Трансформационное влияние революции 1917 г. на духовную жизнь крестьян Европейского Севера России (по материалам крестьянского дневника) // Культура. Политика. Понимание (Россия в революциях XX века: политические реалии и культурные контексты). Белгород, 2017. – С. 45–50.

⁵ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева 1906–1922 годы // Тотма: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 1997. – С. 245–517; На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. – М., 1997. – 324 с.; Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова. Новонайденные части дневника пежемского крестьянина Ивана Глотова (1906–1915, 1917, 1927–1929 гг.) // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. – Вельск, 2002. – С. 29–57; Текст дневника П.Т. Ананьина // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып.14. – С. 17–149.

В дневниках крестьян Европейского Севера России слова «праздник», «праздновал» используются довольно часто. Они практически всегда сопутствуют воскресенью. Кроме этого в крестьянских дневниках упоминается большое количество церковных праздников как общерусских, так и местных.

Некоторые изменения вводились на государственном уровне. Так, 26 января 1918 г. в Газете рабочего и крестьянского правительства был опубликован Декрет о введении западноевропейского календаря. С этого времени советская Россия переходила на григорианский календарь. П.Т. Ананьин дневниковые записи ведет по двум стилям, «старому и новому». А.А. Замараев ведет записи только по старому стилю. И.Г. Глотов переходит на двойной стиль написания с июня 1923 г. Вот как пишет А.А. Замараев в своем дневнике о переходе на новый календарь: «1 января 1920 г. Крестьяне все празднуют, в городах нет. Новый год. Кто старой, кто новый. Такая путаница»⁶. Крестьянин напрямую не дает оценки данному нововведению, но по его записям мы видим скорее негативное отношение, т.к. он использует слово «путаница» и пишет о том, что все отмечают новый год в разное время. В дневнике И.Г. Глотова от 14 января 1927 г. есть запись о праздновании нового года по старому стилю.

В дневнике П.Т. Ананьина в записях 31 декабря 1932 г. есть запись: «Топили байну и ходили. Митька у праздника на Устреки... старый год кончился». В записи от 1 января 1933 г. пишет что праздновали, но данный день приходится на воскресенье. Запись от 14 января 1933 г. содержит следующие сведения: «Праздник новый год по старому. Митька возил жерди в колхозы. Хозяйка и я праздновали»⁷. Из этого мы видим, что новый год по новому стилю является официальным праздником, а по старому стилю праздновало только старшее поколение семьи Ананьиных. В колхозе был рабочий день.

В имперский период сложилась система праздников, основанная в основном на церковном календаре, но были и гражданские праздники, связанные с императорской семьей. Так, в Дневнике А.А. Замараева есть следующая запись: «В ночь на 20 (февраля 1913 г.) уехал на Вожбал... по случаю торжества празднования 21 февраля 1913 г. — 300 лет царствования дома Романовых»⁸.

После установления советской власти уходят в прошлое праздники, связанные с императорской семьей. Значительно сокращается количество церковных праздников. Постепенно стала внедряться новая праздничная культура. Так, 1921 г. мы можем сделать следующий перечень

⁶ Дневник тотемского крестьянина... – С. 479.

⁷ Текст дневника П.Т. Ананьина... – С. 25–26.

⁸ Дневник тотемского крестьянина... – С. 296.

гражданских праздников Новый год, День 9 января 1905 г., низвержение самодержавия, День Парижской коммуны, День интернационала, День пролетарской революции. Кроме них остаются и церковные праздники: Рождество, Крещение, Благовещение, Пасха, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение. К 1931 г. из советского календаря ушли все праздники старого праздничного календаря. Мы можем представить следующий перечень государственных праздников: День 9 января, День смерти В.И. Ленин, День Красной Армии, Международный женский коммунистический день, День низвержения самодержавия, День Парижской коммуны и МОПРа (Международная организация помощи борцам революции), День памяти Ленского расстрела, День рождения В.И. Ленина.

Дневниковые записи А.А. Замараева охватывают период 1906–1922 гг. Рассмотрим, он что пишет в своем дневнике о Рождестве: 1912 г. «Провели весело»; 1913 г. «Провели вообще хорошо. Был весь день трезвой»; 1914 г. «Был у заутрени и обедни. Нынче молебен после обедни служили не такой, как раньше служили об избавлении России от нашествия французов, а нынче о даровании победы союзным народам над Германией. Праздник провели весело. Ноне все трезвые, вина нет.»; 1915 г. «Был у заутрени и обедни, народу много. Служба отошла рано. День провели весело»; 1916 г. «Встретили и провели праздник весело и хорошо, все трезвые»; 1917 г. «Был у заутрени и обедни. Нынче после молебна не служили. Провели первый день праздника как будто в каком-то угнетение, а нынче, действительно, не до веселья, как будто какая-то гроза нависла над всеми»; 1918 г. «Был у заутрени и обедни. Народу много, полна церковь. Празднуют и большевики»; 1919 г. «После заутрени выбирали церковного старосту»; 1920 г. «Был у обедни. Народу полна церковь. Провели тихо»⁹. А.А. Замараев в своем дневнике пишет и о других праздниках церковного календаря как общерусских, так и местных. К последним можем отнести, например, Память праведного Максима, Память преподобного Феодосия, Святого Пантелеймона¹⁰.

В дневнике И.Г. Глотова упоминаются такие праздники как Вознесение и Преображение Господне, Троицкая суббота, Духов день, Казанская Божия Матерь, Покров и Благовещение Пресвятой Богородицы, Рождество, Крещение Господне, Вербное воскресенье, Пасха, Ильин, Георгиев другие дни¹¹. В некоторых случаях выделялись воскресные дни как праздники. Запись от 19.08.1928 г. содержит следующее: Воскресенье «...Купил бутылку водки. Были гости: шурин, свояк с женами и теща и Александра Тихоновна с сыном, зятем и женой. Праздник провели хорошо».

⁹ Дневник тотемского крестьянина... – С. 297, 315, 342, 370, 401, 432, 459, 479, 498.

¹⁰ Дневник тотемского крестьянина... – С. 316, 317, 318.

¹¹ На разломе жизни... – С. 3, 68–69, 70, 71, 75, 77, 82, 84, 88, 89, 94, 97, 107, 108.

Довольно часто у крестьян фиксировалось наличие на праздниках спиртных напитков, но при этом чрезмерное употребление их скорее осуждалось, чем приветствовалось¹².

В крестьянских дневниках нет подробного описания, о том, как семья отмечала праздник. Некоторые сведения можно получить из воспоминаний, которые были собраны в 1987–2001 гг. в ходе историко-этнографических экспедиций по Онежскому району Архангельской области и опубликованы в книге «Не век жить — век вспоминать»¹³.

Со слов А.А. Неклюдовой (1918 г.р., с. Кушерека, вблизи Онежской губы) были записаны следующие воспоминания о праздниках: «Накануне Пасхи в баню ходили. Пасхальные куличи пекли в субботу. Батюшка ходил по деревне с ребятами. Носили икону Богородицы. Заходили в каждый дом. На Святки ходили ряжеными. Христа славили. Страшными хухольниками (ряжеными) называли тех, кто выворачивал шубу и надевал на себя. На крещение делали Иордань. Из храма приносили голубка (по видимости изображение Святого Духа в виде голубя). Голубка окурнут (окурнут) в воду и купаются на полотенцах. Полотенце крестный держит»¹⁴. А.А. Замараев отмечал в записях за 1913 г.: «Крещение ездил в город на воду. Масляная неделя. Сегодня торжество. Ходил к обедне на Вожбале... Вечером был на люминации в городе. Народу очень много. Устроена арка и освещение очень хорошее, множество фонарей, плашек и ракет... Игруют на каруселе, и кинематограф везде светит. 23 февраля 1913 г. Масленица. Вечером ходил в кинематограф. Хорошо, только сидеть близко, дак картины дрожат»¹⁵.

Чаще других в воспоминаниях упоминаются Масленица, Крещение, Пасха. Так, Л.А. Неклюдова (1918 г.р., с. Кушерека) вспоминает следующее: «На Масленицу угор поливали, ёлушками обставляли, по двое с горы катались. На лошадях ездили в саночках. Рядились в сарафаны. Шубы наизнанку, шалели. Однажды дядя караулил на уроге: накатал нас в снегу, все сарафаны перемочил. На Крещенье Иордань против церкви делали. На Пасху куличи вечером пекли, сыры делали в деревянных ящиках (пасаха), яйца красили»¹⁶.

В дневнике И.Г. Глотова, есть упоминание о праздновании именин, о днях Ангела. В записи от 20.01.1928 г. читаем: «Воскресенье. День моего

¹² Жукова В.С. Самогоноварение на Европейском Севере России в 1914–1928 гг. // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 169–175.

¹³ Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций). Онега – Архангельск – Москва. 2011. – 384 с.

¹⁴ Не век жить – век вспоминать... – С. 56.

¹⁵ Дневник тотемского крестьянина... – С. 294, 296.

¹⁶ Не век жить – век вспоминать... – С. 61.

ангела. Пошел 57-й год от рождения... Тая готовила кушанье. Были священник и дьякон со святой водой, сослужили молебен о здравии, потом обедали и пили чай...»¹⁷.

Интересной была традиция сельских вечеров (посиделок, бесед). Данные мероприятия имели большое значение для деревенской молодежи, на них происходило знакомство молодых людей и складывание пар. Начало посиделок в избах приурочивалось к окончанию полевых работ. Вечеринки сочетали в себе труд и развлечение. В зависимости от количества девушек в деревне могла проходить ни одна вечерка. Их начинали посещать девушки 12–13 лет. Переход с младшей беседы в более старшую происходил постепенно¹⁸. Для проведения бесед часто нанимали избу.

Девушки на вечерке составляли постоянное ядро и именно они работали. Девушкам давалось определенное задание. На беседе они занимались прядением, вышиванием или вязанием. Парни на вечерке не работали, за вечер могли обойти все окрестные деревни. На вечерках происходило усвоение норм поведения, пели, танцевали, играли в народные игры. Так, в дневнике А.А. Замараева есть следующая запись: «16 января 1914 г. память праведного Максима. Народу у обедни было очень много... Зовут девки подруг в гости. Сегодня игрищо у Петрухи, но дрянь. Ребята все хулиганы, одни матюки только есть»¹⁹.

Л.А. Неклюдова вспоминает о проведении вечёрок следующее: «Только зимой проходили вечерки. Летом некогда гулять. В деревне было шесть вечёрок. Откупали дом, каждая девка приходила с поленом дров. Пирог с собой приносили — хозяйке. Гармонистов было мало, они ходили с вечерки на вечерку. Гармонист раздвинет девок и сядет посередине. Рукоделие было вязание, кадрили танцевали, утушкой ходили. Весной на лужках собирались, потом клуб появился. Ходили на Остров, играли в лапту, волейбол. Вечёрки были на кухне, горели две керосиновые лампы-молнии, собирались к восьми часам и до двенадцати. На святках гадали. Вечёрки девки оплачивали. Когда мы были в школе, в шестом классе (около 1931 г.), у старух собирались на шутовые (детские, не настоящие) вечерки, дров не носили. Учителя ругались. Отец не пускал на шутовые вечерки»²⁰.

А.К. Вахтомина (1922 г.р. с. Малошуйка) наряду с зимними посиделками, вспоминает и о летних праздниках: «На лужок ходили девушки, молотки, что в этот год замуж вышли, и все, кто собирался. Больши праздники, весёлы, песенны были. Вечеринки начинались с Покрова (14.10. нов.

¹⁷ Памятная книга... – С. 222, 225.

¹⁸ Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. – М., 1997. – С. 36, 38, 41.

¹⁹ Дневник тотемского крестьянина... – С. 317.

²⁰ Не век жить – век вспоминать... – С. 61.

ст.). В ноябре — Михайлов день. Днём — беседа, вечером — вечеринка. На беседу и женщины приходили, без рукоделия, на праздники. На беседе песнь поют, кадрили ходят, утушку. Старушка одна, у которой в избе собираются, одна спотопляться не может, так девки ей по полену несут, полы моют, что-нибудь пекут, принесут калитки»²¹.

А.А. Барышева (1905 г. р., с. Малошуйка) о сельских вечеринках вспоминает следующее: «В школу отходим, и на вечеринку к старушке. Два полена принесем вечером, на праздник — по калитке, денежку. Полена бросали в сени. Старушка потом выносила в костерок (поленницу). Керосин сами покупали. Если приходил незнакомый кавалер, песню пели, он за это денежку на керосин давал... Парни ничего не носили на вечеринку, парни только в карты играли. Как пройдет неделя, две девушки оставались, пол мыли... вечеринку держали только с Покрова до Чистого понедельника (первый день Великого поста). Вечеринка с 7 часов до 12. Ходили с вязанием, чулочки, рукавички. Сидели на лавках, самая старшая — в большом углу, по одам (17–20), у дверей — самая младшая, на самом хвосте уж будут 15- и 16-годовалые. С вечеринки в 12 все уйдут, а по улицам ходят парочками. В кадрили ходили, больше никаких танцев не было»²².

В дневнике И.Г. Глотова есть в записи от 7.11.1931 г. упоминание о 14 годовщине Октябрьской революции, но данное событие не названо праздником²³. В дневнике П.Т. Ананьина есть сообщение о новых советских праздниках, в частности 07.11.1932 г. есть следующая запись: «Праздник Советской был дома... Митька ушел к советскому празднику к Карасозеру», причем подчеркивается, что советский праздник отмечает сын, т.е. более молодое поколение²⁴. Судя по записям, молодое поколение отмечало как праздники, связанные с религиозной традицией, так общалась и к новым советским. Некоторые по времени совпадали с религиозными: «Праздник советский и Митров день (день святого Дмитрия Солунского). Мы праздновали» (08.11.1932 г.). 23 февраля упоминается в 1935 г. «Я вязал седку. Митрий праздновал советский праздник. Марья в колхозе наваливала сено. Хозяйка уборщица»²⁵.

Не встречается в дневнике П.Т. Ананьина упоминания о днях 9 января, рождения и смерти В.И. Ленина, 8 марта, низвержения самодержавия, Парижской коммуны, памяти Ленского расстрела. В дневнике проводится разграничение между старшим и младшим поколениями. Младшее поколение празднует советские и традиционные праздники. Старшее

²¹ Не век жить – век вспоминать... – С. 70.

²² Не век жить – век вспоминать... – С. 100.

²³ На разломе жизни... – С. 289.

²⁴ Текст дневника П.Т. Ананьина... – С. 21.

²⁵ Текст дневника П.Т. Ананьина... – С. 81.

поколение советские праздники не отмечает, но в записях подчеркивается то, что массовый характер имело празднование именно традиционных праздников и воскресных дней.

В дореволюционное время особенно в сельской среде господствовало религиозное сознание, которое сопровождалось многочисленными церковными праздниками. Данные праздники сложились в довольно устойчивую традицию. С установлением советской власти связаны довольно большие изменения в календаре. Был произведен переход на новый календарь, что в крестьянской среде прижилось не сразу. Как мы видим, в своих дневниках довольно поздно перешли на новый стиль исчисления, а также вели свои записи по «старому» и «новому» стилю одновременно. Новый праздничный календарь стал постепенно «проникать» в сельскую, особенно молодежную среду. В жизнь населения страны стали входить государственные праздники не религиозного содержания. Несмотря на формирование новой традиции в период 1917–1930-х гг. в крестьянской среде Европейского Севера России не была сформирована советская праздничная культура.

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ХОДЕ СТОЛЫПИНСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Статья обобщает некоторые итоги работы с электронной базой данных «Переселение», составленной на местных архивных материалах для исследования миграционных связей между Тамбовской губернией и Азиатской Россией в годы столыпинских реформ. Показано, что традиционно привлекательной для тамбовских мигрантов позднимперского периода оставалась Западная Сибирь, прежде всего, Томская губерния.

Ключевые слова: мигранты; миграционные связи; столыпинское переселение; Тамбовская губерния; Томская губерния; электронная база данных.

Дореволюционные отечественные знатоки аграрного вопроса причисляли Тамбовскую губернию к «старым в переселенческом отношении»², относили ее к «издавним переселенческим губерниям»³ Чтобы понять характер, результаты и последствия массовых крестьянских миграций 1907–1914 гг., надо прежде выявить устойчивые связи между губерниями выхода и районами водворения переселенцев.

Одним из основных источников по истории движения российского крестьянства за Урал являются материалы Челябинско-Сызранской регистрации, обработанные и изданные специалистами Переселенческого управления⁴. К сожалению, эти таблицы, позволяя в целом представить масштабы переселений, не содержат сведений о том, земледельцы каких губерний водворились в Сибири и на Дальнем Востоке. Даже работа А. Домрачева о тамбовских переселенцах, отмеченных в 1907–1909 гг. на пунктах регистрации⁵, не содержит полной картины столыпинских миграций.

Крестьяне, двигавшиеся за Урал, сообщали переселенческим чиновникам лишь о своем намерении поселиться в том или ином районе, что

¹ Токарев Николай Васильевич, АНО СПО «Колледж права и безопасности», Россия, Тамбов, n_tokarev@mail.ru.

² Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. – С. 88.

³ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. – С. 69.

⁴ Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно) / Сост. Н. Турчанинов. СПб., 1910; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / Сост. Н. Турчанинов и А. Домрачев. Пг., 1916.

⁵ Домрачев А. Переселенческое движение из Тамбовской губернии // Известия областной Земской переселенческой организации. Полтава, 1910. № 40, 41.

не мешало им спустя некоторое время изменить свое решение и оказаться в другой губернии или области Азиатской России либо вернуться в родные места.

Для выяснения миграционных связей Тамбовской губернии в период столыпинской аграрной перестройки необходимо привлечь и другие свидетельства, в частности, сообщения местных земских начальников о количестве крестьян, выселившихся из вверенных им волостей. Чиновникам МВД вменялось в обязанность доложить: 1) о числе семей и душ обоего пола, переселившихся в течение отчетного года, 2) о районах переселения, 3) о способах распоряжения землей, 4) о количестве выданных ходаческих свидетельств и районах предполагаемого ходачества, 5) о количестве возвратившихся переселенцев и их экономическом положении⁶.

Однако имевшиеся в этих донесениях данные заведомо были неполными, т.к. обремененные многочисленными обязанностями земские начальники при составлении отчетов всецело доверялись волостным правлениям, а последние зачастую не давали всех сведений по предлагавшейся схеме.

Тем не менее, возможна обработка этой информации, обнаруженной в архивных материалах, как единственного сравнительно полного местного источника, на предмет значимости районов Сибири для переезда тамбовских землепашцев. С этой целью нами было проведено «пилотное» исследование с применением ЭВМ, когда в качестве опыта использовались рапорты земских начальников о числе выселившихся в 1911–1912 гг. семей. Подготовленный формуляр включал в себя несколько групп показателей: уезд, волость, селение выхода мигрантов; количество переселенческих семей и число душ в них; губерния (область), уезд, волость, селение, участок водворения.

К сожалению, из-за неполноты материала пришлось ограничиться выявлением миграционных контактов только по линии «уезд Тамбовской губернии» — «губерния (область) Азиатской России». Состояние источника наложило ограничение и на изучение масштабов переселения: в качестве единицы исследования была выбрана семья. Наконец, при отсутствии информации о местах водворения тамбовских переселенцев была решено обозначить в формуляре этот пункт как «неизвестный район»⁷.

⁶ См.: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 26. Оп. 4. Д. 1041, 1233.

⁷ Источники: Домрачев А. Указ.соч.; ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1041, 1233.

Таблица 1.

Переселение тамбовских крестьян за Урал
в годы столыпинской аграрной реформы

Губерния (область) водворения	СЕМЬИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ			
	1907–1909 гг.		1911–1912 гг.	
	количество	В % от итога	количество	В % от итога
1	2	3	4	5
1. Томская	8306	85,17	749	58,19
2. Енисейская	368	3,77	135	10,48
3. Тобольская	221	2,26	101	7,84
4. Иркутская	57	0,58	88	6,83
5. Акмолинская	409	4,19	34	2,64
6. Амурская	83	0,85	29	2,25
7. Уфимская	-	-	18	1,39
8. Приморская	89	0,91	9	0,69
9. Забайкальская	7	0,07	6	0,46
10. Оренбургская	12	0,12	6	0,46
11. Тургайская	24	0,24	-	-
12. Семипалатинская	167	1,71	3	0,23
13. Семиреченская	9	0,09	2	0,15
14. Самаркандская	-	-	1	0,07
15. Уральская	-	-	1	0,07
16. Сыр-Дарьинская	-	-	1	0,07
17. Неизв. район	-	-	104	8,08
ИТОГО:	9752	100%	1287	100%

Образованная база данных состояла из 98 формуляров. При изучении выяснилось, что в 1911–1912 гг. 1287 семей из Тамбовской губернии водворились в 16 губерниях и областях Азиатской России. Причем 58 % поселилось в Томской губернии. Второе место по степени привлекательности для земледельцев-мигрантов заняла Енисейская губерния, третье — Тобольская. В отношении 8 % семей место водворения осталось неизвестным, но, по всей видимости, значительная их часть также оказалась в губерниях Сибири или в районах современного Северного Казахстана.

Сопоставление показаний земских начальников за 1911–1912 гг. и обобщений А. Домрачева за 1907–1909 гг. доказывает, что и в начале аграрной реформы и на пятый-шестой годы ее проведения тамбовские

переселенцы стремились главным образом в Томскую губернию. Дальний Восток притягивал тамбовцев менее всего.

В начале прошлого столетия Алтайский округ Томской губернии, столь привлекательный для мигрантов, «переживал завершающую фазу в "заполняемости" населением местностей, традиционно до этого заселяемых и лучших с точки зрения условий для сельского хозяйства»⁸. К тому же регион, в который хотели добраться крестьяне из Европейской России, имел ограниченные возможности сельскохозяйственного освоения. Только в небольшой части территории было возможно пашенное земледелие: «в земледельческой полосе, ограниченной с севера глухой тайгой и болотами, на юго-западе бесплодными степями и на юго-востоке отрогами Алтайской горной страны»⁹. Истощение фонда плодородных земель в Западной Сибири, а также повышение цен на приемные приговоры в старожильческих селениях заставили тамбовских пахарей выбирать для своего переселения губернии Восточной Сибири, прежде всего Енисейскую.

При привлечении дополнительно данных Первой Всероссийской переписи населения становится возможным рассмотреть процесс складывания миграционных связей Тамбовской губернии с сибирскими территориями за более пространный временной диапазон. Обнаруживаем, что тамбовцы в течение полувека предпочитали для своего обустройства одни и те же регионы Азиатской России.

Таблица 2.¹⁰

Миграционные связи Тамбовской губернии (1860–1912 гг.) (в %)

Районы водворения	1860–1897 гг.	1907–1909 гг.	1911–1912 гг.
1	2	3	4
1. Западная Сибирь	69,27	87,43	66,04
2. Восточная Сибирь	13,14	4,42	17,79
3. Степной Край и Туркестан	9,59	6,36	3,72
4. Дальний Восток	7,99	1,76	2,95
5. Неизвестный район	-	-	8,08

Следовательно, можно утверждать, что между Тамбовской губернией и отдельными районами Сибири существовали устойчивые связи. Рисуем

⁸ Храмов А.А. Земельное обеспечение крестьян Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв.: переселенческие аспекты // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998. – С. 149.

⁹ Дорощев М. С. Обратное переселение из Сибири (конец XIX – начало XX в.): природно-климатический аспект проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. – С. 77.

¹⁰ Источники: Домрачев А. Указ. соч. С. 14; Турчанинов Н. Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующий за ее сооружением период // Вопросы колонизации. СПб., 1912. № 11. – С. 234, 235; ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 1041, 1233.

предположить, что в основе столь длительного тяготения тамбовских крестьян именно к Западной Сибири лежала сравнительная схожесть природных условий, относительная близость к губерниям Европейской России, большая доступность для переселения, в том числе и по железной дороге. Наконец, присутствие в Сибири на момент Первой Всероссийской переписи (1897 г.) 93351 уроженца Тамбовской губернии, из которых почти 63% жили в Томской губернии, делает вполне понятными причины, по которым с 1907 г., т.е. менее через 10 лет, армия переселенцев ринется за Урал в надежде обосноваться на новых землях. Но желания и надежды столыпинских мигрантов сталкивались с нехваткой востребованных земель в Западной Сибири и с суровыми реалиями сибирской действительности.

Успех укоренения новосёлов в далёкой Сибири зависел от множества факторов: от количества взятых в дорогу средств, эффективности работы переселенческих чиновников, эпидемиологической и экологической обстановки в пути и в местах водворения, от выбранных маршрутов передвижения, природно-климатических условий районов вселения и, наконец, от взаимоотношений старожилов и переселенцев¹¹ и пр.

Покинувшие родину адаптировались быстрее в старожильческих селах, чем на переселенческих участках¹². Земледельческое освоение сибирских просторов выходцами из Центрального Черноземья в XIX – начале XX вв. привело к образованию компактных земляческих общин, которые обладали значительным удельным весом в отдельных поселениях.

«Тамбачами», «тамбашами», «тамбошами» стали называть в Сибири мигрантов разных лет, ушедших из Тамбовской губернии¹³. По воспоминаниям В.П. Семенова-Тян-Шанского (1895 г.), появление пореформенных переселенцев разделило западносибирскую деревню Верхние Чемы на две половины: коренную сибирскую и «тамбовскую»¹⁴. В алтайском селе Старая Барда в начале XX в. образовалось даже 3 зоны застройки: Сибирский, Тамбовский и Кержацкий концы¹⁵.

¹¹ Чуркин М.К. Переселенческие крестьянские хозяйства черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): экономическое состояние и адаптивные возможности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 176; Токарев Н.В. Адаптация тамбовских переселенцев в условиях сибирского фронта на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126). – С. 126–129.

¹² Ноздрин Г.А. Сроки и механизмы адаптации переселенцев в Сибири в конце XIX – начале XX века // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Вып. 2. Новосибирск, 2007. – С. 34.

¹³ Фурсова Е.Ф. Брачные связи сибирских крестьян как механизм сохранения их этнокультурной обособленности // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. – С. 39.

¹⁴ Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. В 2 т. М., 2009. Т. 1. – С. 342.

¹⁵ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М., 1996. – С. 240.

По подсчетам Е.Ф. Фурсовой, опиравшейся на сведения сельскохозяйственной переписи 1917 г., компактная группа «тамбашей», представлявшая почти 90% населения, поселилась в д. Алексеевка Легостаевской вол. Барнаульского уезда; около 30% населения составляли «тамбаши» в д. Верх-Чемская Бугринской вол. того же уезда; более 30% тамбовских уроженцев и их потомков проживали в с. Скалинское Чаусской вол¹⁶.

В 1917 г. 1074 тамбовских переселенца проживало в с. Подойниково первый из них поселился здесь в 1877 г. С 1907 г. в этом барнаульском селе наблюдалась вторичная миграция бывших тамбовских жителей из других населенных пунктов Томской и Енисейской губерний¹⁷. В старинных поселениях столыпинские новосёлы помимо поддержки родственников и земляков имели больше возможностей для работы, кредита и аренды у старожилов, что с одной стороны увеличивало возможности успешного водворения, а с другой, укрепляло уже сложившиеся миграционные связи между донором (Тамбовская губерния) и реципиентом (Томская губерния).

Итак, на протяжении десятилетий тамбовцы, активные участники переселенческого процесса в Российской империи, спасаясь от аграрного кризиса в европейской части страны, аграрного перенаселения на родине, уезжали за Урал, на «новые места». В 1907–1914 гг. мигранты продолжали отдавать предпочтение западносибирским старожильческим селам, где к началу столыпинских преобразований уже имелись обширные землячества. В начале XX в. переселенцы из Тамбовской губернии также осваивали вновь отведенные государством участки, как в Западной, так и в Восточной Сибири, участвуя в имперском проекте колонизации азиатских окраин.

¹⁶ Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века). Новосибирск, 2015. – С. 200.

¹⁷ Владимиров В.Н., Канищев В.В. Проект «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX начала XX вв. (Тамбовская губерния Алтайский округ)»: первые итоги реализации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. – С. 195.

ХУЛИГАНСТВО В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ ЮГА РОССИИ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Рассматривается проблема распространения форм асоциального поведения в 1920-е гг. на юге России и ее влияние на крестьянский социум. Анализируется государственная политика Советских органов власти, столкнувшихся с развитием девиаций и делинквентности в молодежной среде, поддержавшей большевистские преобразования.

Ключевые слова: крестьянство, нэп, доколхозная деревня, хулиганство, асоциальные явления.

Асоциальные явления занимают не малую часть крестьянской повседневности и в дореволюционный период, и в первые годы установления и укрепления советских властных институтов. Наиболее распространено из форм нарушения общественного порядка было хулиганство, которое рассматривалось как «старое, закоренелое зло»² в публицистических источниках тех лет и оценивалось деструктивным явлением после тяжелых лет Великой войны, революции и братоубийственного противостояния 1920-х гг. гражданской войны. В свою очередь политика НЭПа развила аномию общественного сознания, проявлявшуюся в расшатывании традиционных устоев общества: патриархальности, религиозности, почитании морально-нравственных норм старшего поколения. Одновременно пришло разочарование у последователей коммунистических идей бумом накопительства, роскоши в среде возрождающейся буржуазии.

Если провести историко-правовую перспективу, то хулиганство как антиобщественное явление зафиксировано было в российских источниках в 1892 г. и связывалось с увеличением количества пролетариата в столице, в последующее время принимались различные санкции: полицейский контроль, выселение из городов. Но остановить развитие асоциального поведения оказалось невозможно с увеличением численности населения городов, имевших недавнее крестьянское прошлое. Развивающейся проблеме были посвящены заседания Государственной думы весной 1913 г. с вопросами к последовательной политике правоохранительных органов с выяснением причин и необходимых мер противодействия.

Революция 1917 г. несла идею искоренения преступности, различных девиаций после смены политического режима и завершения классовой

¹ Багдасарян Сусанна Джамилевна, доктор исторических наук, ОЧУ ВО «Международный юридический институт», Россия, Москва, bsd73@mail.ru.

² М. Пьянство и хулиганство (По письмам селькоров) // Советский пахарь. 1926. 27 февраля.

борьбы. Теоретики большевизма ожидали, что преступность прекратит свое существование, но реальность оказалась иной. В декрете СНК РСФСР от 4 мая 1918 г «О революционных трибуналах» хулиганство перечисляется в разряде государственных уголовных преступлений, подрывающих формирование советского общества. Постановление ВЦИКа XI созыва от 16 октября 1924 г. изменил правовую трактовку³ хулиганства, как административного проступка совершенного впервые, но при оказании сопротивления органам СРКМ уже как состав уголовного правонарушения. После известной «чубаровщины», прозвучавшей на все советское общество в 1926 г. власть изменила отношение к нарушению общественного порядка и приняла новеллу в ст. 176 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. о введении лишения свободы до 2-х лет, а со следующего года в ст. 74 УК 1926 г. о определении такого правонарушения как «преступления против порядка управления»⁴.

Распространение норм асоциального поведения поражало не только урбанистическую среду, но и сельскую со свободой изготовления самогона: «с перепоя хулиганят»⁵, или как метко охарактеризовал исследователь С.Н. Данихно, это «...чрезвычайно многоликое явление»⁶. В архивных документах юга России сохранилась оценка хулиганства: «выражается в озорстве, в нарушении порядка в общественных местах, матерщине, и прочее»⁷. Таким образом, была заложена широкая дефиниция в понятии «хулиганство» в эпоху экономических преобразований, это и нецензурная брань, квалифицированное хулиганство с порчей имущества государства, граждан, сельских сообществ, особенно опасным становились формы с на несением побоев во время драк в общественных местах, учащались случаи изнасилований, принуждений к половым отношениям, что подтверждается исследованиями⁸. Современник, писатель Пантелеймон Романов в своих многочисленных бытописаниях тех лет указывает на расцвет сквернословия в молодежной среде «теперича слабода слова»⁹. Или другой пример весны 1926 г. из публицистики: «...Нахлещутся

³ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: История, документы. Т. V. Советское государство. М.: Мысль, 2003. – С. 193. Антонов-Романовский Г.В., Чирков Д.К. – Методология изучения сельской преступности в первые годы советской власти // Юридические исследования. – 2018. – № 4. – С. 42–49. и др.

⁴ СУ РСФСР. 1926. №33. – С.269.

⁵ Батрак. Задушенный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

⁶ Данихно С.Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: История генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы / Под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д., 2007. – С. 313.

⁷ ЦДНИРО, Ф. 118, Оп. 1, Д. 75, Л. 57.

⁸ Данихно С.Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа. С. 313. Подъячев С.П. Море взбаламученное // Подъячев С.П. Деревенские разговоры / Сост., автор вступ. статьи А.П. Ланщиков. М., 1975. – С. 291.

⁹ Романов П.С. Без черёмухи // Романов П.С. Избранные произведения. М., 1988. – С. 187.

водки[,] и пошла писать. Встретят граждан на улице, на четвереньках заставляют лазать, собакой лаять»¹⁰. В проявлениях девиантного поведения в 1920-е гг., исходя из разнообразных источников (литературных, публицистических, правовых, документальных) можно констатировать властную оценку, как реакцию классовых элементов на преобразования советской власти: «сынки ивановских подкулашников» Вишневого и Здроя, а избитый ими Нецветов — «гад-коммунист», которых «душить надо»¹¹. Период нэпа раскрывается не только в экономических реформах, партийных баталиях, но и острых противоречиях в обществе, что особенно ярко раскрывается в крестьянской среде с глубокими традиционно патриархальными корнями в культуре повседневности. Сам крестьянский мир воспринимал такую общественную реальность категорически отрицательно и требовал государственных решений на региональном и местном уровне в разрешении политики борьбы с нарушениями общественного порядка.

Бесспорно, советские партийные и государственные органы принимали действия в зависимости от общественного резонанса того или иного проявления правонарушений, продолжая проповедовать, что преступность — это проявление классовых противоречий и советская молодёжь не является ее носителем. Рубежом становится «чубаровщина» 1926 г., которая стала резонансом для изменения подходов к оценке хулиганства и привела к установлению жёстких санкций в отношении нарушителей общественного порядка.

Говоря о мерах против хулиганствующих элементов в первой половине 1920-х гг., нельзя обвинить советскую милицию и местные органы в бездействии, в отсутствии мер борьбы с проявлениями антиобщественного порядка. Но приходится констатировать, что советская правоохранительная система была заточена на реализацию идеи построения советского государства¹², нового общества, считая все остальное временным явлением. Хулиганство после гражданской войны вообще первоначально рассматривалось неопасным проявлением, которое будет изжито по мере построения социалистического общества. Тем более, в основном носителями такой девиации считались «социально-близкие» к советской власти слои, — крестьянство и пролетариат, — в связи с чем судебные органы зачастую выносили в отношении этих лиц меры социальной защиты административного воздействия в виде условного осуждения, небольших по объёму штрафов, принудительных работ. Реже применялись тюремное

¹⁰ Тин. Козёл и капуста // Советский пахарь. 1926. 21 апреля.

¹¹ З-ов А. Во власти хулиганов // Советский пахарь. 1926. 23 октября.

¹² Иванов В.А., Колошинская Н.В. Проблемы формирования некоторых форм взаимодействия органов безопасности и внутренних дел при подавлении преступности в РСФСР в начале 1920-х годов // История государства и права. 2019. №9. – С. 37–45.

заключение или высылка за пределы прежнего места проживания. Так, в марте 1928 г. Терская сессия Северо-Кавказского крайсуда приговорила к шести месяцам тюрьмы 19-летних хулиганов Базарова, Сычёва и Волгаева, устраивавших дебоши и скандалы в избе-читальне и комсомольском клубе Ново-Пятигорска¹³. Крайне редко за самые тяжкие правонарушения советский суд выносил высшую меру наказания лицам, относящимся к трудящимся категориям на заводах, фабриках, предприятиях.

Информация о соотношении различных мер наказания хулиганов содержится в материалах прессы. В частности, по сообщениям газеты «Советский пахарь», в Северо-Кавказском крае за 9 месяцев 1926 г. за хулиганство милиция оштрафовала 8 тысяч 88 человек, а вот к ответственности (очевидно, имелась в виду административная и уголовная меры) за тот же период привлекли лишь 1 тысячу 336 человек¹⁴. Как видим, органы правопорядка проявляли известную гуманность в отношении хулиганов.

Либеральные наказания применялись в отношении членов комсомольской организации, которые попались советской милиции за совершение нарушений правопорядка в общественных местах. Так, участники 13-й окружной партийной конференции Второго Донского округа Сталинградской губернии в ноябре 1925 г. отмечали последовательность в применении санкций, когда меры пресечения хулиганства и пьянства среди комсомольцев «начинаются с воспитательной работы: внушение, выговор, занесение в личное дело и после уже этого — исключение»¹⁵. Такой подход не способствовал формированию хулиганства, как антисоветского явления у комсомольцев. Поэтому селькоры станицы Мекенской Терского округа весной 1926 г. критиковали сложившуюся аморальную ситуацию в комсомоле, ибо «такие отрицательные явления, как половая распущенность, пьянство, а в связи с ним и хулиганство до сих пор ещё имеют место в наших деревенских ячейках»¹⁶.

Активизация борьбы против хулиганов последовала во второй половине 1920-х гг. и на Юге России. В мае 1927 г. газета «Советский пахарь» публикует беседу сотрудников редакции с заместителем начальника Северо-Кавказского краевого административного управления. По информации из газетного интервью, в рамках курса на усиление борьбы с асоциальными элементами «были приняты самые решительные меры к искоренению хулиганства. Были вовлечены в борьбу население, советские, партийные, комсомольские и профессиональные организации.

¹³ Отовсюду // Молот. 1926. 28 марта). Ново-Пятигорск – бывший посёлок Новые планы в начале XX в., а ныне это городской микрорайон города Пятигорск.

¹⁴ Хулиганство идёт на убыль (Беседа с заместителем начальника [Северо-Кавказского] краевого административного управления) // Советский пахарь. 1927. 21 мая.

¹⁵ ЦДНИВО, Ф. 12, Оп. 1, Д. 18, Л. 10.

¹⁶ В.Д. Как с этим бороться // Советский пахарь. 1926. 1 мая.

Во всех сельских местностях ставились милицейские посты, широко были использованы сельские исполнители. Ставился вопрос борьбы с хулиганством на заседаниях сельсоветов, на сельских сходах. Хлеборобы были привлечены к оказанию помощи органам милиции в борьбе с этим общественным злом. Для того чтобы меры борьбы с хулиганством оказали самое большое действие, все административные взыскания своевременно приводились в исполнение. На принудительных работах хулиганы получали самый тяжёлый труд. Все замечания и предложения населения принимались во внимание и проводились в жизнь»¹⁷.

Усиление активности властей в борьбе с хулиганством закономерно привело к сокращению масштабов данного негативного явления в сельской действительности. По сообщению газеты «Советский пахарь», благодаря вышеперечисленным мерам, «хулиганство в сёлах... теперь значительно уменьшилось. Во много раз меньше стали случаи дебоширства, насилий и оскорблений»¹⁸. Повысилось и доверие населения к партийно-советским структурам, а, соответственно, карательные меры в отношении хулиганов встречали полное одобрение крестьян. В частности, когда местная администрация станицы Атаманской (Сальский округ Северо-Кавказского края) арестовала летом 1927 г. ряд здешних хулиганов, то станичное начальство получило поддержку, ведь «со стороны населения проскальзывает радость на подобные мероприятия власти». Даже отец одного из арестованных, С.К. Быкадоров, говорил: «Я благодарю власть, что их забрали, а то чисто разорили, сам мой родной сын обворовал меня, забрал весь ячмень из амбара»¹⁹.

В научной и публицистической литературе, проблеме асоциального поведения в Советской России эпохи нэпа, обычно подчёркивается эффективность масштабных и последовательных акций против хулиганов в РСФСР (СССР), последовавших после «чубаровщины», поскольку они привели к предельной минимизации этого социального зла, и, на первый взгляд, такой вывод правомерен. В том же «Советском пахаре» в мае 1927 г., после заявлений о сокращении масштабов хулиганства, журналисты на волне эйфории пафосно утверждали: «Краевое административное управление занято вопросом окончательного искоренения хулиганства. В ближайшее время будут созданы специальные совещания административных, судебных, культурно-просветительных и профессиональных работников, на которых будут выработаны меры к окончательному искоренению хулиганства»²⁰.

¹⁷ Хулиганство идёт на убыль (Беседа с заместителем начальника [Северо-Кавказского] краевого административного управления) // Советский пахарь. 1927. 21 мая.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦДНИРО, Ф. 97, Оп. 1, Д. 76, Л. 145. Станица искоренена в годы советской власти.

²⁰ Хулиганство идёт на убыль (Беседа с заместителем начальника [Северо-Кавказского] краевого административного управления) // Советский пахарь. 1927. 21 мая.

Однако, рассмотрение материала источников не позволяет говорить о долговременности достигнутого во второй половине 1920-х гг. ослабления хулиганства. Увы, проблема асоциального поведения и антиобщественных деяний не получила окончательного решения в рамках всей страны и отдельно взятых регионов, в том числе, Юга России. В данном случае, следует принять во внимание ряд важных моментов.

Во-первых, немало представителей партийно-советского руководства и после «чубаровщины» критиковал усиление карательных мер в отношении хулиганов. Так, член президиума ЦКК-РКИ А.А. Сольц заявлял на проходившем в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б): «Я считаю, что не всегда мы должны бороться [с правонарушениями] только наказанием. Вот, например, в деле борьбы с хулиганством. Под хулиганством разумеется в законе нарушение общественного порядка. Когда мы сказали, что нужно бороться с хулиганством, когда дали в порядке ударном такую задачу, то[,] что получилось? Мы за пустяковые дела рабочими и крестьянами наполнили тюрьмы»²¹. Тем самым, «совесть партии» большевиков А.А. Сольц, отражая распространённое среди партийных функционеров мнение, по-прежнему считал хулиганство «пустяковым делом», а в самих хулиганах видел, прежде всего, заблудших и не заслуживавших серьёзных наказаний «рабочих и крестьян».

Во-вторых, по довольно часто применявшейся партийно-советской практике, активизировавшаяся на базе «чубаровщины» борьба с хулиганством носила характер политической кампании и потому продлилась с высокой активностью относительно недолго и затронула, в основном, лишь крупные города. Возможно, в мегаполисах, подобных Москве и Ленинграду, разгул хулиганства и удалось уменьшить, но обо всей стране, а тем более о сельской местности, такого сказать никак нельзя.

Будь иначе, источники второй половины 1920-х гг. не переполнились бы буквально иеремиадами на хулиганство.

Таким образом, хулиганство явилось негативной формой девиации и делинквентности и в урбанистической пролетарской и крестьянской среде, определившей историческую картину повседневности в эпоху нэпа в Советской России и на территории южных областей. Таким образом, факторами, определяющими расширение масштабов данного проявления, стали последствия революционных потрясений, социально-экономическая дестабилизация традиционного уклада, разрушение морально-нравственных основ традиционного общества, что особенно прослеживается в сельской повседневности.

²¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б). / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. Изд. 7-е. В 2-х ч. – Ч. II. 1925–1953. – М.: Госполитиздат, 1953. – С. 605.

Всё это привело к развитию аномии общественного сознания, усиление правового нигилизма, распространение самогонварения и алкоголизма и т.п. Немалое влияние оказала в первые годы советской власти либеральное отношение партийно-советского руководства на деяния, в общем-то, откровенных нарушителей закона и правопорядка, многие из которых расценивались большевиками в качестве представителей социально близких новой власти слоёв и групп населения. В итоге, даже некоторая активизация борьбы с хулиганством во второй половине 1920-х гг., при всех достигнутых результатах, не привела к ликвидации данного криминального явления в доколхозной деревне, в частности, в сёлах и станицах Юга России. А с 1931 г. советское государство предпримет шаги по дальнейшему ужесточению законодательства, что будет соответствовать проведению политики по усилению надзора за населением.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье предпринята попытка проследить эволюцию взаимоотношений крестьянства и государственной власти в период революции, определить ее этапы, характерные черты и особенности каждого из выделенных этапов. Данные вопросы рассматриваются в контексте методологически значимой проблемы сущности и содержания властных отношений на переломном этапе отечественной истории.

Ключевые слова: *революция, крестьянство, государственная власть, властные отношения, крестьянское самоуправление, большевики, деревня.*

Проблема взаимоотношений крестьянства и власти является одной из центральных в современном крестьяноведении. Ее обсуждению посвящалось множество научных конференций, круглых столов, различные ее аспекты освещались уже в многочисленных публикациях. Это в полной мере относится и к такому переломному периоду истории России, как период Великой русской революции. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что в исследовании взаимоотношений крестьянства и власти в условиях революции до сих пор остается больше вопросов, чем ответов.

Данная работа представляет собой попытку в постановочном плане обозначить один из них: вопрос об этапах эволюции взаимоотношений крестьянства и власти в период революции и их особенностях. Если рассматривать сущностную сторону проблемы, то, как отмечалось нами на одной из предыдущих конференций «Государственная власть и крестьянство», проходивших в г. Коломне, на протяжении всей предшествовавшей истории в основе этих отношений лежало диалектическое единство противоположностей². Оно основывалось на взаимной зависимости этих противоположностей в сфере поземельных отношений и противостоянии в этой же сфере. Государство в лице крупных землевладельцев, интересы которых оно представляло, было заинтересовано в предоставлении мелкому производителю условий для сельскохозяйственного

¹ Романченко Валерий Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.И. Вавилова, Россия, Саратов, romanvja@yandex.ru.

² Романченко В.Я. Государственная власть и крестьянство России в XX веке: единство и борьба противоположностей // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб. статей под ред. А.И. Шевелькова. Ч.1. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2007. – С.10–18.

производства и расширенного воспроизводства в целях получения большей земельной ренты. В то же время оно стремилось к усилению его эксплуатации, ибо эта эксплуатация обеспечивала благосостояние как отдельных землевладельцев, так и государства. Крестьянин же всегда стремился быть собственником земли, на которой работал, свободно распоряжаться результатами своего труда и освободиться от тех кабальных условий, на которых его держали в зависимости от землевладельца и государства, позволяя пользоваться не принадлежащей ему землей в целях обеспечения своего существования. Такой характер диалектического единства крестьянства и государственной власти делал это единство глубоко антагонистичным.

Как известно, расширение крестьянской свободы после отмены крепостного права увеличило притязания крестьянина на полную свободу собственности на землю и право распоряжаться результатами труда на ней. Обострение противостояния государства и крестьянства на этой почве стало одной из важнейших предпосылок революции.

Наши предыдущие исследования показали, что в результате сущностная сторона взаимоотношений крестьянства и государственной власти (несмотря на смену последней) и в дореволюционный период, и в годы революций оставалась прежней — антагонистически противоречивой³. Но Великая русская революция представляла собой коренную трансформацию во всех сферах жизни российского общества. И если это так, то на содержательную сторону рассматриваемой коммуникации она не могла не оказать решающего влияния. В чем же оно проявлялось? Чтобы ответить на этот вопрос представляется целесообразным обратить внимание на две содержательные особенности взаимоотношений крестьянства и власти в дореволюционный период.

Во-первых, абсолютная их обособленность друг от друга как двух бесконечно далеких друг от друга миров: барского и крестьянского, и, во-вторых, безраздельное господство государственной власти над

³ Романченко В. Я. Сталинизм и крестьянство в Великой Русской революции // Сталинизм и крестьянство. Сб. науч. тр. и мат-лов круглых столов и заседаний теоретич. семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М.: Ипполит, 2014. – С.179–192; Романченко В. Я. Российское крестьянство и власть в первой мировой войне // Русское крестьянство и Первая мировая война. Сб. науч. ст. Сер. «Научный проект «народ и власть» Под. Ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., Изд-во Ипполитова, 2016. – С. 357–371; Романченко В. Я. Крестьянская революция и двоевластие в российской деревне (весна-осень 1917 г.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017. №1. – С. 148–159; Романченко, В. Я. Великая русская революция как политический процесс (О некоторых методологических подходах) // Коллективная монография «Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX–XXI вв. К 100-летию Великой русской революции /Под ред. Е.Б. Дудниковой, В.Я. Романченко, Н.В. Шалаевой. Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2018. – С.11–26.

крестьянством. Это господство имело многовековую историю, приобрело за это время характер традиции, которую крестьяне по-своему чтили и которой подчинялись как неизбежному и неистребимому злу, данному им свыше. За столетия существования феодально-крепостнической системы они научились приспосабливаться к этой власти, уживаться с ней, оставаясь при этом отгороженными от государственной власти миром крестьянской общины, где царили свои традиции и свой жизненный уклад.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда представители другого, барского мира в лице разночинной интеллигенции пришли в деревню поднимать крестьян на революцию, то это «хождение в народ» не встретило в крестьянской среде ни понимания, ни поддержки.

Аполитичность крестьянства, с одной стороны, и отсутствие у царской власти какого-либо желания осуществлять его социализацию, с другой, способствовали консервации их отношений в стадии достаточно устойчивого равновесия, которое исключало активный перевод этих отношений в плоскость прямого политического противостояния.

После аграрных реформ Александра II ситуация начинает меняться. Сохранение в руках небольшой по своей численности социальной прослойки помещиков огромного массива пахотных земель и малоземелье крестьянства, а также ряд других негативных факторов, обусловленных пережитками крепостничества, нежелание и неспособность самодержавия оперативно реагировать на изменение настроений крестьянства уготовливали почву для роста социальной напряженности в деревне. И в 1902 году она взрывается крестьянской революцией, продолжавшейся ровно 20 лет с 1902 по 1922 гг. Подробный анализ ее причин, характера и особенностей дан в статье В.П. Данилова «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» и ряде других публикаций⁴. Проведенное нами ее изучение в контексте Великой русской революции позволяет полагать, что точками отсчета последней являются количественные и качественные изменения, произошедшие в крестьянском движении в 1902 году. Однако и после окончания крестьянской революции Великая русская революция продолжается и завершается к концу 1930-х годов с завершением сталинской «революции сверху».

⁴ Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–19022 гг. // Крестьяне и власть. Матлы конференции Москва–Тамбов. И.п.ц. ТГТУ, 1996. – С. 4–24; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1921 гг. Там же. – С. 132–152; Шанин Теодор «Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М. Изд-во: Весь мир, 1997; Казарезов В.В. Крестьянский вопрос в России (конец XIX – первая четверть XX в.). Т. I. М.: Колос. 2000; Суханова Н.И. Северокавказское крестьянство между красными и белыми (1918–1920 гг.) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Сб. ст. к международной научно-практической конференции. Под ред. А.И. Шевелькова. Коломна. Коломенский государственный педагогический институт, 2013. – С. 293–297.

В течение этого весьма длительного периода происходят изменения во взаимодействии государственной власти и крестьянства, отражающие эволюцию его содержания. *На начальном этапе революции (1902–февраль 1917 г.)* все более рельефно проявляется развитие двух центробежных тенденций неразрывно связанных друг с другом. Одну из них можно охарактеризовать как сближение государственной власти и крестьянства за счет формирования каналов обратной связи между государством и обществом в лице Государственной Думы, политических партий, средств массовой информации, получивших относительную свободу выражения общественного мнения.

Другая, напротив, демонстрировала все большее обособление верхушки царской власти в лице Николая II и его окружения от внешней среды, их самоизоляции. По сути, обе эти тенденции, как это не парадоксально, с неизбежностью вели к крушению монархического режима, поскольку вступали в противоречие с его попытками сохранить свое единовластие.

В свою очередь, они обуславливали начавшееся падение безраздельного господства государственной власти над крестьянством и одновременное возрастание силы и влияния крестьянской власти в лице органов крестьянского самоуправления⁵.

На втором этапе Великой русской революции (февраль–октябрь 1917 г.) происходит кардинальная трансформация властных отношений. Крестьяне, которые еще недавно подчинялись воле монарха стали теперь активно участвовать в ликвидации органов его власти в сельской местности. Установление в этот переходный период двоевластия в Петрограде мало что изменило в сельской глубинке. Ни Временное правительство, ни Советы рабочих и солдатских, а затем и крестьянских депутатов не имели необходимых средств экономического и политического влияния для того, чтобы стать полноценной властью в деревне. В этот самый кратковременный период революции реальная власть в российской деревне фактически переходит в руки крестьянства в виде исполнительных, земельных комитетов, союзов, кооператоров и т.п. Именно они решали в то время все насущные проблемы крестьянской жизни, опираясь на неписанные законы и традиции общины. Следует выделить две важнейшие особенности крестьянской власти в данный период. Во-первых, она носила выборный характер и функционировала на демократической основе. А во-вторых, в абсолютном большинстве регионов страны в руководящих органах крестьянской власти преобладало беднейшее крестьянство и шел процесс изгнания из них зажиточных крестьян. Что касается официальных представителей Временного правительства в деревне, то они

⁵ Кабытова Н.Н. Перегрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017. № 1 – С. 139–147.

вынуждены были приспособливаться к власти крестьянской, поскольку иной реальной опоры власти в крестьянской среде не существовало.

События гражданской войны и период нэпа с точки зрения эволюции содержательных характеристик взаимоотношения государственной власти и крестьянства можно рассматривать в качестве *третьего самостоятельного этапа*. В целом это был переходный этап, на котором создавались условия для ликвидации демократических институтов крестьянской власти на новом витке истории и перехода к безраздельному господству власти государственной над крестьянством. Практическая реализация этих условий осуществлялась по двум основным направлениям. Первое — это сравнительно легкий и бескровный переход государственной власти от Временного правительства к большевикам, и затем тяжелейшая и кровопролитная борьба за удержание большевистской власти с разношерстными правительствами белого движения при одновременном оформлении институциональной составляющей их новой политической системы и, наконец, утверждение органов большевистской власти в виде Советов в деревне. Второе — постепенное завершение активной фазы вооруженной борьбы крестьян против власти большевиков, сдача под нажимом центральной власти экономических позиций органами крестьянского самоуправления и переход власти в деревне в руки советов, находившихся в непосредственном подчинении центральной власти большевиков.

Эволюция властных отношений по этим двум направлениям сопровождалась устранением с арены политической борьбы крестьянской партии эсеров, а также других политических партий, формированием однопартийной политической системы и тоталитарного политического режима.

Наконец, *четвертый этап эволюции отношений «государственная власть – крестьянство» в ходе революции охватывает период тридцатых годов*. Основное содержание и доминирующая тенденция данного этапа состояли в широкомасштабном наступлении государственной власти на крестьян в экономической, социальной, политической, духовной сферах с целью окончательно и бесповоротно ликвидировать все, что еще могло претендовать на независимость от центральной власти. Главными инструментами осуществления этой цели были:

- ликвидация индивидуальных крестьянских хозяйств и формирование колхозно-совхозной системы;

- создание органов политической власти в деревне и организационно-хозяйственного управления, имитирующих демократическую власть (сельские советы, выборочность руководящих органов колхозов);

- принятие законодательных актов, которые фактически устраняли из жизни деревни реальные органы власти — крестьянское самоуправление, функционировавшее на основе общинных устоев и традиций;

- провозглашение Сталиным и реализация им политики ликвидации кулачества как класса;

- лишение потребительских, производственных, промысловых и иных видов сельскохозяйственной кооперации возможности работать на истинно демократических началах, их огосударствление путем превращения в один из хозяйствующих субъектов плановой, административно-хозяйственной системы с безусловным подчинением ниже стоящих первичных кооперативных организаций выше стоящим;

- использование всей мощи государственной машины, всех средств идеологического воздействия для внедрения в сознание крестьянства и всего народа убежденности в патерналистском характере существующей власти, олицетворяющей собой подлинное народовластие, заботу о благе народа и ведущей его к светлому будущему социализма и коммунизма.

Надо заметить, что данное направление деятельности сталинского руководства сыграло чрезвычайно важную роль в легитимизации его режима и формировании культа личности Сталина.

Завершая этот краткий экскурс по этапам эволюции отношений «государственная власть — крестьянство» в эпоху революции, нельзя не отметить еще одну особенность данного, завершающего периода. Она заключается в том, что именно тогда окончательно оформляется такая политическая система, при которой сама государственная власть стала целиком и полностью подчиняться политической организации: Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКП (б)), точнее ее руководству, чего не было в помине ни в дореволюционный период, ни на начальных этапах революции. Это означало, что отныне все проблемы жизни российской деревни стали решаться на основе приоритетности политических интересов узкого круга партийных функционеров. Именно они (даже не государство) становятся новым коллективным хозяином крестьян, попавших на новом витке истории в крепостную зависимость от новой власти.

**БОРЬБА ОРГАНОВ ВЧК
С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В 1919 г.
(НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В данной статье рассматривается одно из направлений деятельности местных органов ВЧК — борьба с должностными преступлениями. В 1918 г. она ограничивалась городской средой. Крестьянство, которое составляло большинство населения, не сталкивалось с действиями органов безопасности в данном аспекте. Чекисты стали более активны с 1919 г., когда появилась необходимость составлять информационные материалы. Процент следственных дел в ЧК позволяет сделать вывод, что данное направление не было основополагающим.

Ключевые слова: ЧК; чрезвычайные комиссии; органы ВЧК; Пермская губерния; должностные преступления (преступления по должности).

В настоящее время в РФ продолжаются реформы государственного управления. Одной из задач органов управления является борьба с негативными явлениями в системе, поэтому большое значение приобретает проблема коррупции. Коррупцию вполне можно назвать социальным явлением. Она базируется на прочном экономическом фундаменте, она затрагивает интересы общества в целом, различных социальных групп и отдельных индивидов. Коррупция оказывает активное влияние на политику государства, на систему власти и управления. Наконец, коррупция формирует определенные морально-нравственные установки и критерии в обществе. Изучение исторического опыта борьбы с коррупцией, в том числе и советского, является необходимым и полезным и сегодня.

Октябрьская революция привела к кардинальным изменениям во всех сторонах жизни общества. Как известно мирной передачи власти не произошло, началась гражданская война. Руководство советского государства было весьма обеспокоено проблемами управления, в том числе и должностными преступлениями чиновников. Первым серьезным и массовым выступлением стал саботаж чиновников (конец 1917 – начало 1918 гг.).

Борьба с преступлениями по должности стала одной из основных функций ВЧК. В резолюции 1-й Всероссийской конференции ЧК (11–14 июня 1918 г.) отмечалось, что буржуазные специалисты старались «соблазнить и сбить с пути некоторые малоразвитые элементы из среды пролетариата», что привело к широкому распространению взяточничества, саботажа

¹ Кобелева Екатерина Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Пермь: kobeleva.ek@yandex.ru.

и других негативных явлений. Поэтому в Положении ВЧК от 14 сентября 1918 г. говорилось, что наблюдать за честностью и добросовестностью советских служащих должен самостоятельный отдел ЧК по борьбе с преступлениями по должности. В Инструкции ВЧК «О работе местных чрезвычайных комиссий» от 17 сентября было указано, что только «дела особой важности» о должностных преступлениях должны расследовать ЧК, все остальные — передавать в ревтрибуналы и нарсуды². Эти постановления ВЧК подчеркивали немаловажное значение, придававшееся преступлениям по должности. Летом 1918 г. в Пермской губернской ЧК был создан отдел по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности. Уральская областная ЧК в сентябре 1918 г. создала четыре отдела, в том числе — по борьбе с преступлениями по должности³.

В региональном ведомственном издании «Бюллетень Пермского окружного ЧК» было замечено, что «кражи, расхищения, растраты, саботаж — делались чуть ли не повседневным явлением и борьба с ними поглощала много сил и энергии» у чрезвычайных комиссий, «рыцари наживы... заявили себя горячими сторонниками Советской власти и заполняли собой» все учреждения⁴. Несмотря на такое заявление, в 1918 г. деятельность пермских чекистов по борьбе с должностными преступлениями проходила, как правило, в губернском центре и уездных городах и не затрагивала сельское население, которое составляло большинство жителей региона. Ситуация изменилась во второй половине 1919 г., после освобождения губернии от войск А.В. Колчака. Началась планомерная работа по сбору информации о положении в регионах и направлению ее в ВЧК, местные органы власти и советские учреждения. Решение о составлении сводок было принято на 3-й Всероссийской конференции ЧК (1–3 июня 1919 г.). ВЧК в своих распоряжениях требовала детальной информации⁵.

За вторую половину 1919 г. в сводках «А» и информационных бюллетенях Пермской губернской ЧК зафиксировано 22 преступления по должности. Больше всего — в Перми (12), пять — в Оханском уезде, три — в Усольском, по одному — в Мотовилихе и Пермском уезде. Пик престу-

² Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. документов. М.: Госполитиздат, 1958. С. 135–136, 197–198; Ежедельник ЧК. 1918. № 1. – С. 8, 9.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 46. Л. 54; Округин А. По велению партии... Из истории создания и деятельности органов ВЧК на Урале. 1917–1921 // Уральский рабочий. 1982. 16 дек.

⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-301. Оп. 1. Д. 11. Л. 73 об., 74.

⁵ Борисова Л., Виноградов В., Ивницкий А., Кондрашин В. Информационные материалы ВЧК-ОГПУ за 1918–1922 годы как исторический источник // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: Документы и материалы. В 4-х тт. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. – С. 26–27, 30.

плений приходится на декабрь (11)⁶. В таблице 1 отражена деятельность ЧК в сельской местности Пермской губернии.

Таблица 1.

Сведения о деятельности уездных органов ВЧК по ликвидации преступлений по должности на территории Пермской губернии за август – декабрь 1919 г.⁷

Дата	Местность:				Виды преступлений:						Действия органов ВЧК:	
	Пермский уезд	Усольский уезд	Оханский уезд	Всего	Саботаж	Грубость	Халатность	Дезертирство (чел.)	Подделка документов	Другие	«Меры приняты»	Выезд сотрудника ЧК
16-18.09	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Всего за сентябрь	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-
13-15.10	1	-	-	2	-	-	+	-	-	+	-	-
19-21.10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	1	-	1	-	-	-	1(3)	-	-	-	-
25-27.10	-	-	+	1	+	-	-	-	-	-	1	-
Всего за октябрь	1	1	2	4	1	-	1	1	-	1	1	-
10-12.12	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	1	-
16-18.12	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1	-	-
	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	1
19-21.12	-	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-
Всего за декабрь	-	1	3	4	1	-	2	-	1	1	1	1
Итого за второе полугодие 1919 г.	1	3	5	9	2	1	3	1	1	2	2	1

Количество зафиксированных случаев в Перми и Мотовилихе несколько больше, чем в уездах. В уездах зафиксировано 9 преступлений. Часто упоминание реакции органов вообще отсутствовало. Это связано с тем, что в сводки входили не все преступления, отбор случаев производился сотрудниками ЧК, часто не обладавшими достаточной компетентностью. Нередко сводки с мест не поступали в губернскую ЧК.

⁶ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 10.

⁷ Таблица составлена автором по: ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10.

Разница в количестве преступлений в сводках и отчетах губернской ЧК весьма значительна. Так, в за вторую половину 1919 г. Юридическим отделом Пермской губЧК было зарегистрировано 337 следственных дел по обвинению в преступлениях по должности (13,27% от всех дел) и 68 дел о саботаже (2,4%). По делам проходило 695 и 68 человек соответственно⁸.

Важность сводок органов ВЧК как специфического вида источников определяется возможностью изучения конкретных случаев преступлений, упоминаются ФИО подозреваемых, их должности, местность, где произошло преступление. Это касается и сельской местности.

Так, в конце октября 1919 г. было сообщено о контрреволюционном саботаже со стороны председателя Верхнеозерского сельсовета Очерской волости Оханского уезда. Он, «принадлежа к буржуазному классу», давал всяческие послабления представителям такового⁹.

В период 10-12 декабря 1919 г. чекистами была отмечена подделка документов. Бывший председатель Стряпунинского волостного исполкома Оханского уезда Шляпин и секретарь Серебрянников сделали поддельную справку для дезертира и подсунули ее на подпись товарищу (заместителю) председателя А. Нечаеву. Справка была изъята, «меры приняты»¹⁰.

Как должностное преступление рассматривалось и дезертирство с места службы. Их количество было незначительным. Так, 19-21 октября чекистами было сообщено о дезертирстве из рабочего полка, который располагался в Перми, председателя Белоевского волостного исполкома Усольского уезда Г.У. Катыкова и заведующего продовольственным отделом И. Яркова¹¹. Дезертирство совершали лица, занимавшие достаточно высокие посты на низшем и среднем уровнях власти и управления.

22 октября 1919 г. был арестован П.Г. Ганцев, уроженец с. Ошья той же волости Оханского уезда. Ему исполнилось всего 18 лет. Несмотря на это он являлся членом РКП(б) с 1919 г. и работал секретарем народного суда 8-го участка Осинского уезда. 4 сентября Ганцев был назначен на должность Новоартауловского волостного военкома, и одновременно сохранил должность секретаря. Об отказе от первой должности он никого не известил. 23 октября следователь Пермской губернской ЧК обвинил Ганцева в самовольном оставлении должности и рекомендовал передать дело в ревтрибунал. После разбирательства 31 октября губЧК постановила передать дело в губисполком и на партийный суд, а также привлечь

⁸ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 38-38 об.

⁹ Там же. Л. 42 об.

¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 11, 78 об.

¹¹ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 38 об.

к ответственности тех, кто допустил П. Ганцева на должность, которой он «по молодости и неопытности не соответствует»¹².

Чекисты обращали внимание и на грубость должностных лиц. В октябре 1919 г. было отмечено, что заведующий продовольственным отделом Ленвенского волостного исполкома Усольского уезда «бросает книжки в глаза женщин»¹³. К сожалению, о реакции чекистов неизвестно.

В целом, можно отметить, что понятие «преступление по должности» включало в себя как уголовные, так и собственно должностные преступления и проступки, и даже деяния, по современным понятиям и законодательству, относящиеся, скорее, к области этики. Преступления по должности являлись одним из основных видов деятельности органов ЧК.

¹² ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 55. Л. 297–300 об., 334–335.

¹³ Там же. Д. 10. Л. 11.

КРЕСТЬЯНКИ-ДЕЛЕГАТКИ В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ ЮГА РОССИИ

В статье раскрывается процесс вовлечения женщин в советское строительство под руководством партии большевиков, когда с помощью женских активисток казачки и крестьянки втягивались в общественную жизнь доколхозной деревни, что обеспечивало социальную поддержку проводимым мероприятиям советской власти.

Ключевые слова: большевики, гендерное равенство, женские организаторы, казачки, крестьянки, патриархальные порядки.

Лидеры, функционеры и рядовые члены компартии не ограничились декларациями об установлении равенства мужчин и женщин в общественной жизни. Чтобы реализовать обещания об установлении гендерного равенства, в 1920-х гг. партийно-советское руководство осуществило целый ряд важных мер. Среди них следует, прежде всего, отметить такую, как формирование при районных комитетах РКП(б) отделов по работе среди женщин (женотделов), включавших в себя штат женских организаторов.

В обязанности женорганизаторов на селе входило создание женского актива в той или иной деревне (станции), организация его работы, оказание активисткам (которые именовались делегатками) необходимой помощи в их деятельности по защите интересов своих односельчанок. Нередко, представителям власти приходилось защищать крестьянок-делегаток от недоброжелательно настроенных односельчан и даже членов семьи. Так, в 1925 г. в селе Благодарном одноименного района Ставропольского округа Северо-Кавказского края муж делегатки Даши Саломатиной «по наущению кулаков, начал ругать и бить ее, а потом пришел к секретарю райкома и просил исключить Саломатину из делегаток, не приглашать ее на собрания. Он заявил: «Надо мной мужики смеются, и я за себя не ручаюсь, прогону ее». Разумеется, сотрудники районного комитета ВКП(б) не только не удовлетворили просьбу мужа, но и доходчиво объяснили ему политику компартии в гендерном вопросе, после чего тому пришлось смириться со сложившейся ситуацией, когда жена активно занималась общественной работой и стала делегаткой².

¹ *Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Россия, Новочеркасск, p_k_t_v@mail.ru.*

² Шимченко-Ксендзова П. «Достижение фактического равноправия...» // Красные косынки. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1971. – С. 97.

Чтобы крестьянки-делегатки могли делиться накопленным опытом борьбы за свои права, увидеть набирающее мощь женское движение, преодолеть чувство одиночества в столкновении с социально-демографическим неравенством, укреплять веру в правоту своего дела, в Советской России систематически проводились сельские или районные женские делегатские конференции и собрания, приспособленные к ритму жизни земледельцев. Как свидетельствовали современники, «делегатские собрания не особо часто бывают летом, а как [осенью и зимой] работы нет, женщина охотно идет на собрание»³. Если собрание все-таки требовалось провести весной или летом, представители власти стремились делать это «в перерыве между полевыми и огородными работами»⁴, так как в противном случае явка женщин становилась бы минимальной и вообще очень проблематичной. Так, в декабре 1923 г. в Царицынской губернии было проведено 300 «общих женских собраний» и 10 делегатских конференций⁵.

Одной форм участия делегаток в самоуправлении стало их вхождение в комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВов). Так, на Ставрополье губженотдел в мае 1923 г. поставил перед собой задачу добиться включения представителей губженотдела и уездных женотделов в президиум ККОВ с правом решающего голоса. Для этого планировалось вводить делегаток в состав ККОВ при перевыборах. Ставилась планка 25 % женщин в составе президиума и ревизионной комиссии. На принятие этого решения активисток вдохновил факт вхождения 22 мая 1923 г. представителя губженотдела с правом решающего голоса в состав Ставропольского губККОВа⁶.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, партийно-советскому руководству удалось сформировать заметную по численности корпорацию крестьянок-делегаток. В уездах Ставропольской губернии в мае 1923 г. числились 1164 делегатки, 62 «делегатских аппарата» (очевидно, женотдела — *Т.П.-К.*) провели тогда 90 собраний с посещаемостью до 90 %⁷. По воспоминаниям заведующей Армавирским окружным женотделом Северо-Кавказского края П. Мальцевой, к началу 1925 г. здесь насчитывалось более 2 тыс. делегаток, и «многие из них активно работали в различных комиссиях или секциях: охраны материнства и младенчества, культпросветительной, кооперативной, коммунальной и

³ Куйбышева М. Крестьянки на Выставке // Крестьянка. 1923. № 17. – С. 10.

⁴ Нюрин Ф. О съездах работниц и крестьянок // Крестьянка. 1923. № 8. – С. 14.

⁵ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), Ф. 1. Оп. 1. Д. 108. Л. 20.

⁶ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), Ф. 3. Оп. 1. Д. 2692. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 11.

других»⁸. В сельской местности Сталинградской губернии в 1927 г. численность женщин-делегаток достигла 9429 чел., что было на 1155 делегаток больше, чем в прошлом году⁹. Во второй половине 1928 г. только в Хопёрском округе Сталинградской губернии прошло 133 женделегатских собрания, в которых участвовали не менее 3500 женщин¹⁰.

Делегатки рассматривались большевиками не только как активные помощники органов власти в решении социально-экономических, общественно-политических, культурно-бытовых вопросов, но и как организаторы женского движения. Просоветски настроенные активистки могли своим примером увлечь односельчанок и станичниц, доказать им неприемлемость и временную относительность патриархальных отношений, которые можно и должно разрушить, показать остальным женщинам успешную жизненную траекторию в достижении гендерного равноправия. Причем, в этой борьбе приходилось сталкиваться с очень закоренелыми, отчасти даже скрывааемыми, патриархальными обычаями, такими, как снохачество, которое отмечалось в середине 1920-х гг. в верхне-донских казачьих округах Царицынской (Сталинградской) губернии¹¹. Сталинградские коммунисты очень рассчитывали в борьбе «с явным возрождением отрицательных черт прежнего быта» на активную роль женотделов¹².

Поясним. Снохачество — полузаконное моральными нормами обычного права донских казаков право первой брачной ночи отца после бракосочетания сына, и/или сожителство (постоянное, временное в течение некоторого периода, эпизодическое) свекра с невесткой. Многочисленные похождения «снохачей», равно как изнасилования отцами своих дочерей, стали притчей во языцех в описании некоторых неприглядных обычаев донского казачества. Тот же М.А. Шолохов в знаменитом «Тихом Доне» детально раскрывает подобную трагедию в судьбе одной из главных героинь романа — Аксиньи, которую изнасиловал собственный отец¹³.

В целом, южно-российские делегатки достойно выполняли поставленные перед ними задачи по сплочению казачек и крестьянок в борьбе за равенство с мужчинами и повышению социальной роли женщин. Как правило, делегатки убеждали селянок собственным примером, но личностное позиционирование не являлось единственным способом в работе с женскими массами. Делегатки применяли довольно разнообразные

⁸ Мальцева П. Годы боевые // Красные косынки. – С. 67.

⁹ ЦДНИВО, Ф. 1, Оп. 1. Д. 158. Л. 56.

¹⁰ ЦДНИВО, Ф. 9. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

¹¹ ЦДНИВО, Ф. 1. Оп. 1, Д. 112а. Л. 23.

¹² Там же. Л. 23, 24.

¹³ Шолохов М.А. Тихий Дон // Шолохов М.А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 1. М., 1975. – С. 41.

методы агитации. В частности, с середины 1920-х гг. на Кубани, по свидетельству П.Ф. Абрамовой, существовала такая форма работы с женщинами, как «хатки делегаток», представлявшие собой не более чем «красные уголки в доме авторитетной делегатки или общественницы, оформленные плакатами, лозунгами», в которых также «имелись передвижные библиотечки, газеты, журналы». Отсутствие всяких формальностей способствовало развитию межличностных контактов, когда не только женщины, но и мужчины по-соседски заходили в эти «хатки», слушали рассказы приглашенных учителей, агрономов, партработников о политике советской власти, знакомились с содержанием газет и журналов, беседовали. Популярность «хаток», где удалось наладить живое общение, организовать досуг и предоставлять всем желающим необходимую информацию, а хозяйки пользовались среди населения заслуженным авторитетом, заметно возрастала, и туда тянулись люди. Например, «хатку делегатки» крестьянки Козловой из станицы Усть-Лабинской, организованную 1 ноября 1926 г., уже зимой того же года посетили не менее 960 чел. (700 женщин и 260 мужчин). За два месяца 1928 г. в Северском районе Кубани в «хатках делегаток» побывало до 50 тыс. чел.¹⁴ Росло и количество «хаток-делегаток»¹⁵ (так указано в источнике — Т.П.-К.). Например, в Приморско-Ахтарском районе Кубани, согласно докладу райисполкома перед избирателями за период с 1 января по 31 июля 1929 г., если на 1 октября 1928 г. их насчитывалось только три, то на 31 июля 1929 г. в районе действовало уже семь «хаток-делегаток». Иначе говоря, районные власти считали такой показатель своим предвыборным достижением, а с другой стороны очевиден проявленный интерес населения к «хаткам-делегаткам».

Опираясь на женский актив, партийно-советские органы вели борьбу за улучшение быта на производстве и дома, за создание детских дошкольных учреждений, за преодоление беспризорности, за трезвый образ жизни и т.д. Круг задач, к выполнению которых привлекались казачки и крестьянки Юга России, был весьма широк, видоизменяясь в зависимости от велений времени.

На исходе Гражданской войны сельские женщины оказывали партийно-советским органам помощь, например, в налаживании продовольственного обеспечения жителей крупных городов. Так, в 1920 г. в Александровском уезде Ставропольской губернии успешно прошла «неделя сухаря», в рамках которой «женщины-крестьянки собирали продукты —

¹⁴ Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по вовлечению трудящихся женщин в социалистическое строительство в период построения фундамента социализма (1926–1932 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1976. – С. 83, 84.

¹⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 61. Л. 92, 99.

зерно, муку, яйца, крупу. Пекли булки, сушили сухари, делали лапшу. Все это упаковывалось в ящики, в мешки и отправлялось в Ставрополь, потом в вагонах доставлялось в Москву для детей рабочих. Только в Александровском уезде было собрано 2 вагона продуктов»¹⁶. В Лабинском отделе Кубано-Черноморской области проведение «недели сухаря» поддержал отделский комитет РКП(б). Согласно протоколу № 9 от 17 июня 1920 г., заслушав доклад тов. Спасского, партийцы «постановили приветствовать организационную комиссию по проведению недели «сухаря» для оказания помощи недоедающему пролетариату Москвы, решив таковую поддерживать всеми силами и средствами»¹⁷.

Конечно, женотделы демонстрировали высокую активность и упорство и в решении чисто «женских» проблем. Поддержкой женской части сельского населения Советской России пользовались кампании матмлада, то есть оказания продовольственно-материальной помощи матерям и малолетним детям, что в тяжелых послевоенных условиях было весьма актуально. В частности, в мае 1923 г. Благодарненский уездный женотдел Ставропольской губернии совместно с уездным здравотделом успешно провели неделю матери и ребенка. В результате удалось собрать для оказания помощи нуждающимся женщинам 9 пудов 24 фунта различных зернопродуктов и пшена, а также финансовые средства в размере 2506 руб.¹⁸

Специфическим направлением общественно полезной деятельности женщин-активисток, как в городе, так и в деревне, являлась в 1920-х гг. борьба с алкоголизмом. Эта проблема заслуживала особого внимания, поскольку в рассматриваемый период времени она приобрела немалую остроту, чему мы посвятили отдельную специальную работу¹⁹.

Идеологи и функционеры коммунистической партии хорошо понимали, сколь важно участие женской части населения деревни в перевыборных кампаниях сельсоветов и заполнении данных административных органов угодными правящей партии кандидатурами. Выражая заинтересованность в феминизации сельсоветов, представители партийно-советского руководства надеялись на эксплуатацию гендерного потенциала деревни, а соответственно на дальнейшее укрепление большевистского режима. Надо признать, что подобного рода расчеты отнюдь не были лишены оснований. Ведь, после Первой мировой и Гражданской войн, женщины составляли свыше 50 % сельского социума и, при распростра-

¹⁶ Шимченко-Ксендзова П. «Достижение фактического равноправия...» // Красные косынки. – С. 96–97.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Ф. 11. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

¹⁸ ГАНИСК. Ф. 3. Оп.1. Д. 2692. Л. 7.

¹⁹ Панкова-Козочкина Т.В. Бабы походы против пьянства // Родина. 2009. № 5. – С.102–104.

нении среди них просоветских настроений, могли склонить чашу весов в пользу большевиков в случае конфликта последних с крестьянством (и действительно, во время такого острейшего конфликта, как сплошная форсированная коллективизация в конце 1920-х – первой трети 1930-х гг., немало крестьянок выступили в поддержку сталинской аграрной политики, хотя не менее значительная часть женского населения деревни ответила на эту политику многочисленными «бабьими бунтами»)²⁰.

В ст. 64 Конституции РСФСР 1918 г. устанавливалось равноправие полов, выражавшееся, в том числе, «правом избирать и быть избранными в Советы», которым теперь могли пользоваться «обоюбого пола граждане»²¹. Тем самым, в советский период были созданы условия для установления равноправия женщин и мужчин в сфере местного самоуправления и участия в государственных делах. В 1920-е гг. удалось накопить колоссальный опыт по преодолению гендерной дискриминации. Думается, такого рода опыт вполне может быть востребован и в наши дни, когда процесс феминизации самых разных сфер жизнедеятельности российского общества продолжается с новой силой.

Большевики не без оснований надеялись на поддержку женщин, поскольку последние видели в компартии ту силу, которая борется за их освобождение от пут патриархата. Поэтому, не случайно партработники, выступавшие 24–28 февраля 1925 г. на 2-й окружной Донской конференции крестьянок, подчеркивали: «Без участия работницы, без участия крестьянки и казачки мы долго еще будем строить новую жизнь[,] и идти к социализму»²².

Однако, мужская часть сельских сообществ СССР (в том числе, казаки и крестьяне Юга России) крайне скептически восприняла намерения большевиков установить гендерное равенство в сфере управления, как делаами каждого конкретного деревенского «мира», так и всего государства. Мотивируя свое нежелание допускать женщин к общественным делам, крестьяне указывали на традиционное распределение гендерных ролей в деревне, при котором муж представлял семью на сходе и вообще отвечал за нее перед односельчанами, а женщине доставалась в удел важная,

²⁰ См.: Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / Отв. ред. А.П. Скорик. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – С. 383–387; Гадицкая М.А., Скорик А.П. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 183–210.

²¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. – С. 13.

²² Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

но не публичная забота о домашнем очаге. Обосновывая собственное нежелание менять веками складывавшийся порядок и видеть своих жен в роли активных участниц общественных дел, крестьяне резко заявляли: «не по вас, «бабы», земельным делом заниматься (то есть, решать вопросы землеустройства на сельском сходе — *Т.П.-К.*)», «печку тебе топить, а не равноправия добиваться»²³.

Иногда, впрочем, деревенские ревнители патриархальных порядков предпочитали озвучивать свою позицию с использованием не консервативной, а, «революционной», риторики. Секретарь Ейского райкома ВКП(б) П.М. Горюнов в одной из своих работ процитировал критическое высказывание кубанских казаков в адрес партийных работников: «Женщинам напрасно даете право голоса — они в революции не участвовали»²⁴. Тем самым, заслуги в революции и Гражданской войне выдвигались южно-российскими хлеборобами в качестве обоснования протеста против установления гендерного равенства. Иначе говоря, стремление большевиков к феминизации общественной жизни в деревне настраивало против них даже некоторых их сторонников из числа рядовых жителей села, самоотверженно сражавшихся за советскую власть в 1917–1920 гг.

Учитывая извечно пренебрежительное отношение мужской части сельского населения к женской половине российской деревни, вполне понятно, почему исторические источники 1920-х гг. буквально пестрят сообщениями о сдерживающем факторе бытовых условий для вовлечения женщин в общественную жизнь. Попробуем разобраться в смысловом содержании часто звучавшего тогда обобщающего суждения «бытовые условия чрезвычайно тормозят развертывание работы среди женщин»²⁵, и почему эти «условия» решительно препятствуют вовлечению казачек и крестьянок в сферу общественной жизни, в работу местного самоуправления.

Речь идет о прямом грубом давлении мужа на жену. Оно могло заставить женщину, до того пытавшуюся демонстрировать активность в общественных делах, отказаться от дальнейшего в них участия. При этом мужья действовали не только словом, используя привычный им набор известных идиоматических выражений русского языка (в бытовом значении, отборный мат), но, зачастую, и делом, проще говоря, занимались откровенным рукоприкладством. Так, в 1923 г. одна из женорганизаторов рассказывала о сложностях, ожидавших ее в процессе проведения работы среди крестьянок: «Нужно было избрать делегатку на волостной съезд. С большим трудом избрали делегатку. Но пришлось потратить не один час

²³ Калашникова. В город за справками // Крестьянка. 1923. № 10. – С. 45.

²⁴ Горюнов П.М. О перевыборах советов на Дону. Ростов н/Д.: Изд-во Донокружка ВКП(б), 1927. – С. 33.

²⁵ Горюнов П.М. Указ. соч. – С. 33.

на то, чтобы она сказала свою фамилию: боялась мужа». На этом, печально повествовала далее женорганизатор, дело не закончилось: «Долго говорила я с ней, разговор не прошел бесследно, крестьянка заинтересовалась и с охотой взяла билет на волостной съезд. Но через некоторое время вернулась обратно и отдала билет. Муж заставил это сделать»²⁶.

С патриархально настроенными мужьями проявляли явную солидарность женщины старших поколений, давно привыкшие к мысли о нелегкой женской доле, ограниченной рамками домашнего хозяйства. Крестьянки помоложе с возмущением писали в редакцию периодических изданий, как их бабки и матери, не говоря уже о соседках, причитали, пытаясь воспрепятствовать их участию в общественных делах: «Боже упаси, чтоб мою дочь выбрали делегаткой, это срам, это позор, все будут над нами смеяться!»²⁷

На уровне всего селения мужчины демонстрировали столь же отрицательное отношение к участию женщин в общественных делах, как и мужья к своим женам-активисткам, или матери к дочерям. Эти антифеминистские силы создавали всяческие препятствия лишь бы не допустить сельских женщин к участию в общественных делах. Крестьянки доколхозной деревни (в частности, сел Ставрополя) нередко жаловались на гендерные преграды, возникающие на общегражданских собраниях, где они лишены возможности высказать свое мнение: «на сходе мужики не дают нам рта раскрыть»²⁸, «не дают нам свободы, задерживают назад»²⁹. О том, насколько крестьяне не воспринимали своих дражайших половинок и дочерей в роли общественниц, свидетельствует и такой факт: весной 1925 г. в Горячеводском районе Терского округа Северо-Кавказского края пошли слухи о предстоящей войне СССР с «юго-западными державами». Чтобы развенчать негативные для властей слухи, местное руководство созвало крестьянскую беспартийную конференцию. Так вот, среди 55 делегатов конференции женщины составляли лишь 5 %³⁰.

Таким образом, формируемая под руководством партии большевиков социальная группа делегатов в доколхозной деревне 1920-х гг. становилась активным проводником политики гендерного равенства, и одновременно делегатки выступали в поддержку мероприятий советской власти, участвуя в различных акциях и преодолевая патриархальные деревенские традиции.

²⁶ Тишина. Нужны общие усилия // Крестьянка. 1923. № 8. – С. 34.

²⁷ Ситникова М. Перевыборы делегатов // Крестьянка. 1923. № 22. – С. 6.

²⁸ Калашникова. В город за справками // Крестьянка. 1923. № 10. – С. 45.

²⁹ Степная К. О работе крестьянок далеких степей // Крестьянка. 1923. № 8. – С. 35.

³⁰ Из информационной сводки Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) о распространении слухов о предстоящей войне. 27 апреля 1925 года // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах. Сб. документов / Науч. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. – С. 295.

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ ПО СБОРУ ПРОДНАЛОГА: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ НА МАТЕРИАЛАХ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье будут рассмотрены некоторые аспекты организации и проведения первой кампании по продналогу летом–осенью 1921 г. Проблемы в организации компании, жалобы крестьянства, меры воздействия и наказания крестьян за неуплату налога.

Ключевые слова: продовольственный налог, новая экономическая политика, ревтрибунал, крестьянское хозяйство, объекты обложения, продовольственный работник.

В отечественной и зарубежной историографии всегда уделяли много внимания продовольственному налогу, историки дали оценку его историческому, политическому и экономическому значению. Но, все-таки остаются еще малоизученные аспекты в его истории. К ним можно отнести и проведение его на местах, далеко не по всем областям проведены подобные исследования, так и собственно сама первая кампания по продналогу. Не количество собранных продуктов и не оценка отличий продналога от продразверстки, а именно организация и проведение сбора, приемки продуктов от крестьян.

Данная статья как раз будет посвящена проведению первой кампании в Иваново-Вознесенской губернии. Во-первых, материалы Иваново-Вознесенской губернии еще не изучены. Во-вторых, есть некоторые особенности проведения первой кампании в губернии. Первое о чем следует упомянуть то, что сельское и крестьянское хозяйство на территории Иваново-Вознесенской губернии всегда было мало развито, не самые плодородные почвы, леса и болота все это не способствовало его развитию. И второе, о чем следует упомянуть, в 1921 г. Иваново-Вознесенская губерния все еще находилась в стадии территориально-административного становления, так как была образована только в 1918 г.

Начало кампании, как и всего периода, было положено на X съезде партии, состоявшимся в марте 1921 года. Уже тогда в прениях представители наркомпрода высказывали сомнения в возможности быстро и эффективно собрать продналог. Среди аргументов в пользу более тщательной

¹ *Комиссарова Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет», Россия, Иваново, komissarova-ia@rambler.ru.*

подготовки кампании назвали то, что введение налога до посева внесет путаницу в планы крестьян, также говорили о неурожае 1920 г. и неблагоприятных прогнозах на 1921 сельскохозяйственный год, была неуверенность в успехе кампании без предварительной агитационной и подготовительной работы в деревне, отмечали, что ни в СНК, ни в НКП нет сведений ни об урожае, ни о площади посевов². Как показала практика, опасения были более чем обоснованы. Там же на X съезде был утвержден порядок прохождения нового декрета о налоге. Предполагалось, что после принятия проекта съездом он будет рассмотрен на ближайшей сессии ВЦИК, которая издаст положение. Затем СНК и СТО превратят его в закон и дадут практические инструкции. Во второй половине марта было опубликовано постановление ВЦИК, а 21 апреля вышли два первых декрета «О натуральном налоге на хлеб, картофель, масляничные семена» и на молочные продукты³. Окончательный переход к взиманию натурального налога был возможен только после завершения кампании 1920 г. по сбору продразверстки. В конце апреля было официально объявлено о прекращении производства дел по обвинению в преступных деяниях о нарушении правил разверстки, местном обмене, покупке, продаже различных продуктов продовольствия⁴. Действительно с апреля ни в периодической печати, ни в делах губисполкома не упоминалось о недоимках по продразверстке, все внимание было сосредоточено на продналоговой кампании.

Всего было установлено 18 продуктовых и сырьевых налогов (хлеб, картофель, масляничные семена, молочные продукты, яйца, шерсть, продукты пчеловодства, мясо, льняное и пеньковое волокно, пушнина, домашняя птица, табак, сено, солома, продукты бахчеводства, огородничества, кожевенно-сырьевой налог⁵). Издано 13 декретов, регулирующих порядок начисления и сбора налога. А в сентябре 1921 г. вышел последний из 13 декретов об обязательной поставке домашней птицы в порядке продналога. С этого момента процесс законодательного оформления продуктового налога можно считать законченным. Продналог должен был исчисляться в виде процентного или долевого отчисления и носить прогрессивный характер, брался со всех произведенных в хозяйстве продуктов. При начислении налога учитывался урожай, число едоков, количество скота. По сводкам из уездов в губисполком по продналогу в Иваново-Вознесенской губернии собирали около 30 видов продуктов, которые были предусмотрены декретами, например, мясо, домашнюю птицу,

² X съезд РКП /6/. Март 1921 г. Стенографический отчет. М. 1963. – С. 418–419.

³ СУ. 1921. № 38. Ст. 204; № 37. Ст. 197.

⁴ СУ. 1921. № 55. Ст. 338.

⁵ СУ. 1921. № 38. Ст. 204; № 37. Ст. 197; № 38. Ст. 205; № 48. Ст. 235; № 50. Ст. 271; № 51. Ст. 281, 291; № 61. Ст. 431; № 64. Ст. 478; Известия. 1921. 17 мая; 20 мая; 4 июня; 16 августа.

сено, но помимо этого сало, клевер, лен, воск, древесное сено, несколько овощных культур.

По каждому отдельному виду налога устанавливался разряд урожайности (так, например, налог на хлеб предполагал 11 разрядов, по урожаю, а обложение хозяев налогом на пеньковое и льняное волокно 8 разрядов) и ставка с десятины посева или пашни, по количеству скота, птицы, улей.

Установление размера налога для каждого отдельного хозяйства производилось сельским советом под руководством и контролем волостных исполнительных комитетов. Поступающие по налогу продукты должны были сдаваться заготовительным конторам и никаким другим органам⁶. Была проведена реорганизация военных отделов управления заготовок НКП и соответствующих подотделов местных продовольственных органов в инспекторский отдел и соответствующие подотделы на местах. Инспекторскому отделу управления заготовок НКП поручалось наблюдать за правильной раскладкой налога на местах, следить за ходом поступлений, принимать соответствующие меры в отношении неплательщиков. В ведении отдела входило установление степени участия военных сил, необходимых для обеспечения полного взимания продналога⁷.

Кампании по сбору продналога в Иваново-Вознесенской губернии сложно определить хронологические рамки и в том числе выделить периоды. Если ее начало можно отнести к апрелю, когда стали публиковать первые декреты по продналогу, то окончание сбора в 1921 г. так и не состоялось, по нескольким причинам. Во-первых, более 90% налога собрали только по некоторым видам продуктов (картофель, капуста, рожь, овес и сено). По остальным план был выполнен в лучшем случае на 60%, а в некоторых уездах к сбору отдельных платежей так и не приступили, например, соломы, брюквы, лука, моркови)⁸. Во-вторых, в начале октября на территории губернии начались затяжные дожди, наступила распутица и, оказалось совершенно невозможно возить продналог к заготовительным конторам и в том числе непогода создавала серьезные проблемы для их хранения в первую очередь картофеля. Поэтому было принято решение приостановить сбор продналога до весны и обязать самих крестьян хранить его и только весной сдать государству. Причем в приказе уполномоченного губисполкома указывалось, что тем крестьянам кто согласился хранить картофель предоставить скидку, а тем, кто отказался, продналог на картофель принудительно заменяли на другие виды продуктов, в первую очередь зерновые, для крестьян это было серьезной мерой⁹.

⁶ СУ. 1921. № 48. Ст. 244.

⁷ СУ. 1921. № 49. Ст. 260.

⁸ Пленум Губисполкома // Рабочий край. 27 октября. 1921.

⁹ Государственный архив Ивановской области (Далее: ГАИО). Ф.Р-33. Оп. 1. Д. 568. Л. 210.

В ходе проведения кампании все-таки можно выделить несколько этапов на которых тот или иной вид деятельности был основным. Так в июле шла активная работа по формированию аппарата по сбору продналога. Исполнительные структуры, партийные организации, уже существующие продорганы должны были в самые краткие сроки направить свои лучшие силы на сбор продналога. Люди требовались везде, необходимы были агитаторы, инспектора, охранники, члены ревтрибуналов. Не сложно предположить, что в такой форме и за такие сроки полноценный квалифицированный состав продовольственного аппарата было не собрать, по нашему мнению, создавать его начали поздно. Все это уже в самом начале усложнило проведение кампании. А в октябре с довольствия стали снимать отряды милиции и воинские части, выполняющие функции сопровождения и охраны складов и обозов с собранным продналогом. В ряде населенных пунктов собранное вообще осталось без ораны, местным органам власти пришлось нанимать ее из местных, но на эту работу почти никто не соглашался, брали даже инвалидов. Местные власти сетовали, что в такой ситуации не то что собрать продналог, но сохранить собранное не могли¹⁰.

В августе и местная периодическая печать и продорганы больше всего занимались агитацией и учетом объектов обложения и самих плательщиков. Весь август на страницах главной губернской газеты печатали статьи от редактора и первых лиц губернии о важности сбора налога, о необходимости сдать, потерпеть, о голоде в советской республике и призывали крестьян помочь голодающим, т.е. вовремя и полностью сдать продналог.

Еще одной темой было объяснение отличий продразверстки от продналога. В Иваново-Вознесенской губернии это оказалось очень актуально, так как по нескольким продуктам, в первую очередь по зерновым продналог оказался выше продразверстки. Крестьяне требовали объяснений. Власти назвали несколько причин повышения: увеличение плана по губернии, из-за увеличения числа плательщиков; повышение по волостям, тем что в губернии в 1921 г. по основным видам продукции урожай выше, чем в годы продразверстки был, и если сравнивать соотношение продналога к урожаю и продразверстки к урожаю, то повышение, по мнению властей, было незначительным. Сами же крестьяне считали, что по большому числу продуктов в губернии были установлены несправедливо высокие разряды урожайности. А урожайность — это один из важнейших критериев, влияющих на общую сумму платежа.

Разряд урожайности — одна из самых обсуждаемых тем, как в среде крестьян, так и в налоговых органах всех урочней. Если учет количества

¹⁰ ГАИО. Ф.Р-33. Оп. 1. Д. 568. Л. 15-18.

пашни, едоков относился к первичному и начинался с уровня сельсоветов. То определение урожайности — задача государственная и губернские продорганы ждали указания Москвы о разряде урожайности по всем видам платежа. Причем запросы из губернии в Центр об этом поступали не только в августе, но и в сентябре. Работа по учету всех самых важных для продналога показателей велась на протяжении всего периода первой кампании, завершена так и не была. Хотя суммы налога крестьяне все-таки получили, но не получали ответа на свои жалобы и просьбы, так как, согласно инструкциям урожайность не обжаловали. Заявления о снижении налога из-за стихийных бедствий практически не принимались к рассмотрению. Иваново-Вознесенская губерния, в этом смысле, вполне благополучная, самое страшное что произошло в 1921 г. это дожди, чуть больше чем обычно.

Точному учету объектов обложения мешала, по мнению советской власти, хитрость крестьян, которые посчитали, что «продналог — это добровольное даяние... За которое ничего не будет»¹¹. Поэтому в деле учета очень важную роль также отводили агитации, носила она правда другой характер, нежели агитация за продналог в целом. В данном случае объясняли, что будет, если попытаться обмануть налоговые органы и не очень доверяли крестьянам. Хотя, скорее следовало не доверять своим сотрудникам, так как привлеченные на работу по учету в большинстве своем были малограмотны, молоды и некомпетентны. Как следствие при таких характерных признаках сотрудников продорганов был почти повсеместный обман и недоучет, по мнению губернских властей до 50%¹². Следует также заметить, что в инструкциях, разработанных для продорганов всех уровней, рекомендовалось при учете опираться, в том числе «на житейский опыт и совесть»¹³. Увы, ни тем, ни другим, призванные на сбор продработники, похвастаться не могли.

Первая кампания по продналогу была непростой задачей, как для крестьян, так и для продработников. В том числе для Иваново-Вознесенской губернии она была еще технически сложной, особенно плохо было с ведением списков и отчетов обследований. Во-первых, было очень много объектов сложных для учета, например ульи, которые можно было прятать в лесу. Во-вторых, списки и статистика предыдущих лет были мало доступны продработникам, так как затерялась в административном аппарате сразу трех губерний, территории которых и составили новую Иваново-Вознесенскую. Во многом такая беспомощность аппарата, на наш взгляд, и стала причиной того, что на смену убеждению пришлось принуж-

¹¹ Чернов М. Революционные трибуналы и продналог // Рабочий край. 6 августа. 1921.

¹² Чернов М. Меры воздействия на местных налогоплательщиков // Рабочий край. 1 сентября. 1921.

¹³ Рабочий край. 6 августа. 1921.

дение. И еще одной немаловажной причиной, стало слабое поступление продналога в июле и августе.

Максимально активно все возможные ресурсы и вовлеченные в налоговую кампанию люди были задействованы в сентябре — октябре 1921 г. Время, когда налог активно сдавался крестьянами и свозился к пунктам приема, а налоговый аппарат и ревтрибуналы прилагали максимум усилий, чтобы сохранить собранное. Сложно сказать какая задача была сложнее. Следует заметить, что обязанности по выявлению недоучтенных объектов обложения в эти месяцы также никто с продорганов не снимал.

Компания набирала обороты вместе с ней принуждение крестьян к сдаче налога. Наказание предусматривалось за укрытие, за несдачу и за некачественные продукты, виды наказания разнообразны, а вынесение приговоров ревтрибуналами и налоговыми продорганами производилось быстро и тут же принималось к исполнению. Следует заметить, что за каждую провинность, вне зависимости от наказания, предполагалось повышение тяжести обложения. Среди самых часто принимаемых ревтрибуналами решений были: увеличение продналога, как в целом, так и на отдельные виды продуктов в 1,5–2 раза; конфискация имущества, как правило, домашних животных (овцы, коровы, куры); принудительные работы во время и без условного ареста. Практиковалось двойное наказание (увеличение налога и конфискация имущества) и даже тройное, как правило, к таким мерам прибегали за агитацию против сдачи продналога и за отказ его платить¹⁴.

У ревтрибуналов проблем также было много, они во многом были схожи с проблемами налогового аппарата: кадры, обеспечение, самое главное не хватало средств передвижения, что было принципиально важно, так как от мобильности, считали, зависела эффективность работы. И все же, в Иваново-Вознесенской губернии считали, что работа ревтрибунала результативнее продотрядов. И, следует заметить, что случаи ввода армейских частей в населенные пункты, где продналог сдавался хуже всего, единичны. Запросы на подобную меру были. В той же Владимирской губернии, да и в других успех продналоговой компании ставили в прямую зависимость от вооруженных сил¹⁵. А на совещании в Иваново-Вознесенском губисполкоме призывали на местах по возможности избегать «особо жестоких репрессивных мер», пытаться воздерживаться от круговой поруки (ввод армейских частей, также как и при подразверстке подразумевал именно круговую поруку, так как войска на постое оставались пока все жители не выплатят положенное)¹⁶.

¹⁴ ГАИО. Ф.97. Оп. 5. Д. 114, 119, 122.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 779. Л. 33.

¹⁶ Вокруг продналога // Рабочий край. 24 сентября.1921.

Нельзя не упомянуть, что как недавно созданной в Иваново-Вознесенской губернии воинских частей было мало, их элементарно не хватило бы расположиться на постой во всех населенных пунктах, имеющих проблемы с выполнением продналога. Поэтому чаще всего вооруженные силы использовались для охраны, сопровождения собранных продуктов, следили на рынках за незаконным сбытом. Устраивали демонстрационные выезды к злостным неплательщикам для устрашения, причем в сводках продработники упоминали, что подобные демонстрации неизменно приводили к улучшению ситуации со сдачей продналога¹⁷.

Еще одна серьезная проблема при сборе — это обеспечить его сохранность. Уже в июле с мест поступало много жалоб на нехватку средств для организации мест хранения и соответствующих условий. Хуже всего дела обстояли с сохранностью картофеля и сена. Точных данных в документах нет, но судя по обращениям до 50% собранного картофеля сохранить не удалось.

В Иваново-Вознесенской губернии функции по приему продуктов и ответственность за их сохранность были возложены на кооперацию, использовались их оборудование и хранилища. Заготконторы Губернского Союза потребительских обществ проводили первичный осмотр привезенных продуктов, определяли пригодность и засыпали на хранение¹⁸. На бумаге все это выглядело просто, но практика показала, что серьезных препятствий для нормальной организации работы было много.

Во-первых, за такой короткий срок удалось организовать очень мало пунктов, поэтому дорога к ним, как правило, занимала целый день. При их организации и прикреплении населенных пунктов не учли отсутствие мостов и переправ через реки. Поэтому обязанности по доставке продуктов к заготконторам крестьяне брали на себя очень неохотно, не помогали ни установление очереди, ни нажим сельсоветов. В том числе, поэтому так долго шла раскочка по сдаче продналога.

Во-вторых, в заготконторах отсутствовали единые утвержденные формы учета привезенных продуктов, также не были утверждены инструкции по учету продуктов огородничества, пчеловодства, на некоторых пунктах даже отказывались принимать их. Все сводки, поступающие в губисполком были написаны на разной бумаге, абсолютно произвольным порядке, иногда даже без указания мер веса, некоторые продукты в сводках пропускали, другие указывали дважды, причем цифры не совпадали. Разобраться в этой отчетности было практически невозможно.

В-третьих, плохо обстояло дело и с информированием на местах о правилах перевода и замены одного вида налога на другой. И еще не было

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 567. Л. 139.

¹⁸ Чернов М. Крестьянство и продналог // Рабочий край. 9 августа. 1921.

в нужном количестве, а иногда просто не было весов, тары для замеров и других, так необходимых вещей. На многих пунктах мерой приема была «кладут по шапке», понятно, что такая «точность» не в пользу крестьян.

А еще местные власти требовали максимально строго оценивать качество, привезенных продуктов: чистоту, влажность, плотность и т. п. Возврат или отказ от приема привезенных продуктов были вполне распространенной практикой, что приводило к постоянным ссорам и склокам. А время в очереди к заготовительным пунктам растягивалось на часы, что также не способствовало успеху кампании.

Таким образом, первая продналоговая кампания проходила очень напряженно. Закончить разработку законодательства ко времени начала сбора не успели, последние декреты вышли в сентябре. А уже пришлось вести учет объектов обложения, пока занимались учетом, настало время проводить активно организационную работу, нанимать людей, готовить пункты приема и хранения, нанимать охрану. С этим также не успели, а крестьяне повезли уже продналог, причем сначала одни продукты, потом другие, потом долги и недоимки по первым в одной очереди на сдачу, в итоге очередности в приеме, как планировали, не получилось. И весь период острая нехватка средств, дефицит кадров и крайне низкий уровень технической готовности, начиная с весов и заканчивая организацией хранения собранного. Это создавало большое количество проблем и затрудняло сбор и выполнение плана по губернии. А сама налоговая кампания превратилась в рутину.

Создается впечатление, что продналог собрать вовремя и необходимое государству количество при таком подходе было просто невозможно. Все-таки, следует заметить, то в Иваново-Вознесенской губернии наличие проблем признавали, старались не сильно давить на крестьян, убеждать, а не наказывать.

**КОЛЛИЗИИ ПЕРЕХОДА К НЭПУ В 1921–1922 гг.:
РЕЦИДИВЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА И ПРОТИВОРЕЧИЯ
НОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА**

В статье предлагается репрезентация противоречивой трансформации политики Советского государства от модели военного коммунизма к новой экономической политике. Государственная власть была вынуждена пойти на уступки крестьянству. Однако стратегические партийные установки, основанные на марксистской парадигме, остались неизменными.

Ключевые слова: крестьянство, государство, военный коммунизм, новая экономическая политика, В.И. Ленин.

Попытка непосредственного перехода к коммунизму привела страну к глубокому экономическому и политическому кризису весной 1921 г. Вектор теории социального эксперимента, казавшийся ранее большевикам прямой магистралью к коммунизму, пришлось повернуть в сторону поиска обходных путей и переходных ступеней к конечной цели посредством госкапитализма и социализма. Установка на построение социализма (определявшегося как первая стадия коммунизма) дополнилась осознанием необходимости переходного периода.

Примечательна оценка сложившейся ситуации, представленная позднее, в 1938 г. в Кратком курсе «Истории ВКП(б)». Констатировалось, что система военного коммунизма «пришла в столкновение с интересами крестьянства»: «военный коммунизм был попыткой взять крепость капиталистических элементов в городе и деревне штурмом, лобовой атакой. В этом наступлении партия забежала далеко вперед, рискуя оторваться от своей базы. Теперь Ленин предлагал отойти немного назад, отступить на время поближе к своему тылу, перейти от штурма к более длительной осаде крепости, чтобы, накопив силы, вновь начать наступление»³. Фантазерами были названы Лениным коммунисты, которые рассчитывали в три года переделать экономику мелкого земледелия⁴. Но тогда возникает

¹ Алешкин Петр Федорович, доктор исторических наук, главный редактор общероссийского молодежного журнала «Наша молодежь», член Союза писателей России, Россия, Москва, alshkin@list.ru.

² Васильев Юрий Альбертович, доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора общероссийского научно-политического журнала «Власть», Московский гуманитарный университет, Россия, Москва, historymosgy@mail.ru.

³ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt (дата обращения: 25.10.2017).

⁴ См.: Ленин В.И. X съезд РКП(б), март 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. – С. 60.

вопрос: кто породил коммунистические фантазии и вдохновил десятки миллионов их носителей? Причина ошибок объяснялась отсталостью страны и низким уровнем образования⁵. Однако провал опытов в области коллективного земледелия на практике нельзя объяснить, как это делал Ленин, только неопытностью и неумением хозяйствовать. Практика являлась апробацией теоретических построений большевизма⁶. Не удалось уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового.

Отказавшись от устремлений военного коммунизма в отношении деревни, Ленин по-прежнему придерживался марксистской стратегии перехода от капитализма к коммунизму: мелкое обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, превращается в общественное крупное земледельческое хозяйство⁷. Приоритетной стала задача «переработки» мелкого земледельца как дело, требующее создания материальных предпосылок и не одного поколения⁸. Цель оставалась прежней — коммунизм. Прежняя политика, олицетворяемая термином «штурм», заменялась новой политикой — «осадой». Политика могла меняться, причем достаточно круто: Ленин не отрицал возможность при необходимости ликвидировать общество госкапитализма, который только что был допущен в ограниченных и лишь экономических рамках.

Введение нэпа не являлось четко спланированным мероприятием — скорее это была импровизация большевистского руководства. Введение продналога вместо продразверстки, организация товарообмена и разрешение торговли не были частью программы, авторство которой принадлежит исключительно Ленину и его единомышленникам. Нэп отражал своеобразную легитимацию многочисленных требований российского крестьянства. Неслучайно с введением новой экономической политики отчетливо стало проявляться стремление крестьян к увеличению посевной площади, многопольной системе, охотное выполнение продналога облигациями хлебного займа. Крестьянство стало оказывать добровольное содействие власти в борьбе с «бандитизмом». Случаи участия амнистированных повстанцев в поимке или ликвидации руководителей «банд» и «шаек», как их тогда называли, является не только стремлением заслужить отпущение грехов у Советской власти (это вряд ли можно

⁵ См.: Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции: Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. // Там же. Т. 45. – С. 290.

⁶ См.: Васильев Ю.А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2018. – С. 248–252.

⁷ См.: Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. – С. 148.

⁸ См.: Васильев Ю.А. Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта. М.: Молодая гвардия, 1992. – С. 15–24.

отрицать), но и желанием покончить с явлениями, мешающими наладить мирную трудовую жизнь крестьянина. Крестьянство устало от войн и многолетней изматывающей борьбы, приводивших его хозяйство в упадок и разорение.

Следует отметить, что далеко не все крестьянство осознало сущность новой трансформации и приняло новую политику. Данный тезис можно подтвердить появлением феномена, особенно в Сибири, получившего парадоксальное название «красный бандитизм». Движение зародилось среди бывших красных партизан, боровшихся за установление Советской власти — его участники с оружием в руках выступали против нэпа. Оставаясь приверженцами военно-коммунистической идеологии, они по собственной воле продолжали выполнять карательную функцию, часто с особым ожесточением, по отношению к своим односельчанам и землякам, которых считали классовым врагом.

Решение X съезда РКП(б) о замене продразверстки продналогом законодательно было оформлено постановлением ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта 1921 г. Устанавливалось, что налог должен быть меньше существовавшего ранее обложения методом разверстки. Разверстка отменялась, вместо нее вводился натуральный налог на продукты сельского хозяйства⁹. Введением нэпа большевики признали право собственности крестьянина на производимый им продукт. 28 марта 1921 г. СНК принял постановление об установлении продовольственного натурального налога на 1921/1922 г. для зерновых продуктов в размере не свыше 240 млн пудов (менее 57% объема, который планировалось собрать методом госразверстки в 1920/1921 гг. на территории Республики, не считая Украины и Туркестана — 423 млн пудов)¹⁰.

Замена продразверстки продналогом, величина которого даже в сокращенном объеме оказалась непомерной для разоренного войнами и неурожаем крестьянского хозяйства, не улучшила в первый год нэпа положение крестьян. В 1921/22 сельскохозяйственном году план по сбору продналога не был выполнен — заготовлено около 233 млн пудов хлеба¹¹. Невыполнение плана было обусловлено объективными причинами. Из-за нехватки зерна недосев в 1921 г. в целом по губерниям составил 25%. С огромным трудом засеянное погубила засуха, послужившая причиной неурожая и голода 1921 г. В результате сокращения посевных площадей и неурожая в 1921 г. было собрано даже меньше урожая, чем в последний

⁹ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1957. Т. 1. – С. 225–227.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 13. М., 1989. – С. 245–247, 285.

¹¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Т.1. 1918–1922. М., 2000. – С. 48.

год военного коммунизма — 1 689 142 тыс. пудов против 2 082 607 тыс. пудов в 1920 г. В 1922 г. по сравнению с 1921 г. в целом по стране посевная площадь из-за голода и разорения хозяйства сократилась¹². Настроение основной массы крестьянства улучшилось лишь во второй половине 1922 г. в связи с хорошими видами на урожай. В 1922/23 сельскохозяйственном году объем хлебных заготовок составил 361 млн пудов хлеба¹³ — в 1,6 раза больше, чем в предыдущем году.

Характерно следующее обстоятельство: переход от военного коммунизма к нэпу в значительной мере совершался привычными для партийцев методами военного коммунизма. В чекистской информации в феврале 1922 г. (почти год прошел после объявления нэпа в стране) сообщалось о следующих фактах, имевших место в Омской губернии: «Бесчинства продработников в губернии достигают совершенно невероятных размеров. Повсеместно арестованных крестьян сажают в холодные амбары, бьют нагайками и угрожают расстрелом. Крестьяне, боясь репрессий, бросают хозяйства и скрываются в лесах... Введение дополнительного налога заставляет крестьян собирать милостыню. Крестьянство обменяло почти все свое имущество на хлеб. 50% населения голодают¹⁴.

Аналогичная ситуация наблюдалась во многих других регионах страны. Выездные сессии ревтрибунала и нарсуда против неплательщиков продналога осенью 1921 г. и зимой 1922 г. практиковались повсеместно по стране. Принудительные и репрессивные меры при взимании продналога осуществлялись при помощи вооруженных отрядов. Отмечалось, что успешное выполнение продналога происходило в местах расположения воинских частей. Власти закрывали и опечатывали мельницы до выполнения продналога. Неплательщики продналога подвергались арестам. Ходатайства о снижении налога не принимались¹⁵.

Величина продналога, как и ранее продрозверстка, часто не соответствовала реальным возможностям крестьян: приоритет заключался в потребности получения продовольствия любой ценой. Именно этим обстоятельством можно объяснить заметный разрыв между заданиями и их реальным выполнением. Сбор продналога в 1921 г. не соответствовал плану. Недовольство крестьян находило свое конкретное выражение в специфических крестьянских формах сопротивления. Одной из таких форм пассивного протеста крестьян являлось сокрытие пашни (посевной площади) и скота, поскольку размер налога зависел от количества пашни на едока, обеспеченности скотом и урожайности. Сокрытие пашни и скота было массовым явлением и составляло от 10 до 20% пашни и до 50% —

¹² Там же. — С. 42, 52.

¹³ См. там же. — С. 48.

¹⁴ Там же. — С. 573.

¹⁵ См.: Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т.1 — С. 560, 565, 677, 703.

скота¹⁶. В борьбе с этим явлением Советское государство еще более усилило налоговый пресс и ужесточило административно-репрессивные меры воздействия. Власти пытались проводить выявление и учет фактических посевов. За скрытую пашню взыскивался штраф в двукратном размере от причитавшегося за эту площадь продналога, а виновные в сокрытии посева и скота привлекались к судебной ответственности.

Сбор продналога за скрытую от учета землю порождал в первую очередь недовольство бедняков. Сокрытие от учета пашни осуществлялось беднейшим крестьянством, семьями красноармейцев, вынужденных идти на этот шаг из-за разорения хозяйств в период Гражданской войны: нечем и неначем было засеять поля. Однако план продналога устанавливался по наличию фактической земли, вне зависимости от того, сколько крестьянин мог засеять (не учитывалось наличие семенного материала, рабочего скота, инвентаря). Крестьяне-бедняки, не имея возможности заплатить продналог, продавали семенной материал и сельхозинвентарь, скот, чтобы оплатить налог. Для оплаты масляного налога покупали на базаре масло. В результате после уплаты налога беднота оставалась без хлеба и необходимых продуктов. В посевную кампанию крестьяне, за отсутствием лошадей, запрягали коров, сами запрягались вместе с женами, детьми в плуги, бороны. Чтобы сдать налог, нередко приходилось выстаивать очереди в заготконторах. Политика власти заставляла бедноту заниматься к кулакам или бросать хозяйство и уезжать в город на поиски работы и заработка. Кулак имел возможность добыть фиктивные квитанции об уплате продналога: взяточничество среди продработников получило широкие размеры.

30 октября 1922 г. 4-й сессией ВЦИК IX созыва был принят Земельный кодекс, который вводился в действие с 1 декабря. Новое советское земельное законодательство в определенной мере можно рассматривать как уступку, в духе энпа, крестьянским требованиям. При этом основополагающим принципом советской земельной политики объявлялась национализация земли — крестьянство так и не дождалось обещанной социализации.

Суть основных положений земельного законодательства сводилась к следующему: категорически запрещались всякие сделки с землей — купля, продажа, завещание, дарение, залог¹⁷.

Хотя эксперимент с военным коммунизмом как формой непосредственного перехода к новому обществу закончился неудачей, но изменение политики, олицетворяемое с переходом от «штурма» (военный коммунизм)

¹⁶ См. там же. – С. 50.

¹⁷ См.: Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. М, 1954. – С. 140–145, 148–179.

к «осаде» (нэп), не означало корректировки стратегических партийных установок. Большевистские теоретики мыслили в рамках марксистской коммунистической доктрины. Разногласия имели место в отношении тактических моделей в границах переходного периода. Всех большевистских руководителей (несмотря на тактические разногласия) объединяло восприятие понятия «социализм» как альтернативного «капитализму» способа организации общества. При всех различиях во взглядах все они были членами правящей партии, поставившей задачу построения социалистического общества. Социализм для них означал справедливое и гуманное общество, а суть его становилась скорее воплощением моралистской идеи, чем реальной институционной или экономической программы. Социализм обозначал также конкретную социальную формацию в антитезе «социалистическое общество» — «капиталистическое общество». Вера в идеи социализма являлась основой мировоззрения партийцев. Идеалы социализма они могли понимать по-разному, но всех их объединяла убежденность в том, что история движется по пути замены капитализма социализмом.

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается современная историография социально-правовых аспектов жизни крестьянского социума периода новой экономической политики. Пропаганда и популяризация права приносили свои положительные результаты, однако криминогенная обстановка была сложной, чему способствовали невысокий уровень общей культуры и проблемы в правоохранительных органах. Был распространен абсентеизм значительной части крестьянства, который был обусловлен как традиционным недоверием органам власти, так и прозрачным ощущением временности новой экономической политики.

Ключевые слова: российское крестьянство, современная историография, новая экономическая политика, социально-правовое развитие.

Изучение социально-правового развития российского крестьянства в период новой экономической политики является актуальной и важной задачей, о чем свидетельствуют работы исследователей. Период 1920-х гг. до сих пор является временем, который находится в фокусе внимания ученых. Следует согласиться с обоснованным мнением В.Н. Тарасенко о том, что «...расширение интереса к социокультурной истории двадцатых годов вовлекло в исследовательскую сферу культурные стереотипы и мифы, образ жизни и социальный статус основных социальных слоев, их отражение в пропаганде, литературе и искусстве. В научную повестку включены эволюция приоритетов социальной политики и форм политического участия, государственной идеологии и правовой сферы, цензуры и пр.»². Целью данной статьи является рассмотрение современной историографии социально-правового развития российского крестьянства в период новой экономической политики.

В современной историографии изучению социально-правовых аспектов развития российского крестьянства в изучаемый период уделяется значительное внимание. Изучением специфики особенностей массового правового сознания занимается П.П. Марчenea³. Под его руководством

¹ Кулачков Вадим Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и социологии, Брянский государственный инженерно-технологический университет, Россия, Брянск, vad2517@yandex.ru.

² Тарасенко В.Н. Нэповская повседневность в современной российской историографии. Автореферат дис...канд. ист. наук. Москва, 2013. – С. 22.

³ Марчenea П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России: Монография. – М.: Изд-во «Щит-М», 2005. 206 с.

в содружестве с С.Ю. Разиным активно реализуется научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Большинство участников данного проекта придерживаются мнения о том, что крестьянское сознание стало одним из главных факторов становления и развития советской модели государства и общества⁴.

Автор данной статьи также проводит работу по изучению сознания крестьян в контексте изучения правовой культуры. В частности, в 2012 г. была опубликована статья, в которой автор пришел к выводу, что «...деятельность новой (советской — В.К.) власти по приближению закона и права к крестьянству приносила пользу, но в реальной жизни на практике многое оставалось по-прежнему, и основная масса крестьян была безграмотна в правовых вопросах»⁵. В другой коллективной статье отмечается, что «советская власть, используя вместо права революционную целесообразность и классовую мораль, фактически действовала в рамках прежней тенденции подмены права этическими нормами»⁶.

В 2017 г. была проведена всероссийская научно-практическая конференция «Правовая культура России: прошлое и настоящее», на которой рассматривались различные аспекты состояния правовой культуры⁷. В сборнике данной конференции было опубликовано несколько совместных статей автора, в которых уделялось внимание рассмотрению как историографии изучения правового сознания в российской науке, так и деятельности структур советского государства в сфере правовой пропаганды⁸.

В частности, анализ деятельности структур советского государства в сфере правовой пропаганды позволил сделать вывод о том, что «...в 1920-е гг. судебные и правоохранительные структуры Брянской губернии вели активную деятельность в сфере правовой пропаганды...

⁴ Марченя П.П., Разин С.Ю. Крестьянское сознание как фактор политической истории России: о сборниках научного проекта «Народ и власть» // Новый исторический вестник. №3 (49), 2016. – С. 200–215.

⁵ Кулачков В.В. Особенности правовой жизни крестьянства Западного региона России в первой трети XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1–2 (15), 2012. – С. 110.

⁶ Кулачков В.В., Рябова Т.И., Конова В.И. Специфика правового сознания крестьянства Западного региона России в первой трети XX века // Клио. № 8 (104), 2015. – С. 126.

⁷ Правовая культура России: прошлое и настоящее. Материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 8 декабря 2017 г.). Брянск, 2017. 123 с.

⁸ Кулачков В.В., Николашин В.П. Очерк истории изучения правового сознания в российской науке // Правовая культура России: прошлое и настоящее. Материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 8 декабря 2017 г.). Брянск, 2017. – С. 59–65; Кулачков В.В., Федоров С.Г. Деятельность структур советского государства в сфере правовой пропаганды (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // Правовая культура России: прошлое и настоящее. Материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 8 декабря 2017 г.). Брянск, 2017. – С. 26–35.

Однако особенности сельского образа жизни и традиционной психологии крестьян негативно влияли на эффективность проводимых мероприятий в сфере правовой пропаганды»⁹.

При этом прокуратура играла весьма значительную роль в плане защиты прав крестьян¹⁰. Так, по мнению автора данной статьи «...в 1920-е гг. прокуратура вместе с другими заинтересованными структурами осуществляла достаточно активную деятельность в сфере правовой пропаганды и юридического просвещения. Из-за преобладания сельских жителей на территории Брянской губернии в изучаемый период главное внимание уделялось данной категории населения. Благодаря деятельности изб-читален, Домов крестьянина, юридических бюро, кружков и консультаций наблюдались положительные изменения в правовой культуре крестьян. Однако эффект от этой деятельности в значительной степени нивелировался как от низкого уровня правового сознания крестьянства, так и нацеленности в деятельности прокуратуры, прежде всего, на решение политических и идеологических задач»¹¹.

Изучение популяризации правовых знаний способствовало выводу о том, что «...организация справочных юридических столов, кружков, консультаций, бюро, работа в избах-читальнях, издание юридической литературы способствовали приближению права и закона к крестьянству. Однако отсутствие достаточного времени, возможностей и средств у основной массы сельских жителей отрицательно сказывались на повышении правовой культуры деревни»¹².

Современные исследователи активно изучают такой феномен как правовое сознание. Так, длительная исследовательская работа и глубокий анализ архивных материалов позволили успешно защитить докторскую

⁹ Кулачков В.В., Федоров С.Г. Деятельность структур советского государства в сфере правовой пропаганды (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // Правовая культура России: прошлое и настоящее. Материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 8 декабря 2017 г.). Брянск, 2017. – С. 33–34.

¹⁰ Кулачков В.В. Влияние деятельности прокуратуры на правовую культуру крестьян (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // Право и государство: история и современность, перспективы развития. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (28 сентября 2017 г., г. Стерлитамак). Уфа, 2017. – С. 261–264; Он же. Роль прокурорских органов в защите прав крестьян (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // История государства и права. № 21, 2017. – С. 23–26.

¹¹ Кулачков В.В. Влияние деятельности прокуратуры на правовую культуру крестьян (на материалах Брянской губернии 1920-х гг.) // Право и государство: история и современность, перспективы развития. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (28 сентября 2017 г., г. Стерлитамак). Уфа, 2017. – С. 263.

¹² Кулачков В.В., Рябова Т.И., Конова В.И. Популяризация правовых знаний в сельской местности Брянской губернии в 1920-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 2. – С. 31.

диссертацию И.В. Абдурахмановой¹³. Она резюмирует, что советское правосознание представляет собой комплексное понятие, включающее социалистические идеи, обычно-правовые представления, справедливый порядок, правовой статус личности.

Автор данной статьи также работает по заявленной тематике и изучает социально-правовые аспекты развития российского крестьянства в период новой экономической политики. В 2012 г. была опубликована монография, посвященная изучению правовой повседневности крестьянства Западного региона России в первой трети XX века¹⁴. В данной работе автора, кроме прочего, рассматривается деятельность так называемых примирительных камер, которые продолжали традиции примирения дореволюционного общинного и волостного судопроизводства¹⁵. Это не кажется удивительным, т.к. в первое постреволюционное десятилетие сохранялось влияние сельских сходов, которые конкурировали с сельскими советами¹⁶.

Примирительные камеры разбирали дела, которые не представляли большой опасности, но оставлять их без последствий и наказания было нельзя из-за будущей потенциальной опасности для общества, тем более в условиях дефицита квалифицированной юридической помощи на селе¹⁷. При этом существовали проблемы с исполнением решений, что отмечали проверяющие из судебной системы. Ясно, что при таком отношении к исполнению примирительных камер трудно говорить о неотвратимости наказания¹⁸. Кроме того, в сложных и противоречивых условиях 1920-х гг. продолжали сохранять незаконные расправы в форме самосу-

¹³ Абдурахманова И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: дисс. ...докт. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 589 с.

¹⁴ Кулачков В.В. Правовая повседневность крестьянства Западного региона России в первой трети XX века / В.В. Кулачков. Брянск: Ладомир, 2012. 166 с.

¹⁵ Кулачков В.В. Общественные суды в жизни крестьянства 1920-х гг. (по материалам Клиновского округа Западной области РСФСР) // История государства и права. № 12, 2017. – С. 11–16.

¹⁶ Кулачков В.В. Роль сельских сходов в правовой повседневности крестьянства Западного региона России первой трети XX века // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы II международной научно-практической конференции (Брянск, 24–25 апреля 2015 г.) / под ред. Т.И. Рябовой. Брянск, 2015. – С. 25–29.

¹⁷ Кулачков В.В. Подпольные адвокаты в быту крестьян Брянской губернии 1920-х гг. // Адвокатская практика. № 1, 2018. – С. 58–62.

¹⁸ Кулачков В.В. Особенности деятельности судебных исполнителей в 1920-е годы (на материалах Брянской губернии) // История государства и права. № 8, 2019. – С. 74–80; Он же. Судебные и сельские исполнители в жизни крестьян Брянской губернии 1920-х гг. // История государства и права. № 1, 2018. – С. 57–60; Он же. Сельские исполнители в России 1920-х гг. // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы IV международной научно-практической конференции (Брянск, 21–22 апреля 2017 г.) / под ред. Т.И. Рябовой. Брянск, 2017. – С. 83–86.

дов, усиление частоты которых характерно для периодов государственной нестабильности и слабости правоохранительных органов¹⁹.

Важно учитывать, что с начала 2000-х гг. в историографии изучаемого вопроса значительно усилилась тенденция к междисциплинарному изучению правового сознания, что подтверждают темы исследований. В частности, в историко-правовых работах внимание авторов фокусируется на особенностях формирования и эволюции правового сознания в изучаемый период времени²⁰. Изучением формирования правового сознания сельского населения занимался О.Н. Мигущенко, который придерживался мнения о том, что под влиянием социально-экономической политики Советского государства в правосознании сельского населения вырабатывались соответствующие пролетарскому интересу типы мышления и поведения²¹. Внимание авторов привлекает модернизация судебной системы в период новой экономической политики²².

Актуальным направлением исследований в настоящее время также является изучение криминогенного поведения крестьян в период новой экономической политики²³. По мнению автора данной статьи «...ситуация в сфере крестьянской преступности была достаточно сложной, т. к. наблюдался рост практически всех традиционных видов преступности (конокрадство, поджоги, взяточничество и т. д.)»²⁴. Анализ историографии криминогенной ситуации в период новой экономической политики

¹⁹ Муzychuk Т.Л., Кулачков В.В. Самосуд в России: историко-правовой опыт (по материалам Западного региона) // Всероссийский криминологический журнал. Т. 11, № 2, 2017. – С. 444–450.

²⁰ Евстратов А.М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920–30-е гг.: дисс...докт. юрид. наук. СПб., 2001; Шаповалов И. А. Формирование правосознания в Советской России в 1917–1920-х (Уголовно-правовой аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005; Демченко, Т. И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Ставрополь, 2011 и др.

²¹ Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928–1934 гг.): монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2008. 247 с.

²² Кулачков В.В. Рецензия на монографию Винниченко О.Ю., Филоновой О.И. «Модернизация судебной системы в период НЭПа» // История государства и права. №7, 2017. – С. 36–38.

²³ Кулачков В.В. Крестьянская преступность в 1920-е гг. (на материалах Брянской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. №1 (18), 2019. – С. 33–40; Он же. Историографические аспекты изучения криминогенной обстановки в советской провинции 1920-х гг. // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под ред. Т. И. Рябовой. Брянск, 2019. – С. 193–198; Он же. Документы архивов Смоленской области как источники для изучения правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг. // Вопросы истории. № 6, 2019. – С. 115–120.

²⁴ Кулачков В.В. Крестьянская преступность в 1920-е гг. (на материалах Брянской и Гомельской губерний) // История: факты и символы. №1 (18), 2019. – С. 37.

позволил автору сделать вывод о том, что «...наблюдался рост практически всех основных видов преступности. Прежде всего, это относится к уголовной преступности, что выражалось в увеличении числа случаев бандитизма при слабости правоохранительных структур. При этом одним из наиболее распространенных явлений в изучаемый период было хулиганство, которое расцвело пышным цветом в советской провинции 1920-х гг.»²⁵.

Важное значение в плане изучения социально-правового развития российского крестьянства в период новой экономической политики играют региональные исследования²⁶. В связи с этим, следует выделить монографию Д.В. Валуева, посвященную положению лишенцев с 1918 по 1936 гг. Автор пришел к выводу, что «даже в период коллективизации, несмотря на мощное давление власти, выражавшееся в пропаганде, угрозах и прямых репрессиях, деревенское «общество» и даже низовые органы власти нередко защищали своих односельчан от лишения избирательных прав»²⁷.

Кроме того, недовольство крестьян вызывали налоговые злоупотребления, которые усиливались жестким административным ресурсом²⁸. Автор данной статьи пришел к выводу, что «актуальными для всех социальных групп крестьянства были проблемы несбалансированного экономического обмена между городом и деревней, высокие ставки налогообложения, административное и судебное преследование неплательщиков налогов»²⁹.

²⁵ Кулачков В.В. Историографические аспекты изучения криминогенной обстановки в советской провинции 1920-х гг. // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / под ред. Т. И. Рябовой. Брянск, 2019. – С. 197.

²⁶ Кулачков В.В. Современная региональная отечественная историография изучения крестьянства Западного региона России периода нэпа // Деснинские древности. Материалы IX межгосударственной научной конференции, посвященной памяти брянского археолога и краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР Ф.М. Заверняева (1919–1994) (г. Брянск, 24–25 ноября 2016 г.). Брянск, 2018. – С. 172–177.

²⁷ Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Библиотека журнала «Странник». Смоленск, 2012. – С. 152.

²⁸ Кулачков В.В. Отношение крестьян Западного региона России к налоговой политике государства в 20-е годы XX века // Кубанские исторические чтения. Материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Краснодар, 26 мая 2011 г.). Краснодар, 2011. – С. 48–55; Он же. Правовые аспекты налогообложения крестьянства Западного региона России в период новой экономической политики // Налоги-журнал. № 4, 2017. – С. 41–44.

²⁹ Кулачков В.В. Отношение крестьян Западного региона России к налоговой политике государства в 20-е годы XX века // Кубанские исторические чтения. Материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Краснодар, 26 мая 2011 г.). Краснодар, 2011. – С. 54.

При этом абсентеизм значительной части крестьянства был обусловлен традиционным недоверием органам власти³⁰. Автор данной статьи приходит к выводу, что «...истоки абсентеизма крестьянства следует искать как в особенностях сельского образа жизни, так и в сфере социальной психологии. Усиление женской общественной активности в 1920-е гг. способствовало повышению роли крестьянок в политической жизни деревни. Однако при проведении местных выборов наблюдались различные злоупотребления, интересы крестьянства игнорировались»³¹.

Одновременно с этим индифферентные настроения в сельской местности нарастали из-за того, что крестьяне по различным причинам так и не смогли объединиться в так называемый «Крестьянский союз» для защиты своих интересов³². Свою лепту вносило и то обстоятельство, что в поисках лучшей доли крестьяне были вынуждены переезжать в другие регионы страны³³.

Таким образом, рассмотрение социально-правовых аспектов жизни крестьянского социума периода новой экономической политики позволяет сделать ряд выводов. Эпоха новой экономической политики вошла в историю как сложный и противоречивый период, что нашло свое отражение в судьбе российского крестьянства и до сих пор вызывает исследовательский интерес. В 1920-е гг. судебные и правоохранительные структуры Брянской губернии вели активную деятельность в сфере правовой пропаганды, что способствовало повышению уровня правовой культуры жителей деревни. Свою лепту вносили организация справочных юридических столов, кружков, консультаций, бюро, работа в избах-читальнях, издание юридической литературы. Однако особенности сельского образа жизни и традиционной психологии крестьян негативно влияли на эффективность проводимых мероприятий в сфере правовой пропаганды.

³⁰ Кулачков В.В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1–2 (39), 2014. – С. 107–109.

³¹ Кулачков В.В. Абсентеизм в настроениях крестьянства Западного региона России 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1–2 (39), 2014. – С. 108.

³² Кулачков В.В. Идея «Крестьянского союза» в повседневных настроениях сопротивления сталинизму (на материалах деревни Западного региона России 1920-х гг.) // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. – С. 106–113; Кулачков В.В., Иванникова Е. Изучение материалов о «Крестьянском союзе» периода новой экономической политики в курсе истории в вузе // Современные проблемы высшего образования. Материалы научно-методической конференции (г. Брянск, 15–18 октября 2018 г.). Брянск, 2018. – С. 55–57.

³³ Кулачков В.В. Правовые аспекты крестьянских переселений в 1920-е годы (на материалах Брянской и Смоленской губерний) // История государства и права. № 4, 2019. – С. 32–36.

При этом свою отрицательную роль играло и то обстоятельство, что осуществление правовой пропаганды было тесно связано с решением политико-идеологических задач нового, советского государства.

Изучение криминогенного поведения крестьян позволяет сказать о том, что наблюдался рост практически всех основных видов преступности. К причинам роста преступности можно отнести невысокий уровень правовой культуры, употребление спиртного и связанные с ним насилие и хулиганство, проблемы в правоохранительных органах и другие негативные факторы, которые способствовали ухудшению криминогенной обстановки в изучаемый период.

Кроме того, недовольство крестьян вызывали налоговые злоупотребления, которые усиливались жестким административным ресурсом. Актуальными для всех социальных групп крестьянства были проблемы несбалансированного экономического обмена между городом и деревней, высокие ставки налогообложения, административное и судебное преследование неплательщиков налогов. При этом абсентеизм значительной части крестьянства был обусловлен как традиционным недоверием органам власти, так и призрачным ощущением временности новой экономической политики.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АРЕНДЫ ЗЕМЛИ В ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920-е гг.

Статья подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е гг.», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а)

В статье выявляется динамика аренды земли в деревне Европейского Севера России в 1920-е гг., определяются типы аренды, характер арендующих и сдающих в аренду хозяйств, формы аренды земли, степень ее распространения.

Ключевые слова: типы крестьянского производства, арендные отношения, экономические зоны, характер аренды земли, формы аренды.

Известно, что после категорического запрета аренды земли в годы военного коммунизма, власти пошли на снятие ограничений на аренду с начала нэпа. При этом законодательство 1920-х гг. в вопросах аренды всецело исходило из интересов беднейших слоев деревни — основных сдатчиков земли в то время.

Закон о трудовом землепользовании (май 1922 г.) и Земельный кодекс РСФСР (декабрь 1922 г.) разрешали «временную переуступку прав на землю трудового пользования» (не более того количества, которое арендатор в дополнение к основному наделу в состоянии обработать силами своего хозяйства)². Сдача всей или части земли в аренду за уплату деньгами, продуктами или другими видами вознаграждения допускалась для крестьянских хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий либо по причине недостатка у них инвентаря или рабочей силы, а также ее убыли³. В развитие указанных исходных норм по аренде было опубликовано довольно значительное количество инструкций, разъяснений и иных подзаконных актов. В 1922–1924 гг. законодательство исходило из общего для всего периода 1920-х гг. трудового принципа землеполь-

¹ Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, директор института истории и филологии, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Россия, Вологда, sablin@inbox.ru.

² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. М., 1954. – С. 158. (Далее – СДЗЗ).

³ СДЗЗ. С. 158. 5 мая 1925 г. сессия ВЦИК приняла новую редакцию данной статьи Земельного кодекса: «Допускается сдача всей или части земли в аренду за плату, денежную или натуральную» (СДЗЗ. С. 649). Законодатель этим шагом стремился ограничить широко практиковавшуюся в деревне издольную и испольную форму аренды.

зования, поэтому предполагало определенные условия, обеспечивавшие отношения аренды. Сдача земли в аренду не разрешалась для дворов полностью прекращавших ведение самостоятельного хозяйства по причине переселения или перехода к другим занятиям⁴. Согласно циркуляру НКЗ от 24 мая 1925 г. сданная в аренду земля изымалась и землепользование вообще прекращалось при условии утраты двором «трудового строя, т.е. когда все наличные трудоспособные члены хозяйства не принимают непосредственного участия в работе по дальнейшему ведению хозяйства»⁵. Следует отметить, что данное требование, равно как и первое, весьма существенным образом коснулось распространенного на Европейском Севере промыслового отхода. До Первой мировой войны промысловые хозяйства могли всей семьей жить на стороне, а так как право на землю за ними сохранялось, то они ее сдавали ежегодно в аренду и на долгий срок. В обстановке начала 1920-х гг., если отсутствующее хозяйство не обрабатывало само землю в течение двух лет, оно теряло право на нее. Это, по замечанию А.И. Хрящевой, «весьма сужало арендный внутриселенный фонд; отсутствующие дворы или сами приезжают обрабатывать свою землю, чтобы сохранить право на нее, или должны отказаться от земли вовсе»⁶. Субаренда категорически запрещалась. Важным условием договора аренды являлось то, что обязательства, связанные с использованием арендуемой землей, переносились на арендатора (съемщика) земли⁷.

В целом, вплоть до середины 1920-х гг., отношения аренды не получали на Европейском Севере сколь-нибудь масштабного развития. Увеличение числа арендующих хозяйств и расширение арендованных площадей статистика относит к 1926 г. Это было связано, в первую очередь, со смягчением законодательства в арендном вопросе и улучшением учета, отчасти с легализацией прежних арендных сделок.

Несмотря на некоторый рост по уровню развития аренды, Европейский Север оставался регионом с наименьшими в СССР показателями отношений аренды. В 1926 г., удельный вес крестьянских хозяйств, арендовавших пашню, в Крайнем Северном районе составлял 1,30 %, сенокос — 5,80 %. В Северном, более земледельческом, районе — соответственно 0,50 % и 1,40 %. Число дворов, сдававших в аренду паш-

⁴ СДЗЗ. – С. 158.

⁵ Земельный кодекс РСФСР. Со всеми дополнительными узаконениями, инструкциями и разъяснениями ведомств, определениями Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам и Верховного суда, изменениями и дополнениями для автономных республик и областей и прочими официальными материалами, опубликованными по 15 марта 1928 г. 2-е изд. /Сост. Е Рудин. Л., 1928. – С. 152.

⁶ Хрящева А.И. О крестьянском хозяйстве //Экономическое обозрение. 1925. № 5. – С. 2.

⁷ «Падающие на сельское хозяйство сдатчика сборы, налоги и повинности в течение срока аренды уплачиваются арендатором в части, соответствующей количеству арендованной им земли», – См.: СДЗЗ. – С. 159.

ню, равнялось в Крайнем Северном районе 0,50%, сенокос — 2,30 %, в Северном — соответственно 0,50 % и 3,50 % хозяйств⁸.

В конце 1920-х гг. ряд факторов экономического и политического свойства не изменил, а наоборот ослабил систему поземельных арендных отношений в деревне. Это проявлялось на уровне отдельных регионов в большей, или меньшей степени, но было характерно для страны в целом.

Если посмотреть на данные о развитии крестьянской аренды в разрезе экономических районов (гнезд) Европейского Севера в 1927–1929 гг., то они также подтверждают высказанное мнение о преобладании арендных отношений в районах с наиболее развитым земледелием.

Своеобразие хозяйственного развития отдельных территорий давало основания для статистики выделить на обширной территории Европейского Севера воюем экономических районов — «приморский рыболовно-заводской, молочный» «лесопромышленный», «лесной, кустарно-промышленный», «лесной, кустарно-промышленный, мясомолочный» «лесопромышленный, мясомолочный, льняной», «молочный, лесопромышленный», «молочный, кустарно-промышленный», «молочно-маслодельный, льняной».

По числу арендаторов и сдатчиков земли среди сельских дворов первое место занимали молочные, лесопромышленные и кустарно-промышленные районы — Подвинье, район Шенкурска, Няндомы и окрестностей Архангельска. Среди сельских дворов с неземледельческими занятиями первое место по развитию арендных отношений принадлежало молочному лесопромышленному, лесным кустарно-промышленным и мясомолочным районам юга АО Коми, Подвинья, районов Шенкурска, Няндомы и Холмогор.

В завершение более подробно остановимся на причинах, вызывавших потребность аренды земли, а также условиях аренды. Выше уже отмечалось, что основными причинами сдачи земли в аренду являлось отсутствие основных средств в хозяйстве. Достаточно полный анализ факторов (причин) сдачи в аренду земли крестьянскими дворами содержался в отчете по сельскому хозяйству Северо-Двинского губернского земельного отдела за 1927/28 г.: из всей совокупности обстоятельств, повлекших за собой сдачу земли в аренду, отсутствие рабочей силы в хозяйстве являлось основной причиной (45,80 % от всех арендных сделок), отсутствие инвентаря — 19,00 %, переселение и выселение хозяйства — 19,00 %, стихийные бедствия и прочие обстоятельства — 16,20 %⁹.

Данные причины являлись достаточно типичными для всего Европейского Севера, а это значит, что в массе своей, за исключением тех обстоятельств, о которых уже шла речь, аренда земли имела потребительское значение. В большинстве арендных сделок, отмечалось в отчете

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 9. Д. 185. Л. 70, 74.

⁹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 23.

Коми Облзу за 1927/28 г., — «значительных выгод не получают ни сдатчик, ни арендатор, так как размер арендуемых участков не превышает 0,1–1 гектара на хозяйство, и вызываются [они] в большинстве [своим] временными обстоятельствами (отсутствие работника на заработках, болезнь, смерть работника в хозяйстве сдатчика и, наоборот, наличие некоторых свободных рабочих рук в хозяйстве арендатора)»¹⁰.

Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, отмечавшееся в цитированном отчете — сдачу земли в аренду промысловыми дворами. В поисках большего заработка крестьяне предпочитали сдавать свой участок в аренду ближайшему соседу. Данное явление было достаточно типичным для лесных и промысловых районов края. «Уходя на летний сезон на заработки, хозяйство сдает землю в аренду, однако в большинстве случаев не порывая связи с землей», — отмечалось в отчете Архангельского губернского земельного управления за 1926/27 г.¹¹

Потребительский характер аренды находил подтверждение в преобладании на Севере краткосрочной (зачастую разовой) аренды. В Северо-Двинской губернии по данным того же источника в 1927/28 г. 47,00 % арендных сделок были заключены на 1 год, 36,00 % — на 3 года и 17,00 % — на два года. В Карельской АССР в 1928 г. абсолютное большинство сделок на аренду пашни и сенокоса не превышало 2-х лет¹². Данные отчетов земельных управлений Архангельской губернии и АО Коми за 1927/28 г. также подтверждают преобладание в деревне краткосрочной аренды.

Арендная плата, натуральная по преимуществу в начале 1920-х гг., к концу нэпа постепенно заменялась денежной. В Архангельской губернии в 1926 г. среди форм оплаты аренды пашни 31,10 % составляла денежная плата, 17,00 % — натуральная, 39,30 % — издольная, 4,40 % — отработки и лишь 8,20 % — смешанная плата. В 1927 г. в губернии и АО Коми отмечалось уже явное преобладание денежных форм оплаты. В Северо-Двинской губернии в 1927/28 г. денежная оплата представляла 61,50 % от всех случаев аренды, натуральная — 25,10 %, отработки — 13,40 %. При этом денежная плата по преимуществу относилась к аренде пашни, оплата натурой — к аренде сенокоса¹³. В Карелии в 1928 г. денежные сделки составляли 86,00 %, натуральные — 1,20 %, издольные — 7,60 %, сделки в смешанных формах — 5,20 % от всех заключенных арендных договоров¹⁴.

¹⁰ Там же. Д. 353. Л. 31.

¹¹ Там же. Д. 374. Л. 11 об.

¹² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 659. Оп. 1. Д. 100/1612. Л. 12–15.

¹³ ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 357. Л. 23. Аналогичный вывод сопровождает анализ арендных отношений в Архангельской губернии в 1925/26 г. – ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 258. Л. 15 об.

¹⁴ НАРК. Ф. 659. Оп. 1. Д. 100/1612. Л. 8–11. Примечательно, что смешанные формы оплаты предполагали такие условия как «уплату сельскохозяйственного налога», «изготовить изгородь», «за теленка», «не запустошить землю» и др.

Судя по бюджетным обследованиям крестьянских дворов 1924/25 г., денежный доход, получаемый от сдачи земли в аренду, был крайне незначительным и составлял для дворов с посевом до 2-х дес. 0,47 червонных руб. на двор (0,17 % от всего совокупного дохода), для хозяйств с посевом от 2,01 до 4,0 дес. — 1,72 червонных руб. на двор (0,42 % от всего дохода)¹⁵.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. отношения аренды-сдачи земли на Европейском Севере, испытав период резкого сокращения в ходе аграрной революции и Гражданской войны, получили некоторый импульс к своему развитию во второй половине 1920-х гг. Тем не менее, уровень этих отношений значительно уступал дореволюционному времени. Незрелость аренды находила объяснение в уравнительном разделе земли, предоставившем возможность для большинства крестьян самим обрабатывать свои небольшие земельные участки, и одновременно сравнительно медленном восстановлении промышленности и условий для крестьянского отхода, понуждавших крестьян заниматься исключительно сельским хозяйством. По мере снятия юридических ограничений с отношений аренды и расширения промысловой деятельности селян в конце 1920-х гг., статистика фиксировала увеличение числа хозяйств, сдававших свою землю в аренду. Эволюция формы оплаты за аренду земли от преимущественно натуральной к денежной дает основание утверждать, что в северной деревне постепенно формировались условия для более выгодного использования своей рабочей силы вне своего двора. Постепенно возродилась практика сдачи земли (всей или ее части) в аренду уходившими на заработки промысловыми дворами.

Аренда носила по преимуществу внутриселенный характер. Постепенно складывалась группа дворов, которые имели земельный надел, превышавший среднерайонные показатели, но, при этом, стремились посредством аренды расширить свое землепользование. В роли сдатчиков земли выступала, тем не менее, весьма небольшая часть представителей низших групп дворов, плохо обеспеченных средствами производства; большинство из них предпочитало само обрабатывать свои наделы. Арендные сделки носили неустойчивый, эпизодический характер и заключались на краткосрочный период — в 1–2 года.

В конечном итоге, на протяжении 1920-х гг. условий для масштабной коммерциализации крестьянского земледелия на Европейском Севере не сложилось. Отношения аренды-сдачи земли сохраняли в основе своей докапиталистический, потребительский характер.

¹⁵ Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. Великий Устюг, 1926. - С. 48–49.

ПАЛИТРА ПРАЗДНИКОВ В КУБАНСКИХ СТАНИЦАХ В 1920-е гг.

Статья посвящена проблеме слома повседневной календарности жителей кубанских станиц после завершения Гражданской войны и установления Советской власти в регионе. Предпринята попытка критически рассмотреть внедрение в жизнь официальных советских праздников и вытеснение прежних религиозных торжеств.

Ключевые слова: 1 Мая, кубанская станица, митинг, Пасха, Рождество, официальный советский праздник.

Весна 1920 г. стала особым периодом в жизни населения кубанских станиц. К этому времени уже практически повсеместно завершились военные действия между силами Добровольческой армии, казачьими объединениями и наступавшей Красной армией на Дону и Северном Кавказе во многом предопределившие логику развития дальнейших событий. До этого времени Кубань была территорией, которой практически не довелось испытать на себе политические, административные, религиозные и культурные новации Советской власти. Столь длительная изоляция региона в послереволюционный период наложила свой отпечаток на повседневные практики местного и пришлого населения, его календарность, обрядность и праздничность.

Первый опыт участия в советских торжествах был приобретен жителями кубанских станиц лишь во время празднования 1 Мая в 1920 г. Этот день был праздником и одновременно ознакомлением с новым бытом, культурными формами, возможностями активного личностного участия в различных мероприятиях. Его главной идеей стал созидательный труд.

В станице Усть-Лабинской жители занимались посадкой деревьев, устройством цветников в честь борцов за свободу.² Более социальное значение первомайский труд имел в станице Абинской. Здесь местные жители открыли Дом Советов, в котором кроме различных культурных мероприятий, была устроена раздача бесплатных обедов для неимущих односельчан. Во время субботника производилась посадка картофеля. Его будущий урожай также предназначался для помощи бедным станичникам³.

¹ Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, г. Краснодар, shapovalov07@gmail.com.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 72. Л. 4.

³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

В станицах не обходилось и без непреременных идеологических и пропагандистских акций. Наиболее удобной формой для их реализации были различные митинги. Они позволяли в короткий срок собирать большие группы населения, озвучивать ораторам необходимую информацию, видеть отклик на свою речь и эмоции, которые овладевали пришедшими на мероприятие людьми. Многие односельчане именно здесь впервые узнавали о принятых декретах, основных направлениях внутренней и внешней политики партии.

Изучение опыта проведения Первомайского праздника 1920 г. в станицах Кубани позволяет заметить, что далеко не все жители понимали сущность проводимых мероприятий и изменений. Они пользовались возможностью задавать на митингах вопросы ораторам, спрашивая о наблюдавшем. Например, в станице Ладожской выступавший был вынужден объяснять почему из школьных предметов был исключен закон Божий⁴.

В последующие годы в повседневную жизнь населения кубанских станиц активно проникали новые советские праздники и праздничные формы, был накоплен необходимый опыт их проведения, сформировались культурные силы, способные воплотить в жизнь основное содержание советской идеологии. Празднования стали более масштабными, продолжительными, насыщенными и приближенными к культурным запросам местной публики. Так 1 Мая в станице Брюховецкой в 1924 г. праздновали в течение целых трех дней. Праздник начался с неперемного торжественного заседания, на котором собравшаяся публика услышала не только традиционные доклады об успехах станичников, но и стала свидетелем относительно новой советской традиции — проведения обряда «октябрин» сразу в двух семьях. Вечером в станице бесплатно показывали кинофильм «Кровавое воскресенье», который демонстрировал всю тяжесть прежней жизни населения до революции. На второй день станичники участвовали в митинге. По его окончанию их вниманию была представлена инсценировка «Вставай для борьбы, колониальные рабы». Вечером они могли посетить различные бесплатные зрелища. На третий день в станице проводился массовый детский праздник⁵.

По мере преодоления последствий Гражданской войны, улучшения социально-экономической обстановки, снижения напряженности в сельской местности более разнообразными становились официальные советские празднования в кубанских станицах. Первомай и День Пролетарской революции не обходились без скачек, джигитовки, спортивных состязаний, различных игр, экскурсий, художественных постановок, спектаклей, концертов, живых газет и народных гуляний.

⁴ Красное знамя. 1920. 11 мая.

⁵ ГАКК. Ф.Р-411. Оп. 2. Д. 65. Л. 77.

Однако это не означало, что официальные советские праздники в 1920-е гг. прочно вошли в жизнь станичников. Из обзора политическо-го состояния СССР за май 1926 г. известно, что «в праздновании 1 Мая в деревне, крестьяне массового участия не принимали. Однако там, где праздник был хорошо организован, участвовало значительное число крестьян...»⁶. Из отчетов местных агитпропов известно, что даже празднование 1 Мая в 1928 г. имело существенные недостатки: «слабое участие масс, особенно хлеборобов, в подготовительной работе и праздновании, малолюдность демонстрации и митинга, отсутствие на митинге и демонстрации большей части хлеборобского населения»⁷. То есть даже после 9 летнего опыта участия в первомайском торжестве часть жителей кубанских станиц не воспринимали этот праздник как свой личный, избегая его под разными предлогами.

Подготовка и само отмечание официальных советских праздников могли стать поводами для антисоветских высказываний и выступлений. Особенно много их было зафиксировано в 1927 г., когда страна праздновала 10-ю годовщину Пролетарской революции. Например, в станице Бейсугской среди местных жителей распространяли следующий слух: «Кто в праздник будет работать в степи того будут штрафовать по 25 руб.»⁸. В одной из станиц Новопокровского района распространялась информация о возможном восстании: «Вот увидите если во время праздника не будет восстания против Советской власти, я хорошо об этом знаю и вам твердо говорю»⁹.

В станице Ладожской часть населения выступала против приготовлений к празднику и участия в нем. Сотрудниками ОГПУ были зафиксированы высказывания следующего характера: «Праздник октября старому казачеству вреден, ибо раньше на праздниках были только казаки, а иногородние не были, а теперь и казаки и иногородние»; «Я не обязан на советский праздник наряжаться. Я хорошо одеваюсь и хожу в сапогах только в церковь, а на ваш праздник я и в рваной одежде и босой буду хорошо»¹⁰.

В приведенных высказываниях хорошо заметно неприятие официальных советских праздников со стороны части населения кубанских станиц. Нежелание хорошо одеваться явно свидетельствует о существовавшем мировоззренческом противопоставлении свой — чужой праздник. В нашем случае свой праздник это тот, который связан с посещением церкви,

⁶ Обзор политического состояния СССР за май 1926 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://istmat.info/node/25583> (дата обращения 12.12.2019).

⁷ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 507. Л. 2–2 об.

⁸ Архив Главное управление внутренних дел (ГУВД) Краснодарского края. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив ГУВД Краснодарского края. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

значит религиозный, а советский безрелигиозный — чужой. Такому антагонизму способствовали и сами власти, которые установили фактически 2 разных календаря в стране. В связи с этим уместно будет вспомнить, что церковные праздники сохранялись в официальном календаре вплоть до 1940 г. как нерабочие дни для сельских жителей.

Атрибутированность религиозных праздников в календарности жителей кубанских станиц обнаруживается при изучении и других официальных источников. В газете Красное знамя регулярно выходили сюжеты, посвященные дискредитации Пасхи и Рождества. В них подробно освещались деструктивные стороны этих праздников: посещение и прием гостей, распитие спиртных напитков, невыход на работу, снабжение продуктами и деньгами священнослужителей, участие в церковных службах и многое другое.

Например, в сообщении о праздновании Рождества в 1925 г. в станице Усть-Лабинской отмечалось его грубость и опасность для здоровья: «старый дикий обычай — устраивать на Рождество кулачные бои сохранился и до сего времени. Молодежь стеной идет на молодежь, и дело кончается увечьями и для многих несколькими днями отсидки»¹¹. По несколько тенденциозному сообщению периодической печати в станице Пластуновской на хуторе Ленинском во время празднования Рождества в 1929 г. происходили следующие аморальные и хулиганские события: «...Почти все дворы варили самогон. Пили все, от стариков до младенцев. Граждане ломали двери школы и бомбардировали камнями гостей, ехавших с пьяного хутора по домам»¹².

Несмотря на острое неприятие старого быта жителей кубанских станиц, в периодической печати сообщалось о праздновании ими Пасхи. Особенно много сюжетов было опубликовано за 1929 г. На страницах газеты можно было прочесть, что в станице Незамаевской к празднику даже продавали фигурки «ангелочков», «христосиков», «барашек». Можно было купить и другие атрибуты Пасхи. В станице Ново-Джере-лиевской население в страстную пятницу массово отправилось в местные церкви. В станице Архангельской не состоялся антирелигиозный вечер в школе, поэтому церкви были набиты сельчанами до отказа. Жители станицы Новокорсунской ждали на Пасху кинокартину, но ее так и не показали, а заменили волшебным фонарем, который все уже успели посмотреть накануне. В результате сельчане направились в церковь на службу. Особенно же отличились жители станицы Старокорсунской¹³. Здесь в пасхальную ночь колокола звучали очень торжественно, что

¹¹ Красное знамя. 1925. 20 января.

¹² Красное знамя. 1929. 26 января.

¹³ Красное знамя. 1929. 28 мая.

не могло вызвать приятные эмоции у местных ответственных партийных работников.

Одной из форм борьбы против церковных праздников в кубанских станицах стало проведение красных комсомольских праздников. Они берут свое начало с середины 1920-х гг. Подробности их проведения также печатались на страницах местных газет. В станице Березанской в 1925 г. состоялось «празднование» типичного «Комсомольского рождества». Оно было подготовлено местными комсомольцами. Под мероприятие был выделен Нардом. Вечер начался с выступления секретаря райкома ВЛКСМ, который представил доклад «Комсомольское рождество и его значение». После официальной части собравшимся была продемонстрирована пьеса антирелигиозного содержания «Непослушники». В этот же вечер на сцене Нардома появился актер, который изображал попа. Во время выступления он крестился, славил Христа и просил к празднику различные продукты: сало, колбасу и мерку с пудом зерна. Со сцены он уходил с нагруженной продуктами корзиной. После этой пародии на церковную жизнь был сделан перерыв. После него на сцене читались антирелигиозные декламации и исполнялись частушки. Завершился вечер в станице играми и танцами¹⁴. По схожему сценарию проводились комсомольские пасха и рождество и в некоторых других сельских пунктах Кубани.

Как видно из подробного описания комсомольского торжества, оно не выходило за пределы специально выделенного помещения. Традиционно это были клубы, где собирались сельские комсомольцы и активисты. От каких-либо действий, которые могли бы вызвать недовольство односельчан открещивались на самом высоком уровне. До конца 1920-х гг. действовали инструкции, которые были разработаны местным комсомольским союзом еще в 1925 г. Они включали в себя набор следующих мероприятий. С 25 декабря должны проводиться собрания с беспартийной молодежью на тему «Значение и подготовка к рождеству», а также антирелигиозные вечера. 7 января в Нардоме или школе должны проходить вечера, посвященные «Комсомольскому рождеству». На вечерах делались доклады о праздниках христианских и рабоче-крестьянских, а также клубная постановка, затрагивающая тему крестьянского быта¹⁵.

Таким образом, даже к концу 1920-х гг. официальные советские праздники не стали единственными доступными и возможными торжествами в повседневной жизни жителей кубанских станиц. Несмотря на многолетний опыт участия в митингах, шествиях, демонстрациях, торжественных собраниях, постановках, инсценировках и других обязательных атрибутах советского праздника, часть сельских жителей сохранили

¹⁴ Красное знамя. 1925. 13 января.

¹⁵ Красное знамя. 1925. 24 декабря.

приверженность к религиозным праздникам, особенно к Пасхе и Рождеству. Именно эти праздники рассматривались ими как настоящие, истекающие из сущности их повседневной жизни и календарности. Различные формы борьбы и замещения прежней календарности со стороны местных партийных, комсомольских и общественных сил не дали ожидаемого результата. Даже в 1929 г. в отдельных населенных пунктах Кубани церкви во время религиозных праздников были заполнены народом, а колокола торжественно звонили. В тоже время следует признать, что активная позиция местных властей по внедрению в жизнь официальных советских праздников давала свои результаты, что выражалось в самом закреплении новых торжеств в календарности и постепенном перенесении прежних традиций в новый праздничный формат. Происходило совмещение Первомайского труда со спортивными состязаниями и народными гуляниями, посещением после митингов сельскохозяйственных ярмарок и многое другое.

К ВОПРОСУ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА В ГОДЫ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Автором предпринята попытка представить события сплошной коллективизации, осуществленной в СССР на рубеже 1920–30-х гг., с помощью нарративных источников.

Ключевые слова: «великий перелом», коллективизация, нарративные источники, традиционный крестьянский мир.

Переход от традиционного общества к индустриальному является закономерным этапом мировой истории. В развитых странах этот процесс стал следствием поступательного развития производства и социально-экономических отношений. Превращение России из аграрной страны в индустриальную державу происходило по инициативе политиков в сжатые сроки насильственными методами и приняло драматичный, даже трагический, характер

Форсированная индустриализация требовала значительных капиталовложений. Западные страны в свое время решили проблему первоначального накопления капитала за счет разграбления колоний. У молодого советского государства таких возможностей не было, рассчитывать приходилось только на внутренние ресурсы. Экспорт зерна за рубеж был одним из основных источников средств для строительства промышленного производства. По мнению высшего руководства страны, для бесперебойной поставки зерна следовало ликвидировать «мелкотоварное» крестьянское хозяйство и «укрупнить», сельскохозяйственное производство, «сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству»². К тому же, в новом советском обществе не было места крестьянину-единоличнику с собственнической идеологией.

Сельское хозяйство России и работавшие в нем люди рассматривались руководством страны в качестве объекта воздействия, то есть, как проблема, требующая своего решения и как социальный слой, нуждающийся в изменении собственной природы. Крестьянство воспринималось как помеха дальнейшему развитию страны и главная причина ее отсталости — «этакое царство дикости, населенное обездоленными и

¹ Бершадская Ольга Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и право», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Краснодарский филиал, Россия, Краснодар, berscholl@mail.ru.

² Сталин И.В. Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин / Под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 358–360. – С. 359.

невежественными людьми. Оно должно было уйти от прошлого в процессе строительства нового, лучшего мира»³.

Организация коллективных хозяйств велась с первых лет советской власти. Но основная часть середняцких и почти все зажиточные хозяйства воздерживались от вступления в колхозы. Они объясняли это практикующейся системой распределения продуктов труда по едокам, а не по количеству и качеству вложенного труда, недостаточно добросовестным ведением хозяйства и т.д. С радостью пошла в колхозы лишь деревенская беднота.

Крестьяне, не желающие добровольно вступать в колхозы и предпочитающие вести хозяйство единолично, традиционными методами, объявлялись «кулаками», «подкулачниками» и подвергались разного рода репрессиям. В ходе коллективизации большевистским руководством фактически и практически был поставлен знак равенства между понятиями «коллективизация» и «раскулачивание». Имущество кулаков подлежало конфискации, их самих арестовывали и целыми семьями выселяли в отдаленные места с суровыми природными условиями, где большинство из них умирало от болезней и непосильного труда. О масштабах переселения свидетельствуют данные, взятые только по одному региону — Северному краю (на 1 апреля 1930 г.): «Утвердить план размещения кулацких семей в количестве: Архангельский округ — 23600 семейств, Вологодский округ — 15 тыс. семей, Няндомский округ — 9 тыс. семей, Северо-Двинский — 12 тыс. семей, Коми область — 15 тыс. семей»⁴.

Из писем переселенцев можно представить, в каких условиях они оказались: «По всему видно, что мы не успеем хат поставить. Харчи плохие и вдобавок работать нельзя, мешают комары... разного рода насекомые заедают так, что не только работать, но и жить невозможно, так что придется погибать здесь в дремучих далеких лесах... А общение с нами такое, как будто хуже нас нет никакой твари на земле, никакой пощады нету... И нас здесь, выселенцев, по всей Сибири полно от Урала до Владивостока»⁵.

Многие исследователи отождествляют коллективизацию и «раскрестьянивание». В ходе колхозного строительства был нанесен удар по семейно-трудовому крестьянскому хозяйству, его обычаям и традициям. Крестьяне, насильно загнанные в колхозы, были отчуждены от обобществленных средств производства, результатов своего труда и перестали чувствовать себя хозяевами на земле. «Находимся мы все в колхозе, быки

³ Шанин Т. Четыре модели развития советского сельского хозяйства. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин / Под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 420–421. – С. 421.

⁴ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – С. 386.

⁵ Крестная ноша (трагедия казачества) // Дон. – Ростов/Дону, 1990. – Вып. 5. – С. 65

и повозки там, а у нас одна хата да телка с поросенком, и то осенью заберут в колхоз...»⁶.

Сами крестьяне так оценивали последствия «великого перелома»: «До колхозов у крестьянина всегда была тяга к земле. Он добросовестно относился к работе, у него было много энергии, он знал, для чего работает и что он получит за свою работу. После же коллективизации он понял, что все это не его, что он ничего не получит... Никакой заинтересованности в работе у него не было и нет...» (из мемуаров Н. Коваль, крестьянина села Сутковицы Хмельницкой области)⁷.

«Уже не было больше свободолюбивых крестьян, любивших свою землю веками и отдавших за эту землю свою жизнь... Не стало больше труженников, кормивших и город, и государство, и свою семью. Их загнали в колхоз, и они стали государственными крепостными» (из мемуаров Е. Эллис, крестьянки села Каменское Екатеринославской губернии)⁸.

Коллективизация сельского хозяйства изменила не только условия труда и систему социальных отношений, но и сам строй мыслей, настроений и привычек российского крестьянина. Была утрачена многовековая связь крестьянина с землей-«кормилицей», сформированная в условиях господства естественных производительных сил. Сезонная цикличность определяла ритм, в котором функционировали крестьянские хозяйства⁹. Из воспоминаний крестьянки Аксеновой А.Г. жительницы деревни Дулепино, Поволжье: «По погоде велись сельхозработы: зацвела осина — сей морковь, зацвела черемуха — картофель, появились листья на березе — начало сева овса... Жаворонок запел — иди на пашню и сей только до цветения черемухи. Поговорок тоже много знали раньше и про погоду, и про людей. Сейчас и смысла-то их люди не помнят»¹⁰. Колхозное производство ориентировалось не на природные явления, а на директивы. Подбор сельскохозяйственных культур также зачастую осуществлялся по указанию «сверху», независимо от географических условий местности.

Крестьяне отмечали значительное падение уровня жизни: «Сравнивая положение колхозника с положением крестьянина в дореволюционное время, могу сказать следующее: я, например, имел десять десятин земли, мне никто не мешал, я жил прекрасно. При коллективизации же отобрали

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Коваль Н. Путь к нищете // Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции. – М.: РУССКИЙ ПУТЬ, 2009. С. 233–241. – С. 237.

⁸ Эллис Е. Свидетелей нет // Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян. Взгляд из эмиграции. – М.: РУССКИЙ ПУТЬ, 2009. С. 243–354. – С. 354.

⁹ Данилова Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. – М., 1997. С. 20–34. – С. 26–27.

¹⁰ Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. – М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2011. – С. 156.

землю, отобрали имущество, лошадей, сельскохозяйственный инвентарь и уже хуже нельзя было жить... Ни пропитания, ни одежды, ни обуви, никаких прав и привилегий. До революции я ежегодно продавал сто пудов хлеба на рынок. Продавал также поросят, телят, а при колхозе ничего этого не было даже для себя. Продуктов, которые мы получали из колхоза, нам хватало только месяцев на шесть, а остальное — это была трава...» (из мемуаров Н. Коваль)¹¹.

Значительные изменения происходили и в духовной жизни сельского социума: борьба с религией, насаждение новой идеологии и образа жизни. Российские крестьяне в большинстве своем искренне верили в Бога, чтили церковные традиции: «Бога никогда не забывали. Утром встают — всегда помолются, спать ложились — опять молились. Если какое-то там приключится несчастье, тоже Богу молились, ходили в церковь... Раньше церкви были каждые десять верст, в каждом селе была своя церковь» (из воспоминаний крестьянки N.N., жительницы деревни Монастырщина Ярославской губернии)¹².

«Наверное, эта вера и помогала жить, успокаивала, помогала верить в будущее. Сначала у нас в деревне будущего не боялись, а вот когда церковь сломали, старушки слезами умывались, стали говорить о конце света» (из воспоминаний Ермаковой А.Ф., жительницы деревни Плесково, Поволжье)¹³.

«После коллективизации у нас в селе церкви не стало. До прихода советской власти у нас всегда была церковь, и все посещали ее... При колхозном строе все церкви закрыли, поразорjali, только память осталась. Церковные праздники мы праздновали тайком... Даже дома у себя крестьянин боялся держать иконы... Кто мог, спрятал, хранил икону и молился тайком. Каждый крестьянин должен был подписаться под тем, что он сдаст иконы, а кто не сдал, того карали годом принудительных работ в специальных лагерях» (из мемуаров Н. Коваль)¹⁴.

На смену церковной организации пришли партийные, комсомольские и пионерские организации. Их лидеры пытались насаждать в деревне новые традиции, часто имевшие аналоги с религиозными. Например, крестины новорожденных были заменены «октябринами», вместо венчания проводились «советские свадьбы». Люди чувствовали наигранность и фальшь подобных ритуалов. Недоверчивое отношение было и к публикациям в советской прессе, в которых «лакировалось» действительность. Из мемуаров крестьянина Н. Коваль: «В газетах большой нужды не было,

¹¹ Коваль Н. Путь к нищете... – С. 239.

¹² Бердинских В. Речи немых... – С. 149.

¹³ Там же. – С. 137.

¹⁴ Коваль Н. Путь к нищете... – С. 240

я лично, как и большинство, никогда не читал газет., досадно было как-то читать эти газеты, так как все в них было обманом. Пишут, например, что колхозник получает пятнадцать-двадцать килограммов на трудодень, а на самом деле — каких-нибудь семьсот граммов. У нас выпускалась стенная газета, но и в ней все было фальшью»¹⁵.

Представители старшего и среднего возраста достаточно критично относились к коммунистической пропаганде и попыткам советской власти насадить новые стереотипы в массовое сознание. Молодежь оказалась более восприимчива к идеологической обработке. Проведенные в конце 1920-х годов многочисленные исследования среди школьников показали, что на первое место дети ставили пожелание уничтожить буржуазию и кулаков, на второе место — борьбу с частной торговлей, на третье — уничтожение религии¹⁶.

Борьба со старым бытом, искоренение традиций нанесли непоправимый ущерб духовности нового поколения. Были поколеблены такие нравственные устои как «семья», «любовь», «верность», «порядочность», «гуманизм»¹⁷.

На рубеже 1920–1930-х гг. российская деревня выполнила роль донора в процессе урбанизации и индустриализации. За короткий срок СССР стал мощной индустриальной державой. Отметим, что угасание традиционного крестьянского мира в XX в. было неизбежным. Стремительный научно-технический прогресс не оставлял шанса для размеренной деревенской жизни, которая текла по законам старины. Человечество теряло связь с природой, земля из «матушки-кормилицы» превращалась в фактор производства. Но, принимая во внимание объективные причины «великого перелома», следует помнить о сотнях тысяч изломанных человеческих судеб, которые были принесены в жертву ускоренной индустриализации.

¹⁵ Коваль Н. Путь к нищете... – С. 241

¹⁶ Рожков А.Ю. Реформирование системы образования//История Кубани. XX век. Очерки. – Краснодар, 1998. – С. 57–65. – С. 62.

¹⁷ Рожков А.Ю. На заре всеобщего безбожия //История Кубани. XX век. Очерки. – Краснодар, 1998. С. 65-76. – С. 75

**ВЛИЯНИЕ ПРАВЯЩЕЙ РКП(Б)-ВКП(Б)
НА ПРОЦЕСС ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920–1930-е гг.**

В статье анализируются меры, предпринятые правящей РКП(б)-ВКП(б) в 1920–1930-е гг., чтобы не допустить экономического укрепления российского крестьянства, и как следствие этого предотвращение выделения из крестьянской среды лидеров оппозиционной партии, способной, превратившись в стихийное массовое движение, осуществить государственный переворот, уничтожить власть большевиков, вернуть в сельском хозяйстве дореволюционные экономические отношения. В этой связи введение колхозной системы, окончательно закрепостившей крестьян, представляет собой превентивную меру правящей партии для укрепления собственного господства в стране.

Ключевые слова: пролетаризация российского крестьянства, правящая РКП(б)-ВКП(б) в 1920–1930-е гг., советская коллективизация, колхозная система, новая экономическая политика

В начале 1920-х гг. руководство партии большевиков было вынуждено признать, что ускоренное введение коммунизма насильственными методами на практике нереализуемо, в стране неминуем крах советской власти. Руководителями РКП(б) были приняты вынужденные меры, известные новой экономической политикой (НЭП). Особенно сложными и противоречивыми у руководства большевистской партии складывались отношения с самым многочисленным социальным слоем России — крестьянством². В. И. Ленин³, являясь руководителем правящей партии и главой советского государства, не вникавший в специфику крестьянского труда, до революции 1917 г. имел неудачный опыт хозяйственного взаимодействия с крестьянами⁴. В условиях Гражданской войны какая-либо система, за исключением продразверстки, в отношении наиболее

¹ Анфертьев Иван Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Россия, Москва, ivanfanf52@gmail.com.

² Не может не обратить характерная сталинская оговорка в отношении крестьянства о том, что «пролетариат не может даже мечтать серьезно о взятии власти, если эти слои по крайней мере не нейтрализованы». Сталин И. В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях // Сталин И. В. Собр. соч. Т. 5. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 342.

³ Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 311–312.

⁴ Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. – СПб.: «Мансарда», «СМАРТ», 1991. – С. 13–14; Пейн Р. Ленин: Жизнь и смерть. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 84–86.

значительной социальной группы трудового российского населения в практике большевиков не просматривалась. В.И. Ленин, рассматривая крестьян как временных, нежелательных союзников, упорно проповедовал систему уравнительного перераспределения произведенных крестьянами сельхозпродуктов. Чтобы «спастись, нужны меры действительно экстренные», — пишет он в обращении к членам Совета обороны⁵. Кронштадтский мятеж во многом ускорил отмену продразверстки и круто развернул политику большевиков в сторону НЭПа. На это повлияло и Тамбовское восстание, о котором на заседании Политбюро 2 февраля 1921 г. докладывал Н.И. Бухарин. Были приняты следующие решения: политическое положение и восстание крестьян требует быстрого проведения продовольственной «скостки» (уменьшения размеров продразверстки) там, где крестьяне особенно пострадали от неурожая; от Наркомпрода потребовали дважды в неделю представлять письменные сообщения о принимаемых мерах для облегчения продовольственного положения крестьян⁶. Эти меры запоздали.

Нельзя не обратить внимания на пропагандистские шаги, указывающие, большей частью формальные, на сближение власти с крестьянской массой. В частности, 18 ноября 1921 г. Политбюро принимает решение о том, что наркомом земледелия должен быть «крестьянин, практически работающий в земледелии». Так наркомом был назначен Василий Григорьевич Яковенко (1889–1937) — организатор партизанского движения в Сибири в Гражданскую войну. Фактически руководить всей деятельностью наркомата должен был заместитель наркома⁷ — профессиональный революционер Н. Осинский (В. В. Оболенский). 1 декабря 1921 г. Политбюро рекомендовало ему выдвинуть для работы во ВЦИК «не 4, а 12–20 беспартийных крестьян», проводить совещания «с беспартийными делегатами-крестьянами на предмет расширения участия беспартийных крестьян в центральном управлении НКЗема»⁸. 11 мая 1922 г. предлагается наметить кандидатуру члена коллегии Наркомзема из местных работников, желательно крестьянина, хотя бы и беспартийного⁹. 25 ян-

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 40. Декабрь 1919-апрель 1920. — М.: Изд-во полит. литературы, 1974. — С. 81.

⁶ Предполагалось немедленно послать в Тамбов комиссию ВЦИК для политического руководства и помощи в борьбе с крестьянским восстанием и для политической обработки районов, освобождаемых от повстанцев. О необходимости помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая, предлагалось подготовить проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о мерах по облегчению положения крестьян; окончательно утвердить текст обращения Президиума ВЦИК к крестьянам Тамбовской губернии, не печатая этот текст в газетах. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 128. Л. 1, 5–6.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 232. Л. 2.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 239. Л. 4.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292. Л. 3-4, 7.

варя 1923 г. удовлетворено ходатайство Осинского об освобождении его от обязанностей заместителя наркома земледелия, но наркомом оставлен прежний — крестьянин В.Г. Яковенко, а заместителем ему назначен А.П. Смирнов¹⁰, в руках которого опять оказались сосредоточены все административные функции и практическое руководство комиссариатом¹¹.

Наряду с этим некоторые шаги к сближению партии с трудовым крестьянством предпринимались. 18 мая 1922 г. Политбюро ЦК предписывает ВЦИК установить скидку от нормы сельскохозяйственного налогообложения в 10% — льготу для тех крестьян, которые в срок выполняют обязательства по продналогу¹². Наметился прием крестьян в члены правящей партии¹³. С одной стороны, как считали руководители правящей партии, крестьяне в массе своей труженики, что сближает их с пролетариатом¹⁴, но по «натуре» и своей психологии и мелкие и средние буржуа, ищущие личной выгоды при сбыте произведенной сельскохозяйствен-

¹⁰ Смирнов Александр Петрович (1877–1938) – советский государственный и партийный деятель, 1923–1928 гг. – народный комиссар земледелия РСФСР, секретарь ЦК ВКП(б) (1928–1930), 1923–1928 гг. – народный комиссар земледелия РСФСР.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 331. Л. 2–3, 8–9.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 293. Л. 2.

¹³ До лета 1925 г. по вопросу о том, по каким признакам крестьянские хозяйства относятся к той или иной категории по зажиточности, ясности не было. Не указывались в отчетности, какие крестьянские хозяйства относятся к категории по зажиточности – середняки, зажиточные, кулаки и т.д. Для устранения этого недочета, не позволяющего правильно определять происходящие в деревне процессы социального и имущественного расслоения, определялись критерии крестьянских хозяйств по зажиточности. Например, середняк это тот, кто имеет 2 лошади, 2 коровы и 10 десятин пашни; зажиточный – 3 лошади, 4 коровы, 10 десятин пашни, сельскохозяйственные машины; причисляли к кулакам тех, кто пользовался трудом наемных крестьян, учитывалось их количество. В этой связи необходимо сказать о проблеме социального расслоения крестьянства. Крестьянин-кулак и крестьянин-середняк – это, говоря языком современной социологии, потенциальный средний класс. И. В. Сталин понимал, что появление полноценного среднего класса представляет собой серьезную угрозу Советской власти. Большевицкое руководство сознательно избегало четких характеристик и определений кулачества, а мы знаем, что на селе были середняки, подкулачники, бедняки, единоличники и т.д., которые в различные периоды с легкостью переходили из одной категории в другую. Эти характеристики носили аморфный, плавающий характер и менялись в зависимости от тех задач, которые решались партийно-государственной элитой. Но на государственном уровне проводилась четкая и однозначная линия – «ликвидация кулачества как класса», т.е. уничтожение «справного» мужика, того самого представителя среднего класса, о котором сегодня много говорится.

¹⁴ В ноябре 1923 г. И. В. Сталин определяет крестьянство как «средний» социальный слой, который одновременно может быть использован как резерв нарождающихся в ходе НЭПа капиталистов, так и большевистской партии. При этом, считает он, «вопрос о средних слоях представляет один из основных вопросов рабочей революции», а пролетариат «не может удержать власть без сочувствия, без поддержки средних слоев, и в первую очередь крестьянства». Сталин И.В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 5. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 342.

ной продукции¹⁵. Последнее обстоятельство служило достаточно серьезным препятствием при приеме крестьян в партию, иногда прием вообще прекращался, что ослабляло влияние новой власти на широкие массы в сельской местности¹⁶. В этой связи снижался потенциал влияния руководящего состава партийных органов в сельской местности, проблемами сплочения партийных рядов в деревне активно занимался выборный партийный орган.

5 апреля 1924 г. на заседании Политбюро рассматривался вопрос о приеме в члены партии крестьян. В результате дискуссии по докладу Г.Е. Зиновьева¹⁷ было предложено составить «разверстку приема крестьян в партию по губерниям и внести ее на утверждение Политбюро с тем, чтобы общее количество подлежащих приему в стране составляло не более 20 тысяч»¹⁸. После утверждения разверстки разрешалось отдельным губернским комитетам партии объявить о возобновлении приема в партию крестьян на общих основаниях, установленных XII съездом партии¹⁹. 24 апреля 1924 г. Политбюро утвердило «разверстку по вербовке крестьян в партию, разработанную Оргбюро»²⁰. В частности, в партию в центральных губерниях предполагалось принять 5 800 крестьян, в том числе в Московской губернии — 500, Саратовской — 400, Тамбовской — 300, Брянской — 100²¹.

¹⁵ НЭП в целом, и отношение правящей большевистской партии к крестьянству во время НЭПа, было не чем иным, как временным отступлением, в строгом соответствии с законами стратегии, для решающего наступления на противостоящую им политическую силу. В конце 1923 г. И. В. Сталин понимал, что несмотря на то, что большевикам удалось победить капиталистов и помещиков, отобрать их собственность, частично истребить и в массе изгнать из страны, продолжать преследование оставшихся. В конце 1924 – начале 1925 гг. по заданию ЦКК Наркоматом РКП РСФСР был обследован вопрос о помещиках, оставшихся после революции в бывших своих имениях. Результаты обследования были оформлены законодательным актом, согласно которому бывшие помещики и их родственники подлежали выселению из ранее принадлежавших им имений. См.: О бывших помещиках // Бюллетень ЦКК РКП (б) и НК РКП. – № 1 (23). – 1 января 1925 г. – М.: Изд-во НК РКП СССР, 1925. – С. 23.

¹⁶ Сохранившиеся архивные документы позволяют увидеть приемы и методы партийного руководства, широко применявшиеся на практике, изучить внутренние механизмы принятия решений на высшем уровне, исследовать причины и природу «обострения классовой борьбы» 1920–1930-х гг. В этой связи особого внимания и изучения заслуживают не опубликованные архивные документы о мерах, заблаговременно предпринятых И. В. Сталиным по укреплению кадрового состава Центральной контрольной комиссии РКП(б), поскольку этому органу предстояло осуществлять систематический внутривнутрипартийный контроль. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 10. Л. 9.

¹⁷ Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 218–219.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 431. Л. 3.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 431. Л. 3.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 434. Л. 6, 15.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 434. Л. 15.

Но указанную разверстку «крестьянского призыва» в партию в конечном итоге отменили. Вместо этого позднее, непосредственно после XVI съезда ВКП(б)²², ввели в середине 1930 г. настоящую подразверстку, отмененную в 1921 г. решением X съезда РКП(б)²³. 15 июля 1930 г. были приняты постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о скотозаготовках и мясоснабжении; по рыбе; по овощам²⁴. На первый взгляд, самые обычные и даже рутинные директивы, которые в советское время издавались десятками, не всегда или частично выполнялись, некоторое время спустя забывались, вновь издавались. Но не эти три постановления, т. к. они, их исполнение, повлекли за собой в скором времени масштабный голод 1932–1933 гг., так как они свидетельствовали о намерении правящей партии вернуться к политике «военного коммунизма», составной частью которого являлось подразверстка. В результате поголовной коллективизации произошло огосударствление аграрного сектора экономики. В отличие от 1920-х гг. на этот раз произведенные крестьянами продукты, в первую очередь зерно, изымались не с отдельно взятых крестьянских хозяйств, а с колхозов. В рассматриваемый период руководители партии, укрепив собственные позиции во власти, наметили программу индустриализации страны мобилизационными методами, основным источником средств для проведения модернизации явилось сельское население.

Таким образом, в результате исследования опровергается тезис о наличии классовой борьбы в советской России, тем более об обострении этой борьбы по мере продвижения к социализму. Существовало искусственное разобщение народных масс в 1920–1930-е гг. в интересах удержания власти правящей партией. Также установлено, что союза беднейших крестьян и рабочих в действительности не существовало, а противопоставление пролетариев и крестьян с интеллигенцией преследовало цель дискредитировать последних в глазах народа, тем самым не допустить выяснения истинных намерений новой власти.

В ходе анализа изученных документов и соотнесения их с имеющимися источниками установлено, что правящая партия в разгар крестьянских восстаний в стране предпринимала формальные шаги, демонстрирующие защиту интересов крестьянства. Но дальше пропагандистских лозунгов и деклараций о намерениях учитывать в повседневной практике интересы крестьянства дело не продвигалось. В лице крестьянства лидеры правящей РКП(б)-ВКП(б) видели представителей недобитой в ходе гражданской войны буржуазии, чуждой интересам коммунистической идеологии. Неприятие к труженикам села проявлялось в сложном характере приема

²² XVI съезд ВКП(б) проходил в Москве 26 июня–13 июля 1930 г.

²³ X съезд РКП(б) проходил в Москве 6–16 марта 1921 г.

²⁴ Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 1 от 15 июля 1930 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 789. Л. 12–14.

крестьян в ряды партии. Противоречие, заключающееся в стремлении руководства правящей РКП(б)-ВКП(б) усилить присутствие партии в сельской местности и нежеланием принимать крестьян в ее ряды, было преодолено командированием в села партийных работников из числа городского, прежде всего рабочего населения.

Наиболее пострадавшей стороной от проводимого процесса преобразований оказалась самая многочисленная группа населения советской России — сельские труженики, и не потому, что в этой среде были протестные настроения и действия. Причиной преследования являлась идеологическая установка о том, что крестьянство — это средняя и мелкая буржуазия, которая по определению является врагом советской власти. В этой связи правящей партией был запущен процесс пролетаризации сельского населения, поэтапный перевод их на положение полностью зависимо от государства, не обладавших собственностью, рабочих.

В результате исследования опровергается распространенный в советской и постсоветской историографии тезис о том, что в соответствии с существовавшими программными документами по преобразованию государства на смену политике «военного коммунизма» правящей партией была введена новая экономическая политика. Сделан вывод о том, что в 1920-е гг. в стране одновременно существовала как политика «военного коммунизма», так и новая экономическая политика, причем последняя носила вспомогательный по отношению к первой характер, продолжал действовать принцип концентрации всех материальных, трудовых, финансовых и прочих ресурсов в государственных органах, управляемых из единого партийного центра — Центрального комитета РКП(б). В реальности разработка установок по государственному преобразованию всех сфер с целью построения справедливого социального государства был отложен из-за череды последовавших политико-экономических кризисов и обострения внутрипартийной борьбы за власть.

Доказано существование в сельской местности РСФСР/СССР устойчивого неприятия населением политики РКП(б)-ВКП(б), с которым были вынуждены считаться региональные руководители. Центром решительно пресекались попытки некоторых партийных управленцев корректировать поступающие им директивы ЦК, требовавшие ускоренной пролетаризации крестьянства.

Значительные результаты в экономической сфере 1930-х гг. были достигнуты социальными и экономическими экспериментами над населением советской России, проводимых с целью проведения в стране ускоренной индустриализации, коллективизации в интересах выведения СССР в число мировых лидеров. Наряду с экономическими достижениями крестьянство, как носитель традиционных основ обустройства

жизни России, не вписавшееся в социальный проект власти в соответствии с марксистско-ленинской теорией, было переформатировано путем пролетаризации.

Процесс пролетаризации крестьянства сопровождался протестами, носившими мирный и вооруженный характер. Таким образом, имеющийся у правящей РКП(б)-ВКП(б) политико-административный ресурс использовался ею с пренебрежением к реалиям. В результате в сельскохозяйственном секторе разразились полномасштабные кризисы, вошедшие в историю страны как голод 1921–1922 гг. и голод 1932–1933 гг. Документы, выявленные исследователем, свидетельствуют о том, что политический и административный ресурс правящей РКП(б)-ВКП(б) в полной мере использовался для претворения далеких от действительности доктринальных партийных установок, нацеленных на реализацию плана модернизации страны в интересах мировой революции. С этой же целью формировалась репрессивная система выкачивания имеющихся в сельском хозяйстве средств.

Сталинская модель социализма наряду с успехами в промышленности явилась основой неконтролируемого процесса разрушения основ прежнего, дореволюционного обустройства жизни народа России, так как крестьянство — носитель традиционных российских ценностей, не вписывалось в намеченный социальный проект власти РКП(б)-ВКП(б) в соответствии которым оно подлежало пролетаризации.

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В РЯЗАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ 20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XX в.

В статье анализируется состояние государственно-церковных отношений в Рязанском крае в период конца 20-х – первой половины 30-х гг. Особое внимание уделяется коллизиям в годы коллективизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: Храм, церковь, монастырь, священник, верующие, власть

В 1928–1936 гг. Рязанскую кафедру возглавлял епископ Иувеналий (Масловский). Занимая Рязанскую кафедру, архиепископ Иувеналий по возможности помогал духовенству, он при этом указывал им на необходимость лояльного отношения к власти, соблюдения адекватной гражданской позиции. В «Докладной записке партинформатора по Ерахтурскому району» говорится следующее: «У попа обнаружено письмо Рязанского архиерея, который пишет, что бы попы в период коллективизации в Советской власти были лояльны и не выступали с проповедями, как это было в Ерахтуре». Далее в документе читаем: «Черкасов (дьякон) по директивам архиерея учит крестьян к смирению и покорности Соввласти, он пришел к крестьянину Харитонову и сказал: «...Прошу, иди в колхоз...»². Это была линия, выраженная Патриархом Тихоном в словах его «Воззвания» (будущего «Завещания») от 25 марта 1925 г.: «Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая что-либо в них, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти, явную или тайную агитацию против неё»³.

Был принят курс на ликвидацию религиозности в сознании народа. Для школ и библиотек тщательно разрабатывается список антирелигиозной литературы, производится закупка брошюр соответствующего содержания для просвещения «низов» политпросветучреждений. Для постоян-

¹ Гераськин Юрий Вениаминович, доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Россия, Рязань, gera56@inbox.ru.

² Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 686–689.

³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. – С. 224–228.

ной работы в губернский центр был приглашен лектор-антирелигиозник. В Московской области, в состав которой в 1930–1937 гг. входила и бывшая Рязанская губерния, в 1932 г. насчитывалась 641 тыс. членов СВБ⁴.

Работа СВБ являлась предметом обсуждения партийных комитетов. Например, в резолюции Елатомского райкома ВКП(б) от октября 1929 г. говорится о необходимости содействия работе СВБ и изыскания средств для оказания всемерной помощи в этой работе; поскольку на 3 тыс. человек населения Елатьмы приходится 13 церквей. Среди положительных моментов в деятельности Рязанского СВБ отмечались наличие в губернском центре квалифицированного лектора-антирелигиозника, разработка списков соответствующей литературы, оформление инициативных групп в Касимовском, Ряжском, Раненбургском, Сасовском уездах г. Рязани. Перед любыми церковными праздниками проводились соответствующие мероприятия: это были не только народные гуляния и увеселения, но и, например, «комсомольские крестины», «звездины», «комсомольская Пасха» и т.п. При организации предпасхальных мероприятий за 1922 г. был проведен субботник под лозунгом: «На Пасху работать и 1-го мая отдыхать!». И в последующие годы в дни перед Пасхой организовывались сборы молодежи, раздача брошюр, создания в школах и др. уголков безбожников, выпускались стенгазеты соответствующего содержания и иногда — снижались цены на билеты в кино. Проводилось анкетное изучение степени религиозности учащихся. Однако результаты анкетирования, к сожалению, не приводятся⁵. Кроме того, СВБ предпринимал сбор средств на постройку самолета «Безбожник».

Объективно оценивая деятельность Рязанского СВБ, можно отметить отсутствие организационных структур во многих уездах, небрежное отношение к работе. Другим недостатком было поначалу недостаточное материальное обеспечение организации. В это время повсеместно в губернии создавались избы-читальни, целью которых было просвещение (научно-атеистическое) населения. Порой они представляли собой убогое зрелище. Так, изба-читальня Малого Сапожка вмещала в себя 4 старых скамейки, 2 поломанных стола и криво развешанные плакаты. На занятии учитель Попов объявил детям, что он лично Библию уважает и противоречий не видит; после чего весь класс пошел в храм причащаться⁶.

8 апреля 1929 г. принимается постановление ВЦИК СССР «О религиозных объединениях»⁷. И в нем, и в октябрьской инструкции НКВД того же

⁴ Гераськин Ю.В., Дудорова О.А. Антирелигиозная пропаганда Советской власти: формы и методы на примере Рязанской губернии (1928–1933 годы) // Проблемы современной науки. Сб. науч. трудов. Вып.16. Ставрополь, 2015. – С. 120.

⁵ Шафиркин А. Указ. соч. С.8.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 250–261.

года отрицались все права Церкви как юридического лица. Ввиду этого договоры о ремонте церковных зданий могли заключаться только индивидуально с членами приходов — а в этом случае вступала в силу статья о частном предпринимательстве (предполагающая за такой вид деятельности немалый налог). Кроме этого, налог взимался за свечной ящик, взимались хозяйственные сборы, сборы за страхование певчих, за отправлене культа, за исполнение в церкви «музыкально-песенных произведений» (в пользу Драмсоюза 5 % со всего дохода). В итоге власти нередко достигали тех целей, которые преследовала подобная политика: многие общины верующих оказывались не в состоянии собрать требуемую сумму и их церковь закрывалась. Такое положение сохранялось долго. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения», «...служители религиозных культов по обложению подоходным налогом приравнены к некооперированным кустарям» — налог мало того, что высокий, так и часто сопровождающийся завышенным начислением⁸.

Кроме налогового пресса духовенство и члены их семей лишались избирательных прав (отсюда статус «лишенцев»), права на получение продовольственных карточек — фактически лишались возможности питания; сюда добавлялась высокая квартплата, дискриминация и лишение права на обучение в школе выше четвертого класса детей священнослужителей. В итоге многие из священников отказывались от служения, не имея возможности продолжать его. За первый квартал 1930 г. было оставлено 50 священнических мест⁹.

К тому же по уже упоминаемому постановлению ВЦИК «О религиозных объединениях» религиозные объединения и их члены подвергались обязательной регистрации — это создавало много препятствий для осуществления деятельности духовенству: в ближайшие десятилетия священники в случае перемещений, утери регистрационной карточки не только не имели права проводить богослужebную деятельность, но и могли быть лишены жилья. Положение несколько улучшилось только после принятия секретной инструкции к постановлению ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» (20 июля 1930 г.). Оно снижало налогообложение, а плата за жилую площадь и коммунальные услуги священнослужителей была ограничена 30 % от их общего дохода¹⁰.

Очередные изменения в плане налогообложения священников происходят через два года. Как раз в это время правительство начинает при-

⁸ ГАРО. Ф.5629. Оп.1. Д.33. Л. 15.

⁹ Там же. Ф. Р-5, Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 387.

¹⁰ Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. Центр. совет Союза воинствующих безбожников СССР. — Москва : Безбожник, 1930. — С. 23.

знавать перегибы в ходе коллективизации. В принятом 10 июня 1932 г. секретном проекте Циркуляра ВЦИК об искажениях и нарушениях законодательства о культах, в том числе, обращалось внимание на завышенное налогообложение священнослужителей, единоличников, не имеющих нетрудового дохода и других категорий населения.

Обвинения арестованным стали предъявляться «официально» — отныне всегда сохранялись официальные акты арестов и приговоров, хотя судопроизводство осуществлялось номинально. Обычное обвинение: «проведение антисоветской и контрреволюционной» деятельности, которое сопровождалось, чаще всего, смертным приговором; в лучшем случае — ссылкой в лагеря. В Рязанской области в тот период было заведено более 1,5 тыс. политических дел на священнослужителей. Репрессиям подвергались и преданные Церкви миряне. Так, ученый российского масштаба, искусствовед Г.К. Вагнер, работавший в Рязанском краеведческом музее, много сделавший для сохранения старинных икон, был приговорен к 5 годам лагерей.

В Рязанской епархии, как и по всей стране, шло активное закрытие храмов. Большая часть храмов закрывалась нелегально, без соответствующих распоряжений и документов. Например, в с. Остро-Пластиково Чучковского района церковь закрыта без постановления РИКа, в с. Чучково при постановлении о закрытии никто из общины верующих не присутствовал.

Когда правительство заставило выступить митрополита Сергия с заявлением об отсутствии гонений на Церковь в стране, то правительство согласилось сократить объемы репрессий и, в частности, закрытие церквей. 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с перегибами в колхозном строительстве», осуждающее, в частности, закрытие церквей в административном порядке, и унижение религиозных чувств крестьянства. Но на местах продолжалось самоуправство в этом плане. Так, в «Спецдонесении Рязанского окротдела ОГПУ Председателю окрисполкома о продолжающихся фактах незаконного закрытия церквей» (29 апреля 1930 г.), с пометкой «совершенно секретно» приводятся следующие факты: «Местные органы всеми силами стараются затормозить открытие церквей по желанию верующих». В дальнейшем, верующим, несмотря на противодействие, удалось отправить в Москву делегатов для обжалования. Но делегатов арестовали и забрали у них деньги. В итоге в нескольких районах были сняты с административных должностей местные начальники.

Имели место случаи не только самовольного закрытия, но и самовольного уничтожения храмов. Так случилось, например, в Пронске. Там райисполком самовольно разрушил Казанский собор, отличавшийся необыч-

ной и величественной архитектурой, построенный еще в 1769 г. на месте древнего Благовещенского женского монастыря. Зданию был присвоен статус памятника архитектуры, но и это его не сохранило: по всей видимости, он был таким «бельмом на глазу» для местных чиновников, что его просто оформили под другим названием — Благовещенская церковь — и пустили на слом¹¹.

24 июля 1930 г. на территории Рязанского округа числилось 875 «зданий культа» (по другому источнику 832), из которых использовались под православные храмы 840, закрыт 21 храм (законным путем четыре)¹². Президиумом Мособлисполкома и Моссоветом 15 февраля 1930 г. было принято решение использовать зданий закрытых и закрывающихся церквей и монастырей под дворцы, клубы, кинотеатры, а также под учебные цели.

Та же участь, что и храмы, постигала монастыри — хотя в этих случаях процесс упразднения было осуществить гораздо сложнее. Так, Свято-Иоанно-Богословский монастырь, закрытый в 1931 г., пытались упразднить еще в 1919 г. Но не позволяли верующие; закрытие такой святыни могло повлечь массовые выступления и недовольство. Но в 30-х гг. монастырь был закрыт: работники НКВД вошли в храм во время всенощного бдения и увели братию числом до ста человек со связанными за спиной руками в неизвестном направлении. Монастырское имущество было разграблено, уникальная библиотека и часть икон сожжены, пропал чудотворный образ Иоанна Богослова. В зданиях монастыря расположился детский дом для малолетних правонарушителей¹³. В Ольговом Успенском монастыре (с. Льгово) и в Успенской Вышенской обители разместили психиатрические больницы — такая практика широко применялась в начале 30-х гг.

Отмечались случаи препятствия со стороны верующих работе комиссий по закрытию храмов (д. Сергеевка Тумского района, д. Николаевка Михайловского района, с. Ново-Чернеево Шацкого района). Секретная справка Рязанского окружного отдела ОГПУ «О настроении населения в связи с закрытием церквей в период хлебозаготовки» за 1930 г. свидетельствует, что, «серьезных волнений при закрытии церквей не было». И сразу же добавляет, что только в Ерахтуре не крестьяне не соглашались отдать церковь под склад, в Сапожке то же самое...¹⁴ Таким образом, к концу 30-х гг. закрываются практически все действующие храмы в епархии.

¹¹ ГАРО. Ф.5629. Оп. 1. Д. 39. Л. 37.

¹² Там же. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 89.

¹³ Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. Рязань, 1998. — С. 183, 185

¹⁴ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.

В эти годы среди населения 8 районов распространялись слухи о случаях обновления икон (в Чучковском, Сасовском, Шацком, Шиловском, Ермашинском, Кадомском, Сапожковском, Сараевском). А в с. Ванино обновился весь иконостас¹⁵. Действия властей в ответ на эти сообщения не заставляли себя ждать. Изъятые иконы уничтожались тысячами; в газетах часто появлялись сообщения о том, как их сжигали целыми телегами. Рвали и жгли богослужебные книги, при разгроме монастырей гибли рукописные книги, переплавлялась драгоценная церковная утварь.

В одном русле с уничтожением храмов, монастырей, икон и другой церковной утвари прошла так называемая «антиколокольная компания». Осенью 1929 г. Президиум ВЦИК СССР запретил трезвон (звон во все колокола) под предлогом, в частности, того, что он оскорбляет религиозные чувства представителей других конфессий¹⁶. Так, например, в с. Истье Рязанской области в Христорождественской церкви был снят колокол и использовался под хозяйственные нужды — для стирки.

О том, как реагировало население на политику советского государства в отношении Церкви, можно судить и по следующим фактам. В марте 1930 г. Рязанский окротдел ОГПУ зафиксировал восемь таких выступлений, носивших массовый характер. Основные требования — открытие церкви, освобождение священника, отмена «антихристовой» коллективизации. Одно из самых заметных выступлений произошло в селе Ново-Еголдаево Рязжского района, где собралось 1500 крестьян, требующих открытия церкви¹⁷.

В большинстве рязанских приходов не оставалось богослужебных предметов, и чтобы провести службу, надо было или подавать прошения в органы, чтобы выдали облачение и все необходимое для литургии или брать в других церквях, которых становилось все меньше. Поэтому требы все чаще осуществлялись на дому. К началу Второй мировой войны Рязанская епархия как церковно-административное объединение практически прекратила свое существование.

¹⁵ ГАРО. Ф. Р-3789. Оп. 2. Д. 11. Л. 55.

¹⁶ РПЦ и коммунистическое государство... – С. 285–286.

¹⁷ ГАРО. Ф. Р-5, Оп. 1. Д. 15. Л. 46–52.

**ПОЛОЖЕНИЕ ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКОВ
В ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.**

Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ и администрации Тамбовской области в рамках совместного регионального конкурса научных проектов (проект № 19-49-680002/19 p_a «Коллективизация в черноземной деревне: институциональный и социальный аспекты»)

В статье исследуется деятельность двадцатипятидесятитысячников в черноземной деревне в период коллективизации. Анализируются их позиции и взаимоотношения в чернозёмной деревне на рубеже 1920-1930-х гг.

Ключевые слова: *двадцатипятидесятитысячники, коллективизация, черноземная деревня, крестьянство.*

Согласно резолюции ноябрьского пленума 1929 г. ЦК ВКП(б) в деревню были направлены рабочие промышленных центров СССР для осуществления организационно-хозяйственной. В их число должны были попасть «передовые» рабочие, имевшие опыт организационной и политической деятельности.

Процесс рекрутирования двадцатипятидесятитысячников можно восстановить из переписки между редакцией газеты «Правда» и управлением кадрами Колхозцентра. Данная переписка возникла ввиду случая с рабочим Птицковым, который был выдвинут общим собранием в число двадцатипятидесятитысячников и прошел подготовительные курсы, но так и не был направлен в деревню. Управление кадрами Колхозцентра в редакцию газеты «Правда» сообщало, что «1) Колхозцентр в отборе «25000» непосредственно не участвовал. 2) Отбор проходивших курсы (окончательный) производился спец. комиссиями в составе представителей обкома, обколхозсоюза и облпрофсовета той области, в которую отбирались рабочие, облотдела профсоюза, райкомов ВКП(б) и райкомов ВЛКСМ Москвы. 3) Случай с т. Птицковым не единичный: по Москве, вследствие не всегда внимательного отбора предшествующими инстанциями имеются случаи отсева до 30% состоявших на курсах»².

Рабочие, как представители производства, были хорошо знакомы с основными формами социально-экономических отношений в крупном

¹ Николашин Вадим Павлович, кандидат исторических наук, заместитель директора по инновационной работе технопарка «Державинский», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Россия, Тамбов, nikolashin.vadim@yandex.ru.

² РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 12. Л. 4.

хозяйственном коллективе. Дисциплина, умение организовывать непрерывный производственный процесс, знание современных технологий делало их носителями ценного опыта, который мог быть применим для реконструкции сельского хозяйства. А.С. Левакин отмечает, что «эти их знания и навыки, безусловно, являлись полезными при создании коллективных хозяйств... Однако с хозяйственной точки зрения нахождение во главе колхозов людей, которые по роду своей прежней профессиональной деятельности не имели (и не могли иметь) представления и о тонкостях сельского хозяйства, чаще всего представлялось нецелесообразным и даже вредным»³.

В большинстве случаев 25-тысячники работали в аппаратах полевод-, животновод- и колхозсоюзов, а также в советских учреждениях. Приведем данные по сферам деятельности двадцатипяти тысячников по ряду округов ЦЧО на начало 1930 г.

Таблица.

Должности 25-тысячников в начале 1930 г. в ряде округов ЦЧО⁴

Округ	В крупные колхозы			
	Правление	Заведующие отраслевыми работами	Заведующие экономическими вопросами	Культ-быт
Козловский	10			
Орловский	109			
Елецкий	-			9
Белгородский	69			29

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод, что в большинстве случаев двадцатипяти тысячники воспринимались на местах как руководители и направлялись в правления колхозов. Статистические материалы по Орловскому округу не дают более точного ответа в каком качестве двадцатипяти тысячники работали в колхозах, но, в отличие от Белгородского и Елецкого округов, здесь их не направляли на работу в культурно-бытовую сферу.

25-тысячники стремились по приезду в деревню заниматься хозяйственной деятельностью. Это иллюстрирует отношение Алексея Петровича Алехина к своему переназначению. 13 октября 1930 г. в заявлении в обком ВКП(б) ЦЧО он указывал, что приехал из Туыл в с. Николаевку

³ Левакин А.С. Рабочие-двадцатипяти тысячники в составе колхозной администрации на Юге России: бытовые и профессиональные аспекты // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: науч. жур. 2008. № 33 (73). Ч. 1. С. 278.

⁴ Составлено по: РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 12. Л. 7.

Вейделевского района в колхоз-гигант имени Иванова и начал деятельность в качестве заместителя председателя правления. Но был переназначен заведующим коопкнигой. Ввиду этого просил перевести его на другую работу. «Меня райком в своем решении постановил перевести “инструктором” в жив[отноводческое] тов-во, но... [это] мне не удалось, ибо они сократили свой штат. И теперь до сих пор моренуют и одно только сулят, а место не дают»⁵.

Группы командированных рабочих и комсомольцев, сформированные в короткие сроки, не получили необходимого минимума социальных благ. Тем самым была продемонстрирована неподготовленность заводов и городов-доноров, а также и принимающей стороны к масштабному аграрному десанту 25-тысячников. Власть волонтаристским решением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. привела в действие государственный мобилизационный механизм, но дистанцировалась от формирования необходимой социально-бытовой среды для проживания рабочих и комсомольцев в деревне.

Случаи материальных трудностей различного характера двадцатипятидесятых наблюдались достаточно часто. Рабочий Павел Гражданкин с фабрики «Красное знамя» в заявлении, направленном в ЦК в ВКП(б) в феврале 1932 г. сообщал, что был направлен на колхозное строительство в ЦЧО в 1930 г. и проработал здесь два года. За это время семья Гражданкина не получала с направлявшей его фабрики товаров широкого потребления, несмотря на постановление ЦК ВКП(б) НКТ СССР от 24 февраля 1930 г. о льготах для рабочих, направленных на колхозное строительство. Двадцатипятидесятник отмечал, что «сейчас моя семья ничем не пользуется, и я нуждаюсь в обуви для детей и мануфактуры»⁶, кроме того за четыре месяца он не получал жалованья⁷.

В большинстве случаев на местах старались уклониться от выполнения социальных обязательств перед двадцатипятидесятниками. Однако эти вопросы находились на контроле у центральных властей и организаций, откуда были командированы двадцатипятидесятники. Это вынуждало местные власти решать часть трудностей, с которыми приходилось сталкиваться двадцатипятидесятникам. Так, заведующий сектором отдела агитации и массовых кампаний ЦК Кушнарченко писал о том, что Всероссийский ЦК ВКП(б) вел переписку с обкомом ЦЧО. 31 октября 1930 г. Кушнарченко сообщал следующее: «Отдел агитации и массовых кампаний ЦК посылает Вам письмо от рабочего 25-т. Кожухова для принятия необходимых мер, вытекающих из затронутых в письме вопросов. О принятых

⁵ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1191. Л. 4.

⁶ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 57. Л. 23.

⁷ Там же. Л. 23-об

Вами мерах сообщите в ЦК. Напоминаем, что от вас не получены ответы на ряд наших писем о 25-тысячниках»⁸.

29 февраля 1932 г. уполномоченному Птицецентра по ЦЧО из Всероссийского колхозцентра инкубаторно-птицеводных станций «Инкубатороптицецентр» пришла информация о том, что работавший в Кирсановском районе Тамбовского округа заведующий инкубаторной птицеводческой станцией двадцатипятидесятитысячник Жустаров «находится в неблагоприятных условиях, а именно: снабжался продуктами по 2-й категории “б”, зарплату получал наравне со своими техническими работниками до сих пор не получил отпуска за 1931 год и не компенсирован за него»⁹. В письме отмечалось недопустимость такого отношения к двадцатипятидесятитысячникам и предлагалось «немедленно урегулировать этот вопрос и... сообщить»¹⁰.

Наряду с невниманием к материальным трудностям двадцатипятидесятитысячников отмечались и примеры действительной помощи со стороны местных органов власти. Так, Усманский окружной комитет ВКП(б) ЦЧО 6 декабря 1930 г. информировал областной ВКП(б) агитационно-массовый отдел о том, что Дрязгинский райком ВКП(б) рабочему двадцатипятидесятитысячнику Леонову оказал единовременная помощь в размере 120 руб. «За выполнение с превышением годового плана хлебозаготовок колхозом — выдана ему премия 75 руб. и установлена местная зарплата 75 руб.»¹¹.

Крайне тяжелые и непривычные бытовые условия проживания горожан в черноземной деревне подталкивали их к аграрному «дезертирству». Для того чтобы ограничить самовольные отъезды, а также пресечь пьянство и связи с «антисоветскими» элементами, виновных стали исключать из профсоюзов. Так, например, поступили с рабочим Мещеряковым. Он был исключен из союза металлистов¹². Власть не находила более действенных механизмов, чем административное воздействие, способных остановить отток из деревни 25-тысячников. Данный тезис иллюстрирует следующий факт: из 14 ленинградцев, приехавших в январе 1930 г. в Сампурский район, до весны осталось только 8¹³.

Считал «дезертиром», «позорно бежавшим с участка трудной работы»¹⁴ председатель правления Колхозсоюза ЦЧО рабочего А.С. Леонова. Об этом он писал 17 января 1930 г. в колхозцентр, облколхозсоюз,

⁸ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1201. Л. 16

⁹ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 57. Л. 27.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1191. Л. 7.

¹² Там же. Л. 99.

¹³ Там же. Л. 337.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 12. Л. 6.

облкоопхлебсоюз и другие организации. Он сообщал, что Леонов, «прибыв к месту назначения [из Бутурлинского района — В.Н.], ... отказался получить назначение и пробыв два дня самовольно уехал к месту своей работы»¹⁵. Сам же старший рабочий фабрики ФХТ № 2 Союза химиков Леонов отмечал семейные обстоятельства, которые изменили его настрой работать в деревне. Согласно заявлению рабочего, жена не могла выехать к нему, так как «у нее на иждивении находилась мать инвалидка и четверо детей ее, и сама жена в положении 6-й месяц, что... можно удостоверить справками из Москвы»¹⁶. Далее он отмечал, что уезжал из Москвы, но «этого вопроса не учел»¹⁷ и просил заменить его другим двадцатипяти тысячником, либо оставить только на посевную кампанию¹⁸.

Еще один случай возник в Щученском районе между 25-тысячником В.Е. Кофеевым и местными властями. В своем заявлении в Колхозцентр СССР в сектор кадров 25 ноября 1931 г. он сообщал, что работал в Щученском районе с 1 февраля 1930 г. по 1 ноября 1931 г. в должности заместителя председателя РКсоюза. К моменту написания заявления Кофеев сложил с себя полномочия. Оставаться на прежнем месте, согласно заявлению, он не мог по причине того, что в ходе уборки свеклы 2 августа 1931 г. он вышел с предложением на совещании райкома о выдаче промтоваров, сахара и другой продукции только колхозникам, непосредственно занятым на уборке урожая. Данное предложение было отклонено бюро райкома, что «затянуло уборку свеклы до 10/11-31 г.»¹⁹. На повторное обращение в бюро райкома 28 сентября 1931 г. заместитель секретаря райкома ВКП(б) Дорохин ответил, «что не твое дело нам указывать»²⁰. 25-тысячник сделал вывод, что такое отношение к уборочной кампании сложилось в силу того, что в конце октября 1931 г. «в партию пролезли кулаки, которые руководили коммунарами и колхозами»²¹. Кофеев дважды обращался в сектор кадров Колхозсоюза ЦЧО с просьбой о переводе его в другой район, но ответа не получил. Райком грозил ему исключением за самовольный выезд из района. 25-тысячник просил отправить его на колхозную работу в Казахскую АССР «имеющий опыт передать национальным колхозам в борьбе за сплошную коллективизацию»²², бороться со всеми искривлениями.

7 декабря 1930 г. в Панинский райком ВКП(б) Тамбовского округа жаловалась 25-тысячница Семенова на то, что ей в практической работе

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 12. Л. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 12. Д. 57. Л. 29-об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

не оказывалось никакой помощи. Она отмечала необходимость наладить систематическую помощь всем 25-тысячникам, обосновывая это тем, что «иначе у них создается демобилизационное настроение»²³.

Для аккумуляции опыта деятельности двадцатипятидесятитысячников и других просоветски настроенных сил, редакция центральной газеты ЦЧО «Коммуна» 8 марта 1920 г. опубликовала объявление, где отмечалось: «Агробригады, двадцатипятидесятитысячники, колхозники! Пишите о том, как в колхозах организуется труд, сообщайте о наиболее удачных опытах, о более целесообразных методах постановки работы»²⁴.

Предметом большого числа обращений в центральные партийные и советские органы 25-тысячников были просьбы о восстановлении их в должностях, выявлении причин увольнения, либо снятия с них обвинений. Так, двадцатипятидесятитысячник Ф.С. Шевлягин также просил разобрать и снять с него тяжелое обвинение. 22 ноября 1930 г. он написал заявление в областной комитет ВКП(б), где сообщал, что после прибытия в сельскохозяйственную артель «Прогресс» Архангельского сельсовета Елецкого района Елецкого округа был избран общим собранием колхозников председателем предправления. В этой должности он проработал с 1 февраля по 1 мая 1930 г. В это время в колхоз по решению райкома был переведен И.А. Демин, который по своей инициативе без всякого обсуждения с членами правления стал руководить колхозом. Как отмечал 25-тысячник, по указанию И.А. Демина «кулакам и зажиточным роздано имущество, которое было отобрано при раскулачивании и за штрафы. Демин Ив. Андр. зарезал корову свою без совета правления. И молоко покупает от колхозных коров. Демин также самостоятельно отпускал уполном. райкома Клокову картофеля 20 пуд. И милиционеру Позднякову тоже 20 пудов. Во время распределения дефицитного товара Демин также не созвал правление, а раздал кому он желает»²⁵. Это вызвало неудовольствие среди членов. Не все члены колхоза были обеспечены картофелем по норме, хотя он имелся в наличии. 25-тысячник предложил улучшить положение бедняков, но в ответ от нового руководителя колхоза услышал следующий ответ: «Я тебя не спрашиваю, что мне делать, ты приехал я не знаю кто такой»²⁶. Тогда Ф.С. Шевлягин обратился по данному вопросу в райком партии, но не получил ответа. Заместитель организационного отдела Елецкого райкома Шилин пообещал «перебросить» 25-тысячника на новое место²⁷.

В другом случае 25-тысячник Степанов был доведен до состояния, когда готов был «вышвырнуть партбилет», несмотря на свои просоветские

²³ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1191. Л. 12.

²⁴ Коммуна. № 56 (3096). 8 марта 1930. Л. 3.

²⁵ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1191. Л. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 6-об.

взгляды²⁸. Это было вызвано тем, что при работе в Буденовском районе Острогожского округа в хуторах его затравили и в сельскохозяйственной артели, и на уровне района. Степанов боролся за сохранение артели «Путь Ильича», отмечал остроту вопроса с распределением хлеба из-за которого колхоз мог «развалиться»²⁹. 3 июня 1930 г. о своем положении 25-тысячник сообщил секретарю Тульского окрпрофсовета Зубову в Тульский окружной совет профессиональных союзов, который направил его в деревню. Тульский ОСПС поддерживал его, писал в различные инстанции, в т.ч. и в Острогожский окружной комитет ВКП(б). Но меры не были приняты для устранения возникших противоречий и в решениях бытовых трудностей. Секретарь Тульского окрпрофсовета Зубов считал «такое отношение к 25-тысячникам безобразным»³⁰. По данному факту было проведено расследование, которое показало, что член сельсовета Шамраев оказывал влияние на председателя артели «Путь Ильича» и райком. Согласно показаниям беднячки Тютюнниковой села Хуторцы Буденовского района Острогожского округа «Шамраев настоящий бандит в коллективизации творил дела, [от] которых ущерб был государству, издевался над нами, самовольно брал скотину, бедноту преследовал, раньше он занимался воровством, крал лошадей, подделывал документы, вместе работал с цыганами, ворами.... запугал население»³¹. Напротив, Степанов пользовался авторитетом у местного населения, его ценили как хорошего активного работника³².

Конфронтация между двадцатипятидесятниками и коренными жителями деревни усиливалась в условиях масштабной «переполюсовки» статусов их обитателей. Данный процесс четко прослеживается на социальной динамике села в условиях раскулачивания. При этом, на фоне повышения статуса 25-тысячников значительная часть крестьянства под давлением репрессий вычеркивалось из общественной структуры как социальная страта, маргинализировалась. Подобные социальные трансформации приводили к еще большему нарастанию антагонизма между двадцатипятидесятниками и деревней.

²⁸ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1197. Л. 5.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Там же. Л. 58.

³² Там же. Л. 51

**КОЛХОЗНЫЕ ХАТЫ-ЛАБОРАТОРИИ В 1930-х гг.:
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ,
МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)**

В публикации освещается процесс создания и функционирования в 1930-х гг. хат-лабораторий — учреждений, призванных содействовать развитию агротехники и агрокультуры в колхозах. Установлены причины создания данных учреждений, выявлены и рассмотрены ведущие направления их деятельности, каковыми являлись опытно-исследовательская и просветительная работа, внедрение результатов опытов в колхозное производство, контроль за качеством пахот, сева и других производственных операций в полеводстве.

Ключевые слова: агроном, агротехника, колхоз, колхозники-опытники, опытничество, сельское хозяйство, хата-лаборатория.

Одной из важнейших задач колхозной системы, сформированной в СССР в 1930-х гг. в результате сплошной коллективизации, являлось повышение урожайности и максимально возможное увеличение производства сельскохозяйственной продукции, особенно зерновых культур. Выполнение отмеченной задачи не представлялось возможным без всемерного повышения уровня агротехники, для чего, в свою очередь, требовалось обеспечить колхозы и машинно-тракторные станции (МТС) агроспециалистами. На протяжении 1930-х гг. партийно-советское руководство уделяло значительное внимание увеличению численности агрономов и агротехников в колхозах и МТС и достигло в этом весьма ощутимых результатов. Тем не менее, даже к исходу рассматриваемого десятилетия полностью укомплектовать штаты агроспециалистов не удалось. Так, к июню 1938 г. в Орджоникидзевском крае не хватало еще 469 агрономов², а к сентябрю 1940 г. в Краснодарском крае имелись 300 таких вакансий³. Недостаток агроперсонала усугублялся текучестью кадров (что было обусловлено неудовлетворительными материально-бытовыми условиями) и отры-

¹ Бондарев Виталий Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасского политехнического института) имени М.И. Платова, Россия, Новочеркасск, vitalijj-bondarev27@rambler.ru.

² Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927-1937 гг.) / Под. ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972. – С. 707.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1774-а. Оп. 1. Д. 1255. Л. 2.

вом агрономов от непосредственного участия в производстве, поскольку вышестоящее начальство нередко привлекало их к канцелярской работе.

В этой ситуации, представители власти избрали разумную стратегию, делая ставку не только на увеличение численности агрономов при одновременном создании условий для их закрепления на селе, но и на изыскание альтернативных вариантов решения проблемы дефицита кадров в области агрономии. Одним из таких вариантов, призванным компенсировать недостаток специалистов агротехнического профиля, являлось создание в колхозах сети специализированных научно-практических заведений — хат-лабораторий.

В научной литературе вопросы создания и деятельности хат-лабораторий отражены лишь фрагментарно, что актуализирует задачу их тщательного изучения. В настоящей публикации мы предприняли попытку заполнить образовавшуюся в историографии лакуну, опираясь на материалы Дона, Кубани и Ставрополья как важных аграрных регионов России, где в 1930-х гг. численность хат-лабораторий была сравнительно высока и они представляли собой распространенные и обычные в местных колхозах учреждения. В рассматриваемый период перечисленные регионы сначала объединялись в границах Северо-Кавказского края, с 1934 г. — в границах Северо-Кавказского (Ставрополье) и Азово-Черноморского (Дон и Кубань) краев, а в 1937 г. получили административную самостоятельность как Ростовская область, Краснодарский и Орджоникидзевский (с 1943 г. — Ставропольский) края.

По утверждениям исследователей, первые хаты-лаборатории появились в наиболее развитых колхозах Северо-Кавказского края в 1933 г.⁴, но начало их повсеместного распространения относится к следующему году⁵. В марте 1934 г. секретарь ЦК компартии Украинской ССР П.П. Постышев призвал колхозников создавать хаты-лаборатории как центры колхозного опытничества⁶, после чего они возникли не только на Украине, но и в других республиках Союза. В том же году в прессе на Юге России появились аналогичные призывы, а также обязательства некоторых агрономов «заложить начало организации» хат-лабораторий в колхозах и «наладить в них систематическую работу»⁷. В апреле

⁴ Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972. – С. 774.

⁵ Зеленский С. Большая работа // Колхозное опытничество. 1938. № 8–9. – С. 42.

⁶ Паперный Л. Колхозные хаты-лаборатории // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 5. – С. 30.

⁷ Седов. Организуем хаты-лаборатории // Колхозный путь. Орган политотдела Гулькевичской МТС. 1934. 31 июля; Шевченко Д. Я обязуюсь // Знамя колхозника. Орган политотдела МТС им. Димитрова Георгия. 1934. 15 августа.

1935 г. Азово-Черноморским крайкомом ВКП(б) было принято постановление о содействии развитию хат-лабораторий в колхозах. В частности, в постановлении предусматривалось прикрепить к районам края научно-исследовательские организации (Всесоюзный институт масличных культур г. Краснодара, Азово-Черноморскую краевую сельскохозяйственную опытно-станцию на ст. Верблюд, Краснодарскую опытную станцию плодородства и пр.), чтобы они курировали деятельность хат-лабораторий⁸.

Хаты-лаборатории создавались в колхозах либо агрономами, либо активными и увлеченными опытно-исследовательской работой колхозниками. Размещались данные учреждения, как правило, в обычных сельских домах, так что первая часть их наименования верно указывала на внешний вид. Анализ имеющихся в нашем распоряжении документов позволяет установить следующие основные направления деятельности хат-лабораторий:

- исследовательская деятельность, носившая ярко выраженный научно-практический характер;
- популяризация агротехнических знаний среди колхозников и обучение членов колхозов агротехнике и т. д.;
- контроль за качеством сельхозработ в колхозах.

Научно-практическая, исследовательская деятельность хат-лабораторий («колхозное опытничество») являлась ведущим направлением их работы. Деятельность эта заключалась в проверке на практике новейших научных разработок в области сельского хозяйства и проведении опытов с последующим внедрением полученных полезных результатов в колхозное производство. Причем такая деятельность осуществлялась, как правило, не бессистемно, а планомерно, в соответствии с разработанными НИИ и райзо рабочими программами. Ведь хаты-лаборатории, по утверждениям советских ученых, представляли собой низшее звено системы научно-исследовательских учреждений⁹ и функционировали при поддержке и под наблюдением органов власти, научно-исследовательских институтов, опытных станций.

Конкретные направления опытничества в значительной мере зависели от специализации того или иного коллективного хозяйства, так как обычно хаты-лаборатории концентрировали усилия на тех сельхозкультурах, которые преобладали в их колхозе. Поскольку на Юге России полеводство представляло собой одну из важнейших отраслей хозяйства, большинство хат-лабораторий экспериментировали с пшеницей, ячме-

⁸ Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972. – С. 641–642.

⁹ Вильямс В.Р. К вопросу об организации научно-исследовательской работы в сельскохозяйственном производстве // Советская агрономия. 1939. № 1. – С. 19.

нем, кукурузой, подсолнечником, другими зерновыми и техническими культурами. Меньшая же часть хат, учитывая специализацию своих колхозов, акцентировала внимание на огородно-бахчевых или плодово-ягодных культурах, а также на новых культурах, таких, как хлопок, кунжут, арахис, рис, кенаф, клещевина и пр. В частности, в 1936–1937 гг. именно хаты-лаборатории Юга России проводили разведывательные посадки хлопка и наблюдали за произрастанием и состоянием данной культуры¹⁰. Нередко, такие опыты велись не только на делянках хат-лабораторий, но и на значительных массивах колхозных полей, при участии целых бригад колхозников.

Одновременно хатами-лабораториями изыскивались способы эффективной борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. Так, в конце 1930-х гг. хаты-лаборатории сосредоточили усилия на борьбе с клопом-черепашкой, наносившим страшный ущерб посевам зерновых¹¹.

В принятом в начале февраля 1940 г. постановлении бюро обкома ВКП(б) Ростовской области «О работе колхозных хат-лабораторий», — весьма объемном, как бы подводившем итоги деятельности этих учреждений за ряд лет, — отмечалось, что «особо отстающим участком в работе всех хат-лабораторий области является опытная работа по животноводству»¹². Анализ источников позволяет согласиться с этим утверждением. В прессе содержатся свидетельства о работах отдельных хат-лабораторий Орджоникидзевского края в области овцеводства: исследования по организации пастбищного нагула овец, опытный сев кохии — дикорастущего растения, нечувствительного к жаре и способного составить основу кормовой базы овечьих отар в засушливых районах¹³. Хата-лаборатория колхоза им. Фрунзе (ст. Пашковская Краснодарского края) проводила в 1937 г. опыты по повышению яйценоскости кур путем дрожжевания кормов. В основном же научно-практической деятельностью в сфере животноводства занимались работники колхозных ферм, испытывавшие различные виды кормов, способы кормления и ухода за животными и т. д.¹⁵

¹⁰ Яхтенфельд П. Весна в новых хлопковых районах // Советский хлопок. 1937. № 6. С.110; Лысогоров С.Д. Продвижение хлопчатника в новые районы РСФСР // Советский хлопок. 1937. № 7. – С. 33, 34.

¹¹ См., например: Пастухов Б. Вредная черепашка – вредитель зерновых культур // Советская агрономия. 1940. № 10. С. 49; Присяжнюк А.А. Осенняя борьба с вредной черепашкой // Колхозное производство. 1941. № 7–8. – С. 27.

¹² Центр документации новейшей истории ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 201. Л. 86.

¹³ Тимофеев Д. Опыт пастбищного нагула на высокогорных выпасах // Колхозное опытничество. 1938. № 6. С. 20; Поляков П. Кохия // Колхозное опытничество. 1938. № 6. – С. 22.

¹⁴ Лазаревич П. Повышение яйценоскости // Колхозное опытничество. 1938. № 1. – С. 30.

¹⁵ Юношев Т. В союзе с наукой // Колхозное опытничество. 1938. № 5. – С. 35.

Результаты опытов хат-лабораторий применялись в колхозах, иногда даже во всех коллективных хозяйствах того района, в котором действовала та или иная лаборатория. Это не случайно, так как господствовало мнение, что хаты-лаборатории должны работать на благо колхозного производства, а не играть роль обычных опытных участков, занятых исключительно научно-теоретическими исследованиями. В частности, в июне 1937 г. хата-лаборатория колхоза им. Калинина (Орджоникидзевский край) провела летние посадки картофеля, применив боронование и мульчирование, то есть присыпание всходов половой, соломой с целью предохранения от жары; такие приемы, как мульчирование, имели большое значение для картофелеводства на Юге России, где посадки картофеля постоянно страдали «от действия высоких температур и засухи»¹⁶. Часть урожая, который выдался очень высоким, ушла в семенной фонд колхоза, а часть досталась на трудодни колхозникам, и они впервые высадили картофель на своих огородах: ранее здесь картошку не сажали из-за жары¹⁷.

Другим важным направлением деятельности хат-лабораторий являлась популяризация научных знаний о сельском хозяйстве среди колхозников и обучение членов коллективных хозяйств приемам агротехники либо (гораздо реже) зоотехники. Такого рода задачи хаты-лаборатории выполняли, организуя, — нередко при помощи МТС и районных земельных отделов, — обучение колхозников в различных кружках, где демонстрировались наглядные пособия, проводились опыты и пр.

Наконец, хаты-лаборатории выполняли такую функцию агрономов, как контроль за правильным ходом работ в колхозах. Например, лаборатория колхоза «Волна революции» Лабинского района Азово-Черноморского края «вела строгие наблюдения за качеством полевых работ» и играла важную роль в колхозном производстве¹⁸. Впрочем, при выполнении указанной задачи многое зависело от волевых качеств энтузиазма заведующего хатой-лабораторией, от того, насколько он мог заставить колхозное начальство себя слушать. Судя по тому, что в источниках крайне редко встречаются упоминания о выполнении хатами-лабораториями функций контроля за колхозным производством, немногие их заведующие решались взвалить на себя такое бремя.

На функционировании колхозных хат-лабораторий отрицательно сказывался целый ряд факторов, таких, как низкий уровень квалификации заведующих (иной раз правления колхозов назначали на эту должность случайных людей, вплоть до колхозных уборщиц, а система их профессиональной подготовки работала неудовлетворительно), текучесть кадров

¹⁶ Пучков А. Обеспечить решительный перелом в развитии южного картофелеводства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 12. – С. 225.

¹⁷ Машинцев П.В. Летние посадки картофеля // Колхозное опытничество. 1938. № 6. – С. 8.

¹⁸ Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 2314. Л. 54.

заведующих вследствие неупорядоченности оплаты их труда, и пр. Царившая во многих колхозах бесхозяйственность негативно сказывалась и на функционировании хат-лабораторий, поскольку их деланки иной раз затаптывались скотом, собранный семенной материал ссыпался в колхозные амбары вместе с остальным урожаем, и т. д.

Тем не менее, колхозные хаты-лаборатории достигли заметных результатов в научно-практической и производственной деятельности и сыграли важную роль в деле модернизации аграрного производства. Показательно, что хаты-лаборатории действовали во многих коллективных хозяйствах: это свидетельствовало о понимании местным руководством той пользы, которую способны принести данные учреждения. На исходе 1930-х гг. в Орджоникидзевском крае было 535 хат-лабораторий (то есть, они имелись в более чем 30 % колхозов)¹⁹, в Краснодарском крае — 602 (около 30 %)²⁰. Значение хат-лабораторий признало и научное сообщество, принимая в свои ряды некоторых колхозных опытников. Так, в конце 1930-х гг. заведующий хатой-лабораторией колхоза им. Ворошилова Новочеркасского района Ростовской области И.И. Кухмистров был избран членом научного совета Южного исследовательского института гидромелиорации, а И.И. Пахалков (заведующий хатой-лабораторией колхоза им. Максима Горького того же района) стал членом научного совета Ростовской областной сельскохозяйственной станции²¹.

Появление и деятельность хат-лабораторий продемонстрировало, что колхозная система, несмотря на ее многочисленные негативные черты, все-таки имеет в деревне относительно прочную социальную базу, которая выступает залогом укрепления и развития коллективных хозяйств. Возможностей советского государства оказалось недостаточно для того, чтобы в короткие сроки в полной мере обеспечить коллективизированное сельское хозяйство агроспециалистами как одним из необходимейших условий модернизации и интенсификации аграрного производства. Хаты-лаборатории стали средством компенсации недостатка агроспециалистов, созданным не только по распоряжению свыше, но и, в значительной мере, по инициативе самих крестьян, которые, таким образом, сознательно выступили в поддержку аграрной политики советского правительства. Будучи одним из элементов колхозной системы, хаты-лаборатории сталкивались в своей деятельности с многочисленными препятствиями, порожденными отрицательными характеристиками этой системы. Тем не менее, несмотря на все издержки, и колхозы и хаты-лаборатории сыграли положительную роль в развитии сельского хозяйства СССР в 1930-х гг.

¹⁹ Наш край (сельское хозяйство Орджоникидзевского края) / Под ред. Вл. Воронцова, Р. Саренца. Вып. 1-й. Пятигорск, 1939. – С. 18.

²⁰ Государственный архив Краснодарского края (ГА КК). Ф. р-1378. Оп. 2. Д. 4. Л. 69.

²¹ Марченко Н. В союзе с наукой // Колхозный бригадир. 1939. № 1. – С. 14.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗОВАННОГО НАБОРА РАБОЧИХ СРЕДИ КРЕСТЬЯН В 1930-е гг.

В статье сделана попытка дать характеристику нормативной базы 1930-х гг., которая регулировала процессы организованного государством перемещения рабочей силы из села в город.

Ключевые слова: сельское население, миграция, отходничество, организованный набор рабочей силы.

В миграции сельского населения выделяют стихийные и организованные государством перемещения. Сложность выявления размеров добровольных перемещений граждан определяется отсутствием соответствующего инструментария и хаотичностью такого движения. В тоже время изучение сальдо миграции в города и обозначение мест выхода мигрантов (откуда выбыл), а также определение возрастного состава прибывших дает основания делать вывод, что рост населения городов в изучаемый период во многом формируется за счет сельского населения молодых возрастов. Данное явление наблюдалось и ранее в имперский период². Это во многом опровергает мнение о том, что крестьянин-колхозник, прикрепленный к сельскохозяйственной артели и не имеющий паспорта, был ограничен в своих перемещениях.

Возможности выезда крестьян из деревни изучались нами ранее³, организованное же государством перемещение сельского населения во многом было связано с сельскохозяйственными планами заселения вновь присоединенных территорий (например, после окончания Великой Отечественной войны и победы над Японией). Важное место в планах государства играли переселения в результате развития некоторых отраслей (например, создание рыболовных артелей) или затопления (подтопления) территорий в результате строительства важных объектов (каналов, электростанций и т.п.), или строительства промышленных предприятий, которые вовлекали в сферу своего влияния сельское население как рабочую силу. Именно о такой форме организованного государством перемещения сельского населения и пойдет речь.

¹ *Ильина Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Россия, Вологда, keta-rodina@yandex.ru.*

² *Жукова В.С. Адаптация сельских жителей к городской среде в начале XX в. (на материалах дневника И.Г. Глотова) // Романовские чтения-11. Сборник материалов международной научной конференции. – Могилев, 2016. – С. 94–96.*

³ *Ильина О.В., Конышев Д.Н. Влияние миграции на трудовые ресурсы северной деревни в 1940-е гг. (по материалам Вологодской и Кировской областей) / Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М., Уфа, 2016. – С. 372–377.*

Источниковая база по изучению темы весьма ограничена в силу того, что перед учеными XX века не ставилась задача определения количества выезжающих из деревни именно по оргнабору, внимание исследователи обращали на общие миграционные показатели и убыль сельского населения в целом. Сложность изучения темы определяется и тем, что в научном обороте почти не используется делопроизводственная документация промышленных предприятий, в том числе о кадровом составе рабочих или их анкетные данные, позволяющие определять места выхода и основания устройства на предприятия. Общую картину прибывших по оргнабору и текучести кадров дают опубликованные материалы статистики. Интересно проанализировать и законодательство 1930-х гг., которое характеризует правовые основания для выезда из деревни.

В 1930-е гг. в условиях проведения политики индустриализации особо остро стала проблема обеспечения предприятий работниками, а так как проводилась эта политика за счет внутренних резервов, то рабочую силу промышленных предприятий можно было пополнить только за счет жителей села, которые составляли более 80% от общей численности населения РСФСР⁴. В более ранние периоды истории наблюдалось отходничество и занятие промысловой деятельностью⁵. Выявление возможных перемещений сельских жителей в результате оргнабора определяется в первую очередь законодательной базой, регулирующей этот процесс. Уже в 1930 г. выходит Постановление СНК СССР «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы»⁶. Постановление устанавливает уголовную ответственность для колхозных организаций, препятствующих отходу крестьян на строительные работы, лесозаготовки, рыбные промысла и т.п. Содержание документа, небольшое по объему, четко показывает, что строительство новых предприятий требует широкого привлечения рабочих рук, да и уровень квалификации в данном случае высокий не требуется, как и с лесозаготовками и разными промыслами. Кроме этого, увеличение объемов заготовки древесины определялось и растущими внутренними потребностями и экспортными поставками леса для получения средств в условиях приоритетного развития промышленности. Этот документ не регламентирует, однако, процедуру отхода и правовое закрепление крестьян на новых производствах.

Первым законодательным актом, определяющим правовой статус крестьян, работающих по найму на промышленных предприятиях, стало

⁴ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. – М., 2000. – С. 220.

⁵ Жукова В.С. Доходы от промысловой деятельности крестьян Архангельской губернии в 1925–1928 гг. // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений. Материалы международной научно-практической конференции. – Мичуринск, 2015. – С. 144–151.

⁶ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее СЗ СССР) – 1930. – № 18. – ст. 206.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве»⁷. Уже само название постановления закрепляет традицию ухода крестьян на заработки в период, когда объем сельскохозяйственных работ был минимален и появлялось время для получения дополнительного дохода без отрыва от земли надолго. Еще в 1922 г. Земельный Кодекс РСФСР гласил, что земля крестьянина, ушедшего на трудовые заработки сохранялась за ним в течение двух севооборотов, если это время выходило, то крестьянин наделялся землей из «земельного запаса». В целом в 1920-е гг. среди крестьян преобладал краткосрочный отход — в среднем 5 мес.

В 1930-е гг. в связи с проведением политики индустриализации ситуация меняется. Появляется необходимость в постоянных кадрах промышленных рабочих, постепенно повышающих свою квалификацию в условиях механизации труда и увеличения числа предприятий.

Постановление 1931 г. содержало меры по материальному стимулированию отходников-колхозников, а именно: освобождение от всяких отчислений с заработка в общественный фонд колхозов, сохранение за колхозником рабочего места и его трудоустройство при возвращении в первую очередь, обязательное выделение части урожая колхоза для снабжения отходников. Часть льгот была предусмотрена и для членов семьи колхозников-отходников, но при условии их продолжения работы в колхозе. Значительное место в документе уделяется ответственности предприятий по вербовке и устройству колхозников на работу, государство вменяет им в обязанность обеспечение отходников жильем и продовольствием, оплату их проезда к месту работы и обратно по окончании срока договора, оплату суточных во время нахождения в пути. Все эти условия должны были быть прописаны в договоре, заключенном между колхозником-отходником и предприятием, в ином случае права и обязанности сторон носили формальный характер и оставались вне правового поля. Учитывая, что найм рабочей силы проходил определенную процедуру, в которой некоторые требования касались и квалификации рабочих, предприятия предпочитали брать на работу «людей с улицы», так было и быстрее, и снижало ответственность предприятий за их содержание и обеспечение.

Необходимо отметить, что одновременно проходившая в стране компания по созданию колхозов способствовала ломке традиционного отношения крестьян к земле как собственности и создавала условия для выезда крестьян в ситуации общей неразберихи и насильственного внедрения новых типов хозяйствования. Часть сельского населения пользовалась возможностью порвать с деревней и улучшить свой социальный статус путем законного ухода на заработки в город через отходничество.

⁷ СЗ СССР – 1931. – № 42. – ст. 286.

Несмотря на то, что данное постановление предусматривало льготы и колхозам, стимулирующим отход, мероприятия государства не могли обеспечить колхозам слаженную бесперебойную работу в условиях постоянного оттока трудоспособного населения. Механизация же сельскохозяйственных работ через создание МТС создавала дополнительную нагрузку колхозам в виде расчета с механизаторами по итогам года. Отсюда в отчетах по вербовке рабочих на предприятия звучит критика в адрес колхозов, препятствующих набору. Учитывая, что Постановление вышло 30 июня, реально осуществлять набор можно было только осенью в связи с окончанием сельскохозяйственных работ, его реализация в летний период не имела успеха, что естественно, а данная политика встречала сопротивление со стороны председателей и правлений колхозов.

Материалы статистики, представляющие данные о количестве прибывших и выбывших с предприятий показывают высокую текучесть кадров, что объясняется неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями и низкой оплатой труда неквалифицированных рабочих, в том числе и колхозников. Постановление 1931 г. в нескольких статьях указывает о лишении льгот отходников, если они прервали договор в одностороннем порядке и самовольно покинули предприятие, но даже эти меры не меняли ситуацию с текучестью кадров.

В марте 1933 г. выходит Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов»⁸. Данный документ, учитывая проблемы, возникавшие ранее с процедурой привлечения рабочих на предприятия, отменяет действие Постановления 1931 г. и четко дает понять, что теперь льготами смогут воспользоваться только те колхозники-отходники, которые заключили договор с хозорганом и зарегистрировали его в правлении колхоза. Самовольный же уход отходника без регистрации договора с хозорганом мог привести к исключению его из колхоза.

Чуть позже появляется инструкция Наркомтруда и Наркомзема СССР о применении данного постановления. Она разъясняет процедуру подтверждения колхозником-отходником своего участия в работе промышленного предприятия, показывает возможности для продления договора и характеризует невозможность колхозов отзываться колхозников-отходников, если процедура подтверждения его участия в работе предприятия проведена в соответствии с законом.

Чтобы деятельность по набору рабочей силы проводилась с учетом возможностей республик и областей, а также потребностей предприятий наркомат тяжелой промышленности публикует в апреле 1933 г. постановление о применении нового закона об отходничестве из колхозов⁹.

⁸ СЗ СССР – 1933. – № 21. – ст. 116.

⁹ О применении нового закона об отходничестве из колхозов. Постановление НКТП // За индустриализацию – 1933. – 23 апреля.

В соответствии с данным документом создается специальный аппарат вербовщиков из рабочих предприятий, которые получают четкие указания по вербовке рабочей силы и заключению договоров с колхозами. Предприятиям вменяется в обязанность определять планы вербовки и отправлять их в вышестоящие органы, а при получении нарядов вербовки обязательно заключать договор с колхозом на содействие вербовке и оказывать материальную и организационно-техническую помощь колхозу, чтобы последний обеспечил максимальное высвобождение рабочей силы для отходничества.

Несмотря на создание инструкций по оргнабору, на местах возникали проблемы, связанные с вербовкой рабочей силы и происходили злоупотребления вербовщиков, преодолеть которые пытались изданием Постановления СНК СССР от 21 июля 1938 г. «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов».

Данное постановление отменило ранее выданные наряды по оргнабору, создавало при Облпланах группы планирования набора рабочих и ряд других должностей (уполномоченных, инспекторов), которые должны были осуществлять контроль организованного набора рабочей силы. Документ подробно регламентировал процесс вербовки колхозников, выдачи им аванса, устройства в общежитие и на предприятие при приезде к месту работы, создание условий для повышения квалификации колхозников¹⁰.

Таким образом, анализ представленных документов дает основания утверждать, что, несмотря на отсутствие паспортов, у колхозников были реальные шансы для устройства в городах, а при ответственном отношении к выполнению трудовых обязанностей появлялась возможность остаться на предприятии, продлив срок договора, а так же получить паспорт, став городским жителем. Заинтересованные в сохранении рабочей силы, предприятия сами создавали условия для перехода сезонных рабочих в категорию постоянных. Они постепенно улучшали их жилищно-бытовые условия, повышали квалификацию бывших колхозников, изменяли оплату труда в зависимости от личного участия и квалификации. Государство, отстаивая в первую очередь развитие индустрии, активно участвовало в перераспределении рабочей силы между городом и деревней, создавало правовые основы для этого процесса. В тоже время, переехав в город и закрепившись на предприятии, бывший колхозник перевозил туда членов своей семьи. Это оказывало негативное влияние на демографическое положение сельских населенных пунктов и вело к сокращению сельского населения в последующие десятилетия¹¹.

¹⁰ Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.libussr.ru.

¹¹ Ильина О.В. Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Монография. – Вологда, 2011. – С. 30–31.

ВЛАДЕНИЕ КУЗНИЦЕЙ КАК ПОВОД К РАСКУЛАЧИВАНИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с раскулачиванием такой категории крестьян Пензенского края, как кузнецы. Основными источниками статьи выступают ранее неизученные документы Государственного архива Пензенской области.

Ключевые слова: Отечественная история; XX в.; экономическое развитие; коллективизация; раскулачивание категории кузнецов среди крестьян Пензенского края.

Процесс коллективизации и раскулачивания в Пензенском крае достаточно широко освещен авторами не только в формате статей, но и в монографических изданиях². Они представляют общую картину проблемы, а также дают возможность для дальнейших исследований, так как содержат краткие сведения из личных дел пензенских крестьян, подвергшихся лишению избирательных прав, раскулачиванию и выселению. Среди них большой интерес представляют различные категории крестьян, затронутых подобной политикой. Одной из таких категорий являются владельцы кузнечных мастерских, одна из востребованных на селе групп ремесленников.

В результате многолетней коллективной работы пензенских историков и краеведов была создана общая база, содержащая сведения о главах 7966 крестьянских семей, затронутых разными формами государственного давления — от штрафа до расстрела по политическим мотивам. В процессе проведения политики коллективизации и раскулачивания появился перечень признаков кулацких хозяйств, который позволял на местах ориентироваться, к каким семьям применять меры воздействия. В качестве примера можно ориентироваться на печатный вариант подобного документа, использовавшегося в 1931 г. и связанного с единым сельскохозяйственным налогом³.

¹ Власов Вячеслав Алексеевич, кандидат исторических наук, Пензенский государственный университет, Россия, Пенза, vlasov.penza@mail.ru;

Тишкина Анна Владимировна, кандидат исторических наук, Пензенский государственный университет, Россия, Пенза, madam.tishkina2010@yandex.ru.

² Власов В. А., Степанова О. В., Тишкина А. В. Коллективизация и раскулачивание в Пензенском крае. Пенза, 2009; Власов В. А., Тишкина А. В. «Великий перелом» в пензенской деревне. Пенза, 2013 и др.

³ Признаки кулацких хозяйств, установленные законом о ЕСХН на 1931 год. Псков, 1931.

В документе перечисляются категории, подлежащие раскулачиванию: применяющие наемный труд, владельцы «промышленных предприятий» (например, мельницы, маслобойки, крупорушки и т.п.), арендодатели, торговцы, крупные землевладельцы. Владельцы кузниц относились к ремесленникам-предпринимателям и, соответственно, подлежали раскулачиванию. Следует добавить, что среди раскулаченных пензенских крестьян в целом преобладают торговцы (53 % от общего количества глав семей, задействованных в базе), затем — владельцы сложной сельхозтехники (36%), крупные землевладельцы (13%), арендодатели (10%), владельцы кожевенных, кирпичных, свечных и других заводов, а также бондарных, слесарных, сапожных и других мастерских (8,1%)⁴. К последней из упомянутых групп относятся владельцы кузниц, в общей базе их можно насчитать 64 человека.

Что характерно, в каждом хозяйстве могло наблюдаться сразу несколько «кулацких» признаков. Далее приводятся примеры, в которых по этот вывод явно просматривается (персональные данные, в силу известных причин, исключены). Как правило, обладание кузницей сопровождалось применением наемного труда и торговлей.

Глава крестьянской семьи, в возрасте 40 лет, русский, проживавший в с. Балук Кузнецкого района. До 1917 г. имел 20 десятин земли, 3 лошади, 4 коровы, 19 голов мелкого скота, конную молотилку, просорушку, кузницу, кирпичный завод, 10 сезонных работников. В 1931 г. имел 4 десятины земли. В царской армии состоял в 1914–1917 гг. Торговал бакалеей. Секретарь сельсовета, председатель сельсовета в 1925 г. Раскулачен в 1931 г. Осужден в феврале 1931 г. по ст. 61 УК РСФСР на 2 года. Семья 6 чел., трудоспособных — 2.

Глава крестьянской семьи, 1888 г. рождения, русский, малограмотный, проживавший в с. Саловка Пензенского района. До 1917 г. имел 28 га земли, 3 лошади, 2 коровы, 10–15 голов мелкого скота, 2 годовых и 10–15 сезонных работников. В 1931 г. имел 13 десятин земли. Владел кузницей, занимался производством бахчевых культур, торговал скотом. Служил в царской армии рядовым с 1914 по 1916 гг. Имущество отчуждалось в 1933 г. за не сдачу хлеба и картофеля. Раскулачен и лишен избирательных прав в 1933 г., арестован ОГПУ, в 1934 г. умер. Семья 6 чел., трудоспособных — 2.

Глава крестьянской семьи, в возрасте 38 лет, русский, проживавший в с. Кукарки Чембарского района, владел кузницей и кирпичным домом. Служил в царской армии во время Первой мировой войны, в РККА — во время гражданской войны. Судим осенью 1929 г. по ст. 61 УК РСФСР

⁴ Подсчитано по материалам: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-889. Оп.1. ДД. 1-6611.

за невыполнение хлебопоставок (частичная конфискация имущества и 2 месяца принудительных работ). Раскулачен в феврале 1930 г., восстановлен в правах в марте 1930 г. Применял наемный труд. Членов семьи — 4, все трудоспособные.

Глава крестьянской семьи, в возрасте 45 лет, русский, малограмотный, проживавший в Мокшанском районе. До 1917 г. имел 25 дес. земли, 5 лошадей, 2 коровы, 15-25 голов мелкого скота, конную молотилку, пропашку, ветряную мельницу, 2-3 сезонных работников. Владел кузницей. В 1931 г. не имел ничего. Имущество отчуждалось в 1928, 1929, 1930 гг. за хлебозаготовки и налоги. Арестован ОГПУ в 1929 г. за участие в крестьянском волнении, был отпущен. Раскулачен в 1930 г. Выслан осенью 1931 г. Семья 6 чел.

Глава крестьянской семьи, в возрасте 38 лет, русский, грамотный, проживавший в с. Пустынь Пачелмского района. До 1917 г. имел 18 дес. земли, 4 лошади, 3 коровы, 25 голов мелкого скота, кузницу, 2 годовых и 5 сезонных работников. В 1931 г. имел 6 десятин земли и лошадь. Торговец. Унтер-офицер царской армии в 1914–1917 гг. Арестован в 1929 г. (2 месяца). Избирательных прав лишился в 1927 и 1928 гг., в 1928 г. восстановлен, в 1931 г. вновь лишен. Имущество отчуждено в 1931 г. за неплату налогов и платежей. Выслан в 1931 г. с конфискацией имущества. Семья 7 чел., трудоспособных — 2.

Характерно, что наличие кузницы, как и другие признаки, ведущие к раскулачиванию, отмечаются по документам в период до 1917 г. В этом случае в архивных делах упоминается, что владелец мог пользоваться доходами прошлых лет. Это оправдывало раскулачивание крестьян, которые к 1930-м годам не имели подчас ни одного признака кулацкого хозяйства. Это позволяло выполнить на местах спускаемые сверху «планы» по раскулачиванию.

Также следует отметить, что члены семьи владельцев кузницы раскулачивались в общем порядке. Получалось, что за владение одной и той же кузницей раскулачивались и муж, и жена как две главы одного хозяйства или отец и сын с семьями. Соответственно, общее количество раскулаченных хозяйств при подсчетах увеличивалось. Далее следует пример, демонстрирующий, как за одно хозяйство раскулачены три семьи. Видимо, это три брата, так как в архивных документах у них совпадает фамилия, отчество и место проживания (с. Чернышево Керенского района). Есть лишь небольшие расхождения в описании хозяйства.

Крестьянин, в возрасте 45 лет, русский, грамотный. До 1917 г. имел 25 дес. земли, 3 лошади, 3 коровы, 30 голов мелкого скота, 2 годовых и 15 сезонных работников. Владел двумя конными молотилками, ветряной мельницей, кузницей на двух хозяев. В 1931 г. имел 4 дес. земли,

2 лошади, 2 коровы, 25 голов мелкого скота. Избирательных прав лишен в 1931 г. Имущество отчуждалось в 1929 и 1931 гг. за неуплату гарнцевого сбора. Раскулачен в 1931 г. Арестован осенью 1931 г. и выслан. Семья 8 человек.

Крестьянин, в возрасте 31 года, русский, грамотный. До 1917 г. имел 25 дес. земли, 3 лошади, 3 коровы, 10 голов мелкого скота, 1 годового и 15 сезонных работников. Владел ветряной мельницей, кузницей на двух хозяев. В 1931 г. имел 5 дес. земли. В колхозе с февраля 1931 г., вычищен из него в марте того же года, лишен избирательных прав в апреле. Раскулачен в мае 1931 г. с конфискацией имущества. Семья 4 человека.

Крестьянин в возрасте 29 лет, русский, грамотный. До 1917 г. имел 25 дес. земли, 3 лошади, 3 коровы, 30 голов мелкого скота, 2 годовых и 15 сезонных работников. Владел двумя конными молотилками, ветряной мельницей, кузницей на двух хозяев. В 1931 г. имел 4 десятины земли, 2 лошади, 2 коровы, 25 голов мелкого скота. Имущество отчуждалось в 1928 и 1931 гг. Лишен избирательных прав в феврале 1931 г. Раскулачен в апреле 1931 г., выслан в сентябре 1931 г. Семья 4 человека.

В попытке избежать раскулачивания и выселения крестьяне-кузнецы пытались вступить в колхоз, сохраняя род занятий на колхозной кузнице или вообще меняли профессию, переезжая в город. В представленных случаях это не помогало избежать общей участи, так как использовались данные о хозяйстве за предыдущий период.

Крестьянин, в возрасте 43 лет, русский, малограмотный, проживавший в с. Старое Смагино Пензенского района. Кузнец. До 1917 г. имел 9 дес. земли, лошадь, корову, 4 овцы, 2 годовых и 4 сезонных работника. В 1931 г. не имел ничего. Привлечен к суду в 1929 г. за срыв хлебозаготовительной кампании (2 месяца с конфискацией имущества). Избирательных прав лишен в 1933 г. за торговлю. Вступил в колхоз, вычищен в мае 1933 г. и выслан с конфискацией оставшегося имущества. Семья из 4 человек, трудоспособных — 2.

Крестьянин, 1888 года рождения, малограмотный, проживавший в с. Бакшеевка Пензенского района. До 1917 г. имел ветряную и водяную мельницы, лошадь, 2 коровы, 4 свиньи, 12 овец, вейлку и кузницу. Семья из 5 человек. Проживал в г. Пенза, работал на Пензенском велозаводе, изъят и выселен в операцию 27–28 ноября 1932 г.

Крестьянин, 1903 года рождения, русский, проживавший в с. Бибиково Мокшанского района. Владел кузницей. Перронный контролер железнодорожной станции Пенза-1. Арестован в начале 1933 г. по подозрению во вредительстве (освобожден). Арестован ОГПУ в апреле 1933 г. и выслан с конфискацией имущества. Семья из 3 человек.

Крестьянин, в возрасте 45 лет, проживавший в с. Сытинка Лунинского района, до и после революции владел кузнечно-слесарной мастерской с применением наемной силы. Исключен из колхоза за разбазаривание своего имущества. Избирательного права не лишен. Семья из четырех человек, все трудоспособные. Решено выселить по III категории в 1930 г.

Крестьянин, 1895 года рождения, д. Воейковка Пензенского района. Работал до революции кузнецом в усадьбе князя Гагарина. В 1915 г. призван в царскую армию. После демобилизации имел лошадь и корову. В 1929 г. выехал в Пензу, стал строительным рабочим велозавода. В октябре 1932 г. арестован по ст. 58 п. 10 УК РСФСР. Семья 4 чел.

Что касается возраста и национальности, изученные документы показывают, что какой-либо специфики среди пензенских кузнецов не выделяется. Возраст — от 19-ти до 66-ти лет, национальность — 3 мордвина, остальные русские (что примерно соответствует национальному составу населения Пензенского края). Татар-кузнецов не встретилось.

По уровню образования можно отметить, что среди данной категории преобладают грамотные крестьяне. Только 2 случая неграмотных, редко — малограмотных. Видимо, как в целом для раскулаченных крестьян характерен более высокий уровень образования⁵, так и для занимающихся кузнечным делом, которое требует не только физической силы и сноровки.

Если обратиться к анализу категории, по которой раскулачивались кузнецы, можно отметить, что преобладает вторая категория, предполагавшая конфискацию имущества и выселение в северные и отдаленные районы. Только в двух случаях выселение производилось по третьей категории, то есть в пределах районов проживания вне колхозных земель.

Достаточно активно данная категория сельских жителей Пензенского края проявляла себя в области антисоветских выступлений и даже восстаний.

Крестьянин, 1881 года рождения, русский, проживавший в с. Никольское Мокшанского района. Торговец. Владел кузницей, участком земли. Вел антиколхозную агитацию. Скрылся из села в декабре 1929 г. Раскулачен в начале 1930 г. Сын в возрасте 19 лет вычищен из колхоза как кулак. В 1931 г. лишен избирательных прав, в 1932 г. — раскулачен и выслан с семьей из 4-х чел.

Крестьянин, 1906 г.р., русский, грамотный, проживавший в с. Порошино Пачелмского р-на. До 1917 г. имел 15 дес. земли, 2 лошади, 2 коровы, 30 овец, 3 годовых и 5 сезонных работников, кузницу. В 1931 г. имел душевой надел. Избирательных прав лишен за эксплуатацию. Имущество отчуждалось в 1929 г. за неспадчу хлебных излишков. Самораскулачился.

⁵ Власов В. А., Тишкина А. В. «Великий перелом» в пензенской деревне. Пенза, 2013. С. 80.

Имел связь с бандой. Арестован в 1931 г. и выслан. Семья 13 чел., трудоспособных — 8.

Крестьянин, в возрасте 49 лет, проживавший в с. Суворово Мокшанского района. Предприниматель. До революции имел 15 десятин земли, паровую мельницу, просорушку и кузницу. В хозяйстве было 3 лошади, 2 коровы, сеялка, жнейка и молотилка. Применялся наемный труд. После революции в основном сохранил свое имущество, арендовал землю. В 1918 г. был лишен избирательных прав. В 1929 г. дважды привлекался по линии ОГПУ за выступления против советской власти и ВКП(б), сидел в исправительном доме. В 1928–1929 годах привлекался по ст. 61 УК РСФСР за несдачу хлебных излишков, был оштрафован в пятикратном размере за невыполнение твердого задания. Раскулачен по второй категории в марте 1930 г. Семья из 11 чел., в том числе 6 трудоспособных. Его сын в возрасте 26 лет, русский, раскулачен и выслан с семьей из 3-х чел. как сын кулака.

Крестьянин, 1892 года рождения, русский, грамотный, проживавший в д. Столыпино Пензенского района. Бывший торговец и кузнец. Владел на паях бакалейной лавкой. Все время в хозяйстве были лошадь, корова и кузница. Участник Первой мировой войны. Избирательных прав лишился несколько раз за торговлю. В 1927 г. за неуплату подоходного налога и самообложения отчуждалось имущество. В 1930–1931 гг. несколько раз арестовывался за антисоветские высказывания. Последний раз арестован в феврале 1931 г.

Крестьянин в возрасте 45 лет, проживавший в с. Елань Телегинского района, русский, грамотный, кулак. Лишен избирательных прав в 1924 г., восстановлен в 1927 г., вновь лишен в 1931 г. за эксплуатацию наемного труда. Имущество отчуждалось дважды в 1918 и 1931 гг. за неуплату контрибуции и невыполнение хлебозаготовок, раскулачен в 1931 г. за эксплуатацию, укрытие хлеба и антисоветскую агитацию. Имел связь с Кучкинским восстанием в 1918 г., с Телегинским — в 1931 г. Осужден дважды за сокрытие хлеба по ст. 61 УК РСФСР. Служил в царской армии в звании старшины, имел заслуги и медаль. До 1917 г. имел 50 дес. земли, 6 лошадей, 3–4 коровы, 40–60 овец, 3 свиньи, конную молотилку, кузнечную мастерскую, шерсточесалку, 2 годовых и 20–40 сезонных работников. В 1910–1930 гг. занимался скупкой-продажей хлебопродуктов, скота, мяса, табака. Скрылся в г. Пензу. В 1931 г. выслен с семьей из 4 человек, все трудоспособные.

Крестьянин в возрасте 30 лет, проживавший в с. Озерки Каменского района. Отец бывший отрубщик. Имел трех постоянных батраков, владел двумя мельницами, просорушкой, кузницей. Лишен избирательных прав с 1927 г. Семья 10 чел., из них 5 трудоспособных. Решено выселить

по II категории в 1930 г. Скрылся с братом. Оба активные антисоветские элементы, имевшие связь с бандой.

Подводя итоги данного исследования, можно сделать несколько выводов. Наличие в крестьянском хозяйстве кузницы было одним из поводов к раскулачиванию и выселению с семьей по II категории. На примере крестьян Пензенского края видно, что владение кузницей чаще всего сопровождалось активной предпринимательской деятельностью и использованием наемной рабочей силы в сфере торговли, помола зерна, сдачи в наем сложной сельскохозяйственной техники, разведением крупного и мелкого скота. В общей массе гораздо реже встречаются обладатели только кузнечной мастерской. Следует отметить достаточно высокий уровень грамотности данной категории, как и в целом раскулаченных. Кроме того, многие предприниматели, имевшие развитое хозяйство, активно сопротивлялись насаждению колхозов и мероприятиям советской власти.

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1930–1960-е гг.

В статье показаны особенности материального положения различных категорий колхозного крестьянства, анализируются основные изменения в оплате труда в 1930–1960-е гг. Источниковую базу исследования составили законодательные акты, делопроизводственные документы Министерства сельского хозяйства РСФСР и областных земельных органов. Показано, что система оплаты труда колхозных руководителей отличалась от оплаты труда рядовых колхозников.

Ключевые слова: колхоз, колхозное производство, колхозное крестьянство, трудодень, оплата труда, заработная плата.

Экономическое положение колхозного социума в период 1930–1960-х гг. имело ряд особенностей. Во-первых, на протяжении всего изучаемого периода сохранялась почва для недовольства сельских тружеников своим статусным и материальным положением по сравнению с другими социальными категориями населения. Вплоть до конца 1950-х гг. подавляющее большинство колхозников было лишено гарантированной оплаты труда и было ориентировано на распределение продукции по трудодням после получения урожая, при условии выполнения всех обязательств перед государством, оплаты натурой работы МТС по договорам и создания обязательных колхозных фондов. Система оплаты труда в общественном хозяйстве колхозов со временем эволюционировала от уравнительного распределения к оплате труда в зависимости от профессии и квалификации члена колхоза, от негарантированной оплаты труда колхозника к гарантированному ежемесячному заработку². Однако и к концу изучаемого периода уровень заработной платы работников сельского хозяйства в целом значительно отставал от уровня заработной платы в промышленности. По официальным данным, в 1970 г. среднемесячная оплата труда рабочих промышленности составила 130,6 руб., рабочих сельскохозяйственных предприятий — 98,5 руб. (75,4% к среднемесячной оплате труда рабочих промышленности), а колхозников — 74,9 руб. (57,3% соответственно)³.

¹ *Исюмова Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет, Россия, Вологда, ilvvolgda05@rambler.ru.*

² *Исюмова Л.В. Оплата труда в колхозах Европейского Севера России в 1930–1960-е годы // Манускрипт. – 2018. – № 6 (92). – С. 18–22.*

³ *Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. – Москва: Политиздат, 1976. – С. 110.*

До середины 1960-х гг. большая часть колхозного крестьянства находилось за рамками системы государственного пенсионного обеспечения. В дальнейшем «колхозное» пенсионное законодательство отличалось тем, что повышение пенсий колхозникам проводилось лишь после того, как повышались пенсии другим категориям населения, и размеры колхозных пенсий оставались самыми низкими в стране. Кроме того, до 1990-х гг. в деревне сохранялась двойная система пенсионного обеспечения, когда часть колхозников — председатели колхозов, специалисты и механизаторы получали более высокую государственную пенсию⁴. Довольно поздно, с 1970 г., на колхозников в полном объеме распространилась система государственного социального страхования, т. е. материальное обеспечение в случае болезни, временной нетрудоспособности, рождения ребенка и т. д.⁵

Во-вторых, экономическое благополучие сельского населения напрямую было связано с наличием личного приусадебного хозяйства. Примерный устав сельскохозяйственной артели оставлял за колхозным двором в личном пользовании приусадебный участок и определенное количество скота, птицы и сельскохозяйственного инвентаря. Право на подсобное хозяйство было законодательно закреплено в Конституции 1936 г., которая признавала за каждым колхозным двором в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь⁶. Уровень налогообложения, размеры обязательных поставок сельскохозяйственной продукции, а также политика государства в отношении личного приусадебного хозяйства оказывали существенное влияние на материальное положение колхозников. На протяжении 1930-х–1950-х гг. личное приусадебное хозяйство оставалось основным источником жизнеобеспечения колхозной семьи. В тоже время под воздействием государства, его политики, административной практики и идеологии, постепенно угасал интерес колхозников к личному приусадебному хозяйству (увеличивалось число бескоронных и даже безземельных хозяйств). Начиная с 1960-х гг. происходили изменения в структуре бюджета колхозной семьи: хозяйствование на «своей» земле уже не являлось главным источником её существования,

⁴ Димони Т. М. Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Выпуск 3. – Вологда, 2002. – С. 119.

⁵ Изюмова Л. В. Социальное обеспечение колхозного крестьянства в 1930–1960-х гг. (по материалам Европейского Севера России) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 1 (13). – С. 17.

⁶ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х–начало 60-х годов. – Москва: Наука, 1992. – С. 61.

основным источником поступления денежных средств, а также некоторых продуктов становится общественное производство колхоза. Так, по данным бюджетных обследований, в 1960 г. личные хозяйства давали 45,2% совокупного дохода колхозной семьи Вологодской области. В 1970 г. личное хозяйство давало вологодским крестьянам 1/3 совокупного дохода, а в 1980 г. — 1/5 часть⁷.

Экономическое положение различных категорий колхозного социума не являлось однородным и во многом определялось статусным, профессиональным положением членов колхоза. У колхозной верхушки (председателей колхозов, бригадиров, механизаторов и др.) было больше возможностей использовать экономический потенциал общественного производства в личных интересах, в том числе для ведения личного приусадебного хозяйства. Колхозная верхушка имела больше возможностей для расширения своего приусадебного земельного участка за счет общественной земли колхозов. Неслучайно исследователи отмечают, что наибольшее число захватов земли фиксировалось там, где правления колхозов и другие местные руководители сами являлись «захватчиками»⁸. Например, в 1947 г. областным властям стало известно, что председатель колхоза «Новый быт» Петриневского района Вологодской области Веселов А. В. пользовался на протяжении нескольких лет двумя приусадебными участками общей площадью более 0,70 га⁹. Особенность описанной выше ситуации связана с тем, что колхоз располагался в районном центре и местные руководители (секретарь райкома, ответственные работники райисполкома и др.) были информированы о нарушении со стороны Веселова, однако никаких мер не принимали.

Доступ к материальным ценностям зачастую приводил к злоупотреблениям со стороны колхозных руководителей и управленцев. Уже в 1930-х–1940-х гг. отмечались массовые случаи, когда председатели колхозов по своему усмотрению распоряжались колхозной землей, сенокосами, имуществом. Известны факты, когда руководители колхозов сдавали общественную землю и колхозные помещения в аренду, продавали общественный скот частным лицам, и часто денежные средства, вырученные в ходе этих операций, не передавали в кассу колхоза и присваивали себе¹⁰.

Анализ материалов прокурорской проверки и материалов обобщения судебной практики по уголовным делам показал, что в колхозах, как пра-

⁷ Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. / [К. А. Гулин, Т. М. Димони, С. Г. Карпов]. – Вологда: Русь, 2003. – С. 53.

⁸ Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. – Москва; Вологда, 1991. – С. 98.

⁹ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 11. Д. 65. Л. 22.

¹⁰ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1705. Оп. 9. Д. 1394. Л. 61, 62.

вило, крупные хищения совершали представители колхозной верхушки: председатели колхозов, бухгалтеры, счетоводы, кладовщики, бригадиры и др. Счетоводы, бухгалтеры, казначеи были замечены в хищении денежных средств, а кладовщики, бригадиры, заведующие животноводческими фермами в присвоении или продаже частным лицам натуральной продукции, скота с колхозных ферм. В докладах о работе судов отмечалось, что из числа осужденных за расхищение зерна в колхозах значительную часть составляли люди, имевшие особый доступ к зерну, в том числе весовщики, бригадиры, кладовщики, и меньшую часть — рядовые колхозники¹¹. В отдельных колхозах управленцы действовали сообща, возникали своеобразные преступные группы, которые в целях сокрытия растраты или недостачи прибегали к припискам, к составлению фальшивых документов, к незаконным списаниям сельхозпродукции, инвентаря и т. п.

Экономическое положение колхозной верхушки отличалось также тем, что, во-первых, акцент на стимулирование труда колхозных управленцев и механизаторов приводил к большому разрыву в оплате труда колхозников. По данным П. И. Симуша в 1950-х гг. этот разрыв был четырех – шестикратным. В первой половине 1960-х гг. оплата механизатора была примерно в 2–2,5 раза выше оплаты труда работников неквалифицированного ручного труда в полеводстве¹². В 1964 г. оплата труда председателя колхоза в 3,5–5 раз превышала размеры средней оплаты труда по колхозу, в последствии этот разрыв несколько сократился, но оставался весьма значительным. Так, в 1967 г. в Архангельской области средняя оплата труда председателя была выше в 3 раза средней оплаты по колхозу, в Вологодской области соответственно в 3,4 раза, в Коми АССР — в 2,6 раза, в среднем по колхозам РСФСР — в 3,5 раза¹³.

Во-вторых, гарантированная денежная оплата труда в колхозном производстве не была введена одновременно для всех членов колхоза. На часть колхозного руководства гарантированная денежная оплата труда распространилась в начале 1950-х. Так, постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 9 июля 1950 г. «О задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов» обязало выдвигать на посты председателей колхозов «проверенных в политическом и деловом отношении специалистов со средним и высшим образованием, а также других специалистов и знающих сельское хозяйство практиков...». Для этих категорий устанавливались на первые три года их работы денежные оклады в зависимости

¹¹ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 555. Л. 1.

¹² Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства... – С. 152–153.

¹³ Основные экономические показатели по производительности и оплате труда колхозов РСФСР за 1961–1968 гг. Ч. 1. – Москва, 1969. – С. 213, 239.

от объема производства и уровня образования — от 700 до 1600 руб. в месяц (в старых деньгах). Согласно Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 25 марта 1955 г. «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами», председателям-тридцатитысячникам дополнительно к оплате, получаемой за счет колхоза, полагались ежемесячные выплаты за счет государства в первый год работы: 1500 руб., во второй — 1200 руб., в третий — 1000 руб. Кроме того, постановление предусматривало ряд единовременных материальных льгот, связанных с бытовым устройством вновь избранных председателей колхозов, выплату им выходного пособия в размере трехмесячной фактически получаемой заработной платы¹⁴.

Таким образом, экономическое положение колхозников во многом определялось их местом в социальной иерархии колхозного социума. Экономическое положение колхозной верхушки отличалось от экономического положения основной массы колхозников значительно большими возможностями в распоряжении и пользовании колхозной собственностью.

¹⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Т. 7: 1955–1959. – Москва: Политиздат, 1971. С. 59–65; Тюрина А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства в послевоенные годы (1946–1958). – Москва: Наука, 1973. – С. 94, 249–250.

**ВЛИЯНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1930 г.
НА СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛА
БУРЯТ-МОНГОЛИИ**

В статье рассматриваются основные положения земельной реформы 1930 г. в Бурят-Монголии: ликвидация дореволюционных земельных отношений, создание условий для перевода на оседлость кочевого и полукочевого населения, выделение земли для колхозного и совхозного строительства. Анализируется влияние земельной реформы на социальное и культурное развитие села.

Ключевые слова: *земля, реформа, Бурят-Монголия, колхоз, сселение, кочевое население, образ жизни.*

На основе Декрета о Земле 1917 г. в Сибири было уничтожено кабинетское землепользование, одновременно была проведена национализация частновладельческих, церковных, монастырских земель.

Начавшиеся землеустроительные работы в Бурят-Монголии делились на внеочередные и очередные. К внеочередным относились отводы земель государственным и общественным учреждениям, совхозам и колхозам. Очередные работы должны были включать в себя сначала установление губернских, уездных и волостных границ, затем — отвод земель сельским обществам и, наконец, — внутринадельное межевание.

На 1 января 1930 г. более чем в 2/3 земельных обществ Бурят-Монголии сохранялся дореволюционный порядок землепользования². В ряде районов внутриселенных переделов после революции не было.

6 сентября 1930 г. в постановлении «О земельной реформе в Бурят-Монгольской АССР» СНК РСФСР определил следующие задачи: ликвидация дореволюционных земельных отношений между отдельными группами населения и внутри земельных обществ; реорганизация сельскохозяйственной территории, выделение земли для надобностей совхозного и колхозного строительства; создание условий для перехода основной массы сельского населения на коллективные формы сельскохозяйственного производства; осуществление последовательной борьбы с кулацкими элементами деревни и улуса; перевод на оседлость кочевого

¹ *Зайцева Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова», Россия, Улан-Удэ, klio1976@mail.ru.*

² *Мангутов Н.Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии 1917–1933. – Улан-Удэ, 1960. – С. 180.*

и полукочевого населения³. Работы по землеустройству велись с 1930 года по 1934. Общие вложения были определены в сумме 34518,0 тыс. руб. Из них: на землеустройство — 7500 тыс. руб., на мелиорацию — 14996 тыс. руб., т.е. более 65% от общих затрат. Оставшаяся часть средств шла на хозяйственную помощь тем, кто переходил на оседлость, на агрономическую и ветеринарную помощь, на производственное кооперирование⁴.

Ликвидация дореволюционных земельных отношений стала главным в земельной реформе. Основное содержание земельного преобразования включало также создание на основе землеустройства благоприятных условий для развития коллективных форм хозяйства. Важной социальной задачей в связи с земельными преобразованиями должны были стать мероприятия по переводу скотоводческих кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни. В Бурят-Монголии в конце 1930 г. существовало два типа хозяйств — обобщественное и индивидуальное. Удельный вес обобщественного хозяйства составлял 19,1% от числа всех крестьянских хозяйств и 15,3% коллективизированного населения⁵. Количество хозяйств кочевого и полукочевого типа, для которых требовалась хозяйственная помощь, составляло 20650, из них 28,77% хозяйств были определены как кочевые и 71,2% хозяйств — полукочевые⁶.

По плану земельной реформы в 1931 году намечалось перевести на оседлость около 3% бедняцко-средняцких хозяйств (1094 из 38929 кочевых и полукочевых хозяйств), организовать 10 колхозов и 6 сенобаз в Агинском, Еравнинском, Селенгинском аймаках. Построить 50 утепленных скотных дворов, 16 овчарен, 13 конюшен, зерновые амбары, машинные сараи и пр., организовать десять маслодельных и сыроваренных заводов, приобрести племенных производителей⁷. При проведении земельной реформы была обследована территория для перехода на оседлость кочевого и полукочевого населения на площади 1352,0 тыс. га с числом 10459 хозяйств⁸.

Решающим этапом земельной реформы стала середина 1931 года. Во всех аймаках, районах отменялось действие закона об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве и предлагалось присту-

³ См.: Государственный архив Республики Бурятия (Далее: ГАРБ). Ф.Р-1. Оп.1. Д.1325. Л.55; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР (1917–1954 гг.). – М.: Госюриздат, 1954. – С.12; ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 2. Д. 199. Л. 553; Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

⁴ Подсчитано по: ГАРБ. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д. 108. Л. 1 об.

⁵ Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. – Улан-Удэ: изд-во БГСХА, 2011. – С. 304.

⁶ Подсчитано по: ГАРБ. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 1500. Л. 31.

⁷ Бурят-Монгольская правда. 1931. 18 июня.

⁸ Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития... – С. 82.

пить к полной конфискации у кулачества средств производства, скота, хозяйственных построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и т.д. Главными районами оседания были определены Агинский, Селенгинский, Кяхтинский, Хоринский, Тункинский, Еравнинский, Закаменский аймаки⁹. Вопросы сселения, оседания потребовали изучения характера расселения бурятского, эвенкийского населения. С этой целью в 1932 г. было обследовано 9 сомонов Агинского аймака, что позволило скорректировать аграрную политику по отношению к коренным народам Бурят-Монголии. Перевод кочевников на оседлость был проведен в довольно короткий срок за 1930–1935 гг. Произошло сселение кочевых и полукочевых хозяйств, разбросанных улусами и отдельными дворами на десятках, а порой сотнях километров, в единые хозяйственные центры образованных колхозов. В 30-е годы места оседания колхозников Бурят-Монголии еще не были охвачены инженерной планировкой хозяйственных центров. Не хватало кадров, земельные органы не в силах были освоить огромный объем работ. Планы перевода кочевников на оседлость порой составлялись без достаточно организационно-хозяйственного обоснования, размеры населенного пункта и разбивка усадеб не были разработаны, подавляющее большинство колхозников начинало строительство без надлежащей распланировки усадебных мест¹⁰.

В 1931 году, главным образом, обращалось внимание на концентрацию всего строительства и скота на центральной усадьбе, с 1932 года — строились в первую очередь производственные помещения — утепленные скотные дворы, овчарни, конюшни, кузницы и т.д., в 1933 году был объявлен конкурс на «оседающий колхоз с лучшими показателями работы»¹¹.

К 1933 году свыше 11500 хозяйств кочевников перешло на оседлость, в 1935 году было создано до 140 пунктов оседания, где было сосредоточено 86,5% кочевых и 23% полукочевых хозяйств¹². На мероприятия по земельной реформе было вложено 5618,0 тыс. руб., из них 3 млн. на мелиорацию и землеустройство, что составило более 53%, и больше 2,5 млн. руб. на оседание. В районах оседания было построено 324 домов и бань; 343 скотных дворов, 113 конюшен, 73 овчарни, 2 ремонтных мастерских¹³.

В комплексе мероприятий по осуществлению земельной реформы важное место было отведено мелиорации и гидротехнике.

⁹ ГАРБ. Ф.Р-691. Оп. 1. Д. 2905. Л. 44; Оп. 7. Д. 44. Л. 130.

¹⁰ ГАРБ. Ф.Р-691. Оп. 12. Д. 6. Л. 95.; Оп. 1. Д. 2905. Л. 45.

¹¹ См.: Гаркуша Ю.А. Из истории борьбы Бурят-Монгольской партийной организации за проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства // Труды Бурят-Монгольского зооветинститута. – Улан-Удэ, 1957. Вып. XII. – С. 136, 137.

¹² ГАРБ. Ф.Р-691. Оп. 7. Д. 44. Л. 18; Оп. 1. Д. 2905. Л. 45; Ф.Р-195. Оп. 13. Д.386 «б». Л. 17.

¹³ Подсчитано по: Бурят-Монгольская АССР за 10 лет... – М., Иркутск, 1933. – С. 52.

Мероприятия по мелиорации и землеустройству в скотоводческих аймаках в первую очередь увязывались с задачей создания кормовой базы, без чего оседание скотовода-кочевника было невозможно. Существовавшая форма кочевого и полукочевого хозяйства, по мнению советской власти, не могла создать базы продовольственных ресурсов и сырья для республики, т.к. скотоводство часто зависело от бескормицы, различных эпидемий и т.д.

Оседание полукочевых и кочевых хозяйств в основных животноводческих районах Бурят-Монголии в период земельной реформы способствовало высоким темпам коллективизации в этих аймаках. Т.е. если на первом этапе земельная реформа сыграла роль подготовительного периода в социалистическом переустройстве сельского хозяйства республики, то в условиях сплошной коллективизации сельского хозяйства Бурят-Монголии земельная реформа (как она задумывалась) исчерпала себя не только как предпосылка коллективизации, но и как метод ликвидации остатков дореволюционных земельных отношений. На очереди в Бурят-Монголии вместо земельной реформы стала массовая коллективизация крестьянских хозяйств. С коллективизацией менялся характер и содержание землеустроительных работ — они направлялись почти целиком на обслуживание социалистического сектора сельского хозяйства. В 1932 г. удельный вес колхозного сектора в общей посевной площади республики составил 80%, и земельная реформа перестала быть обособленной хозяйственной кампанией¹⁴.

К началу массовой коллективизации в деревне преобладал ручной труд, доля тракторных работ была ничтожна. Спрос на сельскохозяйственные машины опережал предложение. Степень обеспеченности колхозов Бурят-Монголии тракторной силой было почти в 4,3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР и примерно в 2,7 раза ниже, чем в среднем по Сибири¹⁵.

В начале 30-х годов пункты проката, ремонтные мастерские, машинные товарищества, были утрачены, появились машинные сенокосные станции (МСС), машинно-тракторные станции (МТС). В республике первые три МТС были организованы в 1931 г.: Кутуликская в Аларском аймаке, Боханская в Боханском аймаке и Селенгинская в Селенгинском аймаке. Самой крупной была Кутуликская МТС, которая обслуживала около 40 колхозов и обрабатывала до 60% всех колхозных полей¹⁶. Одновременно шло создание МСС. В 1931 г. их было 5, в 1932 г. — 18, 1933 г. — 19.

¹⁴ Очерки Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ, 1970. – С. 219

¹⁵ Подсчитано по: Российский государственный архив экономики (Далее: РГАЭ). Ф. 7446. Оп. 1. Д. 39. Л. 141.

¹⁶ Зайцева Л.А. Указ. соч. – С. 87.

Машинно-сенокосные станции имели сенокосилки, грабли, бороны, сеялки, силосорезки¹⁷. По мере увеличения поставок техники колхозам возрастала потребность в механизаторских кадрах. Именно подготовка многочисленных колхозных кадров, в том числе механизаторов, явилась одним из важнейших социальных изменений в деревне после коллективизации. До появления МТС не было систематической подготовки трактористов, лишь периодически созывались краткосрочные курсы. Начиная с 1933 года, подготовка трактористов получила широкое распространение. В каждой МТС перед уборочной и посевной кампанией созывались краткосрочные курсы, на которых готовили прицепщиков, машинистов молотилок и других подсобных временных рабочих. На базе Селенгинской МТС в 1934 г. была открыта республиканская школа трактористов с пятимесячным сроком обучения. За два года в школе было создано пять выпусков и подготовлено 292 тракториста и 81 машинист для сложных молотилок и сноповязок¹⁸. В целом же по республике квалифицированных кадров механизаторов не хватало, что приводило к частым простоям и поломкам техники, низкой производительности труда.

С апреля 1935 г. часть механизаторов — комбайнеры и машинисты молотилок — были включены в штаты МТС. Оплата труда механизаторов в начальный период деятельности МТС незначительно отличалась от оплаты труда рядовых колхозников. Постановлением Совета Труда и Оборона от 21 сентября 1933 г. «Об организации использования тракторного парка», трактористам был установлен гарантированный минимум в размере 2 руб. 50 коп. и 3 кг зерна на трудодень. Все расчеты с трактористами производила МТС, для чего колхозы обязаны вносить в МТС зерно и деньги в соответствии с количеством трудодней, выработанных трактористами в данном колхозе. С 1 января 1939 г. оплата денежного гарантированного минимума трактористам, бригадирам тракторных бригад и их помощникам была принята на счет государства. Материальное благополучие механизаторов во многом определялось также тем, что в их распоряжении находилась техника. Трактористы имели реальную возможность дополнительного заработка у частных лиц: распахивали огороды, привозили из леса дрова, выполняли другие работы на государственной технике²⁰. Развернувшееся колхозное движение поставило вопрос о необходимости подготовки животноводческих кадров массовых профессий.

¹⁷ Бурят-Монгольская АССР за 10 лет... – М., Иркутск, 1933. – С. 55.

¹⁸ ГАРБ. Ф.Р-691. Оп. 7. Д. 4668. Л. 2.

¹⁹ Сборник нормативных актов по колхозному праву. – М., 1965. – С. 201–211.

²⁰ Изюмова Л.В. Механизаторы сельского хозяйства и их место в колхозном социуме в 1930–1960-е гг. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – нач. XXI века. Сб. науч. ст. – Коломна, 2009. – С. 459.

Земельная реформа и начавшаяся коллективизация привели к значительным изменениям на селе. Произошли крупные социально-экономические и культурные преобразования. Особенно значительные перемены были в хозяйственном укладе бурят, в результате землеустроительных мероприятий в кочевое и полукочевое население перешло на оседлость. Процесс оседания сопровождался как перестройкой социально-экономических отношений, так и социально-бытовых и культурных условий кочевников и полукочевников, которую невозможно оценить однозначно как только прогрессивную. Разрушение вековых традиций, образа жизни имели негативные последствия, хотя отрицать преимущества нового социалистического уклада жизни также довольно сложно.

Наряду с хозяйственными мероприятиями ликвидация старых земельных отношений привели к значительным изменениям в области сельского хозяйства, в землепользовании, к преобразованиям в области быта, культуры. В местах создания колхозов появились клубы, избы-читальни, красные уголки, «красные юрты», которых в 1923 г. было 43, в 1937 г. стало — 251. В избах-читальнях проводились лекции: о текущих событиях, велась пропаганда основ агрономических и зоотехнических знаний. Здесь же располагались школы для малограмотных и неграмотных. Сюда доставлялись газеты и формировался книжный фонд библиотеки. Позже избы-читальни были реорганизованы в колхозные клубы. Клубов и народных домов в 1923 году было 46, а в 1937 году действовали 351 колхозный клуб и 21 дом социалистической культуры в районных и аймачных центрах²¹.

В восточных районах республики, где население вело еще кочевой и полукочевой образ жизни, работали передвижные женские юрты, «красные юрты» и дома буряток. Первые юрты появились в Хоринском и Кижингинском аймаках в 1925 году. В юртах не только читали лекции, но и учили шить одежду нового покроя, печь хлеб, оказывали первую медицинскую помощь. Юрта была и больницей, и школой, и магазином. К 1932 году «красные юрты» были во всех аймаках республики²².

Здравоохранение — один из самых важных вопросов, который входил в комплекс мероприятий земельной реформы. Местное население в значительной степени было поражено социальными болезнями: туберкулезом, венерическими заболеваниями, оспой и др. При организации колхозов обязательно учитывались места для строительства больниц и медицинских пунктов. Значительно улучшилась амбулаторная помощь населению. Проведенные обследования в конце 1930-х годов показали, что усилия, направленные на борьбу с различными заболеваниями и эпи-

²¹ История Бурятской АССР. Т. 2. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. — С. 360, 361.

²² Батоев Д. Люди в белых халатах. — Улан-Удэ: Буряад унэн, 2000. — С. 14.

демиями дали положительный результат. Были ликвидированы чума, холера, оспа, снизилась заболеваемость тифом и детскими инфекционными заболеваниями.

Земельная реформа 1930-х годов привела к экономическим, социальным и культурным преобразованиям, изменила облик улуса и деревни, хозяйственный уклад, образ жизни.

Несмотря на имевшиеся недостатки, ошибки, перегибы в проведении коллективизации, она в целом отвечала хозяйственным, бытовым, культурным потребностям простых людей.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В СОВХОЗАХ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ,
ОБУСЛОВИВШИХ ГОЛОД В НАЧАЛЕ 1930-х гг.:
НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ**

В статье рассматривается организация труда в крупных животноводческих и зерновых советских хозяйствах, нерациональный характер которой был основным фактором, обусловивших голод в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: ВКП(б); машинно-тракторная станция; машинно-тракторная мастерская; советское хозяйство; политотдел; рабочий класс; тракторист; колхоз; трудодень; голод.

В советской историографии, замалчивавшей голод начала 1930-х гг.², и характер хозяйственной деятельности советских хозяйств (совхозов) в тот период детально-критически не анализировался, хотя нерациональная и даже глупая организация труда в том бедствии была фактором его обуславливавшим. Вместо этого с пафосом вещалось о политотделах, приступивших к работе в марте – апреле 1933 г.³, но документальная база, в первую очередь партийных архивов, позволяет дать реальную оценку названным хозяйственным структурам. Именно таким документом предстаёт «Стенограмма и протокол IV Объединённого Пленума Нижне-Волжского Крайкома и КрайКК ВКП(б) совместно с секретарями райкомпартов, предрайКК и начальниками политотделов МТС и совхозов от 11–12 декабря 1933 г.»⁴ из Центра документации новейшей истории Волгоградской области. Тогда сами 473 присутствовавших коммуниста, правда в своём кругу и под грифом «Строго секретно», назвали и жёстко оценили хозяйственные результаты 1933 г., ставшего апогеем голодного бедствия, но о чём они открыто упоминать избегали. И ясно почему, ведь идя к власти, обещали рай земной с избытком всего, но в реальной жизни всё оказалось иначе.

Исходя из этого, ситуация в крупных государственных советских хозяйствах предстаёт значимой научной проблемой, потому что эти структуры

¹ Поляков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор, Волгоградская академия МВД России, Россия, Волгоград, vavpoliakov@rambler.ru.

² См., напр.: История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. – М.: 1986, где, замалчивая гибель миллионов людей, на стр. 260 и 275 упоминали о «неблагоприятных метеорологических условиях» и «недороде в 1931 и 1932 гг.».

³ См., напр.: Богденко М. Л. и Зеленин И. Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917–1975). Под ред. И. М. Волкова. – М., 1976. – С. 64–101.

⁴ См.: ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 191. Л. 5–242.

заявлялись как «фабрики продовольствия». При этом, что для доклада секретаря губкома ВКП(б) В. В. Птухи «О подготовке к весенне-посевной кампании», то и для выступлений других руководителей губернского и районного звена, была характерна задорно-пафосная риторика о мнимых успехах, но которые тут же опровергались ими приводимой статистикой. «Мы сделали огромный шаг вперёд по пути ликвидации отставания нашего края в области сельского хозяйства», — заявил Птуха, сопроводив оговоркой: «Я сейчас не могу, товарищи (нет у меня данных) сравнивать валовой сбор этого и прошлого года. Я считаю, что наиболее показательным и отвечающим на вопрос о валовом сборе является хлебосдача». Но она, по его же словам, как раз и не будет выполнена, коли «и в этом году ЦК партии очень большую цифру обязательств перед государством по хлебу отсрочило и переключило в недоимку. Эта цифра, кругло говоря, достигает 40 млн пудов». То есть выходило, что как нижеволжские аграрии в целом, так и рабочие зерновых и животноводческих совхозов в частности, сработали неудовлетворительно.

Порочность всей системы советской организации труда в полной мере раскрывается на примере посевных кампаний и сопутствующих мероприятиях, анализ которых является целью данной работы. Сразу возникает вопрос: какой урожай можно получить, если использовать такой агроприём, каким был сверххранний сев по грязи в 1932 и 1933 гг.? Ответ однозначен: высокого урожая не будет. Но логика в его использовании заключалась в следующем. Государство, нацелившись забирать у крестьян весь урожай, обрекало их на вымирание, а затем, представляя спасителем, к весеннему севу давало семена, что называлось «помощью». Но чтобы голодные люди его не расхищали, советский академик ВАСХНИЛ коммунист В. Р. Вильямс, предложил сеять зимой по снегу. Это делали на лыжах, после чего с поля уже не своруеть, а когда снег таял, то по грязи заставляли бороновать, пытаясь углубить беспорядочно разбросанные семена в почву. И эта глупость, не осуждалась. Более того, предпринимались усилия к её, то есть глупости, усовершенствованию.

Представитель Сердобского района некий Каратунов сообщал: «В весеннюю посевную кампанию 1933 года мы, изучая ход проведения сверххраннего сева, пришли к заключению, что в прошлом году мы допустили ошибки, связанные с тем, что мы затянули сильно сверххранний сев в отдельных колхозах и начали бороновать в грязь, не дожидаясь просушки, полного созревания почвы и в результате в некоторых колхозах качество сева было скверное и очень отрицательно отразилось на состоянии тягла (то есть скота. — *Прим. В. П.*). Эти ошибки сверххраннего сева в будущем году мы должны учесть». А начальник политотдела совхоза «Красноармеец» коммунист Камышной 12 декабря 1933 г. отрапортовал

о планах на 1934 г.: «Мы наметили в этом году провести на 600–800 гектарах сверхранний сев, сев по грязи».

Это при том, что сеяли в крае от 40 до 90 и более дней, и всё равно с недосевом, как об этом сообщил, например, коммунист Сочнев из Вязовского района, где закончили весеннюю кампанию в июле месяце, «недовыполнив план на 20 %», а с учётом «сельскохозяйственной эффективности недосев получился на 50 %». Из этого оратор справедливо заключил: «Так сеять в дальнейшем нельзя с точки зрения агротехники и политики. Такая же история с планированием получилась и этой осенью. Мы недосеяли также 16 %, работая с большим напряжением до самых морозов».

Васильев из Иловлинского района, признавая, что «те сроки весеннего сева, которые были в 1933 г., не должны быть и не могут быть», — заключил: «Так сеять, как сеяли мы и, в частности, наш район — 90 с лишним дней... мы не должны этого допустить». В результате урожайность по краю составила от 5 до 13 ц/г, то есть, собирали чуть больше от того, что сеяли.

Вот как прокомментировал свою деятельность И. Б. Борухович — секретарь РК ВКП(б) Еланского района, относимого к передовым: «Мне думается, что мы очень много недоделываем на селе, я бы сказал, мы терпим большие поражения в целом ряде крупных хозяйственных мероприятий на селе... Еланский район является вторым или третьим в Крае, по количеству хлебозаготовки. Еланский район в этом году работал отвратительно, план сева выполнил на 85 %, однако, хлеб он сдал в полтора раза больше прошлого года... Но не то я хочу сказать. Еланский район, который называют и золотое дно, и золотая изюминка, всё ещё не является изюминкой. Мы можем и должны сдавать государству в два раза больше хлеба, ибо Еланский район до революции вывозил за границу до трёх миллионов пудов экспортной пшеницы. Мы же до того варварски относимся к землям района, что не только не добиваемся, чтобы район производил экспортную пшеницу, за последний год не мало "потрудились" над тем, что вместо экспортной пшеницы даём продовольственную пшеницу. Вы спросите, почему это происходит? Я должен, к сожалению, здесь назвать очень жуткую цифру. Я прошу меня понять. В прошлом году в Еланском районе пало 12 с половиной тысяч лошадей, осталось 3 800, в прошлом году было 8 000 волов, осталось 400, вот это обстоятельство... Мы, таким образом, в Еланском районе в этом году потеряли на значительно позднем севе до 2 млн пудов хлеба».

И причина произошедшего заключалась в севе по грязи от чего и пал скот, к тому же бывший недокормленным. Из-за полуголодного состояния скота всё тот же В. В. Птуха был озабочен тем, чтобы «нам не растерять жеребят, как это имело место в этом году в ряде районов, когда

они потеряли очень много тягла. Мы должны организовать правильный уход, правильную кормёжку и подкормку нашего тягла». А далее он обрисовал реальное отношение к животным в крае на следующих примерах: «...в Астраханских районах за последний период в результате плохого ухода, пало свыше 50 голов верблюдов... В Ольховском районе в одном из колхозов быков в течение трёх суток никто не поил. Быки вырвались из стойла, забрались как-то к тракторам, там керосин стоял, и быки напились керосина. От этого пали. В Черкасском районе сейчас свирепствует чесотка во всю».

После этого губернский партсекретарь, повторяя опыт прежних лет, заявил, что «весеннюю посевную кампанию для того, чтобы обеспечить укороченные сроки сева, привлекать коров. И, в связи с этим заключить соответствующие договоры с колхозниками, проверить подготовку упряжки для коров и т. д.», то есть повторить опыт прежних лет, сопровождавшийся гибелью телят у стельных коров прямо на пашне. Своих коров на севе должны были использовать и совхозы, а чтобы предупредить игнорирование, он привёл пример: «Во Фроловском районе установлен факт вредительского выкидыша — аборта заранее продуманного и подготовленного, а это делается для того, чтобы вышибить силу из наших рук, и чтобы корову весной не смогли привлечь к работе. Мы, товарищи, в этом отношении в совхозе "Прогресс" выявили, что без рук классового врага это дело не как не может обстоять и классовый враг там орудует и мы должны посмотреть, кто там орудует и наряду с тем мы привлекли к ответственности директора совхоза, который должен отвечать за эти безобразия, которые ведут на срыв весенней кампании».

Ставя такого рода просто несуразные задачи, партийцы не задумывались о том, что не только такой посев опять будет с плачевным результатом, но не будет ни телят, ни молока у коров, да и часть их погибнет. И всё равно такой посев, как цель, не только оставался, но и намечался в больших объёмах. «Если мы в прошлом году сверххранним севом посеяли 800 тыс. гектаров, — подчеркнул В. В. Птуха, — то в этом году мы должны посеять свыше 1 млн гектаров сверххранного сева и на этой основе добиться сокращения общих сроков сева». Вслед за этим последовало его признание о главной выгоде «в вопросе об усилении борьбы за охрану социалистической общественной собственности. И здесь, правда не во всех областях, но если мы возьмём хлеб, мы, несомненно, должны констатировать то положение, что мы в начале этого года в таких размерах воровства колхозного хлеба, как это было в прошлом году, не имеем». То есть, сверххранний сев стал незамечным средством предотвращения воровства голодными людьми.

Вместе с тем и без порочного сева весной по грязи нельзя было ждать стабильной рентабельности в сельском хозяйстве, потому что

в нижеволжских «совхозах также, как и в колхозах, а у них ещё хуже дело обстоит», отсутствовал севооборот. Констатируя это, В. В. Птуха пояснил: «...так как у зерносовхозов особенно много земли, то поэтому сейчас земледользование у них поставлено из рук вон плохо, и скорее напоминает старую залежную систему, чем севооборот, пашут-пашут, пока не выпашут, потом бросают и идут на другую землю». Кроме этого, он заявил о необходимости «дополнить тракторные силы совхозов живым тяглом... без чего дело не ладится и сейчас доходит до того, что мы должны помогать зерносовхозам живым тяглом из животноводческих совхозов».

Объяснялась такая ситуация низким уровнем подготовки трактористов, что видно из выступления начальника политотдела Ивановской МТС Боброва, который поведал: «Мы получили 30 тракторов, новеньких, как копеечка и получили 40 трактористов, тоже по существу новеньких, как копеечка, потому что они имели за собой 3-х недельный стаж учёбы в центре МТС. Пока довели трактора, то один из них потерял 11 шпор, один наехал на столб. Иначе говоря, мы получили новые трактора, но мы получили контингент трактористов такой, которым чрезвычайно опасно доверять трактора. Тем не менее мы вынуждены были это делать, чтобы трактора не стояли».

Так же безалаберно осуществлялся и ремонт тракторов в связи с чем по словам Дружинина из Петровского района «буквально с первых же дней сева трактор, только что прошедший так называемый ремонт, буквально останавливался и останавливался на всё время разгара посевных работ». Говоря об этом же, В. В. Птуха сослался на совхоз «Прогресс» Олховского района, откуда отправляли моторы на ремонт, «без всякой упаковки складывали их как дрова в пакгаузе на станции в Арчеде. Медные трубки, карбюраторы, — всё это коверкалось и шло массовое вредительство вместо ремонта тракторного парка».

Во взаимоотношениях всех перечисляемых факторов как раз и заключались причины голода. Так, признавая упадок в деле животноводства, В. В. Птуха заявил: «Нам необходимо поставить дело и животноводства — крупного скота и птицеферм, поднимая тем самым на этой основе рентабельность этих совхозов. С другой стороны, мы этим самым разрешаем задачу дополнения трактора живым тяглом, без чего, как показывает опыт наших зерносовхозов, дело не ладится и сейчас доходит до того, что мы должны помогать зерносовхозам живым тяглом из животноводческих совхозов». А они, в свою очередь, «должны сосредоточить своё внимание на том, чтобы у нас не получилось такого положения, как в прошлом году, когда наличное поголовье от бескормицы страдало, потому что корма не были своевременно подвезены. С этим делом не справились». И произошёл падеж скота, но в попытке отрицания этих фактов

прозвучали слова: «...не смотря на этот прирост, имеем громаднейший отход», — то есть гибель всех видов животных с уточнением: «За Волгой очень большой падеж свиноматок имеем. Причём в летний период такой падеж является ничем иным, как результатом совершенно невнимательного отношения к уходу за скотом. К свинье в очень большом количестве мест отношение нехорошее, я бы сказал, свинское отношение. Мы должны это дело выправить».

Тут же коммунистом Писаревым была названа ещё одна проблема, требующая выправления, но так и оставшаяся не выправленной, это «отвратительные культурно-бытовые условия рабочих в совхозах». Они, по его словам, были следующие: «У нас в совхозе приходится на каждого рабочего жилой площади 3 кв метра. Если к этому добавить, что эти три кубометра жилой площади не имеют соответствующей обстановки, то станет ясным, что наши рабочие живут в отвратительных условиях и нам надо сейчас заняться вопросом этого жилья. В прошлом году наши семейные рабочие жили в маленькой комнате в 12 метров на три семьи... Мы на сегодня не имеем ещё ни одного отремонтированного трактора и надо сказать, что большая вина в этом ложится на нас за то, что мы не создали нормальных условий работы наших мастерских, потому что мастерская имеет на улице 30 градусов мороза и в мастерской, примерно, около этого».

В непроизводительной работе совхозов нашёл причины «отстающих колхозов и отстающих районов» коммунист Егоров из Серафимовичского района, который ситуацию в нём охарактеризовал следующим образом: «Такое положение мы имеем сейчас, когда из 200 тыс. гектаров пахотно-способных 80 тыс. гектаров лучших для пшеницы земель находится в животноводческих совхозах и по существу не используются, в то время как худшие земли для пшеницы находятся в колхозном пользовании», — и заявил: «Нужна какая-то мера, чтобы такое варварское отношение к земле устранить или надо, чтобы эти совхозы освоили землю хлебом или сделать какую-то перегруппировку, чтобы район больше мог дать товарной продукции».

Перечисленные факторы столь плохо организуемого труда в совхозах нашли подтверждение и в «Открытом письме Нижне-Волжского Краевого Комитета ВКП(б) в связи с перевыборами парторганов», адресованном «Всем ячейкам ВКП(б), всем коммунистам Нижне-Волжской партийной организации». В нём говоря, что «под испытанным большевистским руководством ленинской партии и её гениального вождя тов. Сталина рабочий класс и трудящиеся массы нашей страны победоносно завершили пятилетку в четыре года, добились решающих побед в деле социалистической перестройки сельского хозяйства», одновременно констатировалось: «Совхозы нашего края не стали ещё образцовыми советскими

хозяйствами. Зерносовхозы не овладели передовой техникой, которой их вооружила партия. В животноводческих совхозах, несмотря на некоторые успехи, всё ещё велик отход молодняка (то есть падеж. — *Прим. В. П.*)»⁵.

Вся эта информация из документов правившей тогда партии коммунистов о нерационально-глупой организации труда в совхозах как одном из факторов, приведших к голоду, абсолютно верна и неопровержима. Но если рассматривать на полутора десятилетнем отдалении события предшествовавшие, то становится ясно: всё происходившее в совхозах и в других формах социалистической системы хозяйствования должно быть относимо не к причинам, а к следствию, обусловленному деятельностью коммунистов, захвативших в 1917 г. власть в России. Именно они осуществили те преобразования в сельском хозяйстве, которые сопровождалось гибелью в СССР многих миллионов людей как от голода 1920-х гг., предшествовавшего голоду 1930-х гг., так и последующему голоду 1940-х гг.

⁵ См.: ЦДНИВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 191. Л. 264–265.

ПЕРЕДОВОЙ КУБАНСКИЙ КОЛХОЗ ПОСЛЕ «СЛОМА САБОТАЖА» 1932 г.

В статье на примере передового кубанского колхоза «Хлебороб-Ленина № 2» рассматриваются социально-хозяйственные показатели отдельной сельхозартели, позволяющие зафиксировать реальные последствия осуществления сталинской аграрной политики.

Ключевые слова: агроном, бригада, колхоз, показатели, премия, ударник.

В 1934 г. краевое земельное управление (крайзу) Азово-Черноморского края составило программу комплексного социально-экономического обследования для колхозов, согласно которой осуществлялось изучение состояния дел в отдельных коллективных хозяйствах края. В Малобейсугском сельском совете Брюховецкого района по заданию крайзу с этой целью во временной период с 28 ноября по 3 декабря 1934 г. побывал очень дотошный агроном крайзу Агарков. Он лично подготовил в течение недели и завизировал у ответственных лиц (председателя колхоза и директора МТС, правда, их фамилии в архивном деле не разборчивы) обстоятельные материалы обследования колхоза «Хлебороб-Ленина № 2», которые отложились в фонде Р-371 Кубанского окружного земельного управления Государственного архива Краснодарского края.

По итоговому заключению Агаркова, «являясь передовым — лучшим колхозом в районе, за выполнение всех хозполиткампаний, колхоз кроме полученный от ЦИКа [в качестве] премии (через бригадира 4 бригады) радиоузел, крепко держит в своих руках 3 знамя: 1) Райкома ВКП(б), 2) политотдела и 3) Райисполкома»².

Итак, перед нами передовой кубанский колхоз «Хлебороб-Ленина № 2» со статистическим описанием состояния дел на конец 1934 г., и имеется возможность оценить результаты «слома кулацкого саботажа» на Кубани, произведенного сформированной в конце октября 1932 г. из высших партийно-советских чиновников специальной комиссией во главе с секретарем ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичем по личному заданию И.В. Сталина. Колхоз входил в зону ответственности Ново-Джерелиевской

¹ Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Россия, Новочеркасск, s_a_p@mail.ru.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 126. Л. 9.

машинно-тракторной станции Брюховецкого района Азово-Черноморского края, переименованной в результате административного нажима в Ворошиловскую МТС.

В 1932 г. колхоз объединял 181 семей хлеборобов, насчитывавших 440 трудоспособных колхозников и 837 едоков. В 1933 г. количество семей колхозников выросло до 206, а число трудоспособного населения сократилось до 369 человек, уменьшилось и число едоков до 788. Эти статистические данные свидетельствуют о распаде большой патриархальной семьи в Малобейсугском сельском совете (на территории которого располагался единственный колхоз «Хлебороб-Ленина № 2»), поэтому формально количество семей колхозников растет, но численность населения при этом уменьшается. Снижение доли трудоспособных колхозников происходит в результате голода и репрессий, что опосредованно подтверждается данными о партийности колхозников. Членов партии и комсомольцев в колхозе становится значительно меньше (соответственно с 10 до 6 коммунистов и с 7 до 1 комсомольца). Как указывается в отчете агронома Агаркова, «снижение числа членов партии и комсомольцев в 1933 г. объясняется чисткой парторганизации в период саботажа»³.

Красноречиво в колхозе и падение почти в 2,5 раза поголовья рабочих лошадей в 1933 г. по сравнению с 1932 г. (до 105 с 251). Поэтому в 1934 г. колхозники добились, чтобы все 45 кобыл покрылись, и 36 жеребых лошадей (80 % от маточного поголовья), несмотря на явный недостаток в колхозе живой тягловой силы, освободили от работы. Прослеживается в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» заметное сокращение в 1933 г. по отношению к 1932 г. посевных площадей основных выращиваемых сельскохозяйственных культур: озимой пшеницы (с 943 до 718 га), кукурузы (с 180 до 104 га), подсолнечника (с 386 до 348 га). В результате обязательные хлебопоставки колхозом в 1932 г. были выполнены на 69 %, и государство получило 4543 ц зерна. В 1934 г. ситуация заметно выравнивается, поскольку колхоз не только на 100 % выполняет предписанные ему хлебопоставки к 17 августа, возвращает долги государству, но и продает кооперации 550 ц зерна через сельпо. Это удалось сделать посредством колоссального напряжения сил: «В этом колхозе главная основная тяжесть с/х работ была выполнена людской и тягловой силой колхоза»⁴. Другими словами, объем ручного труда, в том числе использования людей в роли «живого тягла», имел в колхозе широкие масштабы.

Обследуемый колхоз в хозяйственном отношении целенаправленно сосредоточился на развитии двух отраслей сельского хозяйства: полеводства (4 бригады) и животноводства (2 бригады), причем, 6-я колхозная (живот-

³ ГАКК, Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 126. Л. 2.

⁴ ГАКК, Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 126. Л. 3.

новодческая) бригада отчасти занималась полеводством. На территории земельного массива колхоза агроном установил 2 севооборота (5-польный и 6-польный), но пятипольный севооборот применялся только лишь в одной полеводческой бригаде. Пахотные земли удобно располагались вокруг бригадных станов и усадеб колхозников. Разработанные многопольные севообороты выдерживались, и переход на правильное чередование сельхозкультур полностью в колхозе осуществили в 1933–1934 гг. Животноводческая отрасль была представлена пятью фермами: молочно-товарной, свиноводческой, кролико-товарной (кролиководческой), птице-товарной, овце-товарной. Овце-товарную ферму по собственной инициативе в колхозе заложили осенью 1934 г. (для чего приобрели 16 овцематок) в расчете на увеличение производства животноводческой продукции.

Анализ количества продуктивного поголовья на колхозных фермах позволяет сделать заключение о его сохранении в сложный хозяйственный период 1932–1933 гг. и наращивании уже в 1934 г. В колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» не допустили массового падежа крупного рогатого скота. Динамика поголовья крупного рогатого скота складывалась следующим образом: в 1932 г. имелось 89 голов, в 1933 г. — 82 головы, в 1934 г. — 130 голов. Безусловно, на колхозной молочно-товарной ферме не происходило должного прироста поголовья, но, главное, удалось сберечь продуктивных коров: в 1932 г. их было 26 голов, в 1933 г. — 43 головы, в 1934 г. — 45 голов. По количеству телят-первогодок видно, что не происходило привычного отела коров или же телята не выживали: в 1932 г. их насчитывалось 22 головы, в 1933 г. — 31 голова, в 1934 г. — 45 голов.

Такая же ситуация складывалась на колхозной свиноводческой ферме. Динамика общего поголовья свиней в целом выглядела неплохо: в 1932 г. имелось 70 голов, в 1933 г. — 127 голов, в 1934 г. — 204 головы. Правда, произошло замедление прироста количества свиноматок: 1932 г. — 17 голов, 1933 г. — 21 голова, 1934 г. — 58 голов. Молодняк свиней (возрастом до года) также не увеличивался характерными для плодовитых свиней темпами: в 1932 г. на свиноводческой ферме колхоза числилось 50 голов, в 1933 г. — 104 головы, в 1934 г. — 101 голова. При этом на одну свиноматку в среднем приходилось: в 1932 г. — 7 поросят, в 1933 г. — 10 поросят, в 1934 г. — 12 поросят. Количество деловых поросят (которых получают при выращивании под свиноматкой к моменту отъема, т.е. за один опорос или же в целом за год) в 1932 г. составляло на одну свиноматку 6 голов (один опорос в год), в 1933 г. — 9,8 голов (1,1 опороса в год), в 1934 г. — 11,3 голов (при двух опоросах в год). Тем самым, производство свинины в колхозе постепенно выравнивалось.

На птице-товарной ферме колхоза количество куриного поголовья не увеличивалось должным образом: в 1932 г. — 772 головы, в 1933 г. —

811 голов, в 1934 г. — 928 голов. Из них кур-несушек насчитывалось: 1932 г. — 712 голов, 1933 г. — 750 голов, 1934 г. — 865 голов. Из имеющихся данных видно, что колхоз явно недополучил часть продуктивных кур. Да и показатели яйценоскости в расчете на одну курицу имели в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» зигзагообразную динамику: 1932 г. — 29 штук, 1933 г. — 7 штук, 1934 г. — 47 штук.

Досадная неудача постигла колхозных кролиководов, поскольку пришлось ликвидировать старое поголовье кроликов, заразившееся кокцидиозом (смертельная болезнь для этого вида животных). В результате, если в 1933 г. насчитывалось на кролиководческой ферме всего 92 головы, то в 1934 г. осталось лишь 20 голов. Но колхоз осенью 1934 г. получил новых высокопородных 50 самок и рассчитывал на новые успехи в разведении кроликов.

Что касается выполнения колхозом государственного плана поставок продукции животноводства, то в 1932 г. мясопоставки составили 51,9 ц (100 % от плана), в 1933 г. — 51,9 ц (100 % от плана к 28 декабря), 1934 г. — 46,53 ц (122 % от плана к 5 октября). Приведенные цифры свидетельствуют о явном завышении плана мясопоставок в 1932 г. и в 1933 г., ибо они с трудом выполнялись лишь к самому концу календарного года, да и данные по снижению роста поголовья подтверждают этот вывод. Иначе складывалась ситуация по производству молока: к октябрю 1933 г. (включительно) колхоз поставил государству 94 ц молока, или 100 % от плана (за 1932 г. данных нет), к 15 ноября 1934 г. молокопоставки достигли 228,5 ц или 93 % от плановых показателей. Очевидно, что в 2,5 раза поднятый план по молоку явно оказался не под силу колхозу.

Состояние живой тягловой силы к зиме 1934 г. в передовом кубанском колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» оценивалось как вполне удовлетворительное, а молодняк тягловой силы достиг хорошей кондиции. На колхозной молочно-товарной ферме крупный рогатый скот находился в средней упитанности. А вот упитанность содержащихся на свиноводческой ферме свиней определялась к зиме 1934 г. выше средней.

Все хозяйственные постройки в колхозе «Хлебороб-Ленина №2» для содержания скота, за исключением птичника, относились к так называемому домашнему типу, т.е. имели отнюдь не стандартный (непритязательный) вид. Колхозники их соорудили из местного старого материала, как говорится, из подручных средств, но общее состояние построек считалось удовлетворительным. В них непременно требовалось улучшить утепление и устранить многочисленные сквозняки. С учетом непрерывного роста поголовья и сохранения минимального падежа скота колхозу было необходимо с весны 1935 г. расширить молочно-товарную ферму и

свинотоварную ферму за счет строительства новых стандартных (капитальных) помещений.

В коллективном хозяйстве имелись хорошие перспективы наращивания поголовья животных, поскольку к зиме 1934 г. весь скот удалось обеспечить грубыми кормами с избытком, и состояние этих кормов оценивалось как «хорошее и надежное». Кроме того, колхозники заготовили 250 ц концентрированных кормов, главным образом, кукурузы. Это полностью гарантировало должную прикормку лошадей в расчете под полевые работы весны 1935 г., а в зимний период 1934–1935 гг. позволяло на 50 % обеспечить концентрированными кормами свиней и коров.

Важным показателем экономического состояния колхоза являлся валовой доход. В 1932 г. он составил 103676 руб. (в том числе, финансовыми средствами — 75752 руб. и натурой в денежном эквиваленте — 27924 руб.); в 1933 г. — 158652 руб. (в том числе, финансовыми средствами — 84565 руб. и натурой в денежном эквиваленте — 74087 руб.); в 1934 г. — 146874 руб. (в том числе, финансовыми средствами — 88427 руб. и натурой в денежном эквиваленте — 58447 руб.). Понижение валового дохода в 1934 г. объяснялось стихийным бедствием, случившейся весенней засухой. Колхозный фонд распределения в расчете на один трудодень составлял: в 1932 г. — деньгами 9,5 коп. и натурой 13,9 коп. (или 0,96 кг сельхозпродуктами); в 1933 г. — деньгами 18,8 коп. и натурой 37,7 коп. (или 4,0 кг сельхозпродуктами); в 1934 г. — деньгами 16,7 коп. и натурой 29 коп. (или 1,64 кг сельхозпродуктами, в том числе, 1,3 кг пшеницей).

Лучшими колхозниками-ударниками по состоянию на 1 декабря 1934 г. считались следующие 15 членов колхоза «Хлебобороб-Ленина № 2»: 1) Бойко Агафья (282 трудодня); 2) Бондарь Любовь (277 трудодней); 3) Герасименко Клавдия (313 трудодней); 4) Дейнега Никифор (331 трудодень); 5) Добробаба Антон (399 трудодней); 6) Зайцева Ксения (298 трудодней); 7) Зуйкова Мария (305 трудодней); 8) Кропивка Ефросинья (283 трудодня); 9) Литвинова А.А. (260 трудодней); 10) Михайленко Ирина (287 трудодней); 11) Никитенко Анна (251 трудодень); 12) Присковский Тихон (300 трудодней); 13) Токмак Прасковья (285 трудодней); 14) Чайка Семен (356 трудодней); 15) Швыдкова Мария (283 трудодня).

Основные производительные силы колхоза «Хлебобороб-Ленина № 2» сосредотачивались в пяти полеводческих бригадах. Полеводческая бригада № 2 объединяла 48 хозяйств колхозников (52 трудоспособных лица и 163 едока), обрабатывала 538 гектаров пашни, имела 18 лошадей, 4 конных плуга, 4 железных бороны, 2 конные сеялки, 5 конных культиваторов, 1 сенокосилку, 3 конных жатки, 3 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 7 ходов и арб, бригадный стан в хорошем состоянии. Полеводческая бригада № 3 объединяла 59 хозяйств колхозников (55 трудоспособных лиц и

204 едока), обрабатывала 529 гектаров пашни, имела 18 лошадей, 4 конных плуга, 5 железных борон, 3 конные сеялки, 5 конных культиваторов, 1 сенокосилку, 3 конных жатки, 3 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 6 ходов и арб, бригадный стан в удовлетворительном состоянии. Полеводческая бригада № 4 объединяла 37 хозяйств колхозников (50 трудоспособных лиц и 130 едоков), обрабатывала 551 гектар пашни, имела 22 лошади, 5 конных плугов, 6 железных борон, 2 конные сеялки, 4 конных культиватора, 3 конных жатки, 4 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 10 ходов и арб, бригадный стан в хорошем состоянии. Полеводческая бригада № 5 объединяла 43 хозяйства колхозников (47 трудоспособных лиц и 120 едоков), обрабатывала 450 гектаров пашни, имела 14 лошадей, 4 вола, 3 конных плуга, 3 железных бороны, 2 конных сеялки, 4 конных культиватора, 2 конных жатки, 3 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 5 ходов и арб, бригадный стан в удовлетворительном состоянии. Животноводческая бригада № 6 имела большой земельный клин, производила посев зерновых колосовых культур, и по существу являлась также полеводческой бригадой. Она объединяла в общей сложности 25 хозяйств колхозников (15 трудоспособных лиц и 55 едоков), обрабатывала 343 гектара пашни, имела 18 лошадей, 4 вола, 2 конных плуга, 3 железных бороны, 1 конную сеялку, 3 конных культиватора, 2 сенокосилки, 2 конных жатки, 2 конных граблей, 1 веялку-сортировку, 8 ходов и арб, бригадный стан в удовлетворительном состоянии. В статистических сведениях о бригадах агроном крайзу Агарков приводит без пояснений данные о бригадных школах. Мы полагаем, что в данном случае речь идет о школах агрономических знаний для обучения колхозников. Такие школы существовали в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» в каждой полеводческой бригаде, причем, в 3-й и 4-й полеводческой бригадах школа агрономических знаний была объединенной.

По ключевым социально-хозяйственным показателям (выход на работу, выполнение норм выработки, качество работ, ликвидация «обезлички», подготовка к весенней посевной кампании 1935 г., выполнение финансовой кампании) проверяющий агроном крайзу Агарков признал все колхозные полеводческие бригады работающими без отставания. Динамичная производственная работа полевых бригад выдвинула колхоз «Хлебороб-Ленина № 2» в число передовых коллективных хозяйств Ворошиловской МТС и Брюховецкого района Азово-Черноморского края. В краевом соревновании колхозных бригад победителем признали 4-ю бригаду (бригадир И.И. Литвинов) колхоза «Хлебороб-Ленина № 2», и она по праву вошла в число 250 лучших колхозных бригад края. Кроме того, в 1934 г. 4-ю полеводческую бригаду включили в число 10.000 передовых бригад Советского Союза. Вместе с тем, 2-я и 3-я колхозные полеводческие бригады по своим социально-хозяйственным показателям, как

подчеркивал агроном крайзу Агарков, «вполне заслуживают быть включенными в состав «250» (3-я бригада в числе «250» состоит). Это мнение о бригадах данного колхоза «Хлебороб-Ленина № 2» высказано и поддерживается политотделом МТС, Дирекцией и правлением колхоза»⁵.

По инициативе бригадиров колхозных бригад в хозяйстве целенаправленно в рабочее время проводилась политико-массовая работа среди колхозников. Ежедневно организовывались в поле совещания и беседы с колхозниками, осуществлялась читка газет, велась проработка решений и постановлений партии и правительства. Между колхозными бригадами на основе заключенных договоров развивалось социалистическое соревнование. Два раза в месяц бригадные комиссии сверяли достижение взятых бригадами на себя обязательств в целях выявления победителей социалистического соревнования. Лучших колхозников премировали за ударный труд. К примеру, в 4-й бригаде по инициативе самого бригадира изыскали денежные средства в сумме 63 руб., которые в виде премий (приобретенных мелких домашних вещей) распределили между 13 лучшими колхозниками бригады. В целом, в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» в 1932 г. в качестве материальных премий за ударный труд выдали 1 телку и 31 поросенка, а в 1933 г. — 1 телку и 42 поросенка. Всего в колхозе насчитывалось 170 человек ударников, из которых премировали 120 человек.

В отраслевом отношении в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» сложилась система распределения и закрепления колхозников по отдельным видам занятости. В 1932 г. из общего количества 439 трудоспособных колхозников в полеводстве работало 327 человек, в животноводстве было задействовано 7 человек, огородничеством занимались 17 человек, в колхозных мастерских трудились 19 человек, в МТС работали 24 человека, административно-управленческие функции выполняли 28 человек, на другие виды работ направлялись 7 человек, числились в отходниках 10 человек. В 1933 г. из общего количества 369 трудоспособных колхозников в полеводстве работало 186 человек, в животноводстве было задействовано 42 человека, огородничеством занимались 38 человек, в колхозных мастерских трудились 19 человек, в МТС работали 46 человек, административно-управленческие функции выполняли 28 человек, на другие виды работ направлялись 7 человек, числились в отходниках 3 человека. В 1934 г. из общего количества 364 трудоспособных колхозников в полеводстве работало 195 человек, в животноводстве было задействовано 42 человека, огородничеством занимались 29 человек, в колхозных мастерских трудились 19 человек, в МТС работали 46 человек, административно-управленческие функции выполняли 25 человек, на другие виды работ направлялись 4 человека, числились в отходниках 5 человек. В этой

⁵ ГАКК. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 126. Л. 8.

статистике просматривается тенденция развития многоотраслевого хозяйства в колхозе «Хлебороб-Ленина № 2» и преодоления первоначальной коллективизаторской «обезлички», когда в каждой отрасли складывалось ядро постоянно работающих колхозников, лошади и инвентарь закреплялись за каждым колхозником с начала весны по ведомостям-актам, хотя в колхозе оставалось небольшое количество отходников.

Упорядочивались в колхозе денежные расходы на содержание административно-управленческого персонала: в 1932 г. тратилось 3908 руб. (или 6,8 % общих денежных расходов колхоза); в 1933 г. расходовали 5496 руб. (или 7,8 % общих денежных расходов колхоза); в 1934 г. выделили 4080 руб. (или 6,5 % общих денежных расходов колхоза). Тем самым, средняя зарплата колхозного управленца в годовом исчислении составляла: в 1932 г. — 139,6 руб., в 1933 г. — 196,3 руб., в 1934 г. — 163,2 руб. Кроме того, колхозным управленцам за выполняемые обязанности полагались оплачиваемые (частично деньгами и натуральными продуктами) трудодни: в 1932 г. всего было начислено 6411 трудодней, или примерно по 229 трудодней на человека, т.е. 8,5 % к общему количеству трудодней в колхозе; в 1933 г. всего было начислено 6473 трудодня, или примерно по 231 трудодень на человека, т.е. 8,0 % к общему количеству трудодней в колхозе; в 1934 г. всего было начислено 6524 трудодня, или примерно по 261 трудодень на человека (уровень выработки лучшего колхозника-ударника), т.е. 7,0 % к общему количеству трудодней в колхозе.

О зажиточной жизни колхозников свидетельствовало значительное увеличение количества домашних животных, содержащихся в личных подсобных хозяйствах колхозников, число которых в 1934 г. приближалось к 250. Если в 1933 г. в ЛПХ колхозников всего имелось 120 коров, 20 телок, 67 свиней и поросят, а также выдавалось колхозом на откорм 34 телки и 82 поросят, то в 1934 г. в ЛПХ колхозников имелось уже 142 коровы, 114 телок, 496 свиней и поросят, а также выдавалось колхозом на откорм 99 поросят и 800 цыплят.

Таким образом, передовой кубанский колхоз «Хлебороб-Ленина № 2» пережил произведенный административным нажимом «слом кулацкого саботажа» с большими людскими и экономическими потерями, но к концу 1934 г. сумел восстановиться в социально-экономическом отношении. Безусловно, сохранение хозяйства и обеспечение должной динамики его развития обеспечивалось колоссальным напряжением сил колхозников, когда все полеводческие бригады выполняли и перевыполняли установленные плановые показатели. Ныне бывшая центральная усадьба колхоза «Хлебороб-Ленина № 2» — это село Бейсугское Новоджерелиевского сельского поселения Брюховецкого района Краснодарского края (с населением 344 человека на 2012 г.).

ВКЛАД РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НАУЧНУЮ АГРАРНУЮ МЫСЛЬ В ЕВРОПЕ (1920–1939 гг.)

Эмиграция русских ученых-аграриев после революционных потрясений в России привела к расцвету аграрной науки за рубежом, особенно в ряде европейских стран, где образовались крупные учреждения русской мысли. Наиболее серьезные научные сообщества возникли в Чехословакии, Германии и Франции, правительства которых создали хорошие условия для специалистов в области сельского хозяйства из царской России. Сформировался уникальный опыт управления сельскохозяйственными учреждениями русской эмиграции.

Ключевые слова: *аграрная эмиграция; сельское хозяйство; земля; крестьянство, учреждения научной аграрной мысли*

После Октября значительная часть лучших экономистов, историков и философов России оказалась в вынужденной эмиграции, где продолжала интенсивную творческую деятельность. Среди них было немало ученых, занимавшихся аграрным делом. Наиболее интересными для современных исследователей являются воззрения либеральных русских экономистов 20-х-30-х гг. прошлого столетия.

Актуальность анализа теории крестьянского хозяйства в работах российских ученых-эмигрантов 1920–1930-х гг. возрастает в связи с глубокой перестройкой аграрных отношений в современной России. Российское правительство, пока еще не создало благоприятных условий для развития аграрного сектора, а в социально-экономическом плане крестьянский труд остается крайне неэффективным и низкооплачиваемым.

В первые годы после революции из России, по различным данным, эмигрировали от 1,5 до 3 млн. человек. За исключением «философских пароходов» с двумя сотнями людей на борту, это были беженцы, недовольные новыми экономическими и политическими условиями, а не насильно депортированные граждане. Ученые составляли незначительную часть в общей массе русской эмиграции.

При выборе нового места жительства за рубежом русские ученые руководствовались прежде всего профессиональными интересами, предпочитая размещаться главным образом в городах Франции, Германии, Швейцарии, Чехословакии, отчасти Югославии, Италии и Польши. На долю

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Москва, Arberlov@yandex.ru.

Франции приходилась почти треть российского эмиграционного потока 1920-х гг.², поэтому здесь продолжили свою научную деятельность выдающиеся теоретики русской аграрной мысли А.Н. Анцыферов, В.Ф. Тотомианц, В.М. Чернов, Н.Н. Зворыкин, С.О. Загорский и др.

Значимость трудов перечисленных экономистов велика хотя бы потому, что они создавались в условиях свободы печатного слова. Поэтому, как заметил Б. Бруцкус, «создать верную общую концепцию русского народного хозяйства и дать правильную оценку действующей системы» могли в этот период лишь экономисты русского зарубежья, на которых эта задача была возложена самой судьбой»³.

В Париже действовали пять русских ВУЗов, которые готовили кадры для сельского хозяйства Франции и других стран Европы. В числе студентов встречались не только молодые люди русского зарубежья, но и местные жители крупных французских городов⁴. Начиная с 1921 г. в Париже большую популярность приобрел Русский Народный университет, в котором были организованы курсы повышения квалификации агрономов, кооператоров, специалистов в области аграрной экономики. Русские ученые-аграрии преподавали на кафедрах Франко-Русского института, диплом которого приравнивался к дипломам французских университетов. Прекрасное знание аграрной экономики, теории сельского хозяйства давало возможность выпускникам института устроиться на высокооплачиваемую работу во Франции. Страна была заинтересована в улучшении качества обработки земли, поддержке фермерства, изучении российского опыта агрокультуры. Правительство Франции в лице премьер-министра Пуанкаре создало специальный фонд для выплаты стипендий слушателям русских курсов, отдельные студенты освобождались от платы за обучение⁵.

Русские ученые во Франции концентрировались преимущественно вокруг крупных университетов, где они могли читать лекции и продолжать свои исследования. Многие ученые поддерживали связи с политическими лидерами русской эмиграции — П.Н. Милюковым, А. Ф. Керенским, В.М. Черновым, князем Г.Е. Львовым, В.А. Маклаковым. Эмигрантское научное сообщество было пронизано высокими идеями патриотизма.

² Бойко Ю.В. Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российской эмиграции // Источники по истории адаптации российской эмиграции. – М., 1997. – С. 95.

³ Бачурина О.Н. Экономическое наследие С. Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции. – СПб., 2005. – С. 140; Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы // Современные записки. Париж, 1929, – №38. – С. 40.

⁴ Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М.: Международные отношения, 1990. – С. 208.

⁵ Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е гг.: Учебное пособие. – Уфа, – 1998. – С. 20.

Значительную роль в консолидации научных сил русского зарубежья сыграл «Федоровский комитет», созданный по инициативе экономиста М. М. Федорова.

Благоприятные условия научных изысканий русских ученых-агров были созданы в Германии. Концентрации академических кадров из России способствовал Русский научный институт, открытый в феврале 1923 г. в стенах академии Шинкеля, что оказалось возможным благодаря усилиям германского МИДа и Министерства земли Пруссии, а также общественной деятельности известных ученых О. Хётча и М. Шлезингера. В стенах Русского научного института читали лекции и проводили научно-исследовательскую работу Б.Д. Бруцкус, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве и др. В 1920-е гг. здесь преподавал С.Н. Прокопович, руководя курсом по политической экономии. Именно в этот период вышел ряд его работ: «Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей»⁶, «Очерки хозяйства Советской России»⁷ и др.

Центром русской аграрной мысли в Германии являлся Экономический кабинет, созданный супругами С.Н. Прокоповичем и Е.Д. Кусковой-Прокопович. Он был образован для анализа материалов, которые затрагивали хозяйственную и общественно-политическую жизнь Советской России. В Берлине была собрана библиотека Кабинета, издавались «Бюллетень» и журнал «Экономический вестник», в которых анализировались сведения о ситуации в аграрном секторе России. Экономический кабинет в Берлине в 1920-е гг. был единственным в своем роде эмигрантским научным центром, собиравшим информацию о жизни русской послереволюционной деревни⁸. В других эмигрантских центрах, учреждения занимающегося подобными вопросами в ту пору просто не существовало.

Многие русские ученые-агров осели в сельскохозяйственных странах Европы — Чехословакии, Болгарии и Югославии. Особое место здесь занимала Чехословакия: в ней были созданы все условия для жизни русских ученых-эмигрантов. Во многом направленная против Советской России, эта кампания поддержки эмигрантов получила название «Русской акции». Правительство Чехословакии активно развивало науку и образование, поддерживало Русский народный университет⁹.

Ведущим учебным заведением Чехословакии, готовящим специалистов-агров, стал Русский Институт Сельскохозяйственной

⁶ Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. — Берлин, — 1924. — С. 267.

⁷ Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. — Берлин, 1923. — С. 272.

⁸ Бачурина О.Н. Экономическое наследие С. Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции. — СПб., 2005. — С. 140; Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьбы // Современные записки. Париж, 1929, — № 38. — С. 40.

⁹ Савицкий И.П. Начало «Русской акции» // Новый журнал. 2008. — № 251. — С. 378–404.

Кооперации. В его деятельности активное участие приняли профессора А.Н. Анцыферов, К.Г. Шиндлер, В.Ф. Тотомианц, В.Э. Брунст, И.В. Емельянов, доценты Х.В. Автономов и С.В. Маракуев. Летом 1921 г. были образованы Русские Кооперативные и Сельскохозяйственные курсы в Праге. Финансирование сначала осуществлялось за счет эмигрантских кругов в Европе, а со второго полугодия 1922 г. помощь стала оказываться МИДом Чехословакии¹⁰. Большую финансовую поддержку курсам, а впоследствии Институту оказало Лондонское отделение Московского Народного Банка, которое в декабре 1917 г. в соответствии с Декретом ЦИК о национализации банковской системы «сливалось с Народным Банком РСФСР», но сохраняло свои отделения.

В Совет Института входили специалисты, имевшие богатый опыт теоретической и практической работы по организации кооперации — профессора А.Н. Анцыферов, В.О. Тотомианц, В.Э. Брунст, Н. П. Макаров, К.Г. Шиндлер, И.В. Емельянов, доценты В.П. Родионов, С.В. Маракуев, А.Е. Малахов, Х.В. Автономов, А.Г. Винничук, А.В. Байкалов. Научная деятельность освещалась в сборнике «Кооперация и сельское хозяйство».

В середине 1930-х гг. по причине сокращения субсидий со стороны правительства Чехословакии, Институт прекратил прием новых студентов, а в декабре 1935 г. по распоряжению Министерства земледелия был закрыт. Все ценности и архив Института были сданы чехословацкому правительству. Несмотря на закрытие Института, русским ученым удалось внести свой вклад в науку и культуру Чехословакии¹¹, а Русский Институт Сельскохозяйственной Кооперации в Праге стал первым отечественным вузом за границей, который специализировался на подготовке кадров сельскохозяйственной кооперации.

Еще одним центром русской аграрно-научной эмиграции в Европе являлась Болгария. В этой стране в начале XX в. имел место настоящий дефицит специалистов в сельскохозяйственной области и аграрной экономике. Главным русским научным центром в Болгарии стал Софийский университет. В 1920 г. по образу народных университетов был организован Ближневосточный институт, впоследствии преобразованный в Свободный университет хозяйственных и политических наук¹².

Администрация Софийского державного университета разрешила русским студентам учиться и защищать дипломные работы на русском языке¹³. В 1927 г., под руководством профессора П.М. Бицилли,

¹⁰ Командорова Н.И. Русская Прага. – М.: Вече, – 2009. – С. 120.

¹¹ Сборник докладов международной научной конференции «Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии». – М., – 2005. – С. 12–14.

¹² Сорокина М. Русское научное зарубежье в Болгарии. В кн.: Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. Рожков С.А. (сост.). – София: Русский академический союз в Болгарии, – 2009. – С. 200–204.

¹³ Косик В.И. Русская молодежь в эмиграции // Славяноведение. 2003. № 4. – С. 47–58.

преподававшего в Софийском университете, был основан Русский народный университет (РНУ). В нем обучались более 200 студентов, для которых читались лекции по аграрной теории, проводились семинарские и практические занятия, организовывались научные диспуты.

Ситуация с русской научной эмиграцией в Югославии была во многом схожа с болгарской. В 1920-е гг. здесь оказались около 40 тыс. эмигрантов из России. Благодаря активному влиянию эмигрантского сообщества, Белградский университет принял в свои стены многих русских студентов.

В январе 1921 г. в Белграде был основан Союз агрономов, ветеринаров и лесных инженеров. Его председателем был назначен А. И. Стебут, профессор факультета сельского хозяйства Белградского университета¹⁴. Уже в конце 1922 г. в Союзе состояло 195 специалистов, среди которых были 109 агрономов, 63 ветеринара и 23 лесных инженера. До середины 1930-х гг. сотрудники Союза занимались консультационной работой в сфере сельского хозяйства, просвещали крестьян, виноградарей, огородников, скотоводов, пчеловодов по целому ряду вопросов, начиная от особенностей приобретения (или аренды) земельных участков и до технологии переработки и хранения готовой продукции. По прошествии первых двух лет Союз прекратил практику безвозмездных консультаций, придя к выводу, что его клиенты достаточно окрепли в хозяйственном отношении и ввел тарифы на свои услуги: устная консультация стоила 15 динаров, письменный совет либо информация — 25, а детальная инструкция оценивалась уже в 50 динаров¹⁵.

Далеко не все страны Европы оказывали помощь русской эмиграции. Характерным примером негативного опыта стала Польша, политика которой в отношении русского образования являлась откровенно недружественной, русским школам изначально было предложено перейти на польский язык, а в случае отказа учебное заведение закрывалось. Несмотря на это, в Польше существовали организации русских ученых-эмигрантов, наиболее известным являлось Русское академическое общество. В одном ряду с Польшей в вопросах неприятия научной эмиграции из России стояли такие страны, как Турция, Греция и Румыния.

Оценивая процессы эмиграции русских ученых-аграриев в страны Европы в 1920–1930-е гг., необходимо отметить массовость этого явления, причиной которого стал революционный перелом 1917 г. в России. Русская наука, представленная широкими слоями интеллигенции дореволюционной России, частью которой были ученые-аграрии, оказалась

¹⁴ Косик В.И., Тесемников В.А. Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика. 1994. № 5. – С. 84–89.

¹⁵ Архив внешней политики России. Фонд «Российская миссия в Белграде». Оп. 508/3. Д. 95. Л. 11–22.

в ситуации безальтернативного выбора, и единственным выходом для многих ее представителей стал отъезд за рубеж. Теряя стратегический интеллектуальный ресурс, Россия сдавала позиции на международной арене. Потеря научных кадров в аграрной области была особенно опасна с учетом предстоящих в стране масштабных реформ сельского хозяйства.

Наибольшую поддержку русские ученые получили во Франции, в Германии, Югославии, Чехии и Болгарии. Адаптация ученых-эмигрантов во Франции происходила благодаря русским учебным центрам, а также общественным организациям, таким как Русский академический союз и Русская Академическая группа. Правительство Германии в целях поддержки научной деятельности ученых-эмигрантов из России содействовало открытию Русского научного института в Берлине. В Праге успешно функционировал Русский Институт Сельскохозяйственной Кооперации. В Софии была организована Русская академическая группа и Русский народный университет (РНУ). Правительство Югославии, оценив перспективы сотрудничества с русским научным сообществом, всячески способствовало открытию Русского научного института в Белграде, который в дальнейшем вел активную исследовательско-образовательную деятельность, выпускал кадры для сельхозпредприятий страны.

Научные учреждения и институты, созданные в 1920-е гг. в Берлине и Праге, позволяли взаимодействовать представителям различных школ аграрно-исторической мысли русской эмиграции. Однако в научной среде этих стран не было единой позиции в оценке уровня экономического развития русского крестьянства, степени его социального единства. Широкий спектр альтернатив (от неонароднической до либеральной) не позволил сформировать общую для всех центров концепцию развития русской деревни в исторической перспективе.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАЗМИНИРОВАНИЯ ЗАПАДНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ В 1940-е – СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.²

История разминирования западнорусской деревни в 1940-е – середине 1950-х гг. рассматривается как часть противоречивых взаимоотношений власти и деревни, предлагается ее периодизация, показана смена административно-командных методов ее проведения с привлечением гражданского населения разминированием по заявкам силами специализированных подразделений, рассмотрены ход и основные результаты разминирования.

Ключевые слова: западнорусская деревня, разминирование, Осоавиахим, Досарм, бойцы-минеры, власть и колхозная деревня в 1940-е – середине 1950-х гг.

Важным условием налаживания жизни на освобожденных территориях Запада РСФСР стало их разминирование. Эта проблема начала привлекать внимание краеведов, журналистов, историков с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Однако засекреченность источников, локальный характер многих посвященных ей работ долгое время не позволял понять, как и почему менялись подходы власти к ее решению. Ответить на этот вопрос позволяет обращение к постановлениям ГКО, структур НКО СССР, Военных советов фронтов и военных округов, постановлениям бюро обкомов ВКП(б) и облисполкомов, бюро РК ВКП(б) и райисполкомов, директивам Центрального Совета Союза Осоавиахим СССР, делопроизводству партийных, советских органов, облвоенкоматов, воинских частей, военных округов, в которых отразились организация и ход разминирования.

Историю разминирования западнорусской деревни в 1940-х – середине 1950-х гг. можно подразделить на три периода, различавшихся подходами власти к решению этой проблемы.

С начала освобождения ее территории в ходе контрнаступления советских войск под Москвой и до конца 1943 г. (первый период), разминирование велось согласно постановлениям Военных советов Западного, Брянского, Центрального и Калининского фронтов, директивам Штаба Инженерных войск Красной армии, приказам штабов Московского, Белорусского и Орловского военных округов, постановлениям бюро обкомов

¹ Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Институт истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Россия, Калуга, kometchikov.ogor@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта: 20-09-00031. «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)».

ВКП(б) и облисполкомов, инструкциям НКО СССР, как правило, без единого плана и силами инженерно-саперных подразделений Красной армии, снимавшей, прежде всего, свои минные поля. Финансирование работ производилось НКО СССР, а ведущим стимулом были разные формы морального поощрения.

Изначально гражданское население привлекалось в основном к вспомогательным работам (ограждению минных полей и т. д.)³ По мере удаления фронта на запад разминирование становилось задачей все более насущной и не решаемой лишь действующей армией. Директивой Штаба Инженерных войск Красной армии за № 1234852-с от 9 ноября 1943 г. инженерным частям и отрядам разграждения предписывалось прекратить работы по разминированию районов бывших боевых действий⁴. Среди других причин привлечения населения к разминированию — необходимость скорейшего обеспечения безопасности сельхозработ, огромный масштаб работ по выявлению и обезвреживанию взрывоопасных предметов, стремление использовать осведомленность местной власти и населения о местах их концентрации и др.

Принимавшиеся в 1942–1943 гг. директивы о разминировании предполагали использование в той или иной мере административно-командного стиля руководства. Так, в них не конкретизировался способ комплектования команд по разминированию из населения, однако устанавливались сроки и ответственные, что порождало у исполнителей разноречивость в понимании допустимого и недопустимого при мобилизации разминеров.

До весны 1944 г. основным методом разминирования считалось снятие советских и немецких мин большинства конструкций путем удаления взрывателя и капсюля. Позже большинство обнаруженных мин рекомендовалось подрывать на месте. Обезвреживать следовало лишь не бывшие в употреблении или недавно установленные мины, годные для повторного использования. Мины ряда конструкций с сохраненными зарядами рекомендовалось использовать в качестве источника взрывчатки для подрывных работ⁵. Однако до конца 1944 г. разминеры из числа гражд-

³ Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-3. Оп. 52. Д. 150. Л. 54, 63. Д. 188а. Л. 10. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 43. Л. 23. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 52. Оп. 2. Д. 55. Л. 39. Д. 517. Л. 113, 113 об.

⁴ ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 518. Л. 24.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19. Л. 171. Краткие указания по минированию, разведке и разминированию. М., 1942. С. 65. Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей). М., 1943. – С. 12, 13, 14. Инструкция по определению качественного состояния мин, снятых при разминировании и изъятых из захваченных складов противника. М., 1944. – С. 3–4, 10–11. Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения Управлений оборонительного строительства). М., 1944. – С. 19.

данского населения следовали и более ранним рекомендациям, что, несомненно, увеличивало их потери.

К концу 1943 г. были разминированы проходы в бывших рубежах обороны, мосты, наиболее важные дороги, значительная часть населенных пунктов, отдельные площади сельхозназначения, учтено и частично собрано в местах боев тяжелое вооружение, часть стрелкового оружия, боеприпасов, военного имущества.

С 1944 г. (второй период) работа по разминированию была возложена ГКО на организации Осоавиахима, а обучение разминеров, как именовались в официальной документации подготовленные Осоавиахимом бойцы-минеры, контроль и руководство их работами — на военных⁶. Организация работ определялась директивами ЦС Осоавиахима, Военных советов фронтов и округов, обкомов ВКП(б), облисполкомов, облвоенкоматов. Общее руководство велось областными штабами по разминированию и облсоветами Осоавиахима по согласованным планам. Разминирование проводилось силами инженерно-саперных подразделений Белорусского, Орловского и Московского военных округов, районных команд Осоавиахима, частей МПВО при ведущей роли военных и финансировалось из бюджета Осоавиахима, НКО СССР, частично — колхозами и совхозами.

Низкие темпы разминирования с начала 1944 г., большое количество жертв в районных командах Осоавиахима обусловили корректировку их задач. Постановлением ГКО № 6564 от 19 сентября 1944 г. разминирование бывших оборонительных рубежей, сложных минных полей возлагалось на инженерные части армии⁷. Скоро проявилось несовпадение позиций привлеченных к разминированию структур. Председатели областных советов Осоавиахима публично гордились повышением статуса своих организаций⁸, тем, что им было поручено разминирование, но на деле старались переложить наиболее сложную работу на военных, а многие низовые осоавиахимовские руководители давали понять начальству, что вообще разминирование — прежде всего дело армии. В свою очередь военные требовали участия в работах всех разминеров Осоавиахима и негодовали по поводу корректировки планов работ по разминированию в сторону увеличения.

Размытость ряда ключевых формулировок постановлений ГКО об участии организаций Осоавиахима в разминировании, частое отсутствие у последних достаточных возможностей для этого обусловило двойственный подход к формированию команд разминеров. Согласно постановле-

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 287. Л. 41.

⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 384. Л. 65.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 202. Л. 161.

нию ГКО № ГОКО-5216 их предписывалось создавать на добровольных началах из гражданского населения, преимущественно членов Осоавиахима не моложе 15 лет, способных выполнить эту работу. На деле в 1944 г. команды часто формировали параллельно облвоенкомат и облсовет Осоавиахима из допризывников, разминировавших свои районы до призыва в армию.

Привлечение к разминированию в годы войны преимущественно молодежи определялось, прежде всего, напряженным балансом трудовых ресурсов. На протяжении 1941–1944 г. значительна часть сельского населения Запада РСФСР, не призванная в армию и не угнанная гитлеровцами, привлекалась к строительству и обслуживанию оборонительных сооружений, дорог. Многие подростки мобилизовывались в школы ФЗО, ремесленные училища предприятий Урала и Сибири. Немногими, кого можно было привлечь к разминированию, были допризывники 1927 и 1928 г. рождения, девушки, инвалиды войны с легкими ранениями. В результате в 1944–1946 гг. команды разминеров комплектовались в основном из призывников, сменявших друг друга по мере призыва в армию.

С начала 1946 г. привлечение населения к разминированию стало более дифференцированным: в районах, закончивших сплошное разминирование, формировались на добровольных началах взводы минеров из членов Осоавиахима, уже работавших на разминировании, а также из демобилизованных, знающих минно-подрывное дело, и только при их отсутствии — из впервые прошедших подготовку⁹.

Приоритетное внимание при разминировании села по-прежнему уделялось очистке сельскохозяйственных земель — залога выполнения планов поставки сельхозпродуктов. Именно в 1944–1946 гг. была выявлена и уничтожена большая часть взрывоопасных предметов. Если в 1944–1946 г., по далеко неполным данным, в Калужской, Орловской и Смоленской областях их было обезврежено около 12,5 млн., то в 1942–1952 гг. — около 15 млн.¹⁰ С конца 1944 г. из отчетности Осоавиахима пропадает показатель обезвреженных мин, все они начинают уничтожаться.

К концу 1946 г. результаты проделанной в 1944–1946 гг. работы были утверждены актами об окончательном разминировании территорий. Однако продолжавшиеся подрывы заставили власть вновь вернуться

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 221. Л. 2, 3 об.

¹⁰ Подсчитано: ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 231. Л. 26, 28. Д. 233. Л. 47, 50, 51, 54. Д. 303. Л. 68, 70. Р-9545. Оп. 2. Д. 72. Л. 44. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-7713. Оп. 2. Д. 54, 106 об., 107 об. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 154. Л. 7, 8, 96а. Д. 175. Л. 3. Д. 203. Л. 20. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 518. Л. 23. Оп. 5. Д. 173. Л. 32. Оп. 7. Д. 155. Л. 65. Оп. 8. Д. 119. Л. 11. Д. 120. Л. 127. Оп. 323. Д. 837. Л. 55, 87. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 6. Оп. 2. Д. 681. Л. 127. Д. 1092. Л. 39. Д. 1343. Л. 69. Д. 1572. Л. 101. ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 151. Л. 56. Д. 168. Л. 27.

к этому вопросу. Для многих региональных руководителей, отвечавших за безопасную эксплуатацию земельных площадей, критерием завершения разминирования было не полное удаление взрывоопасных предметов, а прекращение подрывов, что приводило к периодическим ЧП по мере освоения новых территорий.

Официально основными причинами подрывов считались неосторожность разминеров, несоблюдение ими техники безопасности, необеспечение руководства работами по разминированию. Фактически ими также были недостаток у разминеров опыта, высокая сложность минирования, наличие большого количества мин нестандартных конструкций и мин-сюрпризов, поставленных гитлеровцами, снятие многих мин вместо их уничтожения на месте в 1942–1944 гг., почти полное отсутствие карт минных полей и др. Причинами подрывов гражданского населения были попытки выплавлять из боеприпасов тол для глушения рыбы, разборка с целью добычи цветного металла, из чувства любопытства, что было особенно характерно для детей. Далеко не полная статистика несчастных случаев, учитывавшихся структурами НКВД, Осоавиахима Калужской, Орловской и Смоленской областей, такова: в 1944–1946 гг. при подрывах на боеприпасах погибло 127 и было ранено 189 членов районных команд Осоавиахима, погибло 1973 чел. и было ранено 3104 чел. гражданского населения, а в 1944–1957 гг. — 146 и 210 членов районных команд, 2338 и 3648 чел. населения соответственно¹¹.

Воспоминания очевидцев и участников работ по разминированию свидетельствуют, что население, зная о многочисленных подрывах, боялось вести полевые работы, отпускать гулять детей и т. д. Многие подростки, пройдя курсы подготовки разминеров, уклонялись от участия в работах. Были случаи, когда родители забирали их из команд.

С конца 1940-х г. (третий период) во многих разминированных ранее районах началось повторное разминирование согласно директивам Военного министерства СССР, постановлениям СМ СССР, ЦС Осоавиахима (ЦС Досарма), инженерных отделов военных округов, обкомов ВКП(б), облисполкомов. Руководство разминированием возлагалось на Военное министерство, проводилось скоординировано в масштабе региона по заявкам местной власти силами инженерно-саперных подразделений армии, руководившими минерами Досарма. Их самостоятельная работа по разминированию была запрещена. Объемы работ и количество най-

¹¹ Подсчитано: ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 231. Л. 29, 155, 159. Д. 233. Л. 48, 55, 56. Д. 303. Л. 67. Д. 234. Л. 44. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 31. Л. 2–3, 30. Д. 132. Л. 89, 176. Д. 154. Л. 63, 69, 70, 94. Д. 202. Л. 25. Д. 203. Л. 21. Д. 273. Л. 56. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 2148. Л. 23. Оп. 3. Д. 317. Л. 47. Д. 690. Л. 13, 14. Д. 1024. Л. 30, 35. Оп. 7. Д. 155. Л. 66. Оп. 8. Д. 119. Л. 103. Д. 120. Л. 128, 129. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19. Л. 79. Д. 50. Л. 18, 30. ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 115. Л. 51 об., 76. Д. 151. Л. 43, 44, 72, 73, 103. Д. 166. Л. 24, 25. Д. 214. Л. 60, 198. Д. 259. Л. 20, 21, 23, 34, 36, 47, 48, 57, 64.

денных и обезвреженных взрывоопасных предметов сокращались. Финансирование работ осуществлялось как Военным министерством СССР, так и из бюджета РСФСР и областей.

Постановления СМ СССР и РСФСР 1949–1950 гг. создали основу механизма разминирования по заявкам учреждений и организаций силами специализированных структур, что практически исключило потери при обезвреживании взрывоопасных предметов. В Уставе Досарма задача по ведению разминирования территории бывших боевых действий не упоминалась, однако указывалось, что на Досарм возлагается обучение его членов и населения военным специальностям.

Основные усилия были сосредоточены на выявлении пропущенных ранее боеприпасов, очистки труднодоступных участков сельхозугодий, лесов, полос отвода автомобильных и железных дорог и т. д.

Таким образом, засоренность взрывоопасными предметами западно-русской деревни воспринималось властью главным образом как преграда пополнения продовольственных ресурсов. Для ее устранения были привлечены все имевшиеся возможности, в том числе и труд молодежи, участие которой в разминировании изначально базировалось на директивах военных и политических структур военного времени, подразумевавших и опору на незаконное принуждение, особенно распространенное в 1942–1945 гг. Однако многие разминеры-осоавиахимовцы отождествляли свой труд с ратным трудом фронтовиков. Власть учитывала это, награждая подростков воинскими знаками отличия, а наиболее отличившихся — государственными наградами. По мере удаления от событий войны чрезвычайщина в организации разминирования заменялась детально регламентированной процедурой обезвреживания взрывоопасных предметов по заявкам нуждавшихся в этом организаций, а участие в разминировании из жертвенного подвига превращалось в профессию.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЯТИЛЕТКИ

Приоритеты экономической политики, тяжелое положение сельского хозяйства после войны, село источник индустриального роста, попытки преодолеть кризис сельского хозяйства региона не достигли цели вплоть до конца 50-х гг.

Рассматриваются проблемы, связанные положением сельского хозяйства Нижегородской (Горьковской) области в первые послевоенные пятилетки. Отмечается, что, отдавая приоритет восстановлению и развитию промышленности, власти обрекли сельское хозяйство на выживание и не смотря на все местные инициативы, преодолеть кризис села до конца 50-х гг. не удалось

Проблема приоритетов государственной экономической политики после Великой Отечественной войны является одной из самых спорных и дискуссионных в отечественной исторической науке. Неоспоримы выдающиеся достижения в послевоенном восстановлении и развитии промышленности. Таких темпов восстановления не знала ни одна воевавшая страна. Вместе с тем, общепризнанно, что приоритет в восстановлении имели предприятия тяжелой промышленности и, прежде всего, предприятия оборонно-промышленного комплекса. Такой подход руководства страны был обусловлен международной обстановкой и, в частности, начавшаяся «холодной войной», противостоянием двух ведущих мировых держав, — СССР и США. Однако подобные приоритеты государственной экономической политики обрекали на отставание развитие легкой промышленности и сельского хозяйства. У государства просто не было средств, чтобы одинаково финансировать все отрасли экономики.

Отмечая сложности и противоречия послевоенного развития, большинство исследователей, положительно оценивая высокие темпы развития индустрии, говорят о том, что одним из источников этого развития являлось «выкачивание» средств из сельского хозяйства в пользу отраслей тяжелой промышленности².

Сельское хозяйство одной из самых индустриальных областей центральной России — Горьковской (Нижегородской) пережило все перипетии

¹ Сагателян Гарий Шагенович, доктор исторических наук, профессор, Международный юридический институт (Одинцовский филиал), Россия, Одинцово, garsag@yandex.ru

² Данилов, А.А., Пыжиков, А.В. Рождение сверхдержавы СССР в первые послевоенные годы / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. – М., 2001. – Гл. 2. Военные приоритеты мирной экономики.

тии сельскохозяйственной политики КПСС послевоенных лет. Целью данной статьи показать развитие сельского хозяйства Горьковской области в годы первых послевоенных пятилеток.

Прежде всего отметим, что состояние сельского хозяйства региона после окончания Великой Отечественной войны было неутешительным. Так в Горьковской области в 1940 г. в переводе на 15-сильный трактор имелось 5190 тракторов, а в начале 1947 г. их было всего 4085, из которых 337 полностью выработали свой ресурс. Число рабочих лошадей уменьшилось за этот период времени с 134,9 тыс. голов до 54,3 тыс. Отсутствие достаточного количества тягловой силы привело к сокращению посевных площадей. В 1946 г. они были на 168,1 тыс. га меньше, чем до войны³. Значительному изменению подверглись и трудовые ресурсы села. В 1946 и 1947 гг. общее число женщин в колхозах Горьковской области в 1,5 раза превосходило количество мужчин. При этом если брать население сельской местности в возрасте от 20 до 49 лет, то соотношение мужчин и женщин оценивалось как 1:2,4. Ситуация усугублялась тем, что определенная часть мужчин вернулась с войны инвалидами. Таким образом трудовые ресурсы села также были истощены и подорваны войной⁴.

Тяжелое положение сельского хозяйства в послевоенные годы требовало от государства принятия неотложных мер по его поддержке. Однако руководство страны в соответствии с избранной стратегией не имело возможности выделять значительные средства для села. Мало того, оно продолжало относиться к селу как к источнику дешевого продовольствия для снабжения им жителей городов и пополнения государственных резервов. Государство сохранило крайне низкие государственные закупочные цены на продукцию сельского хозяйства. Такие закупочные цены никак не стимулировали колхозы к увеличению производства, да и средств на распашку новых земель, закупку удобрений и увеличение поголовья скота у колхозов не было. В подавляющем большинстве колхозов Горьковской области оплата зерном за отработанные трудодни составляла менее одного килограмма на один трудодень. Даже в относительно благоприятном по урожайности 1945 г. 4012 колхозов из 4832 имевшихся в области выдавали менее одного килограмма на трудодень, а более чем в трёхстах колхозах вообще не выдавали хлеба. В первом послевоенном году выдача хлеба ещё больше сократилась. В среднем по области в 1946 г. было выдано по 226 г зерна на один отработанный трудодень. В 682 хозяйствах вообще не выдавали хлеба колхозникам⁵.

³ ГОПАНО Ф. 3. Оп. 1. Д. 5345. Л. 124.

⁴ Моисеева И.Ю. Прозрачность 1946–1947 гг. (по материалам Горьковской области). // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 2000. – С. 254.

⁵ Государственное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области, далее ГУ ГОПАНО Ф. 3 Оп. 1 Д. 5920. Л. 1590б.

Неблагоприятные метеорологические условия 1946 г. стали причиной катастрофического снижения урожая сельскохозяйственных культур. Основные сельхоз-производящие регионы европейской России были поражены сильной засухой. Экологическая катастрофа была столь больших размеров, что уже летом 1946 г. руководство страны начало поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Основных путей было два. Необходимо было или сокращать снабжение хлебом населения, или уменьшать государственные запасы зерна. Согласно докладной записки министра заготовок СССР Б. Двинского заместителю председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну, датированной 16 июля 1946 г., с самого начала прорабатывался в основном первый вариант выхода из кризиса. Предложения министра включали запрещение каким-либо образом увеличивать нормы снабжения населения хлебными продуктами, снижение расхода сортовой муки на хлебопечение, сокращение коммерческой торговли хлебом⁶.

Климатические условия 1946 г. в Горьковской области, как и в большинстве районов европейской части страны, стали причиной резкого снижения урожайности. Началось все с того, что из-за неблагоприятных условий зимы в Горьковской области погибли озимые посевы на площади 57,4 тыс. га. Больше всего пострадали южные районы, где майским обследованием было выявлено 39416 га погибших посевов. Засушливая погода мая и июня 1946 г. отразилась на яровых посевах. Среднесуточные температуры воздуха находились в пределах 18–20 градусов. Прошедшие в июне дожди лишь незначительно смягчили действие засухи. Яровые хлебные посевы развивались со значительным отставанием от нормы. Уборка хлебов началась лишь во второй декаде сентября. Но и столь позднем начале уборки, по данным только из двадцати районов Горьковской области, площадь незрелых посевов составляла 19138 га. Начавшиеся в сентябре дожди максимально осложнили уборочную кампанию и вызвали порчу скошенных, но не заскородованных хлебов. В результате намолот зерна с одного гектара таких площадей составлял менее 1 ц⁷.

Несмотря на столь тяжелое положение с уборкой зерновых в регионе, центральные власти не оказали ей помощи. Вместо этого, 19 сентября 1946 г. в газете «Правда» появилась статья «Горьковская область отстает с хлебопоставками». В этой статье ответственность за медленное выполнение плана по сдаче хлеба государству возлагалась на местное руководство, которое не вело «жесткой борьбы с антигосударственными тенденциями в расходовании хлеба». О плохом урожае зерновых в Горьковской

⁶ Из докладной записки министра заготовок СССР Б. Двинского заместителю председателя Совета Министров СССР Микояну А.И. // Отечественные архивы. 1992. № 6. – С. 41.

⁷ ГОПАНО Ф. 3. Оп. 1. Д. 5345. Л. 49–52, 90.

области не было сказано ни слова⁸. Руководящее указание центрального органа партии в октябре 1946 г. вылилось в постановление СМ СССР. Документом размер обязательных поставок зерна Горьковской областью увеличивался на 75%⁹. Фактически население области этим постановлением было обречено на выживание.

Ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве Горьковской области сразу же после окончания Великой Отечественной войны, требовала помощи крупных промышленных предприятий региона: темпы развития сельского хозяйства области были очень низкими, число отстающих колхозов увеличивалось. Денежные доходы колхозников оставались почти на одном уровне. Получая невысокие доходы от работы в колхозах, люди стремились максимально использовать приусадебное хозяйство.

Животноводческие помещения и другие колхозные постройки во многих районах пришли в полную негодность. Сократились посевные площади, нарушились севообороты, ухудшилась обработка почвы. Это привело к снижению урожайности, сокращению поголовья и уменьшению продуктивности скота. Достаточно сказать, что валовый сбор зерновых культур в 1945 г. составил 5878 тыс. ц против 12210 тыс. ц в 1940 г.¹⁰ Сельское хозяйство нуждалось в незамедлительной помощи со стороны государства. Не имея возможности выделить значительные материальные и финансовые ресурсы руководство страны пошло по пути организации «помощи» селу промышленностью.

7 июня 1945 г. выходит постановление СНК, по которому на всех предприятиях ведущих промышленных наркоматов планируется значительно увеличить производство запасных частей к тракторам и сельскохозяйственным машинам¹¹.

Появление этого постановления было вызвано, прежде всего, катастрофической нехваткой сельскохозяйственной техники. Практически все крупные промышленные предприятия Горьковской области начали заниматься выпуском продукции для сельского хозяйства. Надо отметить, что задания по этим видам изделий постоянно увеличивались, так как значительно расширился ассортимент выпускаемых запчастей. Однако не являясь основной, а дополнительной нагрузкой, такая продукция имела высокую себестоимость. Зачастую в несколько раз превышала плановую. К тому же детали для сельхозмашин не относились к числу дорогих и не могли обеспечить предприятиям возмещение затрат

⁸ Правда. 1946. 19 сентября.

⁹ Государственное учреждение: Государственный архив Нижегородской области далее ГУ ГАНО Ф. 4230. Оп. 1. Д. 3422. Л. 353.

¹⁰ Народное хозяйство Горьковской области за 50 лет. Статистический сборник. Горький, 1967. – С. 45.

¹¹ Послевоенная конверсия... – С. 106–109.

на их производство. Так, в начале 1946 г. моторный цех №2 автозавода не выпустил ни одного поршня колесного трактора «СТЗ», хотя задание по автомобильным поршням с успехом перевыполнялось. Причиной такого положения с выполнением производственной программы являлось почти двукратное превышение стоимости автомобильных деталей по отношению к тракторным при практически одинаковой трудоемкости их производства. Естественно, что выгоднее и проще было выполнить план по стоимости за счет автомобильных деталей или какого-либо государственного заказа оборонного значения¹². Фактически «шефская» помощь помогала латанию дыр, она не смогла решить проблему улучшения снабжения села техникой.

Несмотря на предпринимаемые меры, денежных средств, направляемых для развития сельского хозяйства страны в послевоенные десятилетия, было явно недостаточно. Так, например, за первые пять послевоенных лет в промышленность было вложено 17164 млн руб., в том числе в промышленность группы «А» — 15084 млн руб. (87,9), в промышленность группы «Б» — 2080 млн (12,1%). В развитие сельского хозяйства государство вложило лишь 5383 млн руб. на весь Советский Союз!¹³

Как видно из приведенных цифр, подавляющее большинство государственных инвестиций шло на развитие тяжелой (в том числе и оборонной) промышленности. Промышленность группы «Б» должна была наращивать темпы производства главным образом за счет изыскания внутренних резервов. Довоенный уровень производства текстильной промышленности в целом был достигнут в 1949 г., в то время как выпуск шелковых и шерстяных тканей был восстановлен уже в 1948 г. Такой значительный подъем уровня производства опять же связан с военными заказами — шерстяная ткань использовалась для пошива солдатских шинелей, а шелк — для производства парашютов. Таким образом, и в группе «Б» отрасли промышленности, связанные с ВПК, развивались более быстрыми темпами. Сельское же хозяйство, находившееся в сильнейшем кризисе после войны и неурожая 1946 г., нуждавшееся в огромных инвестициях, продолжало играть роль «дойной коровы» для нужд государства¹⁴.

После сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953) увеличился поток сельскохозяйственной техники, направляемой в деревню. По решению партийных органов рабочие кадры направлялись в колхозы и совхозы региона, позволившее укрепить их квалифицированными кадрами механизаторов, организаторов производства и специалистов. В Горьковской

¹² Автогигант. 1946. 28 февраля.

¹³ Капитальное строительство в СССР. Статистический сборник. М., 1961. – С. 55, 66, 67.

¹⁴ Подробнее смотри: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.

партийной организации в отсутствии соответствующих инвестиций традиционно усиливали «шефскую» работу. Партийные организации широко пропагандировали лозунг «Повернуться городу лицом к деревне», а также лозунг «Считать подшефные МТС или колхозы своими цехами». Конкретные партийные поручения получили многие промышленные, хозяйственные, научные, культурно-просветительские организации области. Все они регулярно отчитывались о выполнении заданий по оказанию помощи селу.

В 1953 г. Горьковский автозавод дал для села сверх годового плана сотни автомашин ГАЗ-51. Был освоен выпуск нового легкового автомобиля высокой проходимости ГАЗ-69, крайне необходимого для сельского хозяйства. Справедливости ради следует отметить, что первоначально он разрабатывался и предназначался для использования в армии в качестве легкого тягача. В 1954 г. резко увеличилось производство моторов для комбайнов, многих узлов и деталей для сельскохозяйственных машин. На автозаводе был изготовлен опытный образец силосоуборочного комбайна СК-26, а затем началось массовое производство важнейшего узла этой машины — режущего барабана.

Эти меры позволили сельскому хозяйству области начать выходить из кризиса, в котором оно оказалось в первые послевоенные годы. Вырос валовый сбор зерна, увеличилась урожайность зерновых культур. Особенно поднялось производство технических культур. В 1955 г. область заняла первое место в РСФСР по товарному выпуску волокна льна с гектара. Вырос так же сбор картофеля и овощей, а по производству лука Горьковская область шла впереди многих областей страны¹⁵.

Силами шефствующих предприятий города Горького только в 1954 г. было построено и сдано в эксплуатацию парников более чем на 50 тыс. рам и теплиц общей площадью около 6,5 тыс. квадратных метров, а в 1955 г. шефы возвели на селе 7 новых МТС со всеми производственными сооружениями и 142 животноводческих помещения¹⁶. Наряду с этим, значительная часть промышленных предприятий и организаций не выполнили свои обязательства. Техническая оснащенность колхозов и совхозов значительно отставала от насущных потребностей села.

В целом, по результатам пятой пятилетки в целом по области отставание сельского хозяйства еще не было преодолено. Рассматривая причины этого явления, XIII областная партконференция указала на следующее: канцелярско-бюрократические методы руководства колхозами и МТС, несоблюдение принципов материальной заинтересованности работников, недостаточный уровень руководства сельским хозяйством со стороны

¹⁵ Тюрин А.Ф. Подъем экономики колхозов. М., 1958. – С. 20–23.

¹⁶ Тюрин А.Ф. Подъем экономики колхозов. М., 1958. – С. 28.

обкома партии, его сельскохозяйственного отдела, облисполкома и областного управления сельского хозяйства¹⁷. На самом же деле причины следовало искать в государственной политике, оставившей сельскому хозяйству роль донора для развития промышленного сектора, чей потенциал становится главным залогом обеспечения военной и экономической безопасности страны.

Подчеркнем, что подобный серьезный критический подход областной партконференции не изменил сути проводимой политики в следующую пятилетку. При острой необходимости увеличения выделения материальных и финансовых ресурсов, внедрения новых форм хозяйствования, стимулирования результативного труда продолжали работу прежними методами. Сельское хозяйство Горьковской области находилось в тяжелом положении и вплоть до начала 60-х гг., оно так и не смогло преодолеть начавшийся после войны глубокий кризис.

¹⁷ Тюрин А.Ф. Подъем экономики колхозов. М., 1958, – С. 30.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ
В УСЛОВИЯХ СТАЛИНИЗМА И ХРУЩЕВСКОЙ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – 50-е гг.**

Децентрализация, производительные силы, сельское хозяйство, планирование, материально-техническая база, снижение себестоимости.

В статье на основе анализа источников и литературы в региональном и общероссийском контекстах рассматривается сложившаяся в 1940–1950-х гг. практика планирования применительно к производительным силам аграрной отрасли.

Сложившаяся еще в довоенный период система планирования отличалась детальной регламентацией всех аспектов восстановления и развития производительных сил. Им определялась количество и структура посевных площадей, поставки техники и оборудования в сельское хозяйство, подготовка кадров, строительство производственно-технических сооружений и многое другое.

Существующая система планирования обеспечивала технологическую связь промышленности с сельским хозяйством и являлась способом осуществления в последнее капитальных вложений. Прежде всего это выражалось в производственной связи колхозы — машинно-тракторные станции (МТС), благодаря которой аграрное производство не только охватывалось системой планирования, но и снабжалось сельскохозяйственной техникой и оборудованием.

Для предприятий сельскохозяйственного машиностроения важной особенностью сложившейся системы планирования было использование таких показателей, как повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции. Предприятиям определяли плановые показатели снижения себестоимости. В четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) себестоимость промышленной продукции снизилась на 17,0 %. А в пятой пятилетке (1951–1955 гг.) было достигнуто рекордное снижение на 23,3 %. Плановый показатель снижения себестоимости срабатывал лишь в комбинации с набором показателей, определявших конкретные физические объемы выпуска конкретных изделий. Продукцию

¹ *Ищенко Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент; Ищенко Алексей Владимирович, старший преподаватель; Тихонов Артур Русланович, преподаватель, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского», Россия, г. Саратов, Ishenko1978@yandex.ru.*

предприятия любого звена производственно-технологической цепочки нельзя было вывести из этой цепочки в какое-то рыночное пространство, чтобы там получить эту самую прибыль в денежной форме. Прибыль накапливалась по всей цепочке, перемещаясь к ее конечному звену, и реализовывалась лишь на рынке конечных потребительских продуктов или на мировом рынке. Не происходило накручивания прибыли и цены на каждом следующем звене цепочки. Поэтому оптовые цены на разные виды промежуточной и конечной продукции были ошеломляюще низкими. В 1952 г. снижение себестоимости с учетом снижения цен на сырье, материалы, топливо и тарифов на электрическую и тепловую энергию и грузовые перевозки составило более 8% и в 1953 г. — более 5%.²

Все это обуславливало противозатратный механизм и снижение себестоимости продукции не только в сельскохозяйственном машиностроении. Утвержденные на XIX съезде партии директивы по пятому пятилетнему плану на 1951–1955 гг. были сориентированы на задания по снижению себестоимости в том числе и продукции сельского хозяйства примерно на 4 % ежегодно, планировался 20 %-й рост сельскохозяйственного инвестиционного машиностроения (средств производства сельскохозяйственного машиностроения). Однако корейская война (1951–1953 гг.) и вызванный ею значительный рост военных расходов в СССР обусловил пересмотр всех народнохозяйственных пропорций³.

В то же время система управления и труд непосредственно в сельскохозяйственном производстве в значительной своей степени строились на репрессивной политике государства по отношению к управленческим кадрам и внеэкономических методах принуждения в отношении трудовых ресурсов села. Самым главным в рассматриваемом аспекте было то обстоятельство, что ежегодно народнохозяйственные планы предусматривали мобилизацию сельского населения для промышленности и строительства. Только к середине 1950-х гг. доля сельского населения в организованном наборе рабочей силы значительно упала. Так, в 1951 г. в целом по стране из сельского населения в промышленность было привлечено 60,8 %, в 1954 г. — 35,6 % всех рабочих, направленных в порядке оргнабора, а в 1956 г. количество трудовых договоров, заключенных с колхозниками, не превышало 5 %⁴.

² Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – С. 70, 82.

³ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. / Г.И. Ханин; Новосиб. Гос. Техн. Ун-т. – Новосибирск, 2008. – Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х – 1987 год. – С. 94.

⁴ Ищенко Ю. В. Развитие производительных сил села в послевоенный период: середина 1940 – начало 1950-х гг. (На материалах Саратовской и Сталинградской областей): Дис. ... канд. ист. Наук / Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. Саратов, 2011. – С. 50, 99, 106.

Все это и многое другое в своей совокупности привело к упадку престижа деятельности, связанной с функционированием сельскохозяйственного производства и, конкретно, к «вымыванию» из российского села его главной производительной силы — трудовых ресурсов.

Проведенные в период хрущевской децентрализации (1953–1958 гг.) сокращение набора плановых показателей, которые были обязательны для выполнения министерствами, предприятиями и т.д., нивелирование роли контролирующих органов (Госплан, Госснаб и т.д.) привели к ослаблению жесткой вертикали управления.

Следствием сокращения плановых показателей стало составление народнохозяйственных планов не по конкретным объектам, а по отраслям, что давало широкие возможности министерствам, совнархозам, местным партийным и советским организациям распределять направляемые капиталовложения по своему усмотрению, зачастую в ущерб развитию производительных сил⁵.

В условиях отсутствия рыночной экономики и связанной с ней механизмов контроля (конкуренции и т.д.) все это привело к снижению эффективности капитальных вложений в отрасли, аффилированные с развитыми производительными силами российской деревни.

Важным институциональным преобразованием стало резкое понижение роли контрольных органов, непосредственно ответственных за состояние дел в сельском хозяйстве, что в конечном итоге снижало эффективность использования его производительных сил. Так, в 1950-е гг. был ликвидирован Совет по делам колхозов при Правительстве СССР. Постановлением Совмина РСФСР в 1959 г. был ликвидирован ряд региональных управлений Государственной хлебной инспекции, сокращена общая численность сотрудников⁶.

Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» от 9 марта 1955 г. устанавливало новый порядок планирования, при котором райисполкомы доводили до колхозов задания на предстоящий год по объему заготовок (не производства!) товарной продукции⁷. МТС получили большую самостоятельность в своей работе. В 1954 г. количество видов тракторных работ, планируемых в централизованном порядке, было уменьшено с 191 до 22⁸.

⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 3: Постановления. 1959–1964 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. – С. 925–926.

⁶ Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Саратовской области» (далее ОГУ ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 4356, Л. 4–5.

⁷ КПСС в резолюциях... М., 1988. Т. 8. – С. 492–498.

⁸ Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. – С. 236.

Общая тенденция, связанная с уменьшением при планировании производства числа натуральных показателей, с одной стороны, и ослаблением хозяйственного контроля, с другой, открывала в связи с этим широкие возможности увеличивать стоимость изготавливаемой продукции для потребителей, вела к удорожанию стоимости производимых в сельском хозяйстве работ и восстановительной стоимости основных фондов в целом⁹. В 1962 г., например, сооружение коровника рамной конструкции в Саратовской области обходилось в 110 руб. на одну голову, а в 1965 г. — в 250 руб.¹⁰ Подрядные организации стремились максимально зависеть стоимость своих работ, что, в свою очередь, приводило к удорожанию строительства.

Вследствие сложившейся в 1950-е гг. практики планирования выполнение планов строительства устанавливалось исходя из общих финансовых затрат, сделанных в рамках капиталовложений, а не от ввода объектов в эксплуатацию. Нередки были случаи, когда в погоне за соответствующими показателями подрядные организации на неопределенный срок прекращали свою деятельность на «пусковых» объектах и брались за новые, более выгодные с их точки зрения виды работ¹¹. Так, при выполнении годового плана капитальных вложений за 1958 г. совхозами Саратовской области на 105 %, план ввода в действие объектов не был выполнен, что свидетельствовало, в первую очередь, о распылении денежных и материальных ресурсов, отвлечении средств от пусковых объектов. В результате значительная часть средств, вложенных в строительство, на продолжительное время замораживались в незавершенных объектах и не давала никакой отдачи для народного хозяйства¹².

Другой стороной проводимого курса стало практическое прекращение в середине 1950-х гг. планового централизованного пересмотра норм труда. Именно тогда Политбюро впервые не смогло принять решения о единовременном пересмотре норм выработки, как оно это делало все предыдущие годы сталинского режима¹³. В результате работы по техническому нормированию в сельскохозяйственном производстве оказались запущенными. К концу 1950-х гг. произошло техническое усовершенствование сельскохозяйственной техники, появились новые виды машин и

⁹ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Новосиб.: Гос. Техн. Ун-т, 2008. – Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х – 1987 год. – С. 165.

¹⁰ Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» (далее ОГУ ГАСО). Ф. Р-2163. Оп. 4. Л. 49.

¹¹ Ищенко Ю.В. Организационно-экономические основы индустриализации сельского строительства Саратовской области в 1950-х – первой половине 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 69–73. ISSN 1997-292X. С. 72.

¹² ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4347, Л. 28.

¹³ Явлинский Г.А. Экономика России: наследство и возможности // Октябрь. 1995. № 7. – С. 163.

оборудования, однако нормы выработки и расходы топлива в большинстве случаев оставались прежними. Появилось много новых видов сельскохозяйственных работ, на которые вообще отсутствовали нормы. Так, за одну тонну подвезенных кормов колхозы начисляли по действовавшим нормативам 3 трудодня, хотя при внедрении прогрессивных норм следовало начислять 1,25 трудодня¹⁴.

Справедливости ради нужно отметить, что переход к новым крупносерийным технологиям в промышленном производстве, обусловившее резкое повышение его эффективности, определенное сокращение военных расходов в 1953–1954 гг. и использование части очень крупных к 1953 г. золотых резервов нашли свое отражение в аграрной политике правительства и в бюджете средств, выделяемых на сельскохозяйственную отрасль. В целом за 1952–1958 гг. валовая продукция сельского хозяйства выросла примерно в 1,5 раза, т.е. почти на 10 % ежегодно. Парк важнейших сельскохозяйственных машин и орудий в этот период вырос в 1,5–2 раза благодаря росту отечественного сельскохозяйственного машиностроения¹⁵.

В тоже время несмотря на рост валовой продукции и некоторых других показателей аграрной отрасли, уже в первые 3 года 6-й пятилетки резко замедлился по сравнению с предшествующим периодом ввод мощностей в машиностроении. Среднегодовые темпы роста гражданской советской промышленности, к которой относилось и сельскохозяйственное машиностроение, снизились с 9,6 % в пятой пятилетке до 7,1 % в 1956–1958 гг. Это было очень заметным падением темпов роста за такой короткий период времени. В 2 раза снизились темпы роста производительности труда¹⁶. Замедлилось также снижение себестоимости промышленной продукции, ее материалоемкости, что негативно сказывалось на производстве сельскохозяйственной техники и ценовой политике, проводимой изготавливавшими ее предприятиями. В 1958 г. цены на запасные части были увеличены в 2–2,2 раза, резко были повышены цены на сельскохозяйственные машины и другие изделия¹⁷.

Таким образом, как показывают материалы исследования, сложившаяся в «хрущевский» период практика планирования снижала эффективность капитальных вложений в сельскохозяйственное производство, занижала материально-техническое обеспечение последнего и, в конечном итоге, становилась одной из существенных причин будущих кризисов в аграрной сфере.

¹⁴ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4343, л. 200.

¹⁵ Ханин Г.И. Указ. соч. – С. 110–111.

¹⁶ Хейнман С.А. Советская экономика в презентации Г. Наттера // Вопросы экономики. 1962. №9. – С. 98.

¹⁷ Пленум Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза. 21–26 марта 1965 года. Стенографический отчет. – С. 116.

**ВЯТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1945–1953 гг.:
МЕЖДУ ВОЙНОЙ И «ОТТЕПЕЛЮ»**

Данная публикация рассматривает состояние развития советской деревни после окончания Великой Отечественной войны. На примере тылового региона, которым являлась Кировская область, анализируются основные направления аграрной политики государства, развитие сельского хозяйства, а также уровень жизни крестьянства.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, деревня, крестьянство, колхозы, аграрная политика.*

Период 1945–1953 гг. ограничен двумя, в некоторой мере, более значимыми и насыщенными периодами — Великой Отечественной войной с одной стороны, вследствие чего первые послевоенные годы вполне уместно изучаются как следствия войны, а 1945 г. служит подведением черты под потерями СССР и отправной точкой мирной жизни. 1953 г. и смерть Сталина, с другой стороны, открывают период так называемой «оттепели», подготавливая почву для изучения реформ и поиска их причин в итогах первых послевоенных лет.

Время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стало достаточно тяжелым для всего советского государства и общества и деревни как его части. Необходимость борьбы с врагом и приоритетное обеспечение потребностей фронта делали невозможным не только развитие сельского хозяйства, но и поддержание довоенного уровня жизни крестьянства.

Страна вступила в войну преимущественно крестьянской: согласно всесоюзной переписи населения по РСФСР более 66 % проживали в селе (в том числе 72,5 млн человек — в деревне из 109,4 млн общего населения республики)².

По Кировской области сельское население составляло соответственно 85 % (1 млн 892 тыс. человек на 334 тыс. городских жителей). По Волго-Вятскому региону перед войной процент горожан составлял от 6,9 % в Мордовской АССР до 31,5 % в наиболее промышленно развитой Горьковской области³.

Ярко выраженный сельский характер населения определил и преобладание сельских жителей в составе действующей армии. Это обуславли-

¹ Коньшев Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Волго-Вятский Институт Университета МГЮА им. О.Е. Кутафина, Россия, Киров, Denis-Konyshov@mail.ru.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М.: Наука, 1992. – С. 22.

³ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. – С. 23–25.

валось еще и отсутствием у крестьян высокой квалификации и т.н. «брони», полагавшейся рабочим промышленности и других сфер, обладавших определенным уровнем образования. По подсчетам О.М. Вербицкой около 70 % личного состава Красной армии в период войны составляли выходцы из деревни⁴. Это предопределило наибольшие демографические потери именно для деревни. Соответственно, с уходом на фронт мужчин трудоспособного возраста восполнять нехватку рабочих рук предстояло за счет женщин, детей и стариков.

За время войны общая гибель населения Кировской области на фронте составила около 250 тыс. человек⁵ или 11 % от всего числа населения 1939 г. Общее количество жителей вятской деревни уменьшилось на 640 тыс. (или на 27,4 %)⁶.

После окончания войны резкого увеличения числа сельского населения не происходит, причинами этого были призывы в армию молодых мужчин, медленное окончание демобилизации, направление рабочих рук из деревни на восстановление разрушенных регионов (начало чему было положено еще в ходе освобождения территорий СССР). Также приоритетное для советской экономики развитие промышленности требовало все новых рабочих рук. Миграции из села в город способствовал статус колхозного крестьянства, не предполагавший социальных гарантий в виде стабильной заработной платы, оплачиваемого отпуска и др.

Уменьшение общего числа жителей деревни шло параллельно с уменьшением количества трудоспособных, занятых непосредственно в сельском хозяйстве. К 1945 г. общее число трудоспособных в колхозах страны уменьшилось на 38 % в сравнении с довоенным временем⁷. По данным Р.Г. Пихои за годы войны число трудоспособных мужчин в деревне уменьшилось в 2,5 раза при общем сокращении числа колхозников по стране с 18 млн. 189,2 тыс. человек до 11 млн. 430,9 тыс.⁸ В 1946 г. в колхозах региона количество трудоспособных мужчин составляло только половину от довоенного уровня⁹.

Поворот от войны к мирной жизни не означал долгожданных послаблений в сторону деревни. Наоборот, государство усиливает административный нажим на крестьянство. Отчасти подобная политика имела под собой объективные основания: необходимость увеличения объема

⁴ Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. – С. 43.

⁵ Всероссийская книга памяти. 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 1995. – С. 10.

⁶ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683. Л. 44.

⁷ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1987. – С. 176.

⁸ Пихоя Р.Г. 2009. Под знаком Сталина. М.: Олимп, 2009. – С. 63.

⁹ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 20. Д. 32 Б. Л. 2.

аграрного производства при сокращении всех ресурсов в сельском хозяйстве. В Кировской области спад в сельском хозяйстве стал особенно заметен с 1943 г. — первые 2 года войны деревня в какой-то мере жила по инерции за счет довоенных ресурсов, и негативные факторы стали сказываться по мере развития военных действий. Однако, спад не был резким или катастрофическим: в 1941 г. площадь всех посевов по Кировской области составляла 2243,7 тыс. га, то в 1943 г. — 1912,6 тыс. га¹⁰.

То же касалось и техники: к концу войны вследствие отсутствия вложений в деревню произошло закономерное замещение механизированных работ ручными, а механической тяги — животной и человеческой. Только за 2 года войны число рабочих лошадей уменьшилось с 205,8 тыс. голов на 1 января 1940 г. до 167 тыс. голов на 1 января 1943 г. — или на 33 %.

К 1945 г. объем механизированных работ составлял в среднем 65 % от плана и в 2 раза меньше довоенного на единицу сельскохозяйственной техники. Увеличивается объем гужевой тяги (нагрузка на лошадь выросла в среднем в 3 раза) при снижении количества лошадей на 30 %. Вырос объем ручного труда, применяются косы-литовки, серпы, нормы уборки которыми были по 0,12 га за день¹¹. Техническая оснащенность аграрного сектора в регионе была ниже средней по стране: в среднем по РСФСР в 1953 г. на один 15-сильный трактор приходилось 120–125 га посевной площади, а в Кировской области — 145 Га; на 1 комбайн по СССР 285 га зерновых, а в регионе — 309¹².

Районы, не попавшие в оккупацию, по поставкам техники после войны оказались в менее выигрышном положении. На январь 1947 г. по РСФСР в областях, не затронутых боевыми действиями, новые гусеничные тракторы составляли 6 %, при чем за 1945 и 1946 гг. численность тракторов всех марок по районам, бывшим в оккупации, увеличилась на 12,4 %, а по остальным — только на 0,5 %¹³.

Согласно Е.Ю. Зубковой, «анализ настроений деревни в последний военный год, а также первые послевоенные годы, убеждает, что настроения в пользу отмены колхозов или их радикальной перестройки не только подогревали надежды решительных противников колхозной системы как таковой, но и порождали иллюзии возможных перемен у вполне лояльных и даже верных режиму людей»¹⁴.

Несмотря на рост антиколхозных настроений, государство было далеко от пересмотра экономической системы в целом и сельского хозяйства

¹⁰ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 70. Л. 32.

¹¹ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 36. Лл. 1, 5, 131.

¹² ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1770. Л. 66.

¹³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 2608. Л. 112.

¹⁴ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. – С. 62.

в частности. Этому отчасти способствовало победоносное окончание войны, закрепившее незыблемость существовавшей командно-административной системы в СССР, пересматривать которую Сталин не считал необходимым, рассматривая крестьянство как должника советской власти¹⁵. И.Е. Зеленин, характеризуя отношение советской власти к послевоенной деревне, называет ее «вечным пасынком города после 1917 г.»¹⁶.

Не только один вождь считал административный нажим на деревню в данный период действенным средством. Так, Н.С. Хрущев инициировал принятие Указа от 2 июня 1948 г., по которому подлежали выселению в отдаленные районы в административном порядке (по решению колхозных собраний), без суда и следствия члены колхозов, ведущие «антиобщественный образ жизни». И хотя данный Указ применялся к трудоспособным членам колхозов, вряд ли он серьезным образом повлиял на состояние трудовых ресурсов деревни. Всего по вятской деревне было выселено не более 200 человек¹⁷. Тем не менее, само его принятие свидетельствует об отношении власти к крестьянству и понимании необходимых методов стимулирования.

Несмотря на уменьшение ресурсов, планы, определяемые колхозам в первые послевоенные годы, возрастали. Так, посевные площади в 1948 г. по региону составляли на 195 тыс. га больше, чем в 1944 г.¹⁸

Показателем неблагополучия сельского хозяйства в этот период может считаться кадровая ситуация в деревне, частая сменяемость руководителей на селе. В 1946 г. по итогам проверки Министерства Земледелия СССР отмечалось, что примерно в 2/5 всех колхозов председатели меняются ежегодно¹⁹. Должность руководителя колхоза была малопривлекательной. Так, при наборе в государственные школы на 6-месячные курсы по Кировской области было принято только 138 из плана в 200 человек. Схожая ситуация была и в соседних регионах²⁰. В 1946 г. ЦСУ РСФСР отмечало частую сменяемость секретарей сельсоветов (по отдельным районам до 4 раз в год), их низкую грамотность²¹.

Основная масса крестьян была занята на ручных низкоквалифицированных работах. По подсчетам О.Л. Лейбовича к началу 1950-х гг. только 9 % работников колхозов относились к механизаторам или являлись другими специалистами сельского хозяйства²².

¹⁵ Слово товарищу Сталину. М. 2002. – С. 484.

¹⁶ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. – С. 20.

¹⁷ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 20. Д. 48. Л. 160 Об.

¹⁸ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 20. Д. 32 Б. Лл.2, 19.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 343. Л. 62.

²⁰ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 4990. Лл. 87–88.

²¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 2608. Л. 82.

²² Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. – С. 62.

Крестьяне балансировали на грани выживания, уровень жизни на селе был хуже, чем в городе, не хватало самого основного. В среднем крестьянская семья до начала 1950-х гг. потребляла меньше необходимого физиологического минимума основных продуктов питания, особенно мяса, масла, рыбы, овощей, молока, несмотря на то, что многие из них производились в личном подворье — они шли на продажу и в уплату налогов. Не случайно исследователи говорят о «ярко выраженном картофельно-хлебном типе питания»²³.

Ситуация в колхозах с оплатой крестьянского труда от года к году не сильно улучшалась: в 1946 г. 39 % колхозов Кировской области совсем не выплатили денег на трудодень. В 1950 г. эта цифра составляла 35,5 %, в 1951 г. — 30 %²⁴. Если в 1940 г. в среднем по области на 1 трудодень выдавалось 1720 г зерна и 0,38 руб. денег, то в 1947 г. — 778 г и 0,3 руб. денег соответственно²⁵.

Вот типичный пример состояния хозяйств в регионе в 1949 г. по данным обкома партии, который отмечал: «...в колхозе деревни Воловшина хлеба на трудодни достались граммы, лошади не ходят, так как кормить нечем, соломы и то нет. В колхозе деревни Калачи лошадей кормят мерзлой соломой, работать в колхозе стало совсем некому, скоро все разъедется...»²⁶.

Через 3 года после окончания войны в 1948 г. уровень животноводства в колхозах Кировской области составлял: поголовье лошадей 54 %, свиней 64 %, птицы 33 %²⁷ от довоенного. При этом к 1941 г. общественное животноводство региона по некоторым показателям было ниже уровня 1913 г.²⁸ К 1953 г. колхозы региона по основным показателям животноводства не вышли на уровень 1940 г.²⁹

Важным подспорьем для колхозников было личное подворье. Согласно Устава сельхозартели член колхоза мог иметь в пользовании до 0,25 га земли и содержать скот. С ЛПХ платился налог, подчас с отсутствующих в конкретных хозяйствах объектов налогообложения (коров, кустарников и прочего). В военное время власти вынуждены были мириться с личным подворьем, которое тем не менее продолжало восприниматься как нечто частнособственническое. Невольно отношение к ЛПХ выразил Хрущев в знаменитой статье «Об агрогородах»³⁰.

²³ Сайфуллина Н.Р. Жизнь после войны// Аграрный вопрос в России 19-21 вв.: между реформами и революциями: Материалы региональной научно-практической конференции. Уфа, 2007. – С. 101.

²⁴ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 26. Д. 14. Л. 9.

²⁵ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 20. Д. 32 Б. Л. 6.

²⁶ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 21. Д. 58. Л. 237.

²⁷ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 20. Д. 32 А. Л. 3.

²⁸ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 70. Л. 38.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 20. Д. 451. Лл. 3–4.

³⁰ Правда. 4 марта 1951.

После войны начинается наступление на ЛПХ, 19 сентября 1946 г. выходит Постановление Совмина СССР, ЦК ВКП (б) N 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»³¹. В данном документе был пункт «расхищение общественных колхозных земель», главной причиной уменьшения земельного фонда колхозов называлось увеличение личных приусадебных участков колхозников³².

В 1948 г. прокурор Кировской области требовал от прокуроров «принимать должные меры к пресечению случаев раздувания личного хозяйства колхозников», пресекать «самовольное увеличение колхозниками приусадебных хозяйств за счет земель колхозов». За 1946–1947 гг. по области за «расхищение и разбазаривание» общественных земель колхозов было осуждено 68 человек³³. Тем не менее, по региону в 1950 г. хозяйства колхозников, например, по крупному рогатому скоту соответствовали уровню колхозов — 325, 2 тыс. голов в общественных хозяйствах и 283,8 тыс. в крестьянских³⁴.

Еще одним проявлением административного нажима в деревне можно рассматривать принятие Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»³⁵, на основании которого стали привлекать отдавать под суд даже за самые минимальные «хищения» колхозного имущества. По данному Указу страдали председатели колхозов за раздачу зерна колхозникам до выполнения плана, и рядовые крестьяне за горсть зерна или несколько клубней картофеля.

Основу сельского хозяйства региона составляли колхозы, совхозов до 1959 г. здесь было всего 4³⁶. Одним из ярких организационных изменений данного периода стало укрупнение колхозов. На основе принятого 30 мая 1950 г. Постановления ЦК ВКП (б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» крупные хозяйства выделялись более выигрышными с точки зрения возможности сосредоточения ресурсов. В итоге по региону за 1950–1953 гг. количество колхозов сократилось с 9100 до 1925 (в 4,7 раза)³⁷, что привело к увеличению количества деревень на 1 колхоз, ухудшению управляемости. Например, в хозяйстве им. Сталина после укрупнения на работу колхозников стало выходить меньше, чем до укрупнения; в 1950 г. колхоз по хлебозаготовкам сдал хлеба государству на 528 ц меньше предыдущего года³⁸.

³¹ www.consultant.ru. Дата сохранения: 02.02.2015

³² ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6. Д. 3039. Лл. 1–2.

³³ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 20. Д. 47. Лл. 1–3, 80.

³⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 34. Д. 850. Лл. 65–66.

³⁵ Правда. 5 июня 1947 г.

³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 1420. Л. 54.

³⁷ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 26. Д. 14. Л. 54.

³⁸ ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 23. Д. 81. Лл. 167–169.

Показателям неблагополучия в сельском хозяйстве может служить и качество семян. Так, в 1953 г. по Кировской области 95 % проверенных семян зерновых оказались некондиционными, а всего под посев было засыпано 89,1 % зерновых, 20 % семян льна, 71 % картофеля от плана³⁹.

Таким образом, административный нажим на деревню, незыблемость колхозной системы были главными средствами аграрной политики на фоне уменьшения социальных ресурсов села и выживании деревни. В годы «оттепели» пришлось решать не только многие из проблем послевоенной деревни, получили развитие проводившиеся меры аграрной политики: выкачивание средств из села, укрупнение хозяйств вследствие веры в преимущества крупного производства, ограничение личного подворья. И последующие реформы были не только обусловлены 1945–1953 гг., но в чем-то и развивали намечавшиеся тенденции.

³⁹ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 1770. Л. 63.

**ТРУДНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДЕРЕВНИ
В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1946–1950 гг.):
ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Рассматривается проблема взаимосвязи процессов экономических и политических преобразований и развития общественных настроений крестьян Рязанской области после окончания Великой Отечественной войны. Раскрываются особенности настроений сельских жителей, проблемы повседневного быта советских колхозников в послевоенное время.

Ключевые слова: *Рязанская область, крестьянство, голод, социальная психология, послевоенный период.*

Война нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству Рязанской области. Посевные площади сократились с 1482,9 тыс. га в 1940 г. до 1218,8 тыс. га в 1945 г. Значительно снизилась урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства. Только за период временной оккупации ряда районов Рязанской области колхозам и учреждениям был нанесен ущерб, исчисляемый в 180 млн. руб., в том числе уничтожено более 3 тыс. сельскохозяйственных машин и орудий, погибло или было уничтожено более 60 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота. Тракторный парк сократился на 30%, количество лошадей — 40%². В письме министру земледелия СССР И.А. Бенедиктову начальник Рязанского облзо Шитенев писал, что Рязанская область, начиная с 1939 г. не получала новых тракторов и комбайнов³. Невосполнимой была потеря трудоспособного мужского населения деревни. Огромное количество мужчин погибло на фронте, многие уехали на работу и учебу в города. Образовался перекокс в соотношении мужчин и женщин: взрослое население области в 1946 г. на 72% было женским⁴. Капиталовложений в послевоенный период в деревню было направлено гораздо меньше требуемого. Имевшиеся ресурсы были использованы на послевоенную индустриализацию. В довоенный период индустриализация не затронула Рязанскую область. Регион являлся поставщиком сельскохозяйственной

¹ Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина, Россия, Рязань, falcon140770@yandex.ru.

² Гераськин Ю.В. Послевоенная деревня: трудности восстановления //Нива Рязани.2005. № 1. – С. 17.

³ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 888. Л. 83.

⁴ Божичко В.В. Изменение численности и состава сельского населения Рязанской области в 1939–1953 гг. //Наука. Общество. Оборона (noo-journal.ru) 2019. № 3 (20).

продукции и человеческих ресурсов для столицы и главных промышленных районов страны. На нужды сельского хозяйства планировалось направить не более 7% общего объема ассигнований. Государственная помощь выражалась, главным образом, в поставках техники для колхозов, МТС и совхозов. Необходимо было обеспечить рост посевных площадей на 12,8% по сравнению с 1945 г., повысить урожайность всех сельскохозяйственных культур⁵. Восстановление и развитие сельского хозяйства области было связано с преодолением больших трудностей, усугубленных засухой, охватившей в 1946 г. многие районы страны, в том числе и Рязанскую область. Спасаясь от голода, сельское население бежало из центральных областей, включая Рязанскую⁶.

В марте 1946 г. сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства. Труженикам сельского хозяйства Рязанской области была поставлена задача: обеспечить рост посевных площадей до довоенных объемов в 1483 тыс. га, восстановить довоенный уровень продукции растениеводства и животноводства и превысить его за пять лет на 27%. В феврале 1947 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». На сельскохозяйственных работах 1947 г. использовался лозунг: «На уборку вышли — в бой пошли!». Посевные площади были расширены дополнительно сверх плана на 171 тыс. га. Свыше 50 тружеников сельского хозяйства были удостоены правительственных наград.

Одной из социально-экономических проблем, препятствующих развитию области, являлось то, что сельские населенные пункты не были электрифицированы. В начале 1950-х гг. только 15% получали электроэнергию. План электрификации рязанского села был утвержден областным руководством в марте 1945 г. На электрификацию села за пять лет было выделено более 30 млн руб. В октябре 1948 г. была пущена Кузьминская межколхозная гидроэлектростанция на Оке мощностью 1000 кВт. В 1950 г. началось строительство Рассыпухинской межколхозной гидроэлектростанции на Мокше мощностью 200 кВт. Она должна была обеспечить электроэнергией 60 колхозов восточных районов области. В этом же году началось строительство Данковской межколхозной ГЭС. Всего за пять послевоенных лет было построено 194 мелких электростанций. Благодаря этому получили электроэнергию около 550 колхозов⁷.

⁵ Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. – С. 370.

⁶ Зима В.Ф. Тупики аграрной политики // СССР и холодная война / под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М., 1995. – С. 145.

⁷ Авдонин В.С., Акульшин П.В., Гераськин Ю.В., Кириянова Е.А., Соколов А.С., Соколов Е.Н., Тарабрин Е.Г. История Рязанского края. 1778–2007 /Под редакцией д.и.н. П.В. Акульшина. Рязань, 2007. – С. 278.

Колхозы через различные каналы: обязательные заготовки, натуральные платежи МТС, передавали государству более половины урожая. При этом государственные закупочные цены на продукцию колхозов оставались фактически на уровне конца 1920-х годов, тогда как цены на промышленную продукцию, получаемую деревней, увеличились за прошедшее время в 20 раз. В результате получаемые колхозами денежные средства нередко не покрывали издержки производства и транспортировки. Зачастую сильные колхозы покрывали издержки слабых хозяйств. Рязанская область в течение многих лет не выполняла планов развития сельского хозяйства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Больше всего колхозов с минимальной выдачей зерна на трудодни находились в Рязанской области. В 176 колхозах вообще не выдавали зерно на трудодни⁸. В 1946 г. после неурожая, а также вследствие принудительного изъятия хлеба в виде хлебозаготовок во многих колхозах крестьяне за свой труд в общественном хозяйстве вообще ничего не получали⁹. Несмотря на то, что оставался в силе закон военного времени, предусматривающий уголовное наказание для тех, кто покидает свое рабочее место, каждый четвертый рязанский колхозник не выработывал положенного обязательного минимума трудодней. Продажа на рынке того, что собиралось примерно с 6% подсобных земель, помогало выживать¹⁰.

В 1947 г. не были выполнены планы сева, валового сбора зерна и развития общественного животноводства. Сказались последствия войны и засухи. Для того чтобы спастись от голода, колхозники вынуждены были расширять личное подсобное хозяйство. Расширяющаяся промышленность и строительство в городах остро нуждались в рабочей силе и рекрутировали ее в деревне. В связи с этим происходила миграция сельской молодежи в города. В 1950 г. трудоспособное население колхозников составляло немногим более половины уровня 1940 г. В то же время, как и в первые годы советской власти перед страной стояла задача обеспечения продовольственной безопасности¹¹.

В связи ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя, что вызывало недовольство жителей села. В письмах колхозников Рязанской области, задержанных военной цензурой МГБ в июне 1946 г.,

⁸ Агарев А.Ф. Уроки власти: сельское хозяйство Рязанской области 1937–1948 гг. Рязань, 2006. – С. 9.

⁹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999. – С. 62.

¹⁰ Гераськин Ю.В. Послевоенная деревня: трудности восстановления //Нива Рязани. 2005. № 1. – С. 19.

¹¹ Соколов А.С, Минат В.Н. История создания и развития советской системы продовольственной безопасности //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Сборник научных трудов. Поляков М.В. (ответственный редактор). Рязань, 2017. – С. 5–7.

содержались такие суждения: «Налоги в этом году требуют вдвое больше, чем в прошлом»¹². В мае 1946 г. «В деревне жить стало очень трудно — замучили налоги, налоги увеличили вдвое; с коровы — 280 л молока. А где брать сама не знаю». Аналогичные суждения высказывала крестьянка Касимовского района Л. Наумкина, указывая, что «жизнь в деревне стала очень тяжелой: из колхоза ничего не дают, а с нас требуют 290 л молока, мясо, яйца, шерсть. У нас из семьи три человека погибло на фронте, а на это не обращают внимание»¹³. О тяжелой ситуации, сложившейся в рязанской деревне в послевоенное время свидетельствуют воспоминания колхозников: «Войну не помню, но очень хорошо помню голодные годы. Особенно 1947 год. Все, что мало-мальски было съедобно, тут же исчезало во рту (корешки и листья трав, клейкая смола кустарников, лебеда, молодые веточки и листья липы, вишни, молодые побеги клена, цветы акации). Все ели, потому и выжили». «Послевоенные годы были тяжелые. Жили бедно. Голодали. Воровали картошку в колхозах. Было опасно, однако голод был сильнее. Особых харчей не было, что было в этот день дома, то и ели. Терли картошку. По ведру картошки съедали. Собирали черный крахмал и пекли блины»¹⁴.

Недовольство крестьян вызывал произвол со стороны местной власти. В письме работников фермы колхоза «Красный воин» Шацкого района на имя первого секретаря Рязанского обкома ВКП(б) А.И. Марфина в конце 1946 г. указывалось на злоупотребления работников райкома: «В Шацке работники района не прекращают растаскивать колхозы»¹⁵. В письмах колхозников присутствуют нарекания на бесхозяйственность и незаконные председателей. В протоколе отчетно-перевыборного собрания колхоза «Нацмен» Кадомского района от 7 февраля 1947 г. указывалось, что председатель и правление работали плохо, семян в колхозе нет; «сено разбазаривали не только скошенное, но и на корню в оврагах — продавали за водку»¹⁶.

В декабре 1947 г. была проведена денежная реформа, в ходе которой была отменена карточная система распределения продуктов. Реформа значительно снизила уровень народного потребления. В письме

¹² Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. – С. 145.

¹³ Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова и др. М., 2003. – С. 115.

¹⁴ Агарев А.Ф. Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области 1937–1970. Документы, события, факты. Рязань, 2010. – С. 131, 133.

¹⁵ Божичко В.В. «Просим вернуть нашу телку, а то напишем Сталину»: жалобы колхозников Рязанской области для защиты своих прав в 1940–1950-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56).

¹⁶ Божичко В.В. «Т. Сталин, мы не обижаемся лично на Вас»: колхозники и власть в первые послевоенные годы // Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XXI века: сборник статей / отв. ред. и сост. А.И. Шевельков. Коломна, 2018 – С. 215.

заведующего отделом агитационно-массовой работы Управления пропаганды и агитации ВКП(б) на имя Ю. Жданова в январе 1948 г. указывалось, что в ряде областей, в том числе и Рязанской торговыми организациями была поставлена в тяжелое положение сельская интеллигенция — «учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, которые в первые дни открытой торговли не были обеспечены даже хлебом, так как его не завезли в магазины сельпо»¹⁷.

В годы войны 37 тыс. га земли были изъяты из колхозного оборота и закреплены за приусадебными участками и подсобными хозяйствами городских предприятий и учреждений в виде мелких огородных участков. Правительственные решения в сентябре 1946 г. возвращало все земли, занятые частными лицами, обратно в колхозы. Погашено денежной задолженности организациям, учреждениям и отдельными лицами на сумму 12 541 тыс. руб.¹⁸ Выросли налоги на частные земельные участки. Председателям колхозов запретили выдавать колхозный инвентарь для нужд частных хозяйств. Сложившаяся в годы войны «звеньевая» система труда была подвергнута критике. Индивидуальные хозяйства были обложены высокими денежными и натуральными налогами с тем, чтобы заставить крестьян работать в колхозах. В ответ крестьяне начали избавляться от коров и вырубать фруктовые сады, чтобы выращивать картофель и разводить свиней. В результате производство картофеля на душу населения в Рязанской области увеличилось на 50%, поголовье свиней — на 20%.

Ситуация в Рязанской деревне стала предметом обсуждения в ЦК ВКП(б). Там дважды в течение 1948 г. заслушивали отчеты Рязанского обкома партии по руководству сельским хозяйством. 14 апреля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Рязанского обкома ВКП(б) в области руководства сельским хозяйством». Работу признали неудовлетворительной. Первый секретарь обкома партии А.И. Марфин, который возглавлял местную партийную организацию с осени 1943 г., покинул эту должность. Сменивший его С.И. Малов руководил регионом всего семь месяцев. Как отмечал заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) П.И. Дедов, прибывший на пленум Рязанского обкома ВКП(б) «многое надо сделать, чтобы превратить Рязанскую область в цветущую область»¹⁹. Сталин, получив очередную сводку о состоянии дел в стране, постучал по карте там, где находилась Рязанская область, и сказал: «До каких пор мы будем терпеть эту провальную яму под Москвой? Послать туда кадрового секре-

¹⁷ Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы /сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М., 2010. – С. 400.

¹⁸ Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. – С. 371.

¹⁹ Агарев А.Ф. Уроки власти: сельское хозяйство Рязанской области 1937–1948 гг. Рязань, 2006. – С. 108.

таря»²⁰. В ноябре 1948 г. первым секретарем обкома стал присланный из центра кадровый партийный работник А.Н. Ларионов. Его незаурядная личность оказала значительное влияние на последующее развитие Рязанской области.

Сельскому хозяйству области была оказана материально-техническая и финансовая помощь. За 1949–1950 гг. МТС области получили 1808 новых тракторов, 607 комбайнов, 1800 жаток, 1464 сеялки, 2300 плугов. Колхозам было выделено значительное количество сельскохозяйственных машин, отпущены семена. После тяжелейшей засухи 1946 г. было начато осуществление плана создания лесозащитных полос. Форсированные посадки осуществлялись с привлечением сил колхозов. На строительство МТС, лесозащитных лугомелиоративных станций государство выделило 13,7 млн руб. К концу четвертой пятилетки окрепла материально-техническая база сельского хозяйства области. В 1950 г. на полях колхозов и совхозов работало 7617 тракторов и 1406 комбайнов²¹. Продолжилась электрификация рязанской деревни. Всего за годы четвертой пятилетки в селах было построено 194 небольших электростанции. На основе постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. в области было проведено объединение мелких колхозов в крупные на основе добровольности. Укрупнение колхозов создало предпосылки для лучшего использования земли, рабочей силы и сельскохозяйственной техники, более успешного развития всех отраслей колхозного производства, проведения сельскохозяйственных работ в 1950 г. Посевные площади в 1950 г. составили 1473,1 тыс. га, или 99,6% к 1940 г. Валовые сборы зерновых достигли 73,9% к 1940 г., картофеля — 168,6%²².

Труженики рязанской деревни к 1950 г. в основном ликвидировали тяжелые последствия войны в сельском хозяйстве, восстановили его довоенный уровень. Однако сельское хозяйство области развивалось медленными темпами и отставало от темпов развития промышленности, от потребностей населения.

²⁰ Агарев А.Ф. Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области 1937–1970. Документы, события, факты. Рязань, 2010. – С. 152.

²¹ ГАРО. Ф. П-3. Оп.1. Д. 2773. Л. 3.

²² Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. – С. 375.

ОТ АГРОГОРОДОВ К НЕПЕРСПЕКТИВНОЙ ДЕРЕВНЕ (ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ 1950-х гг.)

На основе анализа опубликованных данных статистики и исторических источников в статье рассмотрены проблемы становления политики укрупнения сельхозартелей и сселения малых деревень. В центре внимания инициатива Н.С. Хрущева по укрупнению колхозов и строительству агрогородов получившая практическое развитие в 1950-е гг. Выдвигается тезис о начале разрушения артельного типа коллективного хозяйства неразрывно связанного с землей и местожительством крестьян с начала 1950-х гг.

Ключевые слова: *крестьянство, аграрная политика, колхоз, деревня, агрогород, неперспективная деревня.*

Одним из направлений аграрной политики 1960–1970-х гг., как известно, являлась модернизация сети сельских поселений². Концептуальные и практические задачи данного курса были отражены в ряде партийно-государственных документов, прежде всего, вышедших в 1970-е гг. — Комплексной программе развития Нечерноземья, Генеральной схеме расселения СССР³. Основанная идея преобразования поселенческой структуры села заключалась в планомерном укрупнении сложившейся системы поселков и сселении «неперспективных» малых деревень. При этом данные решения объединяли как сугубо производственные, так и идеологические задачи текущей повестки дня — интенсификации сельскохозяйственного производства, усиления агропромышленной интеграции, закрепления профессиональных кадров на селе, преодоления различий в образе и уровне жизни между городом и деревней⁴. Впоследствии в исторической литературе политика сселения «неперспективных» деревень получила неоднозначную оценку, в большей мере негативную. Данный аграрный курс, как правило, определяют как одну из причин системного кризиса советского сельского хозяйства, процесса «раскрестьянивания» российской деревни и традиционно отождествляют с эпохой «застоя»⁵. Однако идея

¹ Филатов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Исторических наук и политологии, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Россия, Ростов-на-Дону, filatovsv@rambler.ru.

² Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М., 1996. – С. 48–50.

³ Комплексная программа развития Нечерноземья. М., 1977; Генеральная схема расселения на территории СССР. М., 1977.

⁴ Кирсанов Д.Ф. Сельское расселение: социально-экономический аспект. Киев, 1988. – С. 62–65.

⁵ Алексеев А.И. Многоликая деревня (население, территория). М., 1990. – С. 145–146.

деления на перспективные и неперспективные деревни впервые была обнародована уже в 1962 г. в изданных ЦНИИЛ градостроительства «Методических указаниях по составлению схем планировки сельскохозяйственных регионов»⁶. Тем не менее, как нам представляется, концептуальные и практические основы программы преобразования сельских поселений имеют более глубокие исторические корни.

Одной из частей программы социалистического переустройства сельского хозяйства реализовывавшейся ещё в 1920–1930-е гг., влиявшими на государственную политику в области расселения, являлись проекты агрогородов и аграрно-индустриальных комбинатов (АИК). С середины 1920-х гг. вопросы преобразования хозяйственной и жилищно-бытовой сферы села активно обсуждались на страницах журнала «На аграрном фронте», в ряде газетных статей. Итогом дискуссий явился выход в 1931 г. работ Я. Никулихина «Индустриализация сельского хозяйства СССР» и А. Алова-Лапскера «Аграрно-индустриальные комбинаты», где шла речь о масштабных планах механизации колхозного производства при одновременной реорганизации структуры крестьянских поселений⁷. «Вместо двух десятков миллионов крестьянских хозяйств, вместо 150–200 тыс. главным образом мелких колхозов и нескольких тысяч совхозов, — писал Никулихин, — мы можем иметь в начале 1940-х гг. всего только несколько тысяч крупных индустриально-аграрных и агроиндустриальных комбинатов»⁸. Так, не заявляя об этом напрямую, автор подразумевал неизбежность политики сселения мелких поселков при формировании данных комбинатов.

Подобные идеи не получили поддержки у высшего партийно-государственного руководства страны и вместо планировавшихся 300 аграрно-индустриальных комбинатов в 1930-е гг. были созданы только единицы⁹. В течение 1930–1940-х гг. колхозы оставались достаточно стабильными по размерам и сравнительно небольшими предприятиями. В среднем по стране они объединяли жителей одного–двух сёл, 70–80 крестьянских дворов, около 600 га пашни¹⁰. Это, в целом, отвечало положениям примерного Устава сельхозартели, утвержденного СНК и ЦИК СССР 1 марта 1930 г. Кроме этого, в постановлении ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» подчеркивалось: «Нарушается Устав сельскохозяйственной артели... где прямо сказано, что батраки, бедняки и середняки... села «добровольно

⁶ Русинов И.В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. – С. 51.

⁷ Семин С.И. Экономические основы аграрно-промышленных комплексов. М., 1979. – С. 69.

⁸ Никулихин Я. Индустриализация сельского хозяйства СССР. М.-Л.: 1931. – С. 85.

⁹ Семин С.И. Экономические основы аграрно-промышленных комплексов. М., 1979. – С. 73.

¹⁰ Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960. – С. 58–59.

объединяются в сельскохозяйственную артель»¹¹. Именно на этой основе мог формироваться органически единый тип коллективного хозяйствования, крепко связанный как с землей, так и с местожительством крестьян, имевший перспективы развития самоуправления и трудового творчества масс. Безусловно, колхозное село в условиях господства административно-командной системы управления было сильно деформировано уже в 1930-е гг. Тем не менее, сохранение стабильных размеров сельхозартелей до конца 1940-х гг. позволяло избежать более скоротечного разрушения деревни. Укрупнение колхозов и совхозов как средство подъема их экономики и разрешения продовольственной проблемы командная система тогда еще не рассматривала. Характерно, что даже в первые послевоенные годы, когда остро стояли задачи укрепления разрушенных и обезлюдевших колхозов, партийно-государственная номенклатура не пошла по пути их форсированного укрупнения.

Однако, в начале 1950-х гг. отдельные партийные лидеры стали возвращаться к подобным аграрным проектам через практику слияния мелких отстающих хозяйств. 30 мая 1950 г. появилось постановление ЦК ВКП (б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»¹². Как показывает анализ выступлений Н.С. Хрущева того периода, оно достаточно полно отражало его взгляды и, по-видимому, подготавливалось при его участии. Вскоре после избрания первым секретарём МГК и МК ВКП (б) в декабре 1949 г. Н.С. Хрущев стал активным проводником процессов укрупнением колхозов, что впоследствии и отразилось в упомянутом выше постановлении ЦК партии. В защиту этого предположения может свидетельствовать его речь 7 марта 1950 г. (за несколько месяцев до выхода постановления) перед избирателями Калининского избирательного округа Москвы, в которой Н.С. Хрущев подробно рассказывал о процессе укрупнений колхозов столичной области и экономической эффективности таких хозяйств. На примере данного выступления можно видеть, как будущий лидер страны неоправданно отождествлял процесс укрупнения хозяйств с социалистическим обобществлением труда и производства, игнорируя при этом идеи межхозяйственной кооперации на уровне небольших самостоятельных предприятий¹³. Это позволяет полагать, что именно Н.С. Хрущев в 1950-е гг. явился проводником «второго» варианта организации АИК или ИАК (в терминах 1930-х гг.),

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. – С. 102.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. –С. 214–217.

¹³ Хрущев Н.С. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 7 марта 1950 г. М., 1950, – С. 18–19.

предполагавшими утрату самостоятельности входящих в них предприятий, колхозов, совхозов при их слиянии.

Поддавшееся в 1950 г. «простому» решению проблемы подъема колхозного производства предложенному Н.С. Хрущевым, высшее партийно-государственное руководство от подобного проекта вскоре отказалось. Об этом свидетельствует, прежде всего, закрытый циркуляр ЦК ВКП (б) с критикой статьи Н.С. Хрущева о развертывании строительства агрогородов, опубликованной в «Правде» 4 марта 1951 г.¹⁴ И.В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» 1952 г. не стал касаться данной проблемы вообще, подчеркивая лишь необходимость «развивать всемерно индустрию и подвести под колхозы современную техническую базу крупного производства». Боле того, вождь воспринимал всякое поглощение колхозного сектора государственным как экспроприацию колхозов¹⁵. Как свидетельствуют материалы Отчетного доклада XIX съезда партии о работе ЦК ВКП (б), более решительную позицию занимал Г.М. Маленков. В частности, заместитель председателя СМ СССР среди недостатков в руководстве сельским хозяйством отмечал, что «отдельные наши руководящие работники, особенно в связи с проведением укрупнения мелких колхозов, допускали неправильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства... предлагали форсировано осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки... создать на новых местах крупные... “агрокорода”, рассматривая это как важнейшую задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов»¹⁶.

«Хрущёвский» вариант аграрных преобразований приобрел реальную основу только после сентябрьского 1953 г. решения Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Партийный форум постановлял «в течение двух-трех лет повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами и вместе с тем обеспечить всей массе колхозного крестьянства более высокий уровень материального благосостояния»¹⁷. Спустя полгода, в докладе 23 февраля 1954 г. Н.С. Хрущев особо выделил необходимость в самое ближайшее время «в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность»¹⁸. Из целевой установки новой аграрной политики исчезло положение

¹⁴ Медведев Р.Н. Н.С. Хрущев. Политическая биография // Дружба народов. 1989. №7. С. 139.

¹⁵ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, – С. 14–17.

¹⁶ Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП (б). 5 октября 1952 г. М., 1952. – С. 55–56.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. – С. 304.

¹⁸ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1. М., 1962. – С. 228.

о повышении уровня жизни крестьян. В дальнейшем, как один из этапов намеченного курса, стала разрабатываться и осуществляться программа укрупнения колхозов и совхозов, строительства крупных поселков городского типа и связанная с этим борьба с «неперспективными» деревнями.

Таким образом, «исходным пунктом» политики сселения малых деревень явилась кампания по укрупнению колхозов 1949–1950 гг. В данном процессе до 1965 г. затруднительно выделять конкретные этапы, однако можно отметить наметившуюся устойчивую тенденцию. Укрупнение колхозов шло постепенно, хотя и неравномерно. Качественные перемены, вызванные этим процессом, нарастали, преобразовывая производственную и социальную инфраструктуру села. Так, в 1932–1950 гг. состав колхозов по числу дворов оставался стабильным. Доля хозяйств включавших до 100 крестьянских дворов в этот период составляла 74–76%. Однако в 1950-е гг. мы наблюдаем их сокращение. В 1951 г. доля данных колхозов составила 37%, в 1953 г. — 21%, в 1959 г. — 11% и в 1965 г. — только 4%. И, наоборот, доля хозяйств имевших в составе более 300 дворов в течение указанного периода возрастает. В 1930-е — 1940-е гг. их доля определялась в 2–3%. Но уже в 1951 г. данная группа достигла 14%, в 1953 г. — 21%, в 1959 г. — 44%, и в 1965 г. — 58%¹⁹.

Мы можем предполагать, что именно в 1950–1953 гг. был запущен механизм разрушения артельного типа коллективного хозяйства крепко связанного с землей и местожительством крестьян. Особенно интенсивно укрупнение развернулось в 1957–1960 гг., когда ежегодно исчезали по 8–10 тыс. укрупненных ранее колхозов, обретавших новый статус специализированных, агропромышленных комплексов. Так, в 1963 г. оставалось около 40 тыс. колхозов против 123 тыс. в 1950 г. и 237 тыс. в 1940 г.²⁰ Предвосхищенная еще в начале 1930-х гг. Я. Никулихиным «программа», к концу 1950-х гг. вступала в стадию своей практической реализации. При этом предостережение В.И. Ленина, к имени которого так часто обращался Н.С. Хрущев, о том, что «превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела»²¹, было предано неоправданному забвению.

¹⁹ Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960. — С. 53; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. — С. 490.

²⁰ Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960. — С. 50; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. — С. 479.

²¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. — С. 111.

ОБРАЩЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ВЫСШИЕ И ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ИНСТАНЦИИ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

В статье рассматриваются обращения Областного комитета КПСС Калининградской области в высшие и центральные органы государственной власти с просьбами о помощи в развитии сельского хозяйства новой советской территории. Обосновывается тезис об особом внимании советского руководства к сельскохозяйственному производству региона.

Ключевые слова: СССР в послевоенные годы, сельское хозяйство, органы государственной власти и управления, колхозы, совхозы, Калининградская область

Советская государственная система управления партийным аппаратом во главе взяла на себя право распоряжаться всеми имеющимися ресурсами (материальными, трудовыми, финансовыми и т.п.) в интересах общего блага. Такое право предполагало и ответственность за то, чтобы это самое общее благо предоставлялось отдельным территориям, организационным структурам и конкретным людям. Опять же, эту ответственность партийно-советские руководители никогда с себя формально не снимали. Коммунистические убеждения местных руководителей не могли не сталкиваться с противоречием между необходимостью обеспечить ресурсами «масштабные» задачи и помочь теми же ресурсами своим управляемым, которые можно было попросить только из «общего пирога» и только у тех, кто непосредственно им распоряжался — высшего руководства страны.

Степень возможности распоряжаться имеющимися ресурсами у руководителей областного уровня в разные советские эпохи варьировалась, однако наименьший размер она имела, вероятнее всего, в эпоху т.н. «апогея сталинизма» — от Победы до изменений, вызванных смертью «вождя народов» в 1953 г. Именно на этот период приходится становление самой западной российской области — Калининградской. Причем, если первая послевоенная пятилетка была временем, когда ресурсы вкладывались в область именно в расчете на то, чтобы организовать и запустить здесь жизнь по советским принципам, без особого расчета на обратную отдачу, то с начала 1950-х гг. в Москве хотели видеть на западе страны обыкновенную российскую область, вносящую значимый вклад в общее производство.

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта, Россия, Калининград, p.polkh@mail.ru.

Безусловно, самая западная территория в составе РСФСР, оценивалась с точки зрения своего военно-стратегического потенциала, не последнее значение отводилось также ресурсам, связанным с незамерзающим портом на Балтике (не только военным, но и рыболовным и торговым), а также доставшимся в качестве трофеев крупным промышленным объектам с инфраструктурой. Однако область заселялась и сельским населением, которому предстояло освоить потрепанные войной, но все же качественные пашни, луга и пастбища. С какой целью? — ответ на этот вопрос не кажется очевидным. На вряд ли небольшая территория могла существенно изменить структуру и объемы земледелия и скотоводства в масштабах страны, да и задача снабжения расквартированных здесь воинских контингентов решалась на самом высоком централизованном уровне. Другие варианты грешат либо своей приземленностью (обеспечить себя и городское население, обустроить нормальную мирную жизнь), либо, наоборот, глобальностью (доказать преимущества советского социалистического сельского хозяйства на территории, ранее принадлежавшей нацистской Германии). Как агитаторские идеологемы использовалось и то, и другое (например, заявление в обращении к И.В. Сталину о том, что вложения в сельское хозяйство, предполагаемые в течение 1950–1954 гг. способны увеличить выход сельхозпродукции в 2,5–3 раза²), однако определенности в ответе на вопрос «зачем?» до конца не было не у сельских жителей-переселенцев, ни у руководства области. Тем не менее, процесс заселения шел и неизбежно порождал проблемы, о которых в центр сигнализировало партийное и советское руководство Калининградской области.

Условно все эти «сигналы» можно разделить на несколько групп: просьбы-заявки о выделении дополнительных материальных ресурсов, переселении работников, а также надежды на корректировки плановых заданий и расчеты на верховный арбитраж власти во взаимоотношениях с военными структурами. Просьб о выделении ресурсов было, несомненно, больше. Что могло требоваться сельскому хозяйству на вновь осваиваемой территории? — Семена, скот, корма, техника — это первое, что приходит на ум. Между тем, как раз-таки семена и скот в заявках не фигурируют. С продовольствием в области действительно было тяжело, в ряде случаев можно говорить не только о недоедании, но даже и о голоде³. Однако проблема посевного материала (с учетом того, что посевы гибли из-за нарушения сроков сева) в обращениях не фигурировала. Чаще подымалась проблема обмена семян на сортовое зерно, засыпки неконди-

² Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1. Областной комитет КПСС. Оп. 6. Д. 54. Л. 60.

³ Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Калининград: Терра Балтика, 2009 – С. 246–248.

ционного зерна и картофеля, но она решалась на местном уровне⁴. Скот (прежде всего, коровы и лошади) фигурировал в отчетах как наличествующий. Более того, в партийных документах фигурируют мероприятия по преодолению «бескоровности»⁵ — финансовой помощи по приобретению коров именно для личных подсобных хозяйств, причем в ряде случаев эту помощь буквально навязывали.

Понятное дело, что трудности с уходом и, как следствие, болезни и падеж в ходе зимовок были естественны для колхозных и совхозных ферм, однако в просьбах, чаще всего на имя заместителя председателя Совмина ССР Г.М. Маленкова содержится лишь просьба о выделении концентрированных кормов — речь шла о трех-пяти тысячах центнеров ежегодно⁶. В первые послевоенные годы это было логично, но далее, в условиях богатых лугов и пастбищ, предполагалось, что такой проблемы не будет. Однако, людских ресурсов и техники для создания «прочной кормовой базы» не хватало: отдельно наверх поступила просьба выделить совхозам Министерства мясомолочной промышленности 150 т клевера и 50 т тимофеевки⁷, при том, что всерьез рассматривался вариант обеспечения многолетними травами других регионов. Еще одна характерная просьба: открытие конторы тракторосбыта⁸. Завоз сельхозтехники (включая самоходные комбайны) в область осуществлялся весьма активно, кроме того, были немалые ресурсы и трофейных тракторов (главным образом, немецких «Бульдогов»). Однако сразу выявилась проблема запчастей, запросы на которые стали отправляться не только в министерства, но и на самый верх.

Специфика просьб о материальных ресурсах требует учета еще одного важного обстоятельства: область близко расположена к западной границе, через которую вывозилось, в том числе и трофейное имущество (сохранились указание поместить вывезенных из Германии коров на карантин⁹). В области до 1953 г. существовало три базы сельскохозяйственного снабжения — при станциях, сохранивших, в том числе европейскую железнодорожную колею (Бокелен-Фрунзенская, Шиллен-Жилино и при железнодорожном узле Черняховска — после создали единую структуру в областном центре¹⁰). Таким образом, можно предположить, что просьбы о ресурсах касались того, чего действительно недоставало в области.

⁴ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф Р-139. Областное сельскохозяйственное управление. Оп.9. Д. 144. Л. 9.

⁵ ГАКО. Ф. П-1. Областной комитет КПСС. Оп. 9, Д. 71. Л. 12.

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 54. Л. 125.

⁷ Там же. Л. 66.

⁸ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 90. Л. 159.

⁹ Там же. Л. 161.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-392. Калининградское отделение управления материально-технического снабжения Министерства совхозов СССР. Оп.1. Д. 37. Л. 4.

Первые годы переселения, показали, что не хватало, прежде всего, людей. Организованный поток переселенцев (а иначе быть и не могло в условиях пограничной зоны) сопровождался не организованным, но стойким оттоком. Из прибывших в 1946–1949 гг. в колхозы и совхозы 34373 семей в те же годы выбыло 5922¹¹, в ряде районов объем выбывших из колхозов составлял до двух третей от принятых переселенцев. «Обратничеству»¹² не могло не способствовать наличие у всех жителей внутренних паспортов — без этого не возможно было переселение в область. Однако заявки и просьбы шли не на возврат уже отъехавших, на присылку новых семей для подъема не только колхозов и совхозов, но и промышленных предприятий. Заметим, что эти просьбы имели не абстрактный характер, а указывали на конкретное число семей или специалистов: «потребность в рабочей силе 34–36 тыс. человек, летом — до 40, требуется переселить 19,6 тыс.»¹³. К сожалению, архивные источники не содержат информации о том, предъявлялись ли «просителям» претензии на то, что не удалось удержать прежних переселенцев и каким образом они собирались закреплять новых. К последнему, правда, можно отнести предложение сохранить льготы, предлагавшиеся первым прибывшим в область.

В таких условиях наращивать объемы заготовок сельскохозяйственной продукции и, самое главное, жестко спрашивать за их выполнение, было не совсем разумным. Безусловно, трехлетнее освобождение от сельхозналогов — это существенная льгота, но и такой срок заканчивается. Неожиданно высокие надои на одну корову, зафиксированные уже в 1947–48 гг., привели к обязательным заготовкам молока, рост поголовья — к требованиям поставок мяса¹⁴. Такой же неожиданностью для власти оказались успешные и перевыполняемые на рубеже 1940–1950-х гг. заготовки овечьей шерсти, однако вскоре выяснилось, что качество ее весьма низкое и увеличивать объемы и заменять ею другие натуральные заготовки нецелесообразно¹⁵. Небольшие, но имевшее место обращения в Совмины СССР и РСФСР о снижении планов заготовок соседствовали с просьбами прислать в область овощи и фрукты, позволить оставить все зерно сверх обязательных поставок на корм скоту¹⁶. Обращались и за другими продовольственными товарами: мясом (при том, что некоторые хозяйства сталкивались с проблемой сбыта¹⁷), консервами и даже

¹¹ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 69. Л. 26.

¹² Термин предложен Ю.В. Костяшовым, напр., указ. соч., — С. 103.

¹³ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 54. Л. 75.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-384. Уполномоченный Министерства заготовок СССР по Калининградской области. Оп. 5. Д. 22. Л. 81, 243.

¹⁵ Там же, Оп. 3. Д. 12. Л. 5–6.

¹⁶ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 61. Л. 6.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 128. Л. 34.

рыбой (правда, определенных сортов). Как видно, область столкнулась с ситуацией, когда централизованное ведомственное снабжение (главным образом, военных) совершенно не стыковалось с возможностями производства и реализации продуктов как колхозами и совхозами, так и через колхозные рынки — устойчивых связей между личными хозяйствами и городами пока еще не было.

Наконец, еще одной темой для обращения «наверх» становились ситуации, связанные с землеустройством тех же колхозов, когда речь шла об отводе земель, зачастую разрывавшихся участками, занятыми военными. Специальным землеотводом для нужд воинских частей на территории Восточной Пруссии специально никто не занимался: удобные места занимались явочным порядком, и это закреплялось военными комендатурами. На месте сохранившихся помещичьих хозяйств возникали подсобные хозяйства воинских частей (со значительной частью работающего там немецкого контингента). По мере прибытия переселенцев и выселения немцев, «военхозы» передавались в гражданское ведомство и становились совхозами соответствующего союзного министерства¹⁸. Однако, помимо воинских частей существовало немало участков, занятых полигонами, а также приграничных территорий (на которых и стражи границ могли организовывать свои подсобные хозяйства). Чаще всего конфликты разрешались на уровне командования 11-й гвардейской армии и областного управления сельского хозяйства, но в ряде случаев приходилось обкому писать в Ригу в штаб Прибалтийского округа маршалу Баграмяну¹⁹. Для решения вопроса о переносе сельскохозяйственной школы, которую изначально рассчитывали открыть в пос. Долгоруково, в пограничной зоне, потребовалось опять же обращение к Г.М. Маленкову. Школу не стали переводить в Ленинградскую область, а предоставили ей здание, занятое военным госпиталем в Калининграде²⁰. Также, через центр (конкретно, через К.Е. Ворошилова, ставшего в 1953 г. Председателем Верховного совета СССР) пришлось решать ведомственный спор совхозов с хозяйствами Литовской железной дороги (именно ей подчинялись стальные магистрали области)²¹.

Если не брать специфику последних ситуаций, можно ли утверждать, что обращения областных властей по поводу проблем сельского хозяйства отличались от аналогичных в центральной России? — Понятно, что трудно в послевоенные годы было всем, и местным властям везде нужно

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 97. Л. 150.

¹⁹ Там же. Оп. 11. Д. 91. Л. 11.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-412. Калининградская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов. Оп. 1. Д. 57. Л. 4.

²¹ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 13. Д. 73. Л. 16.

было балансировать между заботой о нуждах населения и опасностью не оправдать высокое доверие как назначенных партией управленцев. Однако в условиях, когда новую территорию стали осваивать с далеко идущими геополитическими планами (пусть это прямо и не провозглашалось), появлялось моральное право если не требовать, то настойчиво просить обеспечить всем необходимым. Сказанное может относиться и к последующими периодам развития села и сельского хозяйства Калининградской области.

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЯТИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1958 г. В СССР

Статья посвящена изучению политико-идеологической кампании в СССР, проводимой властью с целью положительного восприятия населением страны аграрной реформы 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций.

Ключевые слова: КПСС, аграрная политика советского государства, колхозы, машинно-тракторные станции, сельское хозяйство, реформа 1958 г.

На протяжении длительного периода аграрная политика советского государства выстраивалась таким образом, чтобы обеспечить развитие сельского хозяйства при максимальном перераспределении ресурсов деревни. Главным инструментом ее реализации в 1930–1950-е гг. являлись машинно-тракторные станции. Еще в 1930-е гг. произошло становление производственной системы «МТС-колхозы». Государство возложило на машинно-тракторные станции полную ответственность за развитие колхозов — от планирования хозяйства до распределения готовой продукции.

Производственная структура МТС страны в 1957 г. включала в себя 7903 предприятия основного назначения, разветвленную инфраструктуру, большой управленческий аппарат в центре и на местах². За произведенные полевые работы колхозы расплачивались с МТС натуральными поставками продукции. Но так как директивно установленные цены на сельскохозяйственные товары были очень низкими (они даже не покрывали издержек колхозного производства), то складывалось впечатление о неэффективности государственных вложений в аграрный сектор экономики через МТС.

В поисках дополнительных источников поступления финансов в казну государства Н.С. Хрущев замахнулся на «святую святых» сталинской аграрной политики — на МТС. Группа членов президиума ЦК КПСС — Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, названная позднее «антипартийной группой презренных фракционеров», безуспешно пыталась удержать Н.С. Хрущева от принятия скоропалительных и необдуманных решений³.

¹ Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия, Липецк, tomilin58@mail.ru

² Сельское хозяйство СССР. Ст. сб. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – С. 41.

³ Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. – Москва: Госполитиздат, 1958. – С. 422.

Просчеты государственного планирования и распределения сельскохозяйственной техники Н.С. Хрущев объяснял отсутствием государственного подхода со стороны руководства машинно-тракторных станций. «МТС получает машины, — возмущался Н.С. Хрущев, — которые годами стоят без дела. Их ржавчина съедает»⁴. 22 января 1958 г. Н.С. Хрущев выступил с пространной речью на совещании передовиков сельского хозяйства Белорусской ССР, в которой вновь был поднят вопрос о МТС. Но если месяц тому назад, в Киеве, он осторожно говорил о том, чтобы продавать технику МТС «некоторым колхозам», то теперь вопрос ставился иначе — о роли МТС в современных условиях. «Теперь, колхозы окрепли, выросли их кадры, способные решать любые задачи, окрепли партийные организации в деревне, глубже стали вникать в экономику партийные комитеты, во главе которых стоят люди, имеющие, как правило, большую теоретическую подготовку и хороший практический опыт, нет необходимости возлагать на МТС роль организаторов производства». В итоге делается вывод: «Существует два хозяина на одной земле — колхозы и МТС. А там, где два хозяина, не может быть хорошего порядка»⁵.

Н.С. Хрущев совершенно справедливо говорил о том, что в работе на земле не было «хорошего порядка». Прежде всего, его не было при выработке и реализации партийно-правительственных решений, когда колоссальные финансовые, материально-технические и трудовые ресурсы использовались крайне эффективно. Безусловно, колхозный строй мог бы достичь большего. Но если отбросить политико-пропагандистскую риторику и объективно взглянуть на происходящие процессы в сельском хозяйстве, то нельзя не заметить положительные тенденции в аграрной экономике, произошедшие в 1950-е гг. Это был результат трудной работы в послевоенное время по восстановлению пахотных земель и постепенного улучшения качества их обработки земель, повышения плодородия почвы, сортообновления посевного материала и т.д.

Темпы роста сельскохозяйственного производства середины 1950-х гг. во многих традиционных земледельческих регионах достойны удивления. В качестве примера можно привести данные по Липецкой области, которые приводил в своем докладе на пленуме обкома партии первый секретарь К.П. Жуков. В 1953–1958 гг. валовой сбор зерна в колхозах и совхозах области вырос в 1,7 раза, производство молока возросло более чем в 3 раза, мяса — на 40%. Повысилось и материальное благосостояние колхозников. Так, в колхозах Добринского района зоны обслуживания Плавницкой МТС в 1954 г. на трудодень было выдано зерна

⁴ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1962 – С. 499.

⁵ Там же. – С. 521–522.

по 0,7 кг и денег по 0,9 руб., а в 1957 г. — соответственно 1,3 кг зерна и 4 руб. денег. Выросла товарность производства сельхозпродуктов в колхозах и совхозах Липецкой области: сдача хлеба государству в рассматриваемый период увеличилась в 2,4 раза, сахарной свеклы — в 3,4 раза, молока — в 2,5 раза, мяса — в 1,5 раза, шерсти — на 36%, яиц — на 73%, плодов — в 1,7 раза⁶.

Успехи в развитии сельского хозяйства в 1950-е гг. характерны для традиционных земледельческих районов страны. В колхозах Кубани в период 1952–1958 гг. валовой сбор зерновых вырос в 2,5 раза, овощей и бахчевых — в 2 раза, производство мяса увеличилось в 1,4 раза, молока — в 2,8 раза.

Н.С. Хрущев предлагает «по-новому» подойти к решению вопроса о МТС: продавать колхозам «тракторы, культиваторы, сеялки, почвообрабатывающие орудия. На МТС возложить централизованный ремонт, а также продажу запасных частей и машин, превратить МТС в ремонтные станции»⁸. Первого секретаря ЦК КПСС больше волнует не судьба МТС, она была уже решена, а общественный резонанс на кардинальные перемены в жизни советской деревни как внутри страны, так и за ее пределами. Надо было исключить какое-либо общественное возмущение. Вот потому, рассуждал Н.С. Хрущев, надо показать МТС как структуру, исчерпавшую свои возможности, оценить «историческую роль МТС, показать, что ее создание было не ошибочным, а наоборот, оно было организационно полезным для осуществления коллективизации сельского хозяйства. МТС сыграли свою большую положительную роль»⁹.

25 февраля 1958 г. был созван пленум ЦК КПСС по вопросу реорганизации МТС. На обсуждение вопроса, который радикально менял жизнь колхозной деревни всей страны и затрагивал миллионы людей, отвели всего два дня. Доклад Н.С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» пленумом был одобрен.

Учитывая исключительно важное государственное значение вопроса о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС, пленум постановил внести его на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР. Было признано целесообразным, до рассмотрения этого вопроса на сессии Верховного Совета СССР, провести всенародное обсуждение намеченных мероприятий.

⁶ Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). – Ф. 34. Оп. 10. Д. 3. – Лл. 6, 7, 17.

⁷ Филатов С.В. Колхозы Дона и Кубани на этапе аграрных реформ 1953–1964 гг. // Исторические и социально-экономические проблемы Юга России. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – С. 78.

⁸ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 2. – С. 523.

⁹ Там же.

В качестве исходного документа для обсуждения были опубликованы в печати тезисы доклада Н.С. Хрущева на предстоящей сессии Верховного Совета СССР¹⁰. К политической акции партия тщательно готовилась. Во всех союзных и автономных республиках, краях и областях были проведены установочные совещания первых секретарей горкомов и райкомов. В городах и районах созывались инструктивные совещания с партийно-хозяйственным активом, представители партийных комитетов выезжали на предприятия, в колхозы, МТС, совхозы и учреждения «для оказания помощи на местах в организации глубокого изучения и обсуждения» документов трудящимися¹¹.

Размах партийно-пропагандистской кампании впечатляет. В Брянской области было проведено 3880 собраний трудящихся, на которых присутствовало 304980 чел. Разумеется, и постановление пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», и тезисы доклада Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР встретили у трудящихся «горячее одобрение». В Псковской области. Там было проведено 700 партийных, 413 комсомольских, 2517 собраний трудящихся, на которых присутствовало почти 168 тыс. чел. Обсуждение вопроса будущего колхозного строя и судьбы МТС было организовано даже в воинских частях. Мероприятия руководства страны одобрялись «единодушно»¹².

С высокой степенью интенсивности проходила политическая кампания в Липецкой области. Партийные функционеры старались показать: насколько они плодотворно работают с массами. «В полеводческих и тракторных бригадах, на фермах, в колхозах, совхозах, в учреждениях, на агитпунктах и на десятидворках, — докладывал на пленуме обкома партии первый секретарь Долгоруковского райкома Щемелин, — 780 агитаторов и более 50 политдокладчиков разъясняли эти важнейшие партийные документы». Таким образом, только в этом небольшом глубинном сельском районе Липецкой области «промывкой мозгов» занималось более 830 чел.¹³

Порядок политико-идеологического обеспечения реформы 1958 г. везде был примерно одинаковым. Газеты публиковали тексты основных партийно-правительственных решений, далее печатались статьи с одобрением государственной политики, проводилась «живая работа с массами» в виде проведения многочисленных собраний. Методами

¹⁰ См.: Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1962. – С. 46–85.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. Оп. 46. Д. 199. – Л. 8.

¹² Там же. – Л. 8, 12, 45.

¹³ ГАНИЛО. – Ф. 34. Оп. 9. Д. 14. – Л. 55.

убеждения, а где-то, и принуждения коммунистам удавалось добиться нужных результатов, на собраниях трудящиеся в конечном итоге «одобряли» политику партии.

Среди партийных работников все же прорывалось скептическое отношение к намечаемой реформе. «У нас в районе, — делился сомнениями на пленуме Липецкого обкома партии первый секретарь Чаплыгинского райкома Бобровский, — *некоторые колхозы* (выделено мною — *В.Т.*) по своим экономическим возможностям могут купить тракторы и другие машины уже в этом году, большинство же колхозов района таких возможностей не имеют»¹⁴.

Более того, усомнился в финансовых возможностях липецких колхозов и первый секретарь обкома партии К.П. Жуков. В 1958 г. колхозам предстояло приобрести бывших в употреблении машин примерно на 200 млн руб. и новой техники еще на 80 млн руб. В результате общая стоимость продаваемой государством техники колхозам Липецкой области составила порядка 280 млн руб., или в среднем 600 тыс. руб. на колхоз. Насколько тяжело указанное финансовое бремя для колхозов дает представление следующее обстоятельство: в 1958 г. колхозы наметили перечислить в неделимые фонды порядка 100 млн руб., или почти втрое меньшую сумму¹⁵.

При таких условиях, размышлял К.П. Жуков, ряд колхозов может купить технику в текущем году. Но «таких колхозов будет мало»¹⁶. Обеспеченность руководителя области имела под собой серьезные основания. Ведь колхозы не имели ни материально-технической базы для обслуживания тракторов, комбайнов и прочих машин и почвообрабатывающих орудий (гаражей, мастерских, условий для хранения техники и горюче-смазочных материалов, топливозаправочных станций), ни кадров специалистов и механизаторов.

Формат проведения областных партийных форумов различного уровня сам по себе создавал «правила поведения»: выступающие назначались заранее, они должны были всячески поддерживать генеральную линию руководства страны и региона, а если и критиковать, то равных себе. Однако, иногда ситуация выходила за рамки правил, ибо уж очень многое «стояло на кону»: и судьба коллектива, и личное благополучие.

При обсуждении условий реализации реформы колхозного строя липецкими коммунистами жесткий критический характер носило выступление директора Политовской МТС Данковского района Гутцайта. «Мне после четырех выступающих довольно трудно говорить, — заявил он. — Они все заявили в один голос о том, что их колхозы уже в этом году заку-

¹⁴ Там же. — Л. 73.

¹⁵ Там же. — Л. 19–20.

¹⁶ Там же. — Л. 20.

пят всю технику. Я должен сказать, что мне пришлось говорить с целым рядом председателей колхозов нашего района. Но они еще не готовы, чтобы купить сейчас технику. У нас есть колхоз имени Крупской, который не имеет ни одного комбайнера и только одного тракториста. Для того чтобы купить технику, надо еще ее правильно эксплуатировать. Надо каждому колхозу иметь мастерскую... К сожалению, у нас ни в одном колхозе нет такой мастерской, нет ни одного токарного, сверлильного станка, электросварочных аппаратов». Директор МТС выделил еще одно обстоятельство: во всем районе не было постоянного источника электроэнергии, ни одной электростанции¹⁷.

Вот таким образом велось «всенародное обсуждение» реформы по реорганизации МТС, которое длилось около месяца — с 1 по 25 марта 1958 г. Это были акции с заготовленным сценарием, с записными ораторами. По сути власти убеждали общество в правоте и непогрешимости проводимой политики. У населения страны не было возможности выразить собственное отношение к проекту путем тайного голосования. Н.С. Хрущев «играл» в демократию, манипулировал общественным мнением.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00386/19).

¹⁷ Там же. – Л. 64.

МАРТОВСКИЙ (1965 г.) ПЛЕНУМ ЦК КПСС: К ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ПРИНЯТИЯ ЕГО РЕШЕНИЙ

В статье рассматривается процесс подготовки к мартовскому (1965 г.) пленуму ЦК КПСС, разработка и содержание отдельных документов, составивших основу аграрной политики государства в 1965–1980-е гг.

Ключевые слова: пленум ЦК, сельское хозяйство, аграрная политика, проект постановления.

В 2020 г. исполняется 55 лет с того времени, когда на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС были приняты основные положения аграрной политики государства на последующие четверть века. В ряде наших публикаций было уделено внимание различным аспектам решений пленума, эффективности новой аграрной политики².

Хотя с окончательной датой проведения пленума по сельскому хозяйству, Президиум ЦК определился лишь 16 марта 1965 г., или только за неделю до созыва, подготовка к нему началась уже в рамках октябрьского и ноябрьского (1964 г.) пленумов ЦК. Когда Л.И. Брежнев встречался с первыми секретарями обкомов партии РСФСР. Ведь именно ему Президиум ЦК поручил курировать сельское хозяйство. Но, по сути, к пленуму по сельскому хозяйству, намеченному на ноябрь 1964 г., стали готовиться еще при Н.С. Хрущеве — с июля–августа 1964 г. Решению о его проведении, предшествовали его послания в Президиум ЦК, начиная с записки «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации» (13 июня 1964 г.). Основные контуры повестки пленума, были обозначены Н.С. Хрущевым на встречах с руководителями областей, краев и республик «О подготовке очередного пленума по сельскому хозяйству» (9 августа 1964 г.), а также с работниками аппарата ЦК КПСС «О подготовке к пленуму и структуре органов управления сельским

¹ Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Россия, Коломна, Shevelkov51@mail.ru.

² См.: Шевельков А.И. «Документы Комиссии Д.С. Полянского. Как готовился мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС по вопросам развития сельского хозяйства // Исторический архив. 2009. № 6. – С. 3–20; он же. Аграрная политика по реализации решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС в Нечерноземной зоне РСФСР. – Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Межвузовский сборник научных трудов. ФГОУ ВПО Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова (под ред. В.Я. Романченко. Саратов, 2010. – С. 162–167; он же. Документы мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, как важнейший источник в исследовании аграрной истории. – В сборн: Историчний архів. Наукові студії Збірник наукових прац. Миколаїв, 2013. – С. 176–182.

хозяйством» (18 сентября 1964 г.)³. Тогда же, в августе 1964 г., ЦК поручил местным партийным органам — подготовить свои предложения по совершенствованию управления сельским хозяйством. С первой декады сентября, в Бюро ЦК КПСС, которое тогда также возглавлял Н.С. Хрущев, стали прибывать совместные записки руководителей местных партийных и советских руководителей с предложениями по совершенствованию руководства сельским хозяйством, его развитию, другим вопросам аграрной политики. Документы концентрировались в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, у заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК по союзным республикам В.И. Полякова, а также у заместителя председателя СМ СССР Д.С. Полянского, курирующего сельское хозяйство от правительства страны. Отстранение Н.С. Хрущева от власти на октябрьском (1965 г.) пленуме ЦК, а В.И. Полякова на ноябрьском (1965 г.) пленуме ЦК, не позволило провести пленум в намеченные сроки. Новое решение о его созыве, было принято на заседании Президиума ЦК в январе 1965 г. И уже 12 февраля 1965 г. Президиум ЦК одобрил основные направления подготовки к предстоящему пленуму, рекомендовал дополнительно рассмотреть вопросы: о плане закупок зерна, скота и птицы на 1965 г., о плане закупок сельхозпродуктов и сырья на 1966–1970 гг., об объемах капитальных вложений, материально-техническом обеспечении сельского хозяйства, о закупочных ценах на скот, зерновые и крупяные культуры и др. Президиум ЦК определился и с составом комиссии под руководством Д.С. Полянского. В ее состав вошли: новый заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК по союзным республикам Ф.Д. Кулаков, председатель Госплана СССР П.Ф. Ломако, министр финансов СССР В.Ф. Гарбузов, председатель правления Госбанка СССР А.А. Посконов, руководители профильных министерств и ведомств, а также начальник отдела сельского хозяйства Госплана СССР Н.П. Гусев. В общей сложности — десять человек⁴.

Именно в «Комиссии Д.С. Полянского» в течение февраля – марта 1965 г. шла подготовка проектов постановлений ЦК и СМ СССР, готовились предложения по вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства. Отдельные из этих проектов готовились в СМ СССР, а также в Госплане СССР, а точнее — в его сельскохозяйственном отделе. Именно этой отдел внес наиболее существенный вклад в анализ аграрной политики минувшего десятилетия, а также в подготовку предложений по формированию новой аграрной политики на последующие четверть века. При разработке документов мартовского (1965 г.) пленума ЦК, отделом были разработаны десятки документов, включая записки, справки, таблицы с расчетами

³ См.: Никита Хрущев.1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы /сост. А.Н. Артизов и др. М.: МДФ: Материк, 2007. – С. 14–42; 79–85, 114–132.

⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 766. Л. 1.

производства продукции, дополнительных финансовых затрат. В одной из его записок (январь 1965 г.), было предложено — установить на 1965 г. и весь период восьмой пятилетки твердый, неизменных план закупок зерна в объеме 55,7 млн т. Хотя еще месяцем ранее Госплан СССР предлагал закупать более 66 млн т зерновых культур. Об установлении плана ежегодных госзакупок в объеме 55,7 млн т, впервые озвучил Л.И. Брежнев на заседании Президиума ЦК также в январе 1965 г. Так как именно ему первоначально были направлены аналитические записки и предложения отдела сельского хозяйства Госплана СССР, а Н.П. Гусев непосредственно участвовал в заседаниях Президиума ЦК.

Исходя из потребностей страны в 66,3 млн т зерновых, отдел сельского хозяйства Госплана СССР предложил проводить и сверхплановые закупки пшеницы и ржи по повышенным ценам, «...стимулирующим продажу государству товарных излишков этих культур». По его расчетам, сверхплановые закупки пшеницы и ржи (без учета пополнения государственного резерва), должны были составлять в 1966 г. — 4 млн т, 1967 г. — 5 млн т, 1968 г. — 6,7 млн т, 1969 г. — 6,2 млн т и в 1970 г. — около 10 млн т. Кроме того, предполагалось закупать дополнительно сверх плана пшеницы и ржи от 5 млн т в 1966 г. до 2 млн т в 1970 г. — для покрытия невыполнения основного плана продажи зерна сельхозпредприятиями, пострадавшими от неурожая. Вопрос о пополнении государственных резервов предлагалось рассмотреть «особо»⁵. Исходя из их скудных запасов, прогнозируемых низких объемах закупок в 1965 г., было принято ряд решений Президиума ЦК о дополнительных закупках зерна за рубежом в объеме более 8,9 млн т (включая реэкспорт), что превышало объемы закупок в засуху 1963 г., когда было закуплено 8 млн т⁶. Как и ранее, расплачивались валютой, золотом, серебром, цветными металлами, пушниной и т. д.

Практически все основные вопросы новой аграрной политики на перспективу, были обсуждены на заседаниях Президиума ЦК в январе – марте 1965 г. Если обобщить предложения, высказанные на его заседаниях в течение трех месяцев 1965 г., то они сводились к следующему: прекратить командовать хозяйствовать сельхозхозяйственными предприятиями, умерить «административно-командный зуд» на всех уровнях; предоставить государственным сельхозпредприятиям право самостоятельно распоряжаться финансовыми средствами для укрепления материально-технической базы, развития социальной сферы села; установить твердый, неизменный план заготовок зерна на предстоящую пятилетку, снизив объемы продажи государству отдельных видов продукции; увеличить капитальные вложения на развитие сельского хозяйства, укрепить

⁵ РГАНИ. Ф. 2. Оп.1. Д. 768. Л. 146, 147.

⁶ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 324. Л. 198.

материально-техническую базу колхозов и совхозов, больше строить помещений для животных и хранения удобрений, увеличив их поставки; увеличить производство и качество сельскохозяйственной техники; повысить закупочные цены на отдельные виды сельскохозяйственной продукции, установив справедливые цены на удобрения, сельскохозяйственную технику; установить в городе и на селе одинаковые цены на промышленные товары; стимулировать труд сельских тружеников, хозяйств, изменить систему оплаты труда, увеличив заработную плату руководителям хозяйств и среднего звена, установить гарантированную оплату труда колхозников, увеличить натуральную оплату труда в колхозах; возложить на государство финансирование мелиоративных работ, борьбу с вредителями и сорняками; списать с колхозов часть финансовой задолженности по ссудам Госбанка СССР, изменить систему кредитования колхозов и др. К этому следует добавить, что не все предложения, высказанные на заседаниях Президиума ЦК, были реализованы в постановлениях ЦК и СМ СССР. Так, первоначально Л.И. Брежнев предложил списать с колхозов страны весь объем задолженностей по ссудам Госбанка СССР, который составлял более 5 млрд руб.⁷ Однако, финансисты убедили его в том, что это нереально, так как даже при частичном списании задолженности с колхозов, у государства все равно не хватает около 3 млрд руб. для финансового обеспечения всех решений мартовского пленума ЦК.

По итогам подготовки проектов постановления ЦК и СМ СССР «Комиссия Д.С. Полянского» подготовила обобщающий документ «О неотложных экономических мерах подъема сельского хозяйства», который дважды (9 марта и 18 марта 1965 г.) представлялся в Президиум ЦК, редактировался, дополнялся. Каждый из его двенадцати разделов касался одного–двух проектов постановлений. К примеру, XII раздел «О капитальных вложениях и материально-техническом обеспечении сельского хозяйства», стал основой проектов двух постановлений ЦК и СМ СССР «О капитальных вложениях в развитие сельского хозяйства» и «Об обеспечении сельского хозяйства тракторами, сельскохозяйственными машинами, транспортными средствами, землеройной техникой и минеральными удобрениями в 1966–1970 годах». В разделах содержались не только предложения, но и краткий анализ положения в отдельных отраслях сельского хозяйства, делающих объективной необходимостью принятие специального постановления. Так, в I разделе «О повышении материальной заинтересованности колхозов и совхозов в увеличении производства мяса», констатировалось: *«В настоящее время выращивать скот в колхозах и совхозах убыточно, выручка от реализации скота не возмещает даже производственных затрат»*⁸. Приводи-

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 385. Л. 91.

⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 768. Л. 2.

лись и конкретные суммы убытков колхозов и совхозов при производстве мяса в 1962–1963 гг.

Следует отметить, что документы, принятые по итогам пленума ЦК, дорабатывались не только в ходе, по окончанию его работы, но даже в день их утверждения Президиумом ЦК 1 апреля 1965 г., а отдельные и позже. Да и доработка, согласование основного доклада Президиума ЦК, завершилась 23 марта, то есть, только накануне начала работы пленума. О чем свидетельствует записка Л.И. Брежнева к членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, секретарям ЦК, датированная 23 марта 1965 г.: *«Направляю доклад на Пленуме ЦК КПСС, подготовленный для печати... Прошу Ваших замечаний»*⁹. Тремя днями ранее, 20 марта, в подобной записке Л.И. Брежнев писал: *«Представляю доклад, отредактированный с учетом Ваших замечаний»* (то есть, в рукописном варианте записки, Л.И. Брежневым была допущена орфографическая ошибка)¹⁰. Что могло свидетельствовать не только о тщательном, но и о «пожарном» характере подготовки доклада ЦК.

В ходе работы пленума и по его окончанию, от ЦК и Советов министров союзных республик поступали предложения и замечания к проектам постановлений ЦК и СМ СССР, которые были рассмотрены как «Комиссией Д.С. Полянского», так и Президиумом СМ СССР. В итоге, для ЦК и СМ СССР Д.С. Полянский подготовил справку «Об изменениях и дополнениях, внесенных в проекты решений о неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» (30 марта 1965 г.), которую СМ СССР приложил к проектам постановлений, направленных в Президиум ЦК¹¹. В итоге, 30 марта 1965 г. СМ СССР представил в Президиум ЦК 17 проектов решений, уже с учетом замечаний и предложений, высказанных на пленуме, а также поступивших из союзных республик. Еще два проекта постановлений: «Об изменении порядка исчисления и оплаты подоходного налога с колхозов» и «О мерах по увеличению производства и заготовок семян подсолнечника», было обещано представить дополнительно. В итоге, вместе с проектом постановления «Об отмене порядка ежегодного корректирования закупочных цен на зерно, подсолнечник и картофель», направленного СМ СССР в ЦК ранее, 1 апреля 1965 г. Президиум ЦК (протокол №197) под председательством Л.И. Брежнева с формулировками «принять», «одобрить», утвердил 20 документов, включая совместные постановления ЦК и СМ СССР и отдельные постановления СМ СССР¹². Они касались планов производства и закупок сельхозпродукции, стимулирова-

⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 767. Л. 52.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 767. Л. 2.

¹¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 771. Л. 3.

¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 332. Л. 8–11.

ния производства отдельных видов продукции, укрепления материально-технической базы сельхозпредприятий, финансирования аграрного сектора экономики. Был установлен твердый, неизменный на все годы пятилетки (1966–1970 гг.) план закупок зерна в объеме 55,7 млн т, что было почти на 9 млн т меньше чем в 1964 г. Были повышены закупочные цены на пшеницу, рожь, рис, гречиху, просо (ценных сортов), семена подсолнечника, сахарную свеклу. Устанавливалась повышенная оплата за сверхплановую продукцию — на 50% больше закупочной цены по твердому плану. Объем капитальных вложений составил 41 млрд руб. или увеличивался с 20% к их общему объему в целом по народному хозяйству в седьмой пятилетке — до 23% — в восьмой пятилетке. Кроме того, была частично списана задолженность колхозов ссудам Госбанка СССР в сумме 2010 млн руб., а также задолженность колхозов за технику, купленную МТС и РТС в объеме 120 млн руб., была отсрочена задолженность колхозов по денежным авансам от заготовительных организаций в сумме 120 млн руб. Финансирование работ по коренному улучшению земель в районах избыточного увлажнения, было возложено на государство, что предполагало ежегодное выделение на эти цели 85 млн руб.¹³

К ряду принятых постановлений, прилагались дополнительные документы. Так, к постановлению СМ СССР «Об увеличении производства и заготовок риса», состоящего из 7 пунктов, за подписью председателя СМ СССР А.Н. Косыгина и Управляющего делами СМ СССР М.С. Смиртюкова, был приложен дополнительный, секретный 8-й пункт, не включенный в документ. В нем речь шла о привлечении необходимого количества воинских инженерных частей с техникой (бульдозеры, скреперы, грейдеры, автомобили и др.) для подготовки полей к весеннему севу 1965 г.¹⁴ В документ «О частичном изменении плана закупок сельскохозяйственных продуктов на 1965 г.», СМ СССР вносил уже утвержденное решение (от 7 декабря 1964 г.), освобождавшее Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР от выполнения планов закупок шерсти в 1965 г. Им было предоставлено право закупать через потребкооперацию излишки шерсти у населения по договорным ценам — для изготовления национальных изделий, с последующей их реализацией на внутреннем рынке¹⁵.

¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 332. Л. 8–11.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 331. Л. 62.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 18. Д. 331. Л. 102.

**ИЗ ОПЫТА РУКОВОДСТВА РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДСТВА
ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
КРАСНОДАРСКОГО И СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВ В 1966–1980 гг.**

В статье проанализирована деятельность органов власти Кубани и Ставрополья по развитию производства химических веществ для сельского хозяйства в 1966–1980 гг. (Невинномысский химический комбинат, Краснодарский химический завод, химический завод в г. Кропоткин).

Ключевые слова: СССР, Краснодарский край, Ставропольский край, агропромышленный комплекс, химическая промышленность, минеральные удобрения.

Как известно, современные идеологи рыночной экономики отрицают необходимость государственного вмешательства в хозяйственные процессы. Еще недавно Е. Т. Гайдар, руководивший «шоковой терапией», заявлял, что «рынок отрегулирует всё». Однако через время его оппоненты (среди них Г. Х. Попов, Ю. М. Лужков, В. М. Полтерович и др.) стали утверждать, что шок был, но не было терапии — вместо появления эффективно работающего рынка мы видим поэтапное разрушение российской экономики и ее уродливую трансформацию, превращение России в сырьевой придаток развитых стран, резкое обнищание населения, катастрофическое сокращение социальных программ, исчезновение целых научных школ в связи с эмиграцией целой армии ученых. Вступление страны в ВТО лишь усугубило ситуацию.

Только введение антироссийских экономических санкций в 2014 г. странами ЕС и США в связи с украинским кризисом показало крайнюю важность продовольственной безопасности и развития тех отраслей, которые пришли в упадок на рубеже XX–XXI вв. Рентабельность сельского хозяйства остается низкой, большая часть все еще работающей техники выработала свой ресурс, мелиорация находится в упадке, по данным официальной статистики, в стране 34,1 млн га пахотных земель выведено из хозяйственного оборота. Серьезным препятствием развитию земледелия является и то, что вынос питательных веществ из почв, используемых в сельском хозяйстве, в настоящее время в 4 раза превышает их внесение с удобрениями. Мировой опыт показывает, что в развитых странах высокий уровень сельского хозяйства в значительной мере обеспечивается

¹ Алексеевко Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа, Краснодарский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, Краснодар, alexeeenko.olga2016@yandex.ru.

с помощью государственного регулирования, создания стимулов для приоритетных отраслей.

В связи с этим приобретает актуальность изучение опыта ускоренной индустриализации сельского хозяйства в СССР с середины 1960-х по 1980-е гг., что было в значительной мере обеспечено за счет увеличения производства минеральных удобрений и других химических средств, технического оснащения, мелиорации сельского хозяйства. В то время руководящие органы КПСС не только выполняли функции политико-идеологического руководства, но и определяли стратегию социально-экономического развития страны. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение о наращивании производства и поставок высококачественных минеральных удобрений, гербицидов, ядохимикатов, а в 1968 г. разработана программа строительства промышленных предприятий по выпуску минеральных удобрений, предусматривалось расширить мощности этих предприятий в течение 1968–1972 гг. с 47 до 95 млн т².

Особая роль предназначалась Краснодарскому и Ставропольскому краям — житницам страны. Об этом говорит, в частности, постановление ЦК КПСС «О работе парткома Невинномысского химического комбината по мобилизации коллектива трудящихся на увеличение выпуска минеральных удобрений», имевшее общегосударственное значение³. Это предприятие в начале Восьмой пятилетки быстрыми темпами строило новые объекты и одновременно налаживало выпуск первых десятков тысяч тонн минеральных удобрений. Эта работа находилась под постоянным контролем парткома химкомбината, Невинномысского горкома и Ставропольского крайкома КПСС.

Для выполнения поставленных задач на комбинате был сформирован штаб содействия выполнению обязательств, осуществивший оперативное руководство строительством на двух строительномонтажных участках, образованных на объектах расширения. В него вошли наиболее квалифицированные инженеры и новаторы производства. Кроме того, были созданы более 100 общественных творческих подразделений, широкое распространение получили школы экономических знаний и передовых методов труда⁴. На страницах газет «Химик» и «Невинномысский рабочий» регулярно печатались материалы о ходе строительства, анализировали нерешенные проблемы. Правильное сочетание материальных

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док.: В 16 т. – Т. 6. М.: Политиздат, 1968. – С. 721.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): В 16 т. – Т. 11: 1966–1970. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – С. 403–405.

⁴ Центр документации новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК). Ф. 1. Оп. 25. Д. 21. Л. 19, 20; Д. 91, Л. 2, 3; Оп. 27. Д. 110, Л. 2; Оп. 32. Д. 13, Л. 14.

и моральных стимулов позволило химкомбинату успешно выполнить поставленные задачи. Выполняя задания пятилетнего плана, комбинат удвоил выпуск минеральных удобрений, улучшил внедрение и использование новой техники, в коллективе сформировалась атмосфера творческого труда и энтузиазма. Эти качества коллектива позволили ему и в Девятой пятилетке оставаться в числе передовых предприятий со все-союзной известностью. В 1970 г. 4 из 29 видов продукции шло на экспорт, несколько видов продукции было представлено к аттестации на Государственный Знак качества⁵.

Ход строительства постоянно обсуждался на совместных заседаниях парткомов, партийно-хозяйственного актива коллективов комбината и строителей. Наряду с постоянно действующими производственными совещаниями, в 22 подразделениях создали бюро экономического анализа, разрабатывавшее перспективные предложения. Многие рабочие состояли членами отделений Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева. В отделениях Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов состояло 1 300 сотрудников комбината, в том числе 800 рабочих. Члены Химического общества провели промышленные опыты получения селитры с фосфатно-сульфатной добавкой, а рационализаторы и изобретатели внедрили в течение 1971 г. 544 предложения и 3 изобретения, давших экономический эффект в сумме 2 350 тыс. руб. Успешно развивалось соревнование за звание «Лучший по профессии», в котором боролось 2 214 чел., по личным планам и обязательствам трудилось более 4 тыс. рабочих и инженерно-технических работников (ИТР). Традиционной стала на комбинате такая форма трудового соперничества, как конкурсы «Мастер — золотые руки». С 1970 по 1975 г. это почетное звание присвоили 30 рабочим. Проявлялось внимание и к научно-техническому прогрессу (НТП), план внедрения новой техники и организационно-технических мероприятий был разработан на весь период Девятой пятилетки. В итоге внедрения элементов этого плана в 1971 г. была получена экономия в размере 500 тыс. руб., а за 9 месяцев 1972 г. внедрено 17 мероприятий с эффектом в размере 300 тыс. руб.⁶

Отмечая успехи, IX пленум Невинномысского горкома КПСС, состоявшийся 15 октября 1972 г., указал и на недостатки, главным из которых была признана текучесть кадров. Например, в 1971 г. было принято на работу 2 711 чел., а уволено — 2 272 чел. Отчасти это

⁵ ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1, л. 139; Материалы XVIII Ставропольской краевой партийной конференции. Дневник конференции // Ставропольская правда. 1971. 20 февр.; Хи-мик. Много-тир. газета Невинномысского химкомб. 1971. 19 марта.

⁶ Алексеенко О. И. Деятельность органов власти Кубани и Ставрополья по развитию производства химических веществ для сельского хозяйства в 1966–1980 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7 № 6 часть 1, 2015. – С.18–19.

было связано с трудными условиями производства, а также с несовершенством системы материального и морального стимулирования работников⁷. Улучшение условий труда, оказание помощи рабочим в овладении профессией, разработка положения о поощрении отдельных групп работников бесплатным питанием, выдача бесплатных путевок в профилакторий, постановка на очередь для получения жилья тех, кто проработал на комбинате более двух лет — всё это позволило уже в 1972 г. существенно снизить текучесть кадров.

Вторая половина Девятой пятилетки ознаменовалась дальнейшими усилиями по интенсификации производства и повышению производительности труда. По инициативе парткома объединения в цехах и на производствах активизировалась деятельность комиссий содействия НТП, бюро экономического анализа, университета технических знаний и Совета новаторов. План Девятой пятилетки по производству и реализации продукции объединение «Азот» выполнило 19 декабря 1975 г., то есть досрочно. За пятилетку объем вылущенной продукции увеличился в 1,8 раза, минеральных удобрений — в 2 раза, производительность труда к уровню 1970 г. возросла почти в 1,7 раза, при этом весь прирост объема производства достигнут за счет роста производительности труда. Введены в строй новые мощности по производству аммиака, аммиачной селитры, слабой азотной кислоты. Впервые в стране была освоена уникальная крупнотоннажная установка по производству аммиака, позволившая увеличить производительность труда в 8 раз. Сверх плана выпустили продукции на 7,8 млн руб., в том числе более 200 тыс. т минеральных удобрений⁸.

В этот же период создавались новые предприятия «большой химии». Так, в 1974 г. было принято решение о строительстве Краснодарского химического завода по выпуску комплексных удобрений в г. Белореченске. В его строительстве участвовали 50 различных субподрядных организаций, трестов и производственных участков союзных и республиканских министерств из разных городов и даже зарубежных стран. Возводили предприятие 5 тыс. строителей из разных союзных республик и областей. В 1978 г. на заводе трудилось 1 700 работников 20 национальностей. Со времени открытия химзавода его партийная организация вникала во все детали подбора, расстановки и воспитания кадров, капитального строительства, технического оснащения вводимых мощностей, повышения эффективности производства и качества продукции⁹. Для повышения

⁷ ЦДНИСК. Ф. 5317. Оп. 8. Д. 6. Л. 5, 13; Д. 10. Л. 160.

⁸ ЦДНИСК. Ф. 5317. Оп. 8. Д. 6. Л. 5–13; Химик. 1976. 20 февр.; Химик. 1976. 11 июня.

⁹ Кубань: Альманах. 1978. № 219. – С. 103; Огни Кавказа: Орган Белореченск. райкома КПСС и райисп. 1977. 11 июля; Там же. 22 окт.; Там же. 1979. 1 янв.; Там же. 3 марта.

ее роли в делах коллектива большое значение сыграло постановление бюро Краснодарского крайкома КПСС от 8 августа 1978 г. «О работе партийной организации Краснодарского химического завода по выполнению решений XXV съезда КПСС».

Уже в июле 1977 г. была получена первая продукция завода. Коллектив за три месяца сумел вывести сернокислотный комплекс на проектную мощность. В 1979 г. введен в строй цех по производству жидких комплексных удобрений, и сельское хозяйство Кубани получило первые партии этих ценных химических веществ. Такие высокие показатели были достигнуты благодаря активной работе администрации и парторганизации завода по развитию социалистического соревнования, рационализации, изобретательства, вовлечению персонала в активную производственную жизнь. Освоение всех мощностей этого крупного предприятия дало стране и, в первую очередь, Северному Кавказу сотни тысяч тонн необходимого сельскому хозяйству комплексных удобрений¹⁰.

В исследуемый период возникли новые отрасли АПК — комбикормовая и микробиологическая промышленность, развитию которых партийно-государственное руководство уделяло большое внимание. На Кубани микробиологическая промышленность была представлена несколькими предприятиями: комбинатом витаминных и биохимических препаратов им. К. Маркса, химическим комбинатом в Краснодаре, химическим заводом в г. Кропоткине. Эти предприятия были расширены, реконструированы и стали играть заметную роль в снабжении животноводства Северо-Кавказского экономического района кормовыми дрожжами, белково-витаминными добавками, различными биостимуляторами. Они развернули работу по получению высококачественных биохимических веществ для сельского хозяйства. В частности, на Краснодарском химкомбинате начались испытания различных систем аппаратов для получения высококачественных белков — витаминных добавок к кормам, с целью налаживания дальнейшего массового выпуска, совершенствования технологии их производства. Коллектив Краснодарского витаминного комбината первым в стране освоил технологию производства сантохина (стабилизатора каротина в сенной муке), смонтировал установку по его производству мощностью 5,4 т в год. Здесь была создана полужаводская установка получения бета-каротина емкостью 2 тыс. л, заводская установка емкостью 15 тыс. л. Однако этих мощностей было недостаточно для удовлетворения потребностей сельского хозяйства¹¹.

¹⁰ Огни Кавказа. 1978. 3 марта; Текущий архив Краснодарского краевого комитета КПСС. Отдел строит. информ. о работе парт. орг. Краснодар. хим. з-да по вып. решений XXV съезда КПСС. 27 дек. 1979 г.

¹¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12428. Оп. 1. Д. 17. Л. 31, 32; Д. 19. Л. 6; Д. 29. Л. 78; Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 95–98.

Краевая парторганизация большое значение придавала укреплению связи науки с производством. Так, в 1969 г. под руководством крайкома КПСС, крайисполкома, общественных организаций города в Краснодаре была проведена научно-техническая конференция по производству и применению биохимических и химических препаратов в сельском хозяйстве. На ней получила высокую оценку продукция краснодарских комбината и завода, наметили пути совершенствования технологии производства препаратов¹². 28 мая 1969 г. на заседании бюро Краснодарского горкома КПСС заслушали вопрос «О внедрении в производство прогрессивных технологических процессов и новейших научно-технических достижений на химкомбинате г. Краснодара». Выполнив пятилетний план к 28 октября 1970 г., персонал комбината увеличил за пятилетку объем производства на 73,7 %, производительность труда — на 54,8 %¹³.

В 1970-е гг. на Краснодарском химкомбинате улучшилась рационализаторская и изобретательская работа. За 1971–1974 гг. здесь осуществили 25 мероприятий по внедрению новой техники и прогрессивной технологии. В течение 1973–1974 гг. на заводе была осуществлена реконструкция оборудования, что позволило повысить в 2 раза производительность и увеличить производство дрожжей из парафина нефти на 50–70 %¹⁴.

Коллектив комбината витаминных и биохимических препаратов им. К. Маркса, благодаря четкой организации производственной деятельности и социалистического соревнования, сумел за годы Восьмой пятилетки увеличить объем производства в 3,5 раза по сравнению с предыдущими пятью годами. На период Девятой пятилетки персонал комбината взял обязательство при тесном содружестве с учеными увеличить производственные мощности комбината в 2,4 раза. На предприятии развернулось интенсивное соревнование, вошли в практику регулярные аттестации ИТР, организовалась экономическая и техническая учеба. В результате уже в 1973 г. была выполнена пятилетка по производству сантохина, по выпуску остальных биохимических веществ опережение шло почти на год. Благодаря совместным усилиям производственников и группы ученых под руководством члена-корреспондента АН СССР Г. К. Скрябина, на комбинате освоили технологию производства микробиологического каротина. Только за три года пятилетки рабочие и ИТР внесли 418 рацпредложений и 19 изобретений с экономической эффективностью в размере 500 тыс. руб.¹⁵

¹² ЦДНИКК. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 24. Л. 112; Д. 25. Л. 65; Д. 36. Л. 151, 152.

¹³ ЦДНИКК. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 26. Л. 4, 27, 28; Кубань. Итоги Восьмой пятилетки. Первый год Девятой пятилетки // Блокнот агитатора. Журнал отд. пропаг. и агит. Краснодар. крайкома КПСС: Спец. вып. – Краснодар, 1971. – С. 37.

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 12428. Оп. 1. Д. 38. Л. 114, 139; Д. 41, Л. 102.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 2692. Оп. 1. Д. 27. Л. 6; Ф. 1472. Оп. 13. Д. 51. Л. 17, 18.

Осуществляя руководство развитием данной отрасли промышленности, партийно-государственные структуры применяли разнообразные формы и методы мобилизации трудовой и социальной активности рабочего класса и всего производственного персонала. Учитывая возрасставшее значение указанных отраслей для развития сельского хозяйства, партийные комитеты уделяли особое внимание укреплению связей науки с производством, внедрению достижений НТП. Эти проблемы систематически рассматривались на заседаниях бюро, пленумах краевых, областной, городских и районных комитетов КПСС, научно-технических конференциях. Предпринятые меры способствовали росту трудовой активности рабочего класса, ИТР и управленцев в осуществлении химизации сельского хозяйства.

Разумеется, в современных условиях, никакие парткомы не могут добиться улучшения положения дел в сельском хозяйстве, однако необходимость внедрения социальных программ, элементов планирования и государственного регулирования экономики становится все более очевидной.

КУРС НА ХИМИЗАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА КУБАНИ (1960–1980-е гг.)

В статье рассматриваются проблемы развития химизации в сельском хозяйстве Кубани в 1960–1980 гг. Показано, что увеличение поставок минеральных удобрений сельхозпредприятиям края способствовало увеличению урожайности сельхозкультур и, в тоже время, негативно сказывалось на состоянии окружающей среды.

Ключевые слова: химизация, сельское хозяйство, колхоз, совхоз. минеральные удобрения, сельхозтехника

Химизация является важным фактором в повышении эффективности сельского хозяйства. Новый этап в развитии химизации сельского хозяйства начался с мартовского (1965 г) Пленума ЦК КПСС, и 1 апреля 1965 г было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об обеспечении сельского хозяйства тракторами, сельскохозяйственными машинами, транспортными средствами, землеройной техникой и минеральными удобрениями в 1966–1970 гг.»², которое способствовало увеличению поставок государством минеральных удобрений колхозам и совхозам.

Благодаря умелому подходу к химизации ряд хозяйств и районов Краснодарского края добились особо высоких показателей в увеличении урожайности сельхозкультур. В этом отношении значительный интерес представляла практика колхозников Усть-Лабинского района. В единстве с научно обоснованными методами хозяйствования рациональная система внесения удобрений обеспечивала высокий уровень культуры земледелия, хорошие и устойчивые урожаи. За 8 пятилетку колхозы и совхозы почти удвоили применение минеральных удобрений под зерновые. Если в 1965 г. на один гектар посева вносили в среднем 78 кг действующего вещества, то в 1970 г. удобрения вносили из расчета 141 кг действующего вещества на гектар. В результате средняя урожайность зерновых в Краснодарском крае на всей площади посева (58 тыс. га) поднялась с 37,3 ц до 45,7 ц с каждого гектара. Осимой пшеницы было получено в среднем

¹ Серогодский Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, обществознания и педагогических технологий, Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Россия, Славянск-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru

² КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 10. 1961–1965. 9-е изд., доп. и испр. — М.: Политиздат, 1986. — С. 494.

по краю 50,1 ц с каждого из 39 тыс. га. Устьлабинцы отказывались от внесения удобрений несколькими приемами, отдавая предпочтение применению целиком их под пахоту, что намного снижало затраты труда.

В целях улучшения организации защиты сельскохозяйственных растений от вредителей и болезней, а также борьбы с сорняками было принято постановление Совета Министров СССР от 10 февраля 1969 г. «Об улучшении организации защиты сельскохозяйственных растений от вредителей и болезней», которое обязывало Министерство сельского хозяйства СССР обеспечить разработку и осуществление комплексных мероприятий по защите сельскохозяйственных растений от вредителей и болезней, исходя из местных условий, рекомендаций научных учреждений и необходимости рационального сочетания агротехнических, биологических и химических методов борьбы с вредителями и болезнями растений.

В связи с этим в 1969–1970 гг. в составе районных (межрайонных) объединений (отделений) «Сельхозтехника» были созданы механизированные отряды по химической защите растений в зависимости от местных условий и объемов работ по защите растений, выполняемых по договорам с колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями и организациями. Также организовывали прием и хранение химических средств защиты растений на специализированных складах районных отделений «Сельхозтехника», а также централизованную доставку их к месту проведения работ по защите растений. В целом, за 8-ю пятилетку, внесение минеральных удобрений в Краснодарском крае на 1 га возросло с 84 кг (в перерасчете на действующее вещество) в 1965 г. до 248,2 кг в 1970 г. Всего в Краснодарском крае за пятилетие внесение минеральных удобрений выросло на 640,2 тыс. т и составило 978,0 тыс. т³.

Путь дальнейшей химизации вел не только к росту урожаев и валовых сборов зерна. Это было наиболее верное средство для дальнейшего повышения качества зерна и борьбы с сорняками. Однако, те дозы удобрений, которые применяли на тот момент в большинстве хозяйств, не обеспечивали достаточного уровня минерального питания растений. Существующие на тот момент машины для внесения минеральных удобрений не отвечали масштабам крупных колхозов и совхозов.

Там, где удобрения вносились по норме, была и высокая урожайность, но нехватка минеральных удобрений, бесхозяйственность в их хранении, нехватка специализированной техники для внесения удобрений не давали ожидаемых результатов.

В 9-й пятилетке одним из важнейших факторов повышения уровня интенсификации сельского хозяйства так же являлась химизация. Её роль в условиях развитой специализации и концентрации производства

³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р.-1480. Оп. 9. Д. 586. Л. 41.

постоянно росла. Благодаря проведенной работе ученых, прежде всего Кубанского ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственного института, хозяйства всех основных почвенно-климатических зон Кубани имели хорошо отработанные системы применения удобрений в севооборотах. Ученые работали над созданием новой технологии использования минеральных удобрений, успешно сочетая научные поиски с производственной проверкой на полях колхозов и совхозов.

Вместе с тем, уменьшение ротации в севооборотах и сокращение сроков возврата культур на прежнее место требовали интенсивного применения удобрений для восполнения необходимых элементов и соблюдения баланса питательных веществ в почве. Не соблюдение этих требований оказывало негативное влияние на экологию почвы Краснодарского края.

В 1973 году в г. Краснодаре был организован Краснодарский филиал Центрального института агрохимического обслуживания сельского хозяйства (ЦИНАО), в задачи которого входила разработка и внедрение в агрохимическую службу прогрессивных методов и автоматизированной аппаратуры для проведения анализа почв, удобрений, растений и кормов с применением электронно-вычислительной техники.

Дополнительно в целях улучшения агрохимического обслуживания сельского хозяйства в крае было организовано 5 зональных агрохимических лабораторий, которые проводили агрохимическое обследование почв, выдавали рекомендации по эффективному использованию удобрений в хозяйствах.

В результате принятых руководством мер, поступление минеральных удобрений в колхозы и совхозы края значительно увеличилось. Проводилась более углубленная химизация сельского хозяйства. Поставки минеральных удобрений в Краснодарском крае за годы 9-й пятилетки по сравнению с 8-й выросли в 1,7 раза. Если раньше удобрения вносили главным образом под технические культуры, то теперь появилась возможность использовать их также под зерновые. Внесение химических удобрений на один га посева составило в 1971 г. 3,8 ц, а в 1975 г. 4,5 ц. В структуре использования удобрений наибольший процент внесения их приходился под зерновые культуры и составлял в 1971 г. 51%, а в 1975 г. 58%⁴. Поступление минеральных удобрений в край за 9-ю пятилетку составило 9140,1 тыс. т усл. туков⁵. При этом следует отметить, что соотношение питательных веществ в поставляемых удобрениях ухудшилось. По сравнению с 8-й пятилеткой удельный вес фосфорных удобрений в общем объеме поставок уменьшился с 40 до 32%. Краевой комитет КПСС и крайисполком неоднократно обращались в вышестоящие органы с просьбой

⁴ ГАКК. Ф. 1480. ОП. 9. Д. 1112. Л. 277.

⁵ ГАКК. Ф. 1480. ОП. 9. Д. 1112. Л. 55.

увеличить поставки удобрений хозяйствам края и улучшить соотношение питательных веществ в них. Однако, просьба не была удовлетворена, и фонды на 10-ю пятилетку остались на уровне девятой.

Одной из причин нарушений в использовании удобрений был недостаток складских емкостей, необходимых для сохранности и накопления удобрений. Так, к августу 1975 г. задание по строительству складов для хранения минеральных удобрений, определенное постановлением бюро крайкома КПСС и крайисполкома от 29 июня 1971 года, было выполнено на 81%. Обеспеченность складами для хранения минеральных удобрений в колхозах и совхозах составляло 52%, недостаток капитальных емкостей составил 435 тыс. т. Поэтому, в ряде мест были велики потери туков при хранении. Из-за этого же большая часть их теряла свои качества, что отрицательно сказывалось на повышении плодородия полей⁶.

В 10-й пятилетке в крае было намечено построить складов для хранения удобрений на 242 тыс. т, в том числе достроить складские помещения на 38,8 тыс. т, которые не успели ввести в эксплуатацию в 1975 г.

В связи с тем, что недостаточно вносилось удобрений под основную обработку почвы, большее внимание стали уделять эффективным приемам внесения удобрений при посеве. Одним из таких приемов являлось распыление удобрений на больших территориях. В связи с чем, назрела необходимость разработки в крае единой оптимальной схемы размещения агрохимцентров и пунктов химизации, механизированных прирельсовых и глубинных складов, а также взлетно-посадочных площадок для небольших самолетов, способных производить химизацию почвы⁷.

Следует отметить, что уровень развития материально-технической базы химизации в колхозах и совхозах края значительно отставал от темпов производства и поставок удобрений и прочих химических средств. Хозяйства имели лишь половину необходимых им складских емкостей для хранения средств химизации, а машинами для их разгрузки и внесения обеспечены всего на 1/3 часть к потребности. Кроме того, имеющиеся средства механизации разгрузки минеральных удобрений не отвечали требованиям работы с ними: все имеющиеся механизмы не имели антикоррозийного покрытия и срок их службы не окупал расходы на их приобретение, они имели очень низкую производительность и не увязывались технологически со складской переработкой минеральных удобрений.

Были велики потери удобрений по пути от завода до хозяйства. По данным Краснодарского филиала Центрального института, агротехни-

⁶ ГАКК. Ф. Р.-1480. Оп. 9. Д. 1112. Л. 53.

⁷ ГАКК. Ф. Р.-1480. Оп. 9. Д. 1112. Л. 53.

ческого обслуживания сельского хозяйства (ЦИНАО) общие потери по краю в год составляли 6,5% или 68,5 тыс. т в физическом весе⁸.

В ряде хозяйств наблюдались факты бесхозяйственного отношения к минеральным удобрениям. Проверка показала, что в колхозах «Новый путь» и им. Суворова, совхозе-техникуме Брюховецкого района склады находились в запущенном состоянии. Удобрения в них хранились в грязи и беспорядке. Подъездные пути к складам отсутствовали⁹.

В совхозе «Новопетровский» Славянского района удобрения хранились на мехтоке. От длительного хранения удобрений площадка была разрушена. В непогоду удобрения намокали и теряли качество.

В совхозе «Приморский» Темрюкского района было допущено в складе смешивание нитроаммофоса с аммиачной селитрой. С нарушением техники безопасности, в складе хранились и ядохимикаты¹⁰.

За последние годы 10-й пятилетки хозяйства края обеспечивались оптимальными дозами туков химических удобрений на всю посевную площадь. Ежегодно на каждый гектар орошаемых земель вносилось минеральных удобрений в среднем по 9,5 ц, значительно улучшилось использование органических удобрений.

Принятые руководством края решения по химизации сельского хозяйства положительно повлияли на его развитие в целом. По сравнению с первыми годами 8-й пятилетки, применение химических удобрений к 1980 г. возросло на 251,6%. Однако, во многих колхозах и совхозах минеральные туки использовались бессистемно, без учета агрохимического обследования почв, немало недостатков было и в применении жидких комплексных удобрений, в защите посевов от вредителей и болезней, чем наносился огромный ущерб урожаю и его качеству.

За годы 11-й и 12-й пятилеток в сельское хозяйство были вложены значительные средства. Так, в 1988 г., по сравнению с 1980 г. стоимость основных производственных фондов в сельском хозяйстве возросла на 55%, а валовая продукция лишь на 17%, соответственно фондвооруженность труда — на 71%, а его производительность — на 30%. Поставки минеральных удобрений селу выросли за эти годы на 46%, площадь мелиорируемых земель — на 10,3 млн. га, а продукция растениеводства — всего на 10%¹¹. Вместе с тем, практика показала, что наращивание поставок селу техники, минеральных удобрений и других материальных ресурсов без повышения заинтересованности работника в конечных результатах труда не давала должной отдачи.

⁸ ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 9. Д. 1112. Л. 98.

⁹ ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 9. Д. 1112. Л. 113.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р-1480. Оп. 9. Д. 1112. Л. 114.

¹¹ Милосердов В. Состояние и перспективы развития АПК// АПК: экономика, управление. 1989. № 10. - С. 3.

Проблема сохранности удобрений и их эффективного использования так и не была решена. Обеспеченность колхозов и совхозов складами для хранения удобрений составляла в 1989 г. 71% потребности, специализированной техникой — 50%¹². Так, на одном из заседаний АПК Краснодарского края в марте 1988 г. рассматривался вопрос о ходе выполнения программы химизации сельского хозяйства в Калининском районе и городе Горячий Ключ. При этом было отмечено, что службе химизации за 2 года 12-й пятилетки недостаточно выделялись капитальные вложения и материально-технические средства. Склады для удобрений и ядохимикатов при наличии их острой необходимости не строились. Программой химизации в Калининском районе было предусмотрено строительство пяти складов минеральных удобрений. Однако был построен только один, в то время как из-за длительной эксплуатации и отсутствия ремонта мелкие склады пришли в негодность¹³. Не везде минеральные удобрения использовались эффективно. Так окупаемость туков в Калининском районе была выше нормативной только на выращивании подсолнечника и кукурузы. На остальных культурах она была значительно ниже.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за период 1960–1980-х гг. значительно увеличились поставки сельскому хозяйству Кубани химических удобрений, что способствовало повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Однако, в процессе транспортировки и хранения было много потерь удобрений. Во многих хозяйствах нарушалось соотношение питательных веществ, рекомендуемое наукой для зерновых и технических культур, что усиливало негативное воздействие минеральных удобрений на природу и приводило к загрязнению почвы и водоемов, негативно сказывалось на состоянии окружающей среды.

¹² Белозерцев А., Токарев В. Проблемы интенсификации зернового хозяйства // АПК: экономика, управление. 1989. № 11. – С. 18.

¹³ ГАКК. Ф. Р- 1857. Оп. 1. Д. 1030. Л. 10.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ УРАЛА ПО КУЛЬТУРНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ СЕЛЬСКОГО ЗРИТЕЛЯ В 1970-е гг.

В статье на материалах Урала исследованы новые формы и методы в практике работы профессиональных театральных коллективов по осуществлению гастролей, оказанию шефской помощи, выстраиванию творческих связей с сельскими зрителями.

Ключевые слова: профессиональное театральное искусство, культурное обслуживание села, театральные коллективы, гастролы, шефская помощь, театральный филиал, Урал.

Театральное искусство, вобравшее в себя культурный опыт многих поколений, всегда являлось показателем культурного уровня населения. Не случайно в поздний советский период на учреждения театрального искусства официальная политика возлагала серьезную ответственность в пропаганде и распространении ценностей социалистической идеологии, в обогащении духовной жизни сельских тружеников. Определенное внимание в работе творческих коллективов театров уделялось организации пропаганды и продвижения лучших произведений театрального искусства, усилению использования театральных постановок в идейном, нравственном и эстетическом воспитании сельского населения.

Культурное обслуживание сельского зрителя театрами на селе планировалось и осуществлялось в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» (10 ноября 1977 г.)², которое предусматривало повышение роли социалистической культуры и искусства в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании советских людей, а так же дальнейшее сближение уровня жизни городского и сельского населения. Забота партийных органов о повышении культуры на селе отражена в Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодетельного художественного творчества». В вышеперечисленных документах определенная роль в решении указанного вопроса отводилась творческой интеллигенции, в том числе и деятелям театра, ставилась задача наладить индивидуальное шефство мастеров культуры

¹ Заельская Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Россия, Оренбург, sv_a_z@mail.ru.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Изд. 8-е, доп. М., Политиздат, 1978. Т. 12. 1975–1977. – С. 570–577.

и искусства над сельскими коллективами художественной самодеятельности³.

В изучаемый хронологический период фиксируется тенденция к увеличению объемов театрального и концертного обслуживания сельского населения региона. Количество проводимых в сельской местности Башкирской Автономной Советской Социалистической республики спектаклей и концертов за период с 1971 по 1973 гг. возросло с 3038 до 3387 мероприятий⁴. В первом полугодии 1979 г. количество сельских зрителей, охваченных театральным обслуживанием в БАССР составляло 444,9 тыс. чел., а в 1980 г. их количество возросло в 1,2 раза, составив 529,1 тыс. чел.⁵ Творческими группами артистов Челябинского государственного областного театра кукол только в 1973 г. было дано 260 спектаклей на селе, обслужено 55,1 тыс. юных зрителей, проживавших в сельской местности⁶.

Театрами Оренбургской области за 1980 г. было показано 2845 спектаклей на селе и обслужено 618 тыс. зрителей⁷. Творческим коллективом Салаватского башкирского драматического театра в 1980 г. было обслужено 90 тыс. сельских зрителей и продемонстрировано 330 спектаклей. Инициативная работа коллектива по развитию культурного шефства над селом была поощрена Дипломом Министерства культуры⁸. Удмуртский государственный драматический театр только за первое полугодие 1979 г. продемонстрировал сельским жителям 89 спектаклей, которые смогли оценить 32,4 тыс. челк. Наибольшей популярностью у сельских жителей пользовались спектакли «Шуд сэрег», «Ой, чебер, ныйлес», «Кузес но куноос», «Насьтон но Исьток», «Легенда о красном цвете». Культурно-шефским обслуживанием были охвачены Можгинский, Алнашский, Дебёсский, Вавожский, Кезский и ряд других районов автономной республики⁹.

В изучаемый период в практическую работу региональных театров вошли периодические сельские гастроли. Работа по культурному обслуживанию села, как свидетельствуют документальные архивные источники,

³ ОГАЧО. Ф. Р-1360. Оп. 4. Д. 210. Л. 6.

⁴ История культуры Башкортостана. Вып. 5. Культурная жизнь в Башкортостане. Сборник документов и материалов. 1960–1994 гг. Уфа: Гилем, 1995. – С. 79.

⁵ Там же. – С. 106.

⁶ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

⁷ Культурное строительство в Оренбуржье: Документы и материалы, 1942–1987. /Сост.: В.И. Швидченко, Т.В. Костова, А.Е. Акиншина и др. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1989. – С. 153.

⁸ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НАРБ). Ф. Р-1910. Оп. 4. Д. 542. Л. 9.

⁹ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 314. Л. 4

в основном активизировалась в летнее время. Коллектив Государственного русского драматического театра БАССР в течение исследуемого периода осуществлял сельские гастроли в Стерлитамакском, Салаватском, Стерлибашевском, Белорецком и других районах автономной республики. В полном составе творческий коллектив Башкирского государственного академического театра драмы имени Мажита Гафури выступил перед жителями поселка Янаул. Действенную культурно-просветительную работу по обслуживанию колхозников и рабочих совхозов отдаленных уголков национальной республики, Оренбургской и Челябинской областей осуществляли творческие коллективы передвижных Салаватского башкирского драматического театра и Сибайского государственного башкирского театра драмы имени Арслана Мубарякова. Салаватский драматический театр в 1979 г. продемонстрировал свое искусство сельским зрителям, проживающим в горных труднопроходимых Белорецком и Бурзянском районах республики, показав комедию Г. Хугаева «Андро и Сандро» из своего репертуара¹⁰.

Актеры театров Урала щедро делились с сельским зрителем своим талантом, трудом и вдохновением, не считаясь с трудностями ежедневных переездов. Часто бывало, что представление заканчивалось за полночь, а потом езда и ночлег в другое село по тряской дороге. Подобные реальные трудности стояли за словами «культурное обслуживание сельского населения». Анализ писем сельских жителей показывает, что многие жители села в изучаемый период считали театр необходимым и доступным им видом искусства, наряду с телевидением и кино благодаря серьезной работе изучаемых творческих коллективов.

Как правило, работа артистов театров на селе не ограничивалась только показом спектаклей. Театры Урала регулярно в период сельских гастролей проводили творческие встречи с коллективами сельской художественной самодеятельности, беседы о театре, о его роли в развитии социалистической культуры современности. Так, творческим коллективом Челябинского государственного областного театра кукол в 1973 г. в общей сложности было организовано 25 консультаций и творческих бесед на селе¹¹. Свердловский государственный театр оперы и балета шефствовал над художественной самодеятельностью Алапаевского района, куда регулярно выезжали хормейстеры и артисты хора¹². Театр был награжден Переходящим Красным Знаменем Министерства культуры СССР, Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, Министерства сельского хозяйства, Центрального комитета профсоюзов работни-

¹⁰ НАРБ. Ф. 1910. Оп. 4. Д. 857. Л. 14–16.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-240. Оп. 1. Д. 412. Л. 11.

ков культуры за активную культурно-шефскую работу на селе. Артисты театра за вторую половину 1970-х гг. провели 175 концертов на селе. Параллельно с этим театр оказал сельским домам культуры существенную помощь, обеспечив их необходимым театральным оборудованием. В процессе своей деятельности творческий коллектив усовершенствовал методику осуществления культурно-просветительной работы на селе, внедрив новую форму шефства — творческий отчет сельских талантов на сцене профессиональных театров. Результатом успешно внедренной новой формы работы стало в 1979 г. участие 90 сельчан в аналогичном отчете талантов на театральной сцене¹³. Итогом шести выездов театральных деятелей Свердловского государственного театра оперы и балета на село стало проведение праздника сельской культуры, явившего собой пример творческого тандема профессионального и самодеятельного искусства.

Коллектив Башкирского академического театра драмы имени М. Гафури в конце 1970-х гг. во время летних гастролей регулярно организовывал занятия по актерскому мастерству, сценической речи и гриму с самодеятельными артистами народного театра Калтасинского районного дома культуры. Театром было взято шефство над воспитанниками детского дома имени народного артиста СССР А. Мубарякова в селе Серменево Белорецкого района республики¹⁴.

Особенностью исследуемого периода в культурно-шефской работе театров стало заключение договоров о социалистическом содружестве между профессиональными театрами и селом. Подобный договор в 1973 г. был заключен между Челябинским государственным драматическим театром им. С. М. Цвиллинга и Аргаяшским районом. Итогом реализации положений, закрепленных договором о творческом сотрудничестве, явилось создание «уголка театра», в рамках которого размещались афиши прошлых и текущих лет, подаренные театром фотографии с изображениями сцен со спектаклей¹⁵.

Результатом выполнения условия договора о сотрудничестве Челябинского государственного драматического театра и сельских тружеников Сосновского района, заключенного в 1975 г.¹⁶, были регулярные выезды коллектива театра с выступлениями на село. Челябинским театром юного зрителя по прямым договорам только в 1977 г. было организовано 40 выступлений и творческих встреч в колхозах и совхозах области. Регулярно работали на селе Магнитогорский драматический театр

¹³ ГАСО. Ф. Р-240. Оп. 1. Д. 645. Л. 4.

¹⁴ Заельская С.А. Народные театральные коллективы Урала в системе художественного творчества в эпоху «развитого социализма» // Общество: философия, история, культура. Краснодар: ХОРС, 2014. № 1. – С. 58.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1360. Оп. 4. Д. 97а. Л. 1–2, 19.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1360. Оп. 4. Д. 120. Л. 8.

им. А. С. Пушкина, Магнитогорский театр кукол «Буратино», Челябинский областной театр кукол¹⁷.

Договор о шефстве, содружестве, взаимопомощи с колхозом имени В. И. Чапаева Кармаскалинского района существовал у Башкирского академического театра драмы имени М. Гафури, согласно которому артисты профессионального театра взяли шефство над коллективом народного театра Кармаскалинского районного дома культуры¹⁸.

Вышеназванные договоры о творческом сотрудничестве театров Урала и тружеников села преследовали цель не только продемонстрировать непосредственную связь профессионального и самодеятельного искусства, но и дать импульс для творческого развития работникам сферы духовного производства на селе.

Центрами распространения культуры и искусства становились отделения либо филиалы театров в сельской местности. Так, все профессиональные театры Челябинской области к концу 1970-х гг. создали на селе свои подразделения или филиалы. В области работали филиалы Челябинского государственного театра драмы имени С. М. Цвиллинга в селе Есаульское Сосновского района и Златоустовского драматического театра в селе Уйском¹⁹. Новый филиал Челябинского драматического театра был открыт в 1980 г. в совхозе «Митрофановский» Сосновского района. На протяжении всего исследуемого периода продолжали функционировать филиалы в совхозах «Дубровский», «Лазурный» Красноармейского района и в совхозе «Селезян» Еткульского района²⁰. В Красноармейском районе в районном доме культуры села Миасское действовал филиал Челябинского театра юного зрителя. Два раза в месяц Челябинский театр юного зрителя бывал там со своими спектаклями и мероприятиями²¹.

У Удмуртского драматического театра имелся сельский филиал в селе Малая Пурга, на базе которого творческие работники проводили различные мероприятия. Например, были показаны лучшие спектакли театра «Насьтон но Исьток», «Шуд сэрег», «Кузеос но Куноос». По возможности театр выделял в сельские дома культуры светоаппаратуру, грим и т.п.²²

В исследуемый хронологический период в советской стране была осуществленная система мер по совершенствованию культурного обслуживания сельского населения, важным элементом которой была деятельность региональных театральных учреждений по повышению

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 1542. Л. 30.

¹⁸ История культуры Башкортостана. Вып. 5. Культурная жизнь в Башкортостане : сб. док. и материалов. 1960–1994 гг. Уфа, 1995. 330 с.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 1542. Л. 2.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1360. Оп. 4. Д. 210. Л. 4.

²¹ ОГАЧО. Ф. Р-998. Оп. 2 пр. Д. 147. Л. 1–2.

²² ЦГАУР. Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 314. Л. 3–4.

культурного уровня селян. Театральные коллективы Урала внесли существенный вклад в развитие культуры советской деревни. Профессиональные театры Урала совершенствовали практику ежегодных сельских гастролей, демонстрируя свое искусство сельским жителям даже в отдаленных уголках региона. Артисты оказывали шефскую помощь коллективам художественной самодеятельности, проводили зрительские конференции и дискуссии по просмотренным спектаклям, организовывали отчетные творческие встречи.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА АГРОПРОИЗВОДСТВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1980-е гг.

Осуществляется поэтапная реконструкция основных тенденций развития структуры аграрного сектора Томской области в 1960–1980-е гг. Анализируются процессы трансформации общественного сектора агропроизводства, процессы преобразования колхозов в совхозы, производится сравнение средних размеров сельхозпредприятий, обеспеченность их основными фондами, земельными угодьями и работниками.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, совхозы, колхозы, Томская область.

В начале исследуемого периода ведущую роль в сельском хозяйстве региона занимали государственные сельхозпредприятия. В общественном секторе был сосредоточен основной производственный потенциал аграрного сектора экономики региона. Здесь производилось 65% мяса, 58% молочной продукции, 100% зерна и большая часть технических культур. На личных подворьях выращивалось 75% яиц, большая часть овощей и картофеля².

Базовой организационно-производственной структурой государственного сектора являлись колхозы. В 1965 г. в регионе насчитывалось 84 сельхозартели (Табл. 1). Томские колхозы по своим производственным параметрам были меньше среднероссийских и западносибирских показателей. В среднем на одно хозяйство в области приходилось: 245 дворов, 9,53 тыс. га посевных площадей, 26,7 тракторов, 19,7 зерноуборочных комбайнов; по Западной Сибири: 280 дворов, 6,3 тыс. га посевных площадей, 69 тракторов и 15,5 комбайнов; в РСФСР: 368 дворов, 3,9 тыс. га посевов и 8,8 комбайнов³.

Совхозов в Томской области насчитывалось 16 (Табл. 1). Томские совхозы по большинству показателей были крупнее среднероссийских показателей, но уступали по ряду параметров западносибирским. В среднем на одно хозяйство в области приходилось: 900 работников, 2,47 млн

¹ Орлов Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Россия, Бийск; младший научный сотрудник сектора аграрной истории, Институт истории СО РАН, Россия, Новосибирск, orlovd2010@mail.ru

² Народное хозяйство Томской области за 1976–1980 гг.: стат. сб. Новосибирск, 1982. – С. 41.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: стат. ежегодник. М., 1966. – С. 316–317, 322–323.

руб. основных производственных фондов, 8,9 тыс. га посевных площадей, 156 тракторов и 32,6 зерноуборочных комбайнов; по Западной Сибири: 860 работников, 2,49 млн руб. фондов, 13,65 тыс. га посевных площадей, 176 тракторов и 45,8 комбайнов; в РСФСР: 681 работник, 1,9 млн руб. основных фондов, 8,3 тыс. га посевов, 115 тракторов и 24 зернокомбайна⁴.

Таблица 1

Число колхозов * и совхозов в Томской области в 1965–1985 гг.⁵

Регион	Вид сельхозпредприятия	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Томская область	колхозы	84	44	20	20	21
	совхозы	16	46	107	109	117

* Без учета рыболовецких.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. расширение совхозного сектора за счет колхозного продолжилось. Во второй половине 1960-х гг. в регионе колхозов стало меньше в два раза, а количество совхозов выросла с 16 до 46. Прирост числа совхозов происходил как за счет их разукрупнения, так и вследствие преобразования из колхозов и иных типов хозяйств, а также создания новых сельхозпредприятий (птицефабрик, свинопунктов и др.).

Первый секретарь Кожевниковского райкома Томской области В.И. Чекулаев, выступая на партийной конференции в 1970 г., объяснил необходимость предстоящего преобразования всех 6 сельхозартелей района в совхозы неудовлетворительными результатами их хозяйственной деятельности. Их долг составлял 1,5 млн руб. «Совхозизация» района должна была способствовать интенсификации сельскохозяйственного производства, более эффективному использованию земли и производственных фондов. Также сообщалось, что преобразование колхозов в совхозы приведет к росту зарплаты бывших колхозников на 20% только за счет ввода сибирского коэффициента⁶.

В девятой пятилетке данные процессы продолжились. Сельхозартелей в области стало меньше в два раза, численность совхозов выросла на 61.

Следствием роста числа совхозов в Томской области становилось уменьшение их размеров. Так, в 1975 г. по сравнению с 1965 г. (в среднем на одно хозяйство) численность работников, занятых в основном производстве, уменьшилась на 601 чел., площадь посева — на 5,8 тыс. га, количество тракторов — на 22, комбайнов — на 12. Средние размеры колхозов

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: стат. ежегодник. М., 1966. – С. 327–328, 330–333;

⁵ Народное хозяйство Томской области за 1976–1980 гг.: стат. сб. Новосибирск, 1982.– С. 20.

⁶ ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 252. Оп. 3. Д. 53. Л. 6–18.

во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг., напротив, увеличивались. В 1975 г. по сравнению с 1965 г. площадь посева выросла на 1,9 тыс. га, количество тракторов — на 16, комбайнов — на 7⁷.

В десятой-одиннадцатой пятилетках процесс преобразования колхозов в совхозы замедлился. С совхозный сектор увеличился всего на 10 предприятий. Принципиально новой тенденцией первой половины 1980-х гг. стал рост числа колхозов.

В 1985 г. томские колхозы были крупнее совхозов. Так, количество занятых работников составляло в колхозах и совхозах 320 и 271 чел., посевные площади — 5,7 и 3,8 тыс. га, тракторов — 71 и 62, зернокомбайнов — 34 и 20 (в среднем на одно хозяйство)⁸.

Таким образом, основным трендом в изменении организационно-производственной структуры сельского хозяйства региона в исследуемый период являлась продолжающаяся «совхозизация». Она имела не только экономические, но и социальные причины. Преобразовывая колхозы в совхозы, местные власти стремились быстрее и за счет государства поднять уровень жизни колхозников, обеспечив их пенсиями и гарантированными льготами, предусмотренными для рабочих совхозов. Кроме того, значительная часть преобразований проводилась в форме укрупнения колхозов и совхозов, в том числе за счет небольших колхозов, что было связано с реализацией курса на ликвидацию мелких, неперспективных деревень.

Сокращение числа колхозов происходило на фоне их сближения с совхозами. В 1966 г. была введена гарантированная оплата труда колхозникам на уровне тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. Введение в колхозах единой с государственными сельскохозяйственными предприятиями тарификации работ, применение типовых норм выработки, действующих в совхозах, не только гарантировали получение ежемесячной зарплаты, но и способствовали сближению оплаты труда в колхозах и совхозах [1, С. 40].

В общественном секторе Томской области (21 колхоз и 117 совхозов) в 1985 г. производилось 69% мяса, 72% молочной продукции, 92% яиц. Вырос удельный вес госхозов в производстве картофеля и овощей, а также в госзакупках всех видов сельхозпродукции⁹.

Вышеуказанные изменения знаменовали собой завершение процесса формирования совхозной модели аграрного строя. Её организационно-производственной базой стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые фактически были превращены и колхозы. В Томской области данные процессы происходили более выражено.

⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: стат. ежегодник. М., 1976. – С. 274–276, 284, 280–281, 288–289.

⁸ Народное хозяйство Томской области за 1981–1985 годы: стат. сб. Томск, 1986. – С. 47–50.

⁹ Там же. – С. 41.

ПОВЫШЕНИЕ ОПЛАТЫ ТРУДА ТРУЖЕНИКАМ СЕЛА БУРЯТИИ В 1960–1980-е гг.

В 1960–1980-е гг. в сельской местности Бурятии происходил динамичный рост денежной оплаты труда сельских тружеников, что в целом отражало проводимую советским правительством политику по сближению уровней жизни между городом и деревней. Оплата труда колхозников и заработная плата рабочих совхозов имели тенденцию к росту.

Ключевые слова: сельскохозяйственный, доход, колхоз, совхоз, оплата труда, повышение, село, труд.

Основные направления развития сферы материального благосостояния Бурятии совпадали с общесоюзными, но их проявление имело характерную специфику и осложнялось природно-географическими, социально-экономическими особенностями.

Наиболее полным показателем материального благосостояния населения выступает совокупный доход. Для сельского жителя его возрастанию способствовало увеличение оплаты труда в общественном хозяйстве, наравне с повышением доходов от личного подсобного хозяйства и введения ряда выплат и льгот из общественных фондов потребления.

С 1 ноября 1966 г. все колхозы Бурятии перешли на гарантированную ежемесячную оплату труда. Во исполнение Директив XXIV съезда КПСС в 1971–1975 гг. проводились мероприятия по повышению заработной платы рабочих и служащих. В 1971 г. во всех районах РСФСР осуществлено повышение до 70 руб. в месяц минимальной заработной платы рабочих и служащих с одновременным увеличением тарифных ставок трактористам-машинистам предприятий сельского и лесного хозяйства². С 1966–1975 гг. оплата труда колхозников возросла почти в 2 раза³.

Доходы колхозников росли более высокими темпами по сравнению с заработной платой рабочих и служащих. Опережающий рост оплаты труда колхозников обеспечивался за счет более быстрого роста денежных доходов колхозников от общественного хозяйства. Уровень реальных доходов колхозников по отношению к реальным доходам рабочих и служащих в расчете на члена семьи с середины 1960-х гг. повышался.

¹ Карначёв Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, Россия, Улан-Удэ, karnachyov@yandex.ru.

² Народное хозяйство РСФСР в 1974 г. Стат. ежегодник. – М.: «Статистика». 1975. – С. 388.

³ Кузнецов В.В. Уровень жизни населения Бурятии в 50-70-е годы XX века. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2002. – С. 13.

В распределении доходов и оплаты труда в колхозах Бурятии в 1960–1970-е гг. имелись и существенные недостатки. В ряде колхозов уровень оплаты труда колхозников не обеспечивал необходимой материальной заинтересованности их в развитии общественного хозяйства. Так, средний уровень оплаты на 1 человеко-день в 1967 г. в колхозах Закаменского района составил 2 руб. 40 коп., тогда как в совхозе «Торейский» этого же района — 3 руб. 60 коп. В колхозах Тункинского района оплата одного человеко-дня составил 2 руб. 90 коп., тогда как в совхозе «Саянский» того же района — 3 руб. 50 коп.⁴

В колхозах Бурятии, оплата труда механизаторов, чабанов, доярок немногим уступала заработной плате работников соответствующих отраслей совхозов. В колхозах Мухоршибирского района среднемесячный заработок чабанов в 1976 г. составил 146 руб., доярок — 145, трактористов и комбайнеров — 152 руб., а в совхозах соответственно — 155, 145, 165 руб.⁵

Увеличению денежных доходов населения Бурятии в значительной мере способствовали введение денежной оплаты труда колхозников, ее денатурализация. 1960–1970 гг. явились решающими в абсолютном и относительном увеличении оплаты труда рабочих, служащих и колхозников Бурятии, постепенной ликвидации различий в уровнях денежных доходов населения.

Однако в этой области оставались задачи, которые необходимо было решать. Как показывали расчеты ученых, в восточных районах требовались расходы на 38% выше, чем в южных, и на 26% больше, чем в центральных районах. С учетом этой специфики в Бурятии к заработной плате был введен коэффициент 1,2, а в ее северных районах — 1,4⁶.

Вместе с тем, с введением районного коэффициента, соотношение заработной платы рабочих и служащих Бурятии, с одной стороны, и таковой по СССР и РСФСР, с другой, мало изменилось. Если в 1960 г. до введения районных коэффициентов среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Бурятии по отношению к уровню СССР составляла 105,7 %, РСФСР — 102,5 %, то в 1979 г. это соотношение составляло соответственно 110,3 % и 104,7 %. Оплата труда колхозников Бурятии в 1979 г. по отношению к аналогичному общесоюзному показателю составляла 103,1 %⁷.

Введенные районные коэффициенты к заработной плате должны были компенсировать имеющиеся различия в условиях жизни и труда

⁴ Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф.П-1. Оп. 2. Д. 139. Л. 173,174.

⁵ Под знаменем Октября. Сб. статей, посвящ., 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 1917–1977. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1977. – С. 213.

⁶ Воробьев В. В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – С. 71.

⁷ Кузнецов В.В. Уровень жизни населения Бурятии в 50–70-е годы XX века. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2002. – С. 16.

в северных и восточных районах. Однако, как показала практика, эта компенсация была еще недостаточна и поэтому не способствовала в той мере, в какой это задумывалось, привлечению, а тем более закреплению новых рабочих кадров в восточных районах. При этом надо иметь в виду, что выплаты и льготы из общественных фондов потребления на душу населения в Бурятии, были заметно ниже, чем по СССР и РСФСР в среднем. Кроме того, из-за более медленного, чем в европейской части страны, развитие жилищно-бытовой, социально-культурной инфраструктуры республики, разрыв в получаемых выплатах и льготах не сокращался, а, наоборот, увеличивался.

С начала 1980-х гг. продолжилась положительная тенденция повышения заработной платы отдельным категориям трудящихся, в том числе и в сельской местности. В 1981 г. по стране были введены ежемесячные надбавки к заработной плате врачам участковых больниц и амбулаторий, расположенных в сельской местности за непрерывную работу свыше трех лет на территориальных участках⁸.

В соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС осуществлялись основные мероприятия по повышению уровня оплаты труда работников сельского хозяйства. Повышены должностные оклады руководящим работникам, специалистам и служащим совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. В районах Сибири на рабочих и других специалистов сельскохозяйственных предприятий, занятых в животноводстве, распространены и условия выплат надбавок к заработной плате за непрерывный стаж работы в данном хозяйстве. Аналогичные меры также проводились и в колхозах⁹.

В 1986 г. было завершено по всей стране повышение ставок заработной платы и должностных окладов учителям, преподавателям, мастерам производственного обучения, руководящим и другим педагогическим работникам общеобразовательных школ, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений и некоторых других учреждений народного образования. В результате осуществления указанных мероприятий заработная плата учителей, в том числе, и в сельской местности возросла более чем на 30%¹⁰.

Была введена выплата надбавок к заработной плате рабочих и служащих за непрерывный стаж работы на предприятиях, учреждениях и организациях, расположенных в Южных районах Дальнего Востока, Читинской области, Бурятской АССР и Тувинской АССР.

⁸ Народное хозяйство СССР 1922–1982. Юбилейный стат. ежегодник. – М.: «Финансы и статистика», 1982. – С. 421.

⁹ Народное хозяйство СССР в 1983 г. Стат. ежегодник. – М.: «Финансы и статистика», 1984. – С. 413.

¹⁰ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. ежегодник. – М.: «Финансы и статистика», 1987. – С. 440.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. произошли некоторые позитивные сдвиги в изменении уровня жизни сельских жителей. Одной из основных статей денежных доходов населения оставалась оплата труда в общественном хозяйстве. За 20 лет среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственного производства в Бурятии с 1965 по 1987 г. увеличилась с 64 до 212 руб. Доля оплаты по труду в совокупном доходе семьи сельского жителя колебалась от 80 до 86 %¹¹, а семьи колхозника — от 70 до 80 %. Преобразование колхозов в совхозы позволило перейти к гарантированной оплате труда, а оплата труда колхозников и заработная плата рабочих совхозов сохраняли тенденцию к росту.

¹¹ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. – С. 412.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОТНИКОВ СЕЛЬХОЗПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1990-х гг.

В статье на материалах областей Центрального Черноземья рассматривается правовое положение работников сельхозпредприятий путем проведения анализа востребованности прав собственников земельных долей, предоставленных им в ходе аграрной реформы 1990-х гг.

Ключевые слова: аграрная реформа, Центральное Черноземье, работники сельхозпредприятий, право собственности, земельная доля, имущество пай.

Правовое положение квалифицированных и неквалифицированных работников сельскохозяйственных предприятий в период аграрной реформы 1990-х гг. характеризовалось формированием у них прав собственников земельных долей.

В ходе реорганизации колхозов и совхозов находившиеся в их ведении земли и имущество были разделены на земельные доли и имущественные пай и бесплатно переданы работникам. Процесс выдачи документов на право собственности начался в 1993 г. и растянулся на пять лет². К 1 января 1999 г. оформить свои права и получить документы на право собственности смогли 92,1 % всех собственников земельных долей в России³. Прохождение через эти процедуры обеспечило предоставление квалифицированным и неквалифицированным работникам сельхозпредприятий определенных прав собственников земельных долей.

Наиболее полно ощутить себя хозяином (собственником) позволяло право выделения земли и имущественной доли с целью создания фермерского хозяйства. Однако воспользоваться этим правом желали немногие. Работников сельхозпредприятий останавливало понимание огромной ответственности и большого количества трудностей, с которыми пришлось бы столкнуться, занявшись единоличным ведением фермерского хозяйства, а также отсутствие финансовых возможностей для этого. Количество желающих выйти из сельхозпредприятия с целью образования

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации Липецкий филиал, Россия, Липецк, inna.logunova.12@gmail.com.

² См.: Указ президента РФ от 27 октября 1993 г. «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» // Собрание актов президента и правительства РФ. 1993. № 44. Ст. 4191.

³ Шалапина И.П., Карев В.Н. Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. – С 43.

фермерского хозяйства было нестабильным и напрямую зависело от государственной поддержки. Предоставление помощи со стороны государства в полном объеме способствовало росту числа кандидатов в фермеры; прекращение оказания государственной поддержки, напротив, влекло за собой резкое уменьшение желающих создавать фермерские хозяйства.

Права на продажу земельной доли и передачу ее по наследству также предоставляли квалифицированным и неквалифицированным работникам возможность максимально приобщиться к статусу собственника. Однако право на продажу не работало вплоть до начала 2000-х гг. по причине отсутствия правового механизма его реализации, а передача по наследству получила распространение в основном среди пенсионеров сельхозпредприятий.

В случае, когда работник сельхозпредприятия принимал решение о передаче земельной доли в качестве вноса в уставный фонд сельхозпредприятия, он сознательно или неосознанно шел на то, чтобы лишить себя всех правомочий собственника. Однако, несмотря на то, что в сознании квалифицированных и неквалифицированных работников чувство собственника приживалось крайне трудно, данное право в областях Центрального Черноземья оказалось не востребовано. Вероятно, мысль о потере того, что принадлежало им, пусть и виртуально, для сельскохозяйственных работников была недопустима.

Крайне редко работники сельхозпредприятий использовали и право выдела земельной доли для расширения ЛПХ или под жилищное строительство, так как личные подсобные хозяйства и жилые дома у основной массы квалифицированных и неквалифицированных работников уже имелись (в 1993 г. доля владельцев ЛПХ среди механизаторов составляла 92,3 %)⁴. В Шебекинском районе Белгородской области за три года с 1997 г. по 1999 г. этим правом воспользовался лишь один владелец земельной доли⁵.

В пореформенный период не нашли применения и такие формы реализации права собственности на земельную долю как сдача в залог и обмен на имущество, поскольку их осуществление становилось возможным лишь при условии рентабельности предприятия. Однако в пореформенный период большинство сельхозпредприятий являлись убыточными, а использование земли малоэффективным. Следовательно, не было смысла пытаться реализовывать эти права.

Единственным правом из законодательно утвержденного списка прав собственников земельных долей, получившим широкое распространение,

⁴ Кирюшин В.А. Научные основы оптимизации условий труда механизаторов полеводства. Дис-ция д-ра медиц. наук. М., 1995 [Электронный ресурс] URL: // <http://medical-diss.com/medicina>

⁵ Кондрашова О.Н. Движение земельных долей в сельскохозяйственных предприятиях // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. – С. 85.

стала передача земельных долей и имущественных паев в аренду сельхозпредприятию. Во всех областях Центрального Черноземья 97–98 % владельцев земельных долей воспользовались этим правом⁶, не без подсказки со стороны руководства сельхозпредприятия. Данная форма реализации права собственности на землю оказалось очень удобной для руководителей, поскольку предоставляла им возможность самостоятельно распоряжаться собственностью трудового коллектива. С развитием реформы развивалось и арендное право собственников земельных долей. Начиная с 1997 г., стало расти число желающих сдавать землю в аренду фермерским хозяйствам, а с 1998 г. — другим сельхозпредприятиям по причине более высокой арендной платы.

В итоге сложилась ситуация под названием «сапожник без сапог», когда якобы действительные собственники земельных долей на деле таковыми не являлись. Большая часть предоставленных им прав оказалась фикцией.

Новоявленные собственники столкнулись с рядом проблем. Прежде всего, у них отсутствовала реальная возможность выделения земельной доли в натуре, за исключением случаев выхода из сельхозпредприятия для создания фермерского хозяйства. Кроме того, в ходе второй волны реорганизации права собственников квалифицированных и неквалифицированных работников часто становились объектом посягательства со стороны руководителей и специалистов сельхозпредприятий — земельные доли начали скупаться. В результате работники из формальных собственников фактически превращались в наемных рабочих. Их права собственников по владению и распоряжению земельными долями ограничивались. К 2000 г. в РФ только 53% собственников земельных долей официально распоряжались ими, остальные 47% находились в пользовании в порядке негласного захвата⁷.

Итак, правовой статус квалифицированных и неквалифицированных работников в пореформенный период можно обозначить как статус «псевдособственников», который к тому же носил временный характер (И.П. Шалапина называет их «временными собственниками»⁸). Номинально они были провозглашены собственниками и числились таковыми во время переходного по своему характеру периода перераспределения сельскохозяйственных земель.

⁶ Кондрашова О.Н. Движение земельных долей в сельскохозяйственных предприятиях // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. С. 85; Шалапина И.П., Карев В.Н. Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве // Там же. – С. 43

⁷ Цобберг О.А. Социальные факторы новых земельных отношений // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. – С. 66.

⁸ Шалапина И.П., Карев В.Н. Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. – С. 43.

ТИПОЛОГИЯ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В публикации анализируется типология фермерских хозяйств в современной России. Выявлены факторы, отличающие крестьянские (фермерские) хозяйства от других малых форм хозяйствования на селе. Определены основные признаки типологизации и выполнена авторская классификация на основании наиболее распространенных признаков крестьянских (фермерских) хозяйств: размер землепользования, специализация, наличие наемных работников, организационно-правовой статус, доходность.

Ключевые слова: крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), фермерские хозяйства, малые формы хозяйствования (МФХ), личные подсобные хозяйства (ЛПХ), индивидуальное предпринимательство, типология, классификация, Россия.

В современной России сформировались два основных типа институциональных структур — производителей сельскохозяйственной продукции:

1) крупные формы хозяйствования — сельскохозяйственные организации (СХО) — в организационном плане юридические лица коммерческого типа, образованные в результате реорганизации бывших колхозов, совхозов и ведущие крупнотоварное сельскохозяйственное производство, основанное на частной собственности, коллективном труде, организационном единстве, обособленном имуществе.

Особую форму институциональной структуры агробизнеса в России представляют агрохолдинги и кластеры, которые в 2000-е гг. получили приоритетную государственную поддержку. В 2007–2013 гг. в России интенсивно строились крупные птицефабрики, свинокомплексы и молочные фермы — гиганты, а фермерским хозяйствам уделялось недостаточное внимания.

В структуре производства сельскохозяйственной продукции СХО занимают (на 2016 г.) около 50%. А в производстве зерна, сахарной свеклы и семян подсолнечника доля СХО составляла соответственно 78,2%, 89,3% и 70,7%;

2) малые формы хозяйствования (МФХ) — крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), индивидуальные предприниматели (ИП), малые сельскохозяйственные предприятия (с численностью до 100 человек), сельскохозяйственные потребительские кооперативы (СПоК), а также

¹ Крайнов Григорий Никандрович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта, Россия, Москва, kraiovgn@mail.ru.

личные подсобные хозяйства (ЛПХ). В структуре производства сельскохозяйственной продукции на сектор МФХ приходится (на 2016 г.) более 49%.

ЛПХ — форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Целью хозяйствования ЛПХ является удовлетворение личных потребностей семьи в продуктах питания, доходах и домашнем имуществе, используя для этого собственную или арендованную землю, другие средства производства и применяя семейный труд. Преимущества ЛПХ связаны с выращиванием скота, птицы, производстве молока, требующих много затрат ручного труда. Поэтому не случайно хозяйства населения производят почти 40% скота и птицы, 51% молока. Из более чем 18 млн ЛПХ (по ВСХП — 2016 г.) около 2 млн можно отнести к товарным крестьянским подворьям, близким к КФХ.

На XXX съезде Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР) в феврале 2019 г. отмечалось, что доля крестьянских (фермерских) хозяйств в общей структуре сельхозпроизводства России составляет сегодня 12%².

Активное использование дефиниции «малые формы хозяйствования» как рабочего термина, замещающего понятие «крестьянское (фермерское) хозяйство» отмечается с началом реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» на 2006–2007 годы. В группу «малые формы хозяйствования» первоначально включались личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и КФХ. Позднее, в МФХ вошли и малые сельскохозяйственные предприятия, при этом ЛПХ и КФХ образовали «так называемый индивидуально-семейный сектор сельского хозяйства». С принятием ФЗ о развитии малого и среднего предпринимательства в РФ от 24.07.2007 г. к группе субъектов малого и среднего предпринимательства были отнесены также индивидуальные предприниматели, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, включая крестьянские (фермерские) хозяйства³.

Понятие «малые формы хозяйствования» в дальнейшем активно использовалось в Государственных программах развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. и в период 2013–2020 гг. и объединяло личные подсобные хозяйства (ЛПХ), КФХ, индивидуальных предпринимателей (ИП), малые сельскохозяйственные предприятия (с численностью до 100 чел.) и сельскохозяйственные потребительские кооперативы

² Крайнов Г.Н. О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования. – 2019. № 8. – С. 157–161.

³ Крайнов Г.Н. Этапы аграрной политики в современной России // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века. – Коломна, 2015. – С. 366–371.

(СПоК). Однако, включение в одну типологическую группу ЛПХ, ИП, КФХ, малых предприятий и СПоК не может быть признано релевантным.

Следует отметить, что в Законе РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 г. в ст. 1 определено, что «крестьянское (фермерское) хозяйство является самостоятельным хозяйствующим субъектом с правами юридического лица, представленным отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющим производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и находящихся в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности земельных участков»⁴. В законе специально оговорено, что КФХ представляет собой форму свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды. Основным термином данного документа являлось «крестьянское хозяйство». В Федеральной целевой программе развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1996–2000 гг., также использовалось определение «крестьянское хозяйство».

В новой редакции Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 г. «крестьянское (фермерское) хозяйство (далее также — фермерское хозяйство) представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии». Рабочий термин документа уже «фермерское хозяйство», которое осуществляет предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. В этой редакции закона о КФХ излишне жёстко закреплён семейно-трудовой принцип организации хозяйства. В статьях 1 и 3 закона указывается, что членами хозяйства могут быть граждане, связанные родством и (или) свойством, но не более чем из трёх семей, а также граждане, не состоящие в родстве с главой хозяйства, однако количество таких лиц не может превышать пяти человек⁵. Столь жёсткая фиксация семейно-трудового принципа вызывает необходимость перерегистрации или изменения организационно-правовой формы для той части КФХ, которые достигли наиболее значительных производственных результатов. Главы КФХ для того, чтобы уклониться от смены организационно-правовой формы своих хозяйств, вынужде-

⁴ О крестьянских фермерских хозяйствах: Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) // Правовая система «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

⁵ О крестьянском (фермерском) хозяйстве: федеральный закон от 11.06.2003 № 74 // Правовая система «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

ны переводить постоянных работников во временные, что позволяет сохранить их прежний статус. Другой способ — регистрация в качестве индивидуального предпринимателя (ИП), что дает возможность пользоваться льготами при производстве аграрной продукции и одновременно избегать ограничений, введенных для КФХ. Это привело к снижению официального количества КФХ: если в 1999 г. их число было более 280 тыс., по Всероссийской сельскохозяйственной переписи (ВСХП) 2006 г. — около 250 тыс., то во время Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. — 174,8 тыс. КФХ⁶. Уменьшение количества КФХ также связано с процессом холдингизации агробизнеса, когда Правительство РФ упор делало на создание и развитие агрохолдингов и агрокластеров.

Неопределённость политики и толкования термина породили противоречие между пониманием крестьянского и фермерского хозяйства, между крестьянином и фермером, вынуждая искать какой-то особый смысл. Попытка представить «крестьянское хозяйство как образ жизни, и фермерское, хозяйствующее на земле в целях наиболее выгодного приложения своего капитала и получения максимально возможной прибыли», не является убедительной для объяснения термина «крестьянское (фермерское) хозяйство». Такой двусмысленности не было при проведении стальной реформы⁷.

Конфликт понятий «фермерского» и «крестьянского» обусловил противоречивость типологий этого массива хозяйствующих субъектов. При характеристике сельского хозяйства России традиционно выделяются «три категории хозяйств: крупные — сельхозорганизации, средние — крестьянские (фермерские) хозяйства и мелкие — хозяйства населения (личные подсобные и садово-огородно-дачные)». Но это слишком упрощенная типология.

Обобщенными критериями классификации крестьянских (фермерских) хозяйств могут быть организационно-правовой статус, размер землепользования с учетом региональных особенностей, специализация, наличие наемных работников, совокупный доход. Совокупный доход определяется нами, как объем ежегодных продаж фермерским хозяйством сельскохозяйственной продукции. При этом в расчет не принимается доход от иных видов деятельности.

В зависимости от отраслевой направленности, можно выделить следующие их функциональные типы: специализированные КФХ животноводческого направления; специализированные КФХ растениеводческо-

⁶ Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в вузе? // Социологические исследования. – 2018. № 7 (411). – С. 170–172.

⁷ Крайнов Г.Н. Новые педагогические подходы в изучении Великой российской революции 1917–1921 гг. // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 2. – С. 63–72.

го направления; многофункциональные КФХ, сочетающие различные направления сельскохозяйственного производства; крестьянские фермерские хозяйства, сочетающие сельскохозяйственное производство с сервисным обслуживанием.

Крестьянские (фермерские) хозяйства также можно классифицировать по следующим признакам:

- по наличию ресурсов: трудовых — без найма рабочей силы, с сезонными и временными наемными рабочими, с постоянным наймом; земельных — малоземельные, средние, крупные, очень крупные.

- по производственному направлению: растениеводческое, животноводческое, смешанное;

- по организации территорий: хуторской тип, отрубной, селенческий;

- уровень специализации: растениеводческие, животноводческие, многоотраслевые;

- по виду производственной деятельности: занимающиеся только сельхозпроизводством, дополнительными видами деятельности (несельскохозяйственной);

- организационно-правовой статус: со статусом юридического лица, со статусом индивидуального предпринимателя и др.;

- по уровню обобществления труда: индивидуальные, семейные, коллективные;

- по способу создания: на вновь отведенных землях, на землях реорганизованного сельхозпредприятия, на базе личного подсобного хозяйства, на базе подсобного хозяйства промышленного предприятия; на базе заброшенного хутора;

- по характеру корпоративного объединения семей: односемейные, многосемейные, индивидуальные;

- межхозяйственная кооперативность: кооперированные с другими КФХ, кооперированные с сельхозпредприятиями, некооперированные;

- форма землепользования: право постоянного безвозмездного землепользования, право временного безвозмездного землепользования, право собственности;

- форма использования материально-технической базы: ручной труд, механизированный труд, сочетание форм труда;

- по уровню товарности: потребительские, полутоварные, товарные и др.

Исходя из этого, мы выделяем следующие типы фермерских хозяйств в современной России:

- 1) семейное фермерское хозяйство — состоит из членов одной семьи или нескольких семей, состоящих в близком родстве. Земельный надел этих хозяйств — до 20 га (в зависимости от специализации —

в растениеводстве наделы больше). Наемный труд здесь не используется или используется настолько ограниченно, что играет незначительную роль в функционировании хозяйства. Стратегия семейных фермерских хозяйств основывается на интеграции традиционных ценностей, которые сложились в рамках домашнего, личного подсобного хозяйств и мелкого предпринимательства. Эта основа обеспечивает достаточно высокий уровень единения работающих совместно людей и значительно уменьшает транзакционные, управленческие и информационные издержки хозяйства, а, следовательно, повышает его конкурентоспособность и жизнестойкость. Совокупный годовой доход у таких хозяйств достигает до 100 тыс. руб. Удельный вес семейных фермерских хозяйств достигает 54%;

2) среднее коллективное фермерское хозяйство — состоит из нескольких хозяйств независимо от родства с применением наемного труда и производящие товарную продукцию для реализации на рынке. Земельный надел этих хозяйств — до 100 га (в зависимости от специализации). Совокупный годовой доход у таких хозяйств достигает до 500 тыс. руб. Удельный вес этих фермерских хозяйств достигает 32%;

3) крупное коллективное фермерское хозяйство — состоит из нескольких хозяйств, предприятий, кооперативов и товариществ с применением наемного труда, производящие товарную продукцию на рынок для получения прибыли. Для них характерна централизованная управленческая структура и специфическая нормативно-правовая база, регулирующая внутрихозяйственные отношения (устав предприятия, трудовые контракты и иные договора), свидетельствующие о высокой степени формализованности взаимодействий внутри коллектива. Земельный надел этих хозяйств — более 100 га, а совокупный годовой доход у таких хозяйств более 500 тыс. руб. Удельный вес таких фермерских хозяйств достигает 14%.

Таким образом, обобщенными критериями классификации крестьянских (фермерских) хозяйств могут быть организационно-правовой статус, размер землепользования с учетом региональных особенностей, специализация, наличие наемных работников, совокупный доход. В зависимости от этого, можно выделить три типа фермерских хозяйств: семейное фермерское хозяйство (54%), среднее коллективное фермерское хозяйство (32%), крупное коллективное фермерское хозяйство (14%).

ПРОДУКТОВЫЕ КАРТЫ: ПОЧЕМУ И КОМУ...

В статье на основе статистических данных анализируется покупательная способность россиян, как причина разработки государственной программы поддержки малообеспеченных граждан с помощью продуктовых карт. Отношение к такой форме помощи социальным группам, находящимся в зоне риска представлено через опросы ВЦИОМ.

Ключевые слова: *продуктовые карты, малообеспеченные россияне, статистика, фудшеринг, фриганы.*

Положение сельхозпроизводителей во многом зависит от покупательной способности населения, именно поэтому продовольственная безопасность страны курируется, прежде всего, Министерством сельского хозяйства РФ. С этих позиций проанализируем доступность продовольствия для малоимущих социальных групп в России. Согласно статистике, индекс потребительских цен в 2018 г. по отношению к 2014 г. составил 127,18 %, а располагаемые доходы населения — 88,56 %². По данным исследования банка «Русский стандарт» доля покупок, оплаченных картами рассрочки, за первые шесть месяцев 2019 г. составила в продуктовых магазинах 14 % от общего числа товаров, купленных в рассрочку. В продуктовых магазинах, по данным ВЦИОМ, электронные карты используют 79 % опрошенных³.

О снижении доходов населения свидетельствует и доля просроченных кредитов. В августе 2019 г. 16 % кредитов (10,2 трлн руб.) в России были проблемными: они либо реструктурированы, либо обслуживаются с просрочкой, превышающей 90 дней⁴. Уровень просроченной задолженности в портфеле микрофинансовых организаций в середине 2019 г.

¹ Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Нижний Новгород, shirokalova@list.ru.

² Материалы «Круглого стола» фракции КПРФ в Государственной Думе «Законодательное обеспечение полномочий и функциональных обязанностей органов государственной власти и органов местного самоуправления Российской Федерации в области обеспечения технической и технологической безопасности теплоэнергетических, водопроводных и газовых сетей. Обслуживающих жилой фонд. М., 2019. – С. 57.

³ Банковские карты против наличных: выбираем удобство. Пресс-выпуск № 3892. 01.03. 2019 г. // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9581>.

⁴ Банки в России ждут роста просроченной задолженности по кредитам. До сих пор она снижалась // <https://bki-okb.ru/press/media/banki-v-rossii-zhdut-rosta-prosrochennoy-zadolzhennosti-po-kreditam-do-sih-por-ona-snizhalas>. 26 июня 2019.

составил около 30 %⁵. Напомним, займы малообеспеченным людям доступны только в микрофинансовых организациях, проценты в которых грозят окончательным разорением.

Эксперты называют 2 основных причины: снижение уровня доходов, не индексируемых в соответствии с инфляцией, и задержки заработной платы⁶. Действительно, на 01.08.2019 г. суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 2752,6 млн руб., увеличившись за месяц на 7,1 %. Из общей суммы невыплаченной заработной платы на долги, образовавшиеся в 2019 г., приходится 44,1 % в 2018 г. — 25,3 %, в 2017 г. и ранее — 30,6 %; то есть более половины долгов вряд ли будут выплачены⁷. Напомним, что Росстат не учитывает многие предприятия среднего и малого бизнеса, т.е. реальные суммы значительно выше.

Другая причина — повышение цен, в том числе на продукты питания. Индекс цен января — июля 2019 г. к январю — июлю 2018 г. по сахарному песку — 117,6 %, яйцам куриным — 113,0 %, мясо и птица — 110,0 %, крупа и бобовые — 109,8 %, хлеб и хлебобулочные изделия — 107,7 %, на алкогольные напитки — 101,8 %, благодаря чему в среднем — на продукты питания — 106,4 %⁸. В результате численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума по Российской Федерации составила, по предварительным данным Росстата, за 1 квартал 2019 г. 14,3 % населения или 20,4 млн чел.⁹ Особенно в сложном положении находятся семьи с детьми.

7 мая 2018 г. В.В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором была поставлена цель снижения уровня бедности в 2 раза. Фактически же за прошедший год снизился уровень жизни населения, и нет достаточных оснований для положительного прогноза на ближайшие годы. Следовательно, власть неизбежно будет решать проблему, используя привычную тактику «ручного управления», заключающуюся в помощи отдельным социальным группам, находящимся в

⁵ Степанов Г. Микрофинансовые организации назвали хищниками: объем просрочек россиян пугает // <https://www.mk.ru/economics/2019/08/22/mikrofinansovye-organizacii-nazvali-khishhnikami-obem-prosrochek-rossiyan-pugaet.html>.

⁶ Эксперт: Еда в кредит — сигнал, что стабильности больше нет // <https://www.nakanune.ru/news/2019/08/22/22550562/> 22.08.2019.

⁷ О просроченной задолженности по заработной плате на 1 августа 2019 года // http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d04/155.htm.

⁸ Индексы цен на отдельные группы и виды продовольственных товаров // http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d04/148.htm.

⁹ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации // http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d04/145.htm.

зоне повышенного риска. Например, с 1 января 2019 г. были повышены размеры минимального и максимального пособия по безработице соответственно с 800 руб. до 1500 и 4900 до 8000 руб., что увеличит долю лиц, заинтересованных в статусе безработного. Пособие для родителей по уходу за детьми инвалидами выросло с 1 июля 2019 г. с 5,5 тыс. до 10 тыс. руб. Но эти одиночные акты, касающиеся незначительной доли населения, практически не скажутся на рынке продовольствия.

Когда фактически не решается какая-либо проблема, актуализируется социальный заказ на информационную мифологию. Качество питания населения всегда было важным доводом в политической борьбе. Естественно, что Росстат должен был представить аргументы в пользу современной России, противопоставив ее советскому времени. В августе 2019 г. была опубликована информация, что с 1982 г. потребление картофеля стало в 2 раза меньше, а потребление дорогостоящих продуктов, фруктов, рыбы, мяса увеличилось. Например, мяса на 19 кг до 89 кг¹⁰. Причем, согласно Росстату структура питания семей с тремя и более детьми не критически отличается от семей с одним-двумя детьми¹¹.

Эксперты раскритиковали методику сравнительных подсчетов Росстата¹², но в нашем контексте закономерен другой вопрос: если потребительская корзина, обеспечивающая нормальный уровень жизни по всем трем категориям населения (трудоспособные, дети, пенсионеры) занижена в 3 и более раза, а именно из нее рассчитывается уровень зарплат, пенсий, пособий¹³, то каким образом десятки миллионов людей в России обеспечивают свое питание по медицинским нормативам?

Исследование ВЦИОМ 2017 г. подтверждает обоснованность такого вопроса: группа бедных (едва хватает средств на еду или одежду) составляет 39 % (в 2015 г. — 19 %), в том числе для 10 % затруднительна даже покупка продуктов¹⁴. В июле 2019 г. 68 % россиян ориентировались на сберегательное поведение, считая необходимым сократить повседневные расходы¹⁵.

¹⁰ За 40 лет жители России стали есть меньше картофеля // <https://www.nakanune.ru/news/2019/08/16/22549959/>.

¹¹ Росстат обнародовал данные о рационе питания многодетных семей // <https://newizv.ru/news/society/23-08-2019/rosstat-obnarodoval-dannye-o-ratsione-pitaniya-mnogodetnyh-semey>.

¹² Вячеслав Тетекин: Выводы Росстата о рационе питания за 40 лет - ложь // <https://www.google.ru/search?newwindow=1&q=Вячеслав+Тетекин:+Выводы+Росстата+о+рационе+питания+за+40+лет+-+ложь&tbm=isch&source=univ&sa=X&ved=2ahUKEwjehai6npvkAhUDtIsKHQI6AEYQ7Al6VAgGECQ&biw=961&=607>.

¹³ Росстат составил список самых подорожавших продуктов // <https://www.nakanune.ru/news/2019/07/08/22546108/>.

¹⁴ Потребительские возможности россиян: мониторинг. Пресс-выпуск №3407. 29.06. 2017 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116289>.

¹⁵ Покупки, кредиты и вклады: мониторинг. Пресс-выпуск. №4019. 30.07. 2019 // <https://wciom.ru/index.php?id236&uid=9824=№4019.30.06.2019>.

Показательно исследование ВШЭ о типах продуктового поведения. Главными факторами, регулирующими отношение к продуктам питания стали поведенческие установки, приобретенные во времена дефицита и бедности. Для одних — это экономное, уважительное отношение, для других, наоборот, «демонстрационное выбрасывание» еды как признак материального благополучия¹⁶. В общей сложности в РФ выбрасывается от 25 до 30 % продуктов питания, что несколько меньше, чем в европейских странах (40–50 %). Чаще это приготовленная еда (45 % от всех пищевых отходов), затем хлеб, овощи и фрукты¹⁷.

Домохозяйства (44 %) выбрасывают продукты потому, что не успевают их использовать до истечения срока годности, причем, чаще это делают женщины и молодежь. «Демонстрационное поведение» характерно, прежде всего, для торговых сетей, предприятий общественного питания. В 2019 г. в Москве опубликована «карта помоек, на которых можно найти пригодные к употреблению продукты. ... Пока на ней 30 точек, и почти все они расположены на задних дворах супермаркетов, куда выкидывают неликвидные продукты с истекшим сроком годности»¹⁸. Обратим внимание на название статьи автора — И. Зиганшиной — «Помойки-выручалочки: где в Москве можно найти бесплатную еду». Брать что-то на помойке в российском менталитете — значит быть отверженным, неудачником, вызывающим скорее брезгливость, чем жалость. «Оговорка» журналиста, как говорится, по Фрейду, показывает истинное отношение к малообеспеченным. Не все бедные станут фриганами, хотя для власти это было бы удобным решением проблемы бедности. Случайно ли на центральных каналах стали показывать фильмы о фриганах?

В мире существуют социальные практики перераспределения продуктов питания, в частности фудшеринг, но ни в одной из стран он не решил проблему голодающих. Этот способ помощи малоимущим постепенно формируется в России. В 2012 г. был создан первый в России «банк еды» или «банк продовольствия» — Всероссийский благотворительный фонд «Фонд продовольствия «Русь», который «борется с уничтожением продовольственных излишков, внося свой вклад в сохранение экологии, с одной стороны, и решает задачу по обеспечению продовольственной безопасности страны, направляя продукты нуждающимся, с другой стороны». Через приходы РПЦ, иные религиозные организации, органы социальной

¹⁶ Чугунов А. Этическое потребление или память о дефиците // https://plus-one.ru/society/eticheskoe-potreblenie-ili-pamyat-o-deficite?_utl_t=vk.

¹⁷ Воробьева О. Инструкция: как рационально использовать продукты // <https://www.asi.org.ru/article/2018/11/14/instruktsiyaka/>. 14.11.2018.

¹⁸ Зиганшина И. Помойки-выручалочки: где в Москве можно найти бесплатную еду // <https://newizv.ru/news/society/15-01-2019/pomoyki-vyruchalochki-gde-i-kak-v-moskve-mozhno-nayti-besplatnuyu-edu>.

защиты населения малоимущим семьям и нуждающимся пенсионерам раздаются продукты, получаемые через договора пожертвования от торговых организаций и сетей общественного питания¹⁹.

В 2016 г. был создан Благотворительный фонд «Больше жизни», который имеет разветвленную по России сеть и регулярно проводит акции «Корзина Добра» по сбору продуктов в сетевых магазинах²⁰. Есть и другие практики. Однако эти нужные, но частные инициативы не способны решить проблему для 20 млн чел. по многим причинам²¹.

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости более широкой программы. За рубежом это программа помощи через продуктовые карты. Эта идея регулярно актуализируется российским правительством перед выборами в течение двух десятков лет, в ряде регионов уже проводились пробные эксперименты²².

В конце 2018 г. 22 % респондентов, опрошенных РАНХиГС, вынуждены были выбирать: купить самый минимальный набор продуктов или самые дешевые, но необходимые лекарства²³. Рост протестной активности на фоне снижения уровня жизни, с большой долей вероятности, заставит вновь поднять вопрос о введении программы продуктовой помощи.

Поскольку программа продуктовых карт затрагивает не только экономические, но и нравственные проблемы, важно знать, как воспримет ее население. Судя по опросам, отношение к картам у россиян скорее положительное. По исследованию ВЦИОМ 2008 г. каждый второй россиянин поддерживал идею введения продовольственных карточек для малоимущих граждан, при этом каждый четвертый сам хотел бы получить такую карту.

Противники идеи приводили следующие аргументы: 20 % — это будет «позором для страны, возвратом к советскому прошлому, к военным голодным годам». 14 % прогнозировали «спекуляцию и махинации», 13 % не верили в эффективность идеи, 11 % считали, что «это будет издевательство над бедными», 9 % были уверены, что «до бедных карточки

¹⁹ О Фонде//<https://foodbankrus.ru/o-nas>.

²⁰ Благотворительный фонд «Больше жизни» // <https://morelifefund.ru/>
<https://morelifefund.ru/>.

²¹ Широкалова Г.С. Фудшеринг как показатель победы либеральной парадигмы// Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25–27 октября 2017 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саратов: Интеркон-такт, 2017. 400 с. – С. 171–176.

²² Широкалова Г.С. Продуктовые карты: обещанного 15 лет ждут производители и малообеспеченные россияне // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 6. – С. 4–10.

²³ Бедный потребитель: сколько россиян живут в режиме жесткой экономии // https://www.rbc.ru/economics/21/11/2018/5bf3f89b9a7947309e404d4b?from=materials_on_subject. 21. 11. 2018.

не дойдут». 12 % полагали, что необходимо решать проблему иными способами²⁴.

Согласно исследованию 2017 г. доля тех, кто «за», увеличилась до 78 %. На получение продовольственных карт (исходя из доходов своей семьи) рассчитывает 31 % опрошенных россиян, 26 % сказали, что испытывают потребность в них. Плюсы программы: позволит поддержать отечественных производителей с/х продукции (76 %), даст возможность малоимущим полноценно питаться (75 %), запрещает покупку на карту алкоголя, табака (63 %). Опасения: не все магазины будут участвовать в программе (62 %), программа коснется немногих (56 %), качество товаров, отпускаемых по картам, будет низким (52 %), возможен рост взяточничества (50 %), большие затраты для бюджета (53 %)²⁵.

Очередной раз обещали запустить программу в 2019 г., о чем появилось немало публикаций с представителями Минэкономразвития, Минфина и Минпромторга²⁶. Конечно, постоянный гарантированный доход в виде адекватной трудовым затратам заработной платы, а следовательно, и последующей достойной пенсии, лучший способ обеспечения россиянам уверенности в завтрашнем дне, а сельскому производителю — экономической стабильности. Но вместо государственной программы в Послании Президента предложен социальный контракт с малообеспеченным гражданином, в который регионы могут включить электронные продовольственные карточки²⁷. То есть, решать проблему предложено «малообеспеченным» регионам...

²⁴ Странники идеи продуктовых карточек больше, чем противников. 27 июня 2008 // <https://foodretail.ru/news/storonnikov-idei-produktovih-kartochek-bolshe-chem-protivnikov-145008>.

²⁵ Продовольственные карточки: за и против. Пресс-выпуск №3317. 28. 02. 2017 // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116086>.

²⁶ Продуктовые карточки: Россия и мировой опыт // <https://www.vestifinance.ru/articles/81059> 08.02.2017.

²⁷ Как социальные контракты позволяют бороться с бедностью в России // <https://tass.ru/ekonomika/6139555>. 20.02.2019.

SUMMARY

Kondrashin V.V.

ACTUAL PROBLEMS OF AGRARIAN HISTORY OF RUSSIA OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the analysis of the urgent problems of the agrarian history of Russia of the twentieth century, their discussion by Russian and foreign researchers at national and international conferences of the last decades, as well as implemented in the framework of major scientific projects.

Keywords: agrarian history, current and debatable problems, international and national conferences, projects, schools of agricultural historians

Miloserdov V.V.

EARTH-THE FOUNDATION OF THE RUSSIAN POWER

The article deals with the problems and consequences of the agrarian reform of the 1990s, both economic and social. Russian agrarian economists, politicians, and reformers, as well as classics of Russian literature, are analyzed in detail, and the experience of other countries in carrying out radical land reforms is shown. One of the important conclusions is made – land reform cannot be reduced only to a change of ownership forms, to the redistribution of land, and to the forcible planting of private land ownership.

Keywords: land, land reform, land ownership, land use, rent.

Nikulin V.N.

COUNT V.N. PANIN IN EDITORIAL COMMITTEES

This article shows Count Panin as a head of editorial committees during the preparation of Emancipation Manifesto. The main attention is drawn to the implementation of a liberal project developed under the supervision of Y.I. Rostovtsev and with the support of other conservative committee members.

Keywords: Count V.N. Panin, Y.I. Rostovtsev, peasantry, emancipation, Emancipation Manifesto, Chief Committee, Committee for ameliorating the condition of the peasants, editorial committees.

Dolgikh A.N.

ON THE LEGAL STATUS OF SERFS IN RUSSIA IN THE FEUDAL ERA

The problem of the legal status of the yard people in serf Russia is practically not studied. Using a number of new sources, the author raises several problems in this area, noting the different attitude to the yard and the peasants themselves in the legislation and public opinion of pre-reform Russia.

Keywords: serfdom, possessory peasants, servants, noble projects, the liberation of the peasants, sales people without land, the control of cruel land-lords.

Naukhatskiy V.V.

**THE REFORM OF 1861 AND THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY:
INSTITUTIONAL AND LEGAL BARRIERS**

The article is devoted to the influence of the reform of 1861 on the development of civil society in Russia. There are inconsistencies of the reform and public policy in the peasant question. The study shows that while maintaining the structures of traditional society, especially the community, the development of civil society could not be successful.

Keywords: reform of 1861, peasant community, civil society, Russia.

Fedina I.M.

The article discusses the issues of land surveying, land ownership and land management on the Black Sea Cossack Host-owned lands during the colonisation of the Kuban in the late XVIII - early XIX centuries. The problems of land management by various settlement structures that had a significant impact on the agrarian system of the region are analyzed.

Keywords: land surveying, land management, the Black Sea Cossacks, stanitsa, farmsteads.

Blokhin V.V.

**LIBERAL ECONOMISTS ON MEASURES TO ADDRESS THE PEASANT QUESTION
RUSSIA IN THE MID XIX AND EARLY XX CENTURIES.**

The article discusses the views of famous liberal economists – A. Chuprov and A. S. Posnikov. In their scientific journalism, they emphasized the imperfection of the peasant reform of 1861. They connected the main problem of the Russian peasantry with low land and backward agricultural technology. In their work, A.I. Chuprov and A. S. Posnikov developed a set of measures to overcome the crisis processes in the agricultural sector, which included the development of small loans, the creation of collective partnerships. Being convinced liberals, they were negative about private property and opposed violent acts against the community.

Keywords: peasantry, post-reform Russia, national credit, community, left-liberalism, rent

Sviridov I.S.

**THE AWAKENING CONSCIOUSNESS OF THE GREAT
PEASANTRY IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

The article analyzes the reasons that led the Great Russian peasantry in the early twentieth century to the awakening of self-consciousness and the growth of the peasantry in the socio-cultural context of the Russian Empire. Under the influence of these circumstances in the great village in the early twentieth century, a new type of worldly man, who became the Creator and pestoon of social endeavors

Keywords: latrines, a new type of worldly man, the search for truth and justice, the Russian-Japanese war, the propaganda of the SRS

Miyanbaeva F.N., Noda L.P.

**ACTIVITIES OF OFFICIAL RESPONSIBILITY OFFICERS IN TURKESTAN REGION
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article is devoted to the activities of officials of the Resettlement Administration in the Turkestan Territory at the beginning of the 20th century. The activity of the Migration Organization in Semirechye, as well as a special temporary party for the formation of resettlement sites, is revealed.

Keywords: Migration management, bureaucracy, suburbs, ethnography, history, land use, Turkestan region, Semirechye.

Bundak E.A.

**TRANSFORMATION OF PUBLIC-POLITICAL AND LEGAL STATUS
OF UKRAINIAN PEASANTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article is devoted to characterizing the process of transformation of the socio-political and legal status of the Ukrainian peasantry in the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

Keywords: legal status, modernization, peasantry, mentality, politicization, ideoman peasant, political parties.

Zhirov N.A.

**THE AGRARIAN MOVEMENT IN THE YELETS DISTRICT
OF OREL PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY**

The article is devoted to the study of the causes of the protest movement in the village in the beginning of the 20th century. Within the framework of the problems, the distribution of the agrarian movement in the Orel province and Yeletsky district, interaction of local authorities with the peasant society in the framework of the agrarian policy of the tsarist government is considered.

Keywords: peasantry; agrarian policy; pogrom movement, customary law, Yeletsky district.

Mykhailiuk A.V.

**DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE PEASANT ENVIRONMENT
OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES**

The influence of the processes of demographic modernization on various aspects of the life of peasants is considered. It is shown that demographic changes have become an important factor in crisis phenomena and the growing revolutionary situation.

Keywords: peasantry, demographic modernization, agrarian overpopulation, age-related balance of population

Zhukova V.S.

**HOLIDAYS IN THE LIFE OF PEASANTS OF THE EUROPEAN
NORTH OF RUSSIA 1911-1930S.
(BY THE MATERIALS OF PEASANT DIARIES AND MEMORIES)**

Based on the diary entries and memoirs of the peasants of the European North of Russia, changes in the festive culture of rural residents occurring after the establishment of Soviet power were traced.

Keywords: peasantry, diary, memories, calendar, Decree, traditions, religious and Soviet holidays.

Tokarev N.V.

**THE MIGRATION RELATIONS OF THE TAMBOV PROVINCE DURING
THE STOLYPIN REORGANIZATIONRUSSIAN VILLAGE**

The article summarizes some results of work with the electronic database «Resettlement», compiled on local archival materials for the study of migration relations between the Tambov province and Asian Russia during the Stolypin reforms. It is shown that Western Siberia, primarily Tomsk province, remained traditionally attractive for Tambov migrants of the late Imperial period.

Keywords: migrants; migration relations; Stolypin resettlement; Tambov province; Tomsk province; electronic database.

Bagdasaryan S.D.

**HOOLIGANISM IN A PRE-COLLECTIVE FARM VILLAGE IN THE SOUTH
OF RUSSIA: DISTRIBUTION AND COUNTERACTION MEASURES**

The problem is considered of the spread of forms of antisocial behavior in the 1920s in the South of Russia and its impact on peasant society. The article analyzes the state policy of the Soviet authorities, faced with the development of deviations and delinquency in the youth environment, which was supported by the Bolshevik reforms.

Romanchenko V. Ya.

**RELATIONSHIP BETWEEN STATE POWER AND THE PEASANTRY
IN THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION: STAGES OF TRANSFORMATION**

The article attempts to trace the evolution of the relationship between the peasantry and the state power during the revolution, to determine its stages, characteristics and features of each of the selected stages. These questions are considered in the context of a methodologically significant problem of the essence and content of power relations at a critical stage of Russian history.

Keywords: revolution, peasantry, state power, power relations, peasant self-government, Bolsheviks, village.

Kobeleva E.A.

**THE STRUGGLE OF THE CHEKA WITH MALFEASANCE IN 1919
(ON THE EXAMPLE OF COUNTRYSIDE OF THE PERM PROVINCE)**

This article discusses one of the activities of the local authorities of the Cheka - the fight against official crimes. In 1918, it was limited to the urban environment. The peasantry, which made up the majority of the population, did not encounter the actions of the security agencies in this respect. Chekists have become more active since 1919, when

it became necessary to compile informational materials. The percentage of investigative cases in the Cheka allows us to conclude that this area was not fundamental.

Keywords: Cheka; emergency committee, organs of the Cheka; Perm province; official crimes (crimes by position);

Pankova-Kozochkina T.V.

**VILLAGE PEASANTS
IN THE VILLAGE VILLAGE OF THE SOUTH OF RUSSIA**

The article reveals the process of involving women in Soviet construction under the leadership of the Bolshevik party, when, with the help of female activists, Cossacks and peasant women were drawn into the public life of the pre-collective farm village, which provided social support for the activities undertaken by the Soviet government.

Keywords: Bolsheviks, gender equality, women's organizers, Cossacks, peasant women, patriarchal orders.

Komissarova I.A.

**FIRST CAMPAIGN OF FOOD TAX COLLECTION:
ORGANIZING AND CONDUCTING
ON THE MATERIALS OF IV9*/*ANOVO-VOZNESENSK REGION**

The article will consider some aspects of organizing and conducting of the first campaign on food tax collection in summer and autumn of 1921, problems in organizing the company, complaints of the peasantry, measures of influence and punishment of peasants for tax evasion.

Keywords: food tax, new economic policy, revolutionary tribunal, peasant farm, objects of taxation, prodrabotnik.

Aleshkin P.F., Vasiliev Yu.A.

**COLLISIONS OF TRANSITION TO NEP IN 1921–1922: RECURRENCE
OF MILITARY COMMUNISM AND THE CONTRADICTIONS
OF THE NEW POLICY TOWARDS THE RUSSIAN PEASANTRY**

The article proposes a representation of the controversial transformation of the policy of the Soviet state from the model of military communism to the new economic policy. State power was forced to make concessions to the peasantry. However, strategic party attitudes based on the Marxist paradigm remained unchanged.

Keywords: peasantry, state, military communism, new economic policy, V.I. Lenin.

Kulachkov V.V.

**AN ESSAY ON MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIAL AND LEGAL
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN PEASANTRY
IN THE PERIOD NEW ECONOMIC POLICY**

Abstract. The article deals with the modern historiography of social and legal aspects of the life of peasant society during the new economic policy. The promotion and popularization of the law brought positive results, but the criminal situation was difficult, which was facilitated by a low level of General culture and problems in law enforcement agencies. There was widespread absenteeism of a large part of the peasantry, which

was due to both the traditional distrust of the authorities and a ghostly sense of the temporality of the new economic policy.

Key words: Russian peasantry, modern historiography, new economic policy, social and legal development.

Sablin V.A.

**THE MAIN FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF LAND LEASE
IN THE PROVINCES OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1920S**

Summary: The article reveals the dynamics of land lease in a village in the European North of Russia in the 1920s, determines the types of leases, the nature of the leasing and leasing farms, the forms of leasing land, and the extent of its distribution.

Key words: Types of peasant production, lease relations, economic zones, nature of land lease, forms of lease.

Shapovalov S.N.

PALETTE OF HOLIDAYS IN THE KUBAN VILLAGES IN THE 1920S.

Summary: the article is devoted to the problem of breaking the daily calendar of the inhabitants of the Kuban villages after the end of the Civil War and the establishment of Soviet power in the region. An attempt was made to critically examine the implementation of official Soviet holidays and the crowding out of previous religious celebrations.

Keywords: First may, Kuban village, rally, Easter, Christmas, official Soviet holiday.

Bershadskay O.V.

**TO THE QUESTION OF THE DESTRUCTION OF THE TRADITIONAL PEASANT
WORLD IN THE YEARS OF «GREAT FRACTURE»**

Annotation: The author tried to present the events of the complete collectivization carried out in the USSR at the turn of the 1920–30s using narrative sources.

Key words: «great fracture,» collectivization, narrative sources, traditional peasant world.

Anfertiev I.A.

**INFLUENCE OF THE GOVERNING RCP (B) -VKP (B)
ON THE PROLETARIANIZATION PROCESS
RUSSIAN PEASANTIES IN THE 1920–1930S**

The article analyzes the measures taken by the ruling RCP (b) -VKP (b) in the 1920–1930s to prevent the peasantry from becoming economically stronger, and as a result, preventing the separation of the leaders of the opposition party from the peasant environment, capable of turning into a spontaneous mass movement, to carry out a coup d'état, to destroy the power of the Bolsheviks, to restore pre-revolutionary economic relations in agriculture. In this regard, the introduction of the collective farm system, which finally enslaved the peasants, is a preventive measure of the ruling party to strengthen its own dominance in the country.

Keywords: proletarianization of the Russian peasantry, ruling RCP (b) -VKP (b) in 1920–1930s, Soviet collectivization, collective farm system, new economic policy

Geraskin Y.V.

**THE POWER AND THE CHURCH IN RYAZAN PROVINCE IN THE LATE 20S - FIRST
HALF-30S OF THE TWENTIETH CENTURY**

The article analyzes the state of church-state relations in the Ryazan region during the late 1920s, the first half of the 1930s. Particular attention is paid to collisions during the collectivization of agriculture.

Keywords: Temple, church, monastery, priest, believers, power

Nikolashin V.P.

**THE SITUATION OF TWENTY-FIVE THOUSANDTHS IN A BLACK EARTH VILLAGE AT
THE TURN OF THE 1920–1930S.**

The article examines the activities of twenty-five thousandths in a black earth village during the period of collectivization. Their positions and relationships in the black earth village at the turn of the 1920–1930s are analyzed.

Keywords: twenty-five thousandths, collectivization, chernozem village, peasantry.

Bondarev V.A.

**COLLECTIVE-FARM HUT-LABORATORIES IN THE 1930-IES:
FORMATION, DIRECTION, METHODS AND RESULTS ACTIVITIES
(ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)**

The publication highlights the process of creation and operation of hut-laboratories in the 1930s- institutions designed to promote the development of agricultural technology and agricultural tours in collective farms. The reasons of creation of these institutions are established, the leading directions of their activity which were experimental research and educational work, introduction of results of experiments in collective-farm production, control over the quality of ploughing, sowing and other production operations in the field.

Keywords: agronomist, agronomy, farm, farmers-experimenters, opinion, the, agriculture, hut-laboratory.

Irina O.V.

**LEGAL REGULATION OF ORGANIZED RECRUITMENT OF WORKERS AMONG
PEASANTS IN THE 1930S.**

The article attempts to characterize the regulatory framework of the 1930s, which regulated the processes of state-organized movement of labor from the countryside to the city.

Keywords: rural population, migration, waste management, organized recruitment of labor.

Vlasov V. A., Tishkina A. V.

**OWNERSHIP OF THE FORGE AS A REASON FOR DISPOSSESSION
(ON MATERIALS OF THE PENZA REGION)**

The article deals with the issues related to the dispossession of such a category of peasants of the Penza region as blacksmiths. The main sources of the article are previously unexplored documents of the state archive of the Penza region.

Keywords: the history of Russia, 20th century, economic development; collectivization; dekulakization category blacksmiths among farmers of the Penza region.

Izyumova L.V.

FEATURES OF THE MATERIAL SITUATION OF THE COLLECTIVE FARMERS IN THE 1930–1960S

The article shows the features of the material situation of various categories of collective farm peasantry, analyzes the main changes in the system for labour in 1930–1960s. The source basis of the research includes legislative acts, documentation of Ministry of Agriculture of Russian Federation and regional agrarian bodies. It is shown that the wage system of collective farm managers was different from the wage of ordinary collective farmers.

Keywords: collective farm, collective farm production, collective farm peasantry, workday, payment for labour, remuneration.

Zaiceva L.A.

INFLUENCE OF THE LAND REFORM OF 1903 ON SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRYSIDE OF THE BURYAT-MONGOLIA

The article deals with the main issues of the land reform of 1903 held in the Buryat-Mongolian republic. Among the key points of this reform are the liquidation of pre-revolutionary land relations, arrangement of conditions to transfer nomadic and semi-nomadic population for sedentary lifestyle and land provision for collective and state farms. The article also analyses the influence of the land reform on social and cultural development of the countryside.

Keywords: land, a reform, the Buryat-Mongolian republic, a collective farm, settling collectively, nomadic population, lifestyle.

Poliakov V.A.

LABOR ORGANIZATION IN THE SOVKHOZES AS ONE OF THE FACTORS CAUSING THE SOVIET FAMINE IN THE BEGINNING OF THE 1930S: ON THE MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION

The article examines the labor organization in large livestock and grain Soviet farms the irrational nature of which was one of the factors causing the famine in the beginning of the 1930s.

Keywords: RCP(b); machine tractor station; machine tractor workshop; Soviet farm; political department; working class; tractor driver; collective farm; trudoden; famine.

Skorik A.P.

ADVANCED KUBAN COLLECTIVE FARM AFTER THE «WRECKAGE OF SABOTAGE» OF 1932

The article, using the example of the advanced Kuban collective farm «Khleborob-Lenin No. 2», examines the socio-economic indicators of a separate agricultural cartel, which allow us to record the real consequences of the implementation of the Stalinist agrarian policy.

Key words: agronomist, team, collective farm, performance, award, drummer.

Berlov A.V.

**CONTRIBUTION OF RUSSIAN EMIGRATION TO SCIENTIFIC AGRARIAN THOUGHT
IN EUROPE (1920–1939)**

Abstract. The emigration of Russian agricultural scientists after the revolutionary turmoil in Russia has led to a flourishing agrarian thoughts abroad, especially in some European countries, which formed the powerful centers of Russian science. The most influential scientific community originated in Czech Republic, Germany and the France, where the Government has created favorable conditions for agricultural specialists from the Tsarist Russia. Unique experience in the management of agricultural institutions formed in the Russian emigration.

Key words: agrarian emigration; agriculture; scientific thought; Earth; the peasantry, institutions of the agricultural research thoughts.

Kometchikov I.V.

**ON THE QUESTION OF THE PERIODIZATION OF THE DEMINING OF WESTERN
RUSSIAN COUNTRYSIDE IN THE 1940TH TILL THE MID 1950TH**

The history of the demining of western Russian countryside in the 1940rh till the mid-1950th is regarded as a part of conflicting relationship between the authorities and collective farm countryside. The article gives its periodization, shows the change of executive methods to perform it with the help of the citizens by demining on request by the special divisions, and describes the course and the results of demining.

Key words: western Russian countryside, demining, the Society of assistance to defense, aviation and chemical construction, the Volunteer Society of assistance to the Army, soldier-miners, the authorities and collective farm countryside in the 1940rh till the mid-1950th

Sagatelyan G. Sh.

**AGRICULTURE OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION
IN THE FIRST POST-WAR FIVE-YEAR PLANS**

The problems connected with the situation of agriculture of the Nizhny Novgorod (Gorky) region in the first post-war five-year plans are considered. It is noted that, giving priority to the restoration and development of industry, the authorities doomed agriculture to survival and in spite of all local initiatives, to overcome the crisis of the village until the end of the 50s failed

Ishchenko Yu.V., Ishchenko A.V., Tikhonov A.R.

**STATE PLANNING AND PRODUCTIVE FORCES OF THE RUSSIAN VILLAGE UNDER
THE CONDITIONS OF STALINISM AND KHRUSHCHEV DECENTRALIZATION:
SECOND HALF OF THE 1940TH – OF THE 1950TH YEARS**

The article, based on the analysis of sources and literature in regional and all-Russian contexts, considers the practice of planning in the 1940s-1950 «s in relation to the productive forces of the agricultural industry.

Keywords: Decentralization, productive forces, agriculture, planning, logistics, cost reduction.

Konyshov D.N.

VYATKA VILLAGE IN 1945–1953: BETWEEN THE WAR AND THE «THAW»

This publication examines the state of development of the Soviet village after the end of the great Patriotic war. For example, the rear region, which was the Kirov oblast, analyzed the main directions of agrarian policy, development of agriculture and the standard of living of the peasantry.

Sokolov A.S.

**DIFFICULTIES OF RESTORATION OF THE VILLAGE IN THE POSTWAR PERIOD
(1946–1950): BASED ON THE MATERIALS OF THE RYAZAN REGION**

The problem of interrelation of processes of economic and political transformations and development of public moods of peasants of the Ryazan region after the end of the great Patriotic war is considered. Features of moods of rural inhabitants, problems of daily life of the Soviet collective farmers in post-war time are revealed.

Keywords: Ryazan region, peasantry, famine, social psychology, postwar period.

Filatov S.V.

**FROM AGRICULTURAL TOWNS TO A NON-PROSPECTIVE VILLAGE (FROM THE
HISTORY OF 1950-S AGRARIAN POLITICS)**

Based on the analysis of published statistics and historical sources, the article considers the problems of the formation of policies for the consolidation of agricultural artels and the sowing of small villages. The focus of attention is on the initiative of N.S. Khrushchev on consolidation of collective farms and construction of agro-towns, which was developed in the 1950s. The thesis on the beginning of destruction of the artel type of collective economy inextricably connected with the land and residence of peasants since the early 1950s is put forward.

Keywords: peasant, agrarian policy, collective farm, village, agricultural town, non-prospective village.

Polkh P.P.

**APPEALS OF THE AUTHORITIES OF THE KALININGRAD REGION TO THE HIGHER
AND CENTRAL AUTHORITIES ON THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN THE
FIRST HALF OF THE 1950S.**

The article deals with the appeals of the Regional Committee of the CPSU of the Kaliningrad region to the higher and Central state authorities with requests for assistance in the development of agriculture in the new Soviet territory. The thesis about the special attention of the Soviet leadership to the agricultural production of the region is substantiated.

Keywords: the USSR in the post-war years, agriculture, state authorities and management, collective farms, state farms, Kaliningrad region

Tomilin V.N.

**POLITICAL AND IDEOLOGICAL SUPPORT OF THE ADOPTION OF THE AGRARIAN
REFORM OF 1958 IN THE USSR**

The article is devoted to the study of the political and ideological campaign in the USSR, carried out by the authorities in order to give the population a positive perception

of the agrarian reform of 1958 on the reorganization of machine and tractor stations.

Keywords: CPSU, agrarian policy of the Soviet state, collective farms, machine and tractor stations, agriculture, reform of 1958

Shevelkov A.I.

MARCH (1965) PLENUM OF THE CPSU CENTRAL COMMITTEE: ON THE HISTORY OF PREPARATION AND DECISION-MAKING.

The article discusses the process of preparation for the March (1965) Plenum of the CPSU Central Committee, the development and content of individual documents that formed the basis of the state's agricultural policy in the 1965–1980s.

Keywords: Central Committee Plenum, agriculture, agricultural policy, draft resolution.

Alekseenko O.I.

FROM THE EXPERIENCE OF MANAGEMENT BY THE DEVELOPMENT OF PRODUCTION OF CHEMICAL SUBSTANCES FOR AGRICULTURE OF KRASNODARSKY AND STAVROPOL REGIONS IN THE 1966–1980-IES

The paper considered the actions taken by the local authorities of the Kuban and Stavropol Regions for developing production of chemical agents for farming over the period from 1966 to the 1980-ies (Nevinnomyssk chemical complex, the Krasnodar chemical plant, Chemical plant in the Kropotkin town).

Key words: USSR, Kuban Region, Stavropol Region, industrial farming sector, chemical industry, mineral fertilizers.

Serovajsky N.A.

A COURSE ON THE CHEMICALIZATION OF AGRICULTURE AND ITS IMPLEMENTATION IN THE KUBAN REGION (THE 1960S–1980S.)

The article deals with the problems of development of chemicals in agriculture of Kuban in the 1960s–1980s. It is shown that the increase in the supply of mineral fertilizers to agricultural enterprises of the region contributed to the increase in crop yields and, at the same time, had a negative impact on the environment.

Keywords: chemicalization, agriculture, farm, farm. mineral fertilizers, agricultural machinery

Zaelskaya S.A.

THE MAIN ACTIVITIES OF PROFESSIONAL THEATERS OF THE URALS IN THE CULTURAL SERVICES OF RURAL SPECTATORS IN THE 1970S.

The article on the materials of the Urals explores new forms and methods in the practice of professional theater groups on touring, providing patronage assistance, building creative ties with rural spectators.

Keywords: professional theatrical art, rural cultural services, theater groups, tours, sponsorship, theater branch, Ural.

Orlov D.S.

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC SECTOR OF THE AGRICULTURAL PRODUCTION OF THE TOMSK REGION IN 1960-1980-S

A phased reconstruction of the main trends in the development of the structure of the agrarian sector of the Tomsk region in the 1960-1980s is carried out. The transformation of the public sector of agricultural production, the processes of transformation of collective farms into state farms, the increase in the share of the public sector in gross production are analyzed.

Keywords: agrarian policy, agriculture, state farms, collective farms, Tomsk region.

Karnachyov, A.E.

INCREASING WAGES FOR WORKERS IN THE VILLAGE OF BURYATIA IN THE 1960S AND 1980S

In the 1960s and 1980s, rural Buryatia experienced a dynamic increase in the monetary wages of rural workers, which generally reflected the Soviet government's policy of bringing living standards closer between the city and the countryside. Wages of collective farmers and wages of workers of state farms tended to increase.

Keywords: agricultural, income, collective farm, state farm, wages, increase, village, work.

Logunova I.V.

CHANGES IN THE LEGAL STATUS OF AGRICULTURAL WORKERS DURING THE AGRARIAN REFORM OF THE 1990S.

The article deals with the legal status of agricultural workers by analyzing the demand for the rights of owners of land shares granted to them during the agrarian reform of the 1990s on the materials of the regions of the Central Chernozem region.

Keyword: agrarian reform, Central black earth, agricultural workers, ownership, land share, property share.

Krainov G.N.

TYOLOGY OF FARMS IN MODERN RUSSIA

The article analyzes the typology of farms in modern Russia. The factors distinguishing peasant (farm) farms from other small forms of farming in rural areas are revealed. The main features of typologization are determined and the author's classification is carried out on the basis of the most common features of peasant (farm) farms: the size of land use, specialization, availability of employees, organizational and legal status, profitability.

Keywords: peasant (farm) farms (KFH), farms, small business (MFH), personal subsidiary farms (LPH), individual entrepreneurship, typology, classification, Russia.

Shirokalova G.S.

PRODUCT CARDS: WHY AND TO WHOM...

Based on statistical data, the article analyzes the purchasing power of Russians as a reason for developing a state program to support low-income citizens using food cards. The attitude to this form of assistance to social groups at risk is presented through WCION.

Keywords: grocery cards, low-income Russians, statistics, food sharing, freegans.

СОДЕРЖАНИЕ

Кондрашин В.В. Актуальные проблемы аграрной истории России XX в.	3
Милосердов В.В. Земля — фундамент державы российской.....	13
Никулин В.Н. Граф В.Н. Панин в редакционных комиссиях.....	26
Долгих А.Н. О правовом статусе дворовых людей в России в крепостническую эпоху.....	32
Наухацкий В.В. Реформа 1861 г. и становление гражданского общества: институциональные и правовые препятствия.....	37
Федина И.М. Межевание и землеустройство войсковых земель Черноморских казаков в конце XVIII–начале XIX в.	44
Блохин В.В. Либеральные экономисты о мерах по решению крестьянского вопроса в России в середине XIX – начала XX вв.	50
Свиридов И.С. Пробуждение самосознания великорусского крестьянства в начале XX в.	55
Мийманбаева Ф.Н., Нода Л.П. Деятельность чиновников Переселенческого управления в Туркестанском крае в начале XX в.	61
Бундак Е.А. Трансформация общественно-политического и правового статуса украинского крестьянства Российской империи в начале XX в.	66
Жиров Н.А. Аграрное движение в Елецком уезде Орловской губернии в начале XX в.	76
Михайлюк А.В. Демографические процессы в крестьянской среде Российской империи конца XIX–начала XX вв.....	81
Жукова В.С. Праздники в жизни крестьян Европейского Севера России 1911–1930-х гг. (По материалам крестьянских дневников и воспоминаний).....	88
Токарев Н.В. Миграционные связи Тамбовской губернии в ходе столыпинского переустройства российской деревни.....	95
Багдасарян С.Д. Хулиганство в доколхозной деревне Юга России: распространение и меры противодействия.....	101
Романченко В.Я. Взаимоотношения государственной власти и крестьянства в Великой русской революции: этапы трансформации.....	108

Кобелева Е.А. Борьба органов ВЧК с должностными преступлениями в 1919 г. (На примере сельской местности Пермской губернии).....	114
Панкова-Козочкина Т.В. Крестьянки-делегатки в доколхозной деревне Юга России.....	119
Комиссарова И.А. Первая кампания по сбору продналога: организация и проведение (На материалах Иваново-Вознесенской губернии).....	127
Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Коллизии перехода к НЭПу в 1921–1922 гг.: рецидивы военного коммунизма и противоречия новой политики в отношении российского крестьянства.....	135
Кулачков В.В. Очерк современной историографии социально-правового развития российского крестьянства в период новой экономической политики.....	141
Саблин В.А. Основные факторы развития аренды земли в губерниях Европейского Севера России в 1920-е гг.	149
Шаповалов С.Н. Палитра праздников в кубанских станицах в 1920-е гг.	154
Бершадская О.В. К вопросу об уничтожении традиционного крестьянского мира в годы «великого перелома»	160
Анфертьев И.А. Влияние правящей РКП(б)-ВКП(б) на процесс пролетаризации российского крестьянства в 1920–1930-е гг.	165
Гераськин Ю.В. Власть и церковь в Рязанской провинции в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XX в.	172
Николашин В.П. Положение двадцатипяти тысячников в черноземной деревне на рубеже 1920–1930-х гг.	178
Бондарев В.А. Колхозные хаты-лаборатории в 1930-х гг.: факторы формирования, направления, методы и результаты деятельности (На материалах Юга России).....	185
Ильина О. В. Правовое регулирование организованного набора рабочих среди крестьян в 1930-е гг.	191
Власов В.А., Тишкина А.В. Владение кузницей как повод к раскулачиванию (По материалам Пензенского края).....	196
Изюмова Л.В. Особенности материального положения колхозного крестьянства в 1930–1960-е гг.	203
Зайцева Л.А. Влияние земельной реформы 1930 г. на социальное и культурное развитие села Бурят-Монголии.....	208

Поляков В.А. Организация труда в совхозах как один из факторов, обусловивших голод в начале 1930-х гг.: на материалах Нижне-Волжского края	215
Скорик А.П. Передовой кубанский колхоз после «слова саботажа» 1932 г.	222
Берлов А.В. Вклад русской эмиграции в научную аграрную мысль в Европе (1920–1939 гг.)	230
Кометчиков И.В. О периодизации истории разминирования западнорусской деревни в 1940-е – середине 1950-х гг.	236
Сагателян Г.Ш. Сельское хозяйство Нижегородской области в первые послевоенные пятилетки.....	242
Ищенко Ю.В., Ищенко А.В., Тихонов А.Р. Государственное планирование и производительные силы российской деревни в условиях сталинизма и хрущевской децентрализации: вторая половина 1940-х – 50-е гг.	249
Коньшев Д.Н. Вятская деревня в 1945–1953 гг.: между войной и «оттепелью».....	254
Соколов А.С. Трудности восстановления деревни в послевоенное время (1946–1950 гг.): по материалам Рязанской области	261
Филатов С.В. От агрогородов к неперспективной деревне (из истории аграрной политики 1950-х гг.).....	267
Полх П.П. Обращения органов власти Калининградской области в высшие и центральные инстанции по вопросам развития сельского хозяйства в первой половине 1950-х гг.	272
Томилин В.Н. Политико-идеологическое обеспечение принятия аграрной реформы 1958 г. в СССР.....	278
Шевельков А.И. Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС: к истории подготовки и принятия его решений	284
Алексеенко О.И. Из опыта руководства развитием производства химических веществ для сельского хозяйства Краснодарского и Ставропольского краев в 1966–1980 гг.....	290
Серогодский Н.А. Курс на химизацию сельского хозяйства и его реализация на Кубани (1960–1980-е гг.).....	297
Заельская С.А. Основные направления деятельности профессиональных театров Урала по культурному обслуживанию сельского зрителя в 1970-е гг.....	303
Орлов Д.С. Трансформация общественного сектора агропроизводства Томской области в 1960–1980-е гг.	309

Карначёв А.Е. Роль общественных фондов потребления в структуре доходов сельских жителей Бурятии в 1970–1980-е гг.	312
Логунова И.В. Изменения в правовом положении работников сельхозпредприятий в годы аграрной реформы 1990-х гг.	316
Крайнов Г.Н. Типология фермерских хозяйств в современной России	319
Широкалова Г.С. Продуктовые карты: почему и кому.....	325

Научное издание

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО
В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*Сборник статей
Международной научно-практической конференции*

Составит. и отв. ред.:
В.В. Кондрашин, А.И. Шевельков

Подписано в печать 25.03.2020 г.
Формат 60X84 1/16 Усл. печ. л. 20,2
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в типографии
ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
107140, г. Москва, пер. 1-й Красносельский, д.3, оф.17

Участники II-й Международной научно-практической конференции
«Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века»
(24-26 сентября 2009 г., г Коломна)

